

NARTAMONGÆ

The Journal of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History



Vol. VI

№1-2

2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ
ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ЦЕНТР СКИФО-АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В. И. АБАЕВА

INSTITUT NATIONAL DES LANGUES ET CIVILISATIONS ORIENTALES
CENTRE D'ÉTUDES RUSSES ET EURASIENNES

NARTAMONGÆ

Журнал
Алано-Осетинских Исследований:
Эпос, Мифология, Язык, История



Allon-Iron
Irtasænty Zurnal:
Epos, Mifologi, Ævzag, Istori

2009

Vol. VI

№ 1, 2

Dzæwdžyqæw/Vladikavkaz – Paris

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ
ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ЦЕНТР СКИФО-АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В. И. АБАЕВА

INSTITUT NATIONAL DES LANGUES ET CIVILISATIONS ORIENTALES
CENTRE D'ÉTUDES RUSSES ET EURASIENNES

NARTAMONGÆ

Revue
d'Études Alano-Ossétiques:
Épopée, Mythologie, Langage, Histoire



The Journal
of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History

2009

Vol. VI

№ 1, 2

Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw

The Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies

is a new academic institution devoted to the scholarly study of Culture, History and Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia. It was established in its present form by the Russian Academy of Sciences as a part of its North Ossetian Branch in Vladikavkaz.

The Abaev Centre's Periodical,

NARTAMONGÆ

The Journal of Alano-Ossetic Studies:

Epic, Mythology, Language, History

is published twice a year in collaboration with the Centre d'Études russes et eurasiennes of Institut National des Langues et Civilisations Orientales, Paris.

Current rates for subscriptions for the volume (calendar year):

Institutions \$ 50 p.a.

Private individuals \$ 40 p.a.

(Please add \$ 12.00 postage for non-Russian addresses)

Single issues of the NARTAMONGÆ may be purchased for \$ 25.00. For further information on how to pay or for any other questions, please contact:

RUSSIAN FEDERATION, 362040, Republic of North Ossetia-Alania, VLADIKAVKAZ, Prospect Mira,10. The Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies

© Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, 2009
© Издательство «Проект-Пресс», 2009

*На обложке репродукция картины Туганова М. С. «Пир нартов»..
There is a reproduction of Tuganov M. S. «The Feast of Narts» on the cover.*

NARTAMONGÆ
The Journal of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History

Rédacteurs en chef – General Editors
Главные редакторы

François CORNILLOT
(INALCO, Paris)

Bagrat TEKHOV
(The Abaev Centre for Scytho-Alanic Studies, Vladikavkaz)

Rédacteurs – Editors
Редакторы

Agustí ALEMANY
(Universitat Autònoma de Barcelona)

Yuri DZITTSOITY
(South Ossetian State University)

Conseil Scientifique International – International Scientific Board –
Международный научный совет

Françoise BADER (E.P.H.E, Paris)
Georges CHARACHIDZÉ (Institut de France)
Gadži GAMZATOV (Russian Academy of Sciences)
Askold IVANTCHIK (Russian Academy of Sciences)
Nikolas KAZANSKY (Russian Academy of Sciences)
Jean KELLENS (Collège de France)
Alexander LUBOTSKY (Leiden University)
Antonio PANAINO (Università degli studi di Bologna)
Adriano ROSSI (Istituto Universitario Orientale, Napoli)
Felix SLANOV (The *Aryāna*- Company, Moscow)
Yuri VOROTNIKOV (Russian Academy of Sciences)

CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ
SOMMAIRE

<i>Alexander LUBOTSKY</i> . Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations.....	7
Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. О распространении иранских племен на территории Ирана.....	24
В. П. АБАЕВ. Из иранской ономастики.....	74
З. Н. ВАНЕЕВ. Народное предание о происхождении осетин (к проблеме общественного строя Овского царства).....	95
Ибраһ АЛИЕВ. Сармато-аланы на пути в Иран.....	114
Ronald KIM. On the Historical Phonology of Ossetic: the Origin of the Oblique Case Suffix.....	131
L. GAÁL. Ursprung des Ossetischen Verbalpräfixes <i>ra-</i>	175
Р. А. ЦАБОЛОВ. К истории осетинских превербов.....	191
Н. Я. ГАБАРАЕВ. Некоторые тревожные проблемы осетинского языка.....	239
Agusti ALEMANY. La Lengua de los Alanos: Problemática General.....	264
I. A. RICHMOND. The Sarmatae, <i>Bremetennacvm Veteranorvm</i> and the <i>Regio Bremetennacensis</i>	273
Ю. С. ГАГЛОИТИ. Сведения Страбона о горцах эллинистической Иберии.....	298
К. К. КОЧИЕВ. Опыт осетиноведческого комментария к рассказу Геродота об Эксампее и котле Арианта.....	319

SELECTED NARTÆ TALES

The Legend about Nart Uruzmag and Batradz the Son of Hamits.....	346
<i>Tamerlan A. GURIEV</i> . What's Behind an Epic Name.....	350

РЕЦЕНЗИЯ

Т. А. ГУРИЕВ. Скифские элементы в искусстве Индии (<i>Заметки о книге Swati Ray «Scythian Elements in Early Indian Art». New Delhi, 2009</i>).....	355
--	-----

Alexander LUBOTSKY

**EARLY CONTACTS BETWEEN URALIC
AND INDO-EUROPEAN: LINGUISTIC
AND ARCHAEOLOGICAL CONSIDERATIONS**

The Indo-Iranian Substratum

1. Study of loanwords can be a powerful tool for determining prehistoric cultural contacts and migrations, but this instrument is used very differently in various disciplines. For instance, loanword studies are fully accepted in Uralic linguistics, whereas Indo-Europeanists are often reluctant to acknowledge a foreign origin for words attested in Indo-European languages. The reason is obvious: in Uralic, we know the source of borrowings (Indo-Iranian, Germanic, Baltic), but the source of possible Indo-European loans is usually unknown. Nevertheless, it is a matter of great importance to distinguish between inherited lexicon and borrowings, even if the donor language cannot be determined.

In recent years, the methodology of dealing with borrowings from an unknown source has been developed by Kuiper (1991; 1995), and applied by Beekes (1996) and Schrijver (1997). As these scholars have pointed out, an etymon is likely to be a loanword if it is characterized by some of the following features: 1) limited geographical distribution; 2) phonological or morphological irregularity; 3) unusual phonology; 4) unusual word formation; 5) specific semantics, i.e. a word belongs to a semantic category which is particularly liable to borrowing.

2. In my paper, I shall apply this methodology to the Indo-Iranian lexicon in search of loanwords which have entered Proto-Indo-Iranian before its split into two branches. As a basis for my study I use the list, gleaned from Mayrhofer's EWAia, of all Sanskrit etyma which have Iranian correspondences, but lack clear cognates outside Indo-Iranian. The complete list of some 120 Indo-Iranian isolates is presented in the Appendix.

The words of this list are by default characterized by the first of the above-mentioned criteria, viz. limited geographical distribution, but this in itself is not very significant because the lack of an Indo-European etymology

may be accidental: either all other branches have lost the etymon preserved in Indo-Iranian, or we have not yet found the correct etymology. Only if a word has other features of a borrowing must we seriously consider its being of foreign origin. The analysis of phonological, morphological and semantic peculiarities of our corpus will be presented in the following sections, but first I would like to make two remarks.

I use the term “substratum” for any donor language, without implying sociological differences in its status, so that “substratum” may refer to an adstratum or even superstratum. It is possible that Proto-Indo-Iranian borrowed words from more than one language and had thus more than one substratum.

Another point concerns dialect differentiation. In general, we can speak of language unity as long as the language is capable of carrying out common innovations, but this does not preclude profound differences among the dialects. In the case of Indo-Iranian, there may have been early differentiation between the Indo-Aryan and Iranian branches, especially if we assume that the Iranian loss of aspiration in voiced aspirated stops was a dialectal feature which Iranian shared with Balto-Slavic and Germanic (cf. KORTLANDT 1978: 115). Nevertheless, Proto-Indo-Iranian for a long time remained a dialectal unity, possibly even up to the moment when the Indo-Aryans crossed the Hindukush mountain range and lost contact with the Iranians.

3. Let us now look at the peculiar features displayed by some of the words from the corpus¹.

3.1. Irregular correspondences

In anlaut:

Skt. *s-*: PIr. **s-* (Skt. *sīkatā-*: OP *ḍikā-* ‘sand’; Skt. *sūcī-*: LAv. *sūkā-* ‘needle’);

Skt. *k-*: PIr. **g-* (Skt. *kéśa-* ‘hair’: LAv. *gaēsa-* ‘curly hair’);

Skt. *ph-*: PIr. **sp-* (Skt. *phāla-*: MoP *supār* ‘ploughshare’);

Skt. *ś-*: PIr. **xšy-* (Skt. *śépa-*, but Prākṛit *cheppā-*: LAv. *xšuuāēpā-* ‘tail’).

¹ We should not be discouraged by the often “normal” looks of a word: the early date of borrowing may be responsible for the fact that the loanwords were adjusted to the phonemic system of that moment and went through the whole historical development of the Indo-Iranian languages. Note that I did not use the laryngeals in the reconstructions because for the time being we do not know at which stage and in which form the words were adjusted to the Indo-Iranian phonemic system.

In inlaut:

Skt. *-a-*: PIr. **-u-* (Skt. *jáhakā-*: LAv. *dužuka-*, Bal. *jajuk*, *dužux*, MoP *žūža* ‘hedgehog’);

Skt. *-ā-*: PIr. **-a-* (Skt. *chāga-*: Oss. *sæg/sæǵæ* ‘billy-goat’; Skt. *āsā-* f.: LAv. *asah-* n. ‘region, space’);

Skt. *-v-*: PIr. **-b-* (Skt. *gandharvá-*: LAv. *gaṇḍarəβa-* ‘a mythical being’);

Skt. *-dh-*: PIr. **-t-* (Skt. *gandhá-* ‘smell’: LAv. *gaiṇti-* ‘bad smell’);

Skt. *-ar-*: PIr. **-ra-* (Skt. *átharvan-*: Av. *āθrauuān-/aθaurun-* ‘priest’);

Skt. *-ar-*: PIr. **-r-* (Skt. *gandharvá-*: LAv. *gaṇḍarəβa-* ‘a mythical being’);

Skt. *-ūr-*: PIr. **-r-* (Skt. *dūrśá-* ‘coarse garment’: Wakhi *ðars* ‘wool of a goat or a yak’).

3.2. Impossible root structure for an Indo-European word

There is a well-known root structure constraint in Proto-Indo-European, which does not permit two unaspirated voiced stops within a root. This means that **gadā-* ‘club’ and **grda-* ‘penis’ could not have been formed in the Indo-European proto-language.

3.3. Unusual structure (trisyllabic nouns with long middle syllable)

**pīūša-* ‘biestings’, **maiūk^ha-* ‘wooden peg’, **iavīā-* ‘canal’, **uarāj^ha-* ‘wild boar’, **kapauta-* ‘pigeon’, **kapāra-* ‘vessel, dish’.

The structure of these words is such that it is very difficult to explain them on the basis of IE morphology. For instance, Mayrhofer (EWAia II, p. 138) writes about Skt. *pīyūša-* ‘biestings’: “Gewiß zu *PAY^{II}* [‘to swell’], *páyas-* [‘milk, fluid’] gehörig” with a reference to Wackernagel 1954: 500. Wackernagel assumes in this word a suffix *-ūša-*, which is further only found in the late Sanskrit words *gaṇḍūša-* ‘water for rinsing the mouth’ and *mañjūṣā-* ‘box, chest’ (to which we may add RV *āṅgūśá-* ‘hymn’, KUIPER 1991: 19, 23), all of them being evident loanwords. Furthermore, even postulating a suffix *-ūša-* in *pīyūša-* does not solve all the problems, since we are still left with an unexplained long *ī*. The foreign origin of *pīyūša-* was already suggested by KUIPER (1968: 80; 1991: 46).

3.4. Phonetic peculiarities

Voiceless aspirates:

**(s)p^hāra-* ‘ploughshare’, **at^haruān-* ‘priest’, **kap^ha-* ‘mucus, phlegm’, **k^hā-* ‘well, source’, **k^hara-* ‘donkey’, **maiūk^ha-* ‘wooden peg’. Extremely frequent palatal stops: **anću-* ‘Soma plant’, **ācā-/ačas-* ‘region, space’, **ćarua-* name of a deity, **daćā-* ‘hem, thread’, **dřća-/dřća-* ‘coarse garment’, **j^harmiia-* ‘firm structure’, **kaćiapa-* ‘tortoise’, **kaića-/gaića-* ‘head hair’,

**kućši*- ‘side of the body, flank’, **malj^ha*- (?) ‘belly’, **naij(s)*- ‘spit’, **ućig*- ‘sacrificing priest’, **uarāj^ha*- ‘wild boar’, etc.

Frequent clusters with *-s-*: **kućši*- ‘side of the body, flank’, **urćša*- ‘tree’, **matsia*- ‘fish’, **naij(s)* ‘spit’, **kšira*- ‘milk’, **pusca*- ‘tail’, **scāga*- ‘billy-goat’.

3.5. Peculiar word formation

“Suffix” *-ka-* (normally only denominal): **atka*- ‘cloak’, **stuka*- ‘tuft of hair’, **urtka*- ‘kidney’, **ja^ha/ukā*- ‘hedgheg’;

“Suffix” *-sa-* (rare in the inherited lexicon): **pīiūša*- ‘biestings’, **urćša*- ‘tree’;

“Suffix” *-pa-*: **kaćiapa*- ‘tortoise’, **pāpa*- ‘bad’, **stūpa*- ‘tuft of hair’, **šuaipa*- ‘tail’;

Other unusual suffixation:

**stu-ka-* vs. **stū-pa-* ‘tuft of hair’, **nagna(j^hu)*- (Skt. *nagnáhu*- m. ‘yeast’, Iran. **nagna*- ‘bread’), **karuš*- ‘damaged (teeth)’, **j^harm(i)ia*- ‘firm structure, permanent house’, **matsia*- ‘fish’, **naij(s)*- ‘spit’, **ućig*- ‘sacrificing priest’, **b^hišaj* (Skt. *bhišáj*- m. ‘physician’; LAv. *bišaziia*- ‘to cure’), **pavastā*- ‘cloth’.

3.6. Semantic categories

We can suspect that some words have been borrowed because they belong to a specific semantic field, even if they display no phonological or morphological anomalies. For instance, I assume that the religious terms **anći*- ‘Soma plant’, **carua*- name of a god, **mag^ha*- ‘gift, offering, sacrifice’ are likely to be loanwords. These words belong to the cult of Soma-drinking Aryans and thus form a semantically closely related group. The other members of the group do show anomalies: **at^haruan*- ‘priest’ and **g^(h)and^haru/b^(h)a*- ‘a mythical being’ have irregular correspondences, **indra*- shows irregular vocalization, **riši*- ‘seer’ has irregular accentuation in Sanskrit, while **ućig*- ‘sacrificing priest’ has an unusual morphological structure.

Also for semantic reasons, I assume foreign origin for words like **dačā*- f. ‘hem, thread’, **išt(i)a*- ‘brick’, **uāći*- f. ‘axe, pointed knife’, etc.

3.7. In general, we can state that although the foreign origin of some of the words is open to doubt, there is a small, but undisputable body of loanwords in Indo-Iranian². Our next task is to scrutinize the structure of the Indo-Iranian substratum.

² During the discussion of my paper in Tvärminne, Professor E. Helimski stressed the point that the number of Indo-Iranian loanwords is relatively small, so that the homeland of the Indo-Iranians is likely to be not so far from the Urheimat of the Indo-Europeans.

4.1. The phonological and morphological features of Indo-Iranian loanwords are strikingly similar to those which are characteristic of *Sanskrit* loanwords, i.e. words which are only attested in Sanskrit and which must have entered the language after the Indo-Aryans had crossed Hindukush. The structure of Sanskrit loanwords has been discussed by Kuiper (1991), so that a few examples will suffice.

The *maiūk^ha*-type (trisyllabic words with long middle syllable) is abundantly attested in the foreign vocabulary of Sanskrit, cf. *urvārú-* f. ‘cucumber’, *úlúka-* m. ‘owl’, *uṣṇíṣa-* m.n. ‘turban’, *ṛbīsa-* n. ‘oven’, *kapolá-* m. ‘cheek’, *kárīṣa-* n. ‘dung’, *kilāsa-* adj. ‘of variegated color’, *kiṣorá-* ‘foal’, *mayúra-* m. ‘peacock’, *masúra-* m. ‘lentil’, *śārdūlá-* m. ‘tiger’, *śṛgālá-* m. ‘jackal’, etc.³

Voiceless aspirates are represented e.g. in *ulúkhala-* n. ‘mortar’, *khilá-* m. ‘uncultivated land’, *khārī-* f. ‘measure of grain’, *kharvá-* adj. ‘mutilated’, *phála-* n. ‘fruit’, *múkha-* n. ‘mouth, face’, *śíkhā-* f. ‘tuft of hair, crest’.

Palatal stops are very frequent. For instance, in Kuiper’s list of 383 foreign words in the RV I counted more than 90 words containing palatal *ś*, *j*, *ch* and *h*.

Clusters with *-s-* are: *kṣauma-* adj. ‘linen’ (cf. also *úmā-* ‘id.’), *chúbuka-* n. ‘chin’, *mukṣṛjā-* ‘?’ (V), *ikṣvákú-* NPr. (RV), *kútsa-* NPr. (RV), *kṣúmpa-* ‘?’ (RV 1.84.8), etc.

For the “suffix” *-pa-* cf. *álpa-* adj. ‘small’, *turīpa-* n. ‘seminal fluid’, *púṣpa-* n. ‘flower’, *śáṣpa-* n. ‘young grass, moulted barley’, *śilpá-* adj. ‘variegated’ (also *śilpa-* n. ‘ornament’), *śúrpa-* n. ‘winnowing basket’, etc.

For the “suffix” *-h-* cf. *malhá-* adj. ‘with hanging belly/udder’ (said of goats and ewes) vs. *bárjaha-* ‘udder’, *barjahyà-* ‘nipple’.

For the “suffix” *-ig-* cf. *ṛtvij-* ‘priest’, *vanij-* ‘merchant’, *bhurij-* ‘?’.

For the sequence *-ru-* cf. *urvārú* f. ‘cucumber’, *kharvá-* adj. ‘mutilated’, *turvása-* NPr., *pátharvan-* NPr. (RV 1.112.17), *phárvara-* ‘?’ (RV 10.106.2), probably *śárvarī-* ‘night’.

4.2. The phonological and morphological similarity of loanwords in Proto-Indo-Iranian and in Sanskrit has important consequences. First of all, it indicates that, to put it carefully, a substratum of Indo-Iranian and a substratum of Indo-Aryan represent the same language, or, at any rate, two dialects of the

³ Cf. also *ulúkhala-* n. ‘mortar’ with four syllables. In my opinion, also *karmāra-* m. ‘blacksmith’ is a loanword and is not derived from the root *kṛ-* ‘to make’, as is usually assumed. Also Skt. *pṛdāku-* ‘panther; kind of snake’ seems to be borrowed from the same language (the eventual origin of the word must be sought in the Near East, cf. the Iranian words Sogd. *pwrōnk-*, MiP *palang*, etc., Gr. *πάρδαλις* ‘leopard’).

same language. In order to account for this fact, we are bound to assume that the language of the original population of the towns of Central Asia, where the Indo-Iranians must have arrived in the second millennium BCE, on the one hand, and the language spoken in Punjab, the homeland of the Indo-Aryans, on the other, were intimately related⁴. At the present stage, it is useless to speculate about the possible identity of these languages, but this does not affect the argument.

Another consequence is that the Indo-Iranians must still have formed a kind of unity during their stay in Central Asia, albeit perhaps dialectally diversified. Judging by the later spread of the Indo-Aryans - to the south-west in the case of the Mitanni kingdom and to the south-east during their move to Punjab -, they were situated to the south of the Iranians, forming the vanguard, so to speak, of the Indo-Iranian movement. Accordingly, the Indo-Aryans were presumably the first who came into contact with foreign tribes and sometimes “passed on” loanwords to the Iranians. In this way, we may account for the difference between Skt. *sikatā-* and Iranian **sikatā-* ‘sand, gravel’ or Skt. *sūcī-* and Iranian **sūcī-* ‘needle’, which cannot reflect a single proto-form. At the stage when words with Skt. *s-* arrived in the Iranian territory, PIr. **s* had already become Iranian **h*, and PIIr. **ć* had turned into PIr. **s*, so that these words entered Iranian with PIr. **s-*. This direction of borrowing (rather than from Iranian to Sanskrit, as is usually assumed) also explains the irregular correspondences within Iranian. For instance, the word for ‘sand, gravel’ has no less than four different formations in Iranian, viz. **sikā-* (OP *ṭikā-*, Bel. *six*, Pashto *šəga*), **sikaḷa-* (Median *Sikayauvati-* ‘made of gravel’, the name of a fortress, Munji *səgya*, Išk. *səḡio*, *sigioh*), **sikatā-* (Pahlavi *sygd = sikat*, Sogd. *šykth*, Khot. *siyatā*), **sikitā-* (Kurdish *sigit* ‘earth’, Oss. *sygyt/sigit* ‘id.’, etc.); the word for needle has two forms, viz. **sūkā-* (LAv. *sūkā-*) and **saucanḷa-* (MiP *sozan*, Khot. *saujsaṇa-*, Oss. *sūžin/sožīnæ*, etc.) (ABAEV 1958-95, III: 164-165, 187-188).

5.1. We can now turn to the culture with which the Indo-Iranians came into contact. Let us look at the semantic categories which are represented among the Indo-Iranian substratum words. I have arranged them in accordance with their frequency. One of the largest categories is “body parts, hair” (9 items: **kap^ha-* ‘mucus, phlegm’, **kaića-/gaića-* ‘head hair’, **kućši-* ‘side of the body, flank’, **grda-* ‘penis’, **malj^ha-* ‘belly’, **pusća-* ‘tail’, **stuka-* ‘tuft of hair’, **šuaipa-* ‘tail’, **urṭka-* ‘kidney’), but this category, as well as “pejorative

⁴ The links between the culture of Central Asia and that of the Indus Valley are also repeatedly reported by archaeologists (cf. PARPOLA 1988: 204; HIEBERT 1995 with ref.).

adjectives” (**aka-* ‘bad’, **karuš-* ‘damaged (teeth)’, **pāpa-* ‘bad’), is not particularly telling for the identification of the culture.

“Religion, cult” (8) has been shortly discussed above.

“Wild animals” (8): **(H)uštra-* ‘camel’, **k^hara-* ‘donkey’, **kaćiapa-* ‘tortoise’, **kapauta-* ‘pigeon’, **ja^ha/ukā-* ‘hedgehog’, **matsīa-* ‘fish’, **mṛga-* ‘game’, **uarā^ha-* ‘wild boar’.

“Clothing” (5): **atka-* ‘cloak’, **dačā-* ‘hem, thread’, **dr̥ca-/dṛ̥ca-* ‘coarse garment’, **pauastā-* ‘cloth’, **sūcī-/ćūcī-* ‘needle’.

“Building technology” (4): **išt(i)a-* ‘brick’, **j^harmiija-* ‘firm structure, permanent house’, **mai^hūk^ha-* ‘wooden peg’, **sikatā-/ćikatā-* ‘sand, gravel’.

“Artifacts” (3): **kapāra-* ‘dish, bowl’, **naij(s)-* ‘spit’, **uācī-* ‘axe, pointed knife’.

“Water economy and irrigation” (3): **k^hā-* ‘well, source’, **čāt-* ‘pit, well’, **iavīia-* ‘canal’.

“Cattle breeding” (3): **kšīra-* ‘milk’, **pīiūša-* ‘biestings’, **scāga-/scāga-* ‘billy-goat’.

“Agriculture” (2): **nagna-* ‘yeast, bread’, **(s)p^hāra-* ‘ploughshare’.

5.2. Starting with the assumption that loanwords reflect changes in environment and way of life, we get the following picture about the new country of the Indo-Iranians. The landscape must have been quite similar to that of their original homeland, as there are no new terms for plants or landscape. The new animals like camel, donkey, and tortoise show that the new land was situated more to the South. There was irrigation (canals and dug wells) and more elaborate architecture (permanent houses with walls of brick and gravel). Agriculture still did not play an important role in the life of Indo-Iranians: presumably, they did not change their life-style and only used the products (‘bread’!) of the farmers, hardly tilling the land themselves. The paucity of terms for military technology (only **gadā-* f. ‘club’) can be seen as an indication of Aryan military supremacy. It seems further obvious to me that the Soma cult was borrowed by the Indo-Iranians.

This picture, which is drawn on exclusively linguistic arguments, is a strong confirmation of the traditional theory that the Indo-Iranians come from the north. Most probably, the Indo-Iranians moved from the Eurasian steppes in the third millennium BCE (Pit-Grave culture, 3500-2500 BCE) in the eastern direction, first to the region of the lower Volga (Potapovo, etc., 2500-1900 BCE) and then to Central Asia (Andronovo culture, from 2200 BCE onwards).

As we have seen above, there are reasons to believe that the Indo-Aryans formed the vanguard of the Indo-Iranian movement and were the first to come into contact with the original inhabitants of the Central Asian towns. Then,

presumably under pressure from the Iranians, who were pushing from behind, the Indo-Aryans moved further to the south-east and south-west, whereas the Iranians remained in Central Asia and later spread over the Iranian plateau. The urban civilization of Central Asia has enriched the Indo-Iranian lexicon with building and irrigation terminology, with terms for clothing and hair-do, and for some artifacts. It is tempting to suggest that the word **gadā-* ‘club, mace’ refers to the characteristic mace-heads of stone and bronze abundantly found in the towns of the so-called “Bactria-Margiana Archaeological Complex”. Also **uācī-* ‘axe, pointed knife’ may be identified with shaft-hole axes and axe-adzes of this culture.

6. Finally, I would like to shortly discuss the implications for the contacts between Indo-Iranian and Uralian speakers, which is the actual theme of this conference. As is well known, Uralic has borrowed heavily from Indo-Iranian, but I agree with those scholars who believe that many of the apparent early borrowings rather reflect an etymological relationship between Uralic and Indo-European, and I doubt that there are Proto-Uralic borrowings from Indo-European. At any rate, borrowings from Indo-Iranian start with the Finno-Ugric period. It is remarkable that the oldest layer of borrowings often concerns words which are only attested in Sanskrit and not in Iranian (e.g. FU **ora-* ‘awl’: Skt. *ārā-* ‘awl’; FV **reśmā* ‘rope’: Skt. *raśmī-* m. ‘rein’, *raśmán-* m. ‘id.’; FV **onke* ‘hook’: Skt. *anikā-* ‘hook’; FP **ant3* ‘young grass’: Skt. *andhas-* ‘grass’, etc.). This fact can be explained by the vanguard position of the Indo-Aryans, who were the first to come into contact with the Uralic population on their move to the east. The Iranians, who came slightly later, lived in the neighbourhood of the Uralians for a very long time and continuously contributed to the enrichment of the Uralian vocabulary.

Another problem is how to account for Indo-Iranian isolates which have been borrowed into Uralic. It is hard to believe that the new vocabulary, which most probably was acquired by the Indo-Iranians in Central Asia, could reach the Uralians in time, so that we only have two options: either the Indo-Iranian isolates are of Indo-European origin, or the Uralians borrowed these words from an Iranian source at a later stage. To the first group may belong PIIr. **račm-* ‘rope, rein’: FV **reśmā* ‘rope’ (the *-m-* is only attested in Sanskrit); PIIr. **makš-* ‘fly, bee’: FU **mekše* ‘bee’ (the fact that the word can be reconstructed for FU precludes a late date for borrowing); PIIr. **surā-* ‘alcohol’: PP **sur* ‘beer’ (the PP word cannot be a late borrowing from Iranian because of its **s-*) and PIIr. **dasju-* ‘foreigner’: Vog. *tas* ‘stranger’ (the Uralic word cannot be due to late borrowing from Iranian because of the preserved **s*). On the other hand, I assume that FV **oraše* ‘(castrated) boar’ was borrowed from Iranian

(PIIr. **uarāj^ha-* ‘wild boar’ can hardly be an IE word). The same probably holds for FP **śuka* ‘chaff, awn’ because this form is only found in Iranian (LAv. *sūkā-* ‘needle’) and further for PP *vòrk* ‘kidney’ (PIIr. **ur̥tka-*), FP/FV **śaka* ‘goat’ (PIIr. **scāga-/scāga-*), PP **hān* ‘bread’ (PIIr. **nagna-*), PP **majäk/majäg* ‘stake’ (PIIr. **majūk^ha-*).

APPENDIX:

A list of Indo-Iranian isolates

The list presented below is based on Mayrhofer's EWAia. I have collected those Sanskrit etyma which have Iranian correspondences, but lack other IE cognates. In general, I follow the etymological analysis of Mayrhofer, and whenever I disagree with his judgement, this is expressly mentioned. Since it is often difficult to decide whether a particular word is a borrowing or not (the most important criteria have been discussed in the main body of the article), I have decided to present the evidence in full.

The list is divided into the following sections: A. Loanwords; B. Inherited words; C. Verbs; D. *Wanderwörter*, E. Words with uncertain IIr. etymology. The verbs are given separately, as at this stage it appears impossible to distinguish between inherited verbs and borrowings. The section “*Wanderwörter*” contains words which are attested both in Sanskrit and Iranian, but whose Proto-Indo-Iranian age cannot be ascertained.

Every lemma begins with a Proto-Indo-Iranian reconstruction, followed by grammatical information (in the case of agreement between Sanskrit and Iranian) and the meaning. In square brackets I have added words from other language families (mostly, Uralic) which are borrowed from Indo-Iranian or from which an Indo-Iranian word might have been borrowed.

A. Loanwords

- **aka-* adj. ‘bad’: Skt. *āka-* n. ‘pain’, *ākam* adv. ‘in a bad way’; Av. *aka-* ‘bad, evil’.
- **anću-* m. ‘Soma plant’ (probably ephedra): Skt. *aṃśú-* ‘Soma plant’; Av. *qsu-* ‘Haoma plant’.
- **atka-* m. ‘cloak’: Skt. *átka-*; LAv. *aḍka-*, *aṭka-*.
- **at^harūan-* m. ‘priest’: Skt. *átharvan-*; Av. *āθrauuān-/aθaurun-*.
- **ācā-/acās-* ‘region, space’: Skt. *āśā-* f.; LAv. *asah-* n.
- **b^hiš-* ‘medicine, medicinal herb’: Skt. *bhiṣáj-* m. ‘physician’; Av. *°biš-* ‘medicine’, LAv. *bišazi-ia-* ‘to cure’.
- **čarūa-* m. name of a deity: Skt. *śarvá-* name of a god; LAv. *sauruuā-* name of a daēva.
- **čāt-* ‘pit, well’: Skt. *cātvāla-* (Br.+) m.n. ‘pit (dug in order to get ground for the northern altar)’; LAv. *cāt-* f. ‘(dug) well’, Buddh. Sogd. *č’ t*, Bactrian σαδο ‘well’.

- **dačā-* f. ‘hem, thread’: Skt. *daśā-* ‘hem’; Khot. *dasa*, Bal. *dasag* ‘thread’.
- **dṛ́ca-/dṛ́ca-* (?) ‘coarse garment’: Skt. *dūrsā-* n. ‘coarse garment’; Wakhi *ḍirs* (Gryunberg & Steblin-Kamenskij 1976, *dars*) ‘wool of a goat or a yak’, Shughni *doḡc* ‘id.; body hair; coarse cloth’ (cf. KARAMSHOEV 1991 s.v.).
- **gadā-* f. ‘club’: Skt. (Sū+) *gadā-*; LAV. *gaḍā-*, MiP *gad*.
- **gand^h/t-* ‘smell’: Skt. *gandhá-* m. ‘smell’; LAV. *gaiṅti-* ‘bad smell’.
- **g^(h)and^h(a)ru/b^(h)a-* m. ‘a mythical being’: Skt. *gandharvá-*; LAV. *gaṇḍarəḥpa-*.
- **grda-* ‘penis’: Skt. *grdá-* m.; LAV. *gərəḍō.kərəta-* adj. ‘cutting off the genitals’.
- **indra-* m. name of a deity: Skt. *indra-* name of a god; LAV. *indra-* name of a daēva. Mayrhofer (EWAia s.v.) offers several etymologies, none of which is convincing however. From a semantic point of view, the most plausible etymology is Slavic **jedrǔ* ‘strong, fresh’, but the primary meaning in Slavic is clearly ‘pit, kernel’. Note the “wrong” vocalization, if this were an IE formation (from *(H)*indro-* we expect Iir. ***iadra-*).
- **išt(i)a-* ‘brick’: Skt. *iṣṭakā-* f. (VS+); LAV. *ištīia-* n., OP *išti-* f., MiP *xišt* (cf. on this word WITZEL 1995: 103).
- **iaviā-* f. ‘canal’: Skt. *yavyā-/yavīyā/* ‘stream, canal’; OP *yauviyā-* ‘canal’.
- **j^harmiā-* ‘firm structure, permanent house’: Skt. *harmīyā-* n. ‘firm structure’, later ‘palace’ (for the meaning see ELIZARENKOVA 1995: 28-29); LAV. *zairimiāuuant-* adj. ‘with a permanent house’ (said of the moon), *zairimiānura-* m. ‘tortoise’ = ‘with toes in a house’.
- **ja^ha/ukā-* ‘hedgehog’: Skt. (YV+) *jáhakā-* f.; LAV. *dužaka-*, Bal. *jaḡuk*, *dužux*, MoP *žūža*. [Brahui *jaḡak*, Santali *ḡhik* are most probably late borrowings from Indo-Iranian languages]
- **kačīapa-* m. ‘tortoise’: Skt. *kaśyāpa-*; LAV. *kasiīapa-*.
- **kadru-* ‘reddish-brown’: Skt. (TS+) *kādru-* ‘reddish-brown’, Av. *kadruua.aspa-* name of a mountain, MoP. *kahar* ‘light brown’.
- **kaiča-/gaiča-* m. ‘head hair’: Skt. *késa-*; LAV. *gaēsa-* ‘curly hair’, *gaēsū-* ‘with curly hair’. Connection with Skt. *késara-* n. (YV+) ‘mane’ and Lat. *caesariēs* ‘head hair’ is uncertain.
- **kapauta-* m. ‘pigeon’: Skt. *kapóta-* ‘pigeon’; OP *kapautaka-* adj. ‘blue’, MiP *kabōd* ‘grey-blue, pigeon’.
- **kapāra-* ‘dish, bowl’: Skt. *kapāla-* n.; MiP *kabārag*, MoP *kabāra*.
- **kap^ha-* m. ‘mucus, phlegm’: Skt. *kapha-* (Up.+) ‘phlegm’; LAV. *kafa-* ‘foam, mucus’.
- **karuš-* adj. ‘damaged (teeth)’: Skt. *kārūdatin-* ‘with bad teeth’; Sogd. *krw ḍnt’k* ‘id.’.
- **kučši-* m. ‘side of the body, flank’: Skt. *kukṣi-*; Sogd. *qwšy-*. The often proposed connection with Skt. *kóśa-* m. ‘coop, cask’ is unconvincing.
- **kšīra-* ‘milk’: Skt. *kṣīrā-* n.; MiP *šīr*, Yidgha-Munji *xšīra*.
- **k^hara-* m. ‘donkey’: Skt. *khara-* (AVP+); LAV. *xara-*. [Akkadian (Mari) *ḡārum*, *ajarum* ‘donkey’; Tam. *kaṟutai* ‘id.’?]

**k^hā*- f. ‘well, source’: Skt. *khā-*; LAv. *xā-*.

**mag^ha*- n. ‘gift, offering, sacrifice’: Skt. *maghā-*; OAv. *maga-*. A connection with Gothic *mag* ‘can, may’ and its family is uncertain.

**majūk^ha*- m. ‘wooden peg’: Skt. *mayūkha-* ‘peg for stretching the woof’; OP <*myux*> = *mayūxa-* ‘doorknob’, Sogd. *myyk* ‘peg’, MiP and MoP *mēx* ‘peg, nail’, Oss. *mīx/mex* ‘stake’. The current etymology derives the word from the root *mi-* ‘to build, erect’, which explains neither its morphology (suffix **-ūk^ha-*?) nor its semantics (the verbal root only means ‘to fix in the ground’). The meaning ‘stake’ is only attested in Ossetic and is clearly secondary. [In view of its meaning, PP **majāk/majäg* ‘stake’ (RÉDEI 1986: 72) is probably borrowed from Pre-Ossetic]

**malj^ha*- (?) ‘belly’: Skt. *malhá-* adj. ‘with hanging belly/udder’ (said of goats and ewes)⁵; LAv. *mərəzāna-* n. ‘belly’, *maršuiiā* gen.sg. (the stem *maršuuī-* ?) ‘paunch’. Probably, also Skt. *bārjaha-* ‘udder’, *barjahyā-* ‘nipple’ belong here. The current IE etymology, connecting Lith. *milžtis*, Latvian *miļzt* ‘to swell up’, is phonetically impossible, since the Baltic acute points to IE **ǵ* (Winter’s Law).

**matsja-* m. ‘fish’: Skt. *mátsya-*; LAv. *masiia-*. The current IE etymology, which connects Germanic words like Gothic *mats* ‘food’ < *PGm. *mati-*, explains neither the meaning nor the morphology of the Ilr. word.

**mrga-* m. ‘game’: Skt. *mrgá-* ‘forest animal, bird’; LAv. *mərəǵa-* ‘bird’.

**nagna-* ‘yeast, bread’: Skt. *nagnáhu-* (AVP+) m. ‘yeast, ferment’; PIr. **nagna-* ‘bread’ (Sogd. *nǵny*, Pashto *nayan*, MiP *nān* with an irregular development, etc.). The old theory, according to which the Skt. word was borrowed from Iranian **nagnax^vād-* ‘bread seasoning’, seems improbable to me. [→ PP **náñ* ‘bread’ from Iranian, RÉDEI 1986: 73]

**naij(s)-* ‘spit’: Skt. *nikṣ-* ‘to pierce’, *nīkṣaṇa-*, *nékṣaṇa-* n. ‘spit, fork’; LAv. *naēza-* n. ‘sharp point (of the needle)’, MiP *nēzag* ‘lance’, MoP *nēš* ‘sharp point’, *nēštar* ‘lancet’. The Sanskrit verbal forms (present *nikṣati* with its accented zero-grade) do not look old.

**paustā-* ‘cloth’: Skt. *pavásta-* n. ‘cover, garment’; OP *pavastā-* f. ‘thin clay envelope used to protect clay tablets’.

**pāpa-* adj. ‘bad’: Skt. *pāpá-*; LAv. *pāpa*^o.

**pīūša-* ‘biestings’: Skt. *pīyūša-* m.n.; Wakhi *pyiṣ*, Munji *fýyū*.

**pusca-* ‘tail’: Skt. *púccha-* m.n.; LAv. *pusa-* m.

**rāci-* ‘heap’: Skt. *rāśi-* m. ‘heap, mass’; Pashto *ryāša* ‘heap (of grain)’ < **rāsiā*. A connection with **raćm-* ‘rope’ cannot be excluded, however.

**ṛši-* m. ‘seer’: Skt. *ṛśi-*; OAv. *ərəši-*. The initial accentuation in Sanskrit is aberrant (LUBOTSKY 1988: 29, 54).

⁵ The word always refers to a female, usually pregnant, animal, cf. TS 1.8.19.1 *ādityám malhām garbhīṅm ā labhate* ‘he offers a *malha* pregnant female animal, dedicated to Āditya’ (similarly, MS 4.4.9; KS 13.1; TB 1.8.3.2), so that the meaning ‘dewlap’, given in the dictionaries, is improbable.

- **śāga-/śāga-* ‘billy-goat’: Skt. *chāga-* m.; Oss. *sæǵ/sæǵæ* ‘goat’, Wakhi *čəγ* ‘kid’. [→FP, FV
**śaka/śawa* ‘goat’, RÉDEI 1986: 59]
- **sikatā-/ćikatā-* ‘sand, gravel’: Skt. *sikatā-* f. ‘sand, gravel’; OP *ḍikā-* f. ‘gravel’, Khot. *siyatā-*
‘sand’, Buddh. Sogd. *šykth* ‘gravel’. [Kannada *usiku, usigu* ‘sand’ ?]
- **(s)p^hāra-* ‘ploughshare’: Skt. *phāla-* m.; MoP *supār*, Išk. *uspīr*, Wakhi *spūndr* (GRYUNBERG
& STEBLIN-KAMENSKIJ 1976, *spundr* ‘plough’). It cannot be excluded that this is a mi-
gratory term and belongs to category D (Wanderwörter).
- **stuka-* ‘tuft of hair’: Skt. *stūkā-* f. ‘tuft of hair (esp. of a bull) or wool’; Oss. *styg/stug* ‘lock,
tuft of hair’. Cf. also Skt. *stūpa-, stupā-* m. ‘tuft of hair’.
- **sūčī-/čūčī-* ‘needle’: Skt. *sūčī-*; LAV. *sūkā-*, MiP *sozan*, Oss. *sūžīn/sožīnæ*. [→ FP **śuka*
‘chaff, awn’, RÉDEI 1986: 59; probably, from Iranian, cf. § 6]
- **śūaīpa-* (?) ‘tail’: Skt. *śēpa-* m. (with irregular anlaut), Prākṛit *cheppā-* f.; LAV. *xšuuāēpā-* f.
(for the etymology see LUBOTSKY 2000: 260, fn. 20).
- **ućig-* m. ‘sacrificing priest’: Skt. *uśij-*; Av. *usig-*.
- **uarāj^ha-* m. ‘wild boar’: Skt. *varāhā-*; LAV. *varāza-*. [→ FV **oraše* ‘(castrated) boar’, RÉDEI
1986: 54; probably, borrowed from Iranian, cf. § 6]
- **uāčī-* f. ‘axe, pointed knife’: Skt. *vāśī-* f. ‘axe, adze, chisel’; LAV. (YASNA 42.4) *vāsī-* ‘pointed
knife (?)’, Oss. *wæs* (better *was* ?)⁶ ‘axe, wood-chopper’.
- **urēša-* m. ‘tree’: Skt. *vṛkṣā-*; LAV. *varəša-*.
- **ur̥tka-* m. du. ‘kidney’: Skt. *vṛkkā-* (TS+ *vṛkyau*); LAV. *vəṛəḍka-*. The usual etymology derives
this word from the root *vṛt-* ‘to turn’, which can hardly be correct because the suffix *-ka-*
is only denominal in Indo-Iranian. [→ PP *vòrk* ‘kidney’, RÉDEI 1986: 79]
- **(H)uštra-* m. ‘camel’: Skt. *uśtra-*; Av. *uštra-*, OP *uša-bāri-* adj. ‘camel-borne’ (the laryngeal
may be responsible for *-ḍ-* in *zaraḍuštra-*).

B. Inherited words

- **(H)agra-* ‘top’: Skt. *āgra-* n. ‘tip, summit’; LAV. *ayra-* adj. ‘first, topmost’. The word has a
clear IE appearance, although there are no plausible cognates. Note that the connection
with Latvian *agrs* ‘early’ (EWAia s.v.) is impossible because of Winter’s Law.
- **(H)ainas-* n. ‘crime, mistake’: Skt. *éna-*; Av. *aēnah-*.
- **(H)and^ha-* adj. ‘blind’: Skt. *andhá-*; LAV. *aṇda-*. IE if Gallo-Latin *andabata* ‘gladiator
fighting in a helmet without openings’ (*‘blind-fighter’) belongs here.
- **(H)aruna-* ‘red-brown’: Skt. *aruṇá-*; Av. *auruna-*.
- **(H)aruša-* ‘reddish’: Skt. *aruśá-* ‘reddish’; Av. *auruša-* ‘white’.
- **(H)asra-* adj. ‘painful’: Skt. *asrá-*; OAv. *aṅgra-*, LAV. *aṅra-* ‘evil’.

⁶ As Johnny Cheung points out to me, this word is undocumented in Ossetic. Both
ABAEV (1958-95) and MILLER & FREJMAN (1927-34) s.v. *wæs* refer to MILLER 1903: 10, but
there this word is spelled as *vas*, i.e. *was*.

- **(H)atHtHi-* (?) m. ‘guest’: Skt. *átithi-*; Av. *asti-*. The laryngeal in the Proto-Indo-Iranian form makes a non-IE origin improbable.
- **(H)aud^hr/n-* ‘cold’: Skt. *údhani*, OAv. *aodərəš-čā*.
- **(H)auasa-* n. ‘provision’: Skt. *avasá-* (cf. also denom. *āvayati* ‘eats’); LAv. *auuəṅha-*.
- **carad-* f. ‘autumn, year’: Skt. *śarád-* ‘autumn, year’; LAv. *sarəd-*, OP <*θrd-*> ‘year’ (cf. Toch. A *śarme* ‘autumn’ < **kedmēn-*?, PINAULT 1998: 362).
- **dāsju-* m. ‘foreigner’, **dasiú-* f. ‘country (of the foreigners)’: Skt. *dásyu-* m. ‘enemy’; Av. *dašíiu-* f. ‘country’. [→ Vog. *tas* ‘stranger’] See the next word.
- **dāsa-* ‘(hostile) people’: Skt. *dāsá-*, *dāsa-* m.; LAv. *dāhī-* ‘belonging to the Dāha-people’. There are several suggestions for an IE etymology, but they are all doubtful (Gr. *δοῦλος* ‘slave’; Gr. *δῆμος* ‘people’, for the latter see LUBOTSKY 1995: 231, fn. 18).
- **drapsa-* m. ‘streak, banner’: Skt. *drapsá-*, LAv. *drafša-* (for the connection with Gr. *τρέφω*, German *Treber*, etc. see OBERLIES 1990: 153ff.).
- **iaças-* ‘fame’: Skt. *yásas-* n. ‘fame’; OAv. *yasō.xiiəṅ* ‘to attain fame’, LAv. *yasō.bərəta-* ‘brought with dignity’.
- **iacti-* f. ‘stick, branch’: Skt. *yaṣṭi-* (RVKh, ŚB+) f. ‘staff, pole’; LAv. *ʔaxsti-* ‘branch’.
- **iaj^hu-* ‘youthful’: Skt. *yahú-* ‘youthful’; OAv. *yazu-* ‘young’.
- **iātu-* ‘(black) magic’: Skt. *yātu-* m.; LAv. *yātu-* f. (m. ‘sorcerer’). In spite of its IE appearance, no convincing etymology for this word has been suggested.
- **iraias-* n. ‘wide expanse, sea’: Skt. *jráyas-* n. ‘wide expanse’; Av. *zraiah-* n., OP *drayah-* n. ‘sea’. Cf. also Skt. *úpa jrayati* ‘extends’. [→ PP **sariǵ* < **ǵaris* < **ǵarjəs* ‘sea’ from Iranian, RÉDEI 1986: 81]
- **karna-* m. ‘ear’: Skt. *kárṇa-*; LAv. *karəna-*.
- **d^hārā-* f. ‘blade of the sword’: Skt. *dhārā-*; LAv. *dārā-*. IE if identical with Skt. *dhārā-* ‘stream, pouring’ (→ ‘casting’).
- **d^hrigu-* adj. ‘poor, needy’: Skt. *ádhrigu-* ‘exalted’; OAv. *drigu-* ‘needy’, LAv. superlative *draējištō.təma-*.
- **makš-* f. ‘fly, bee’: Skt. *mákṣ(ā)-* ‘fly, bee’; LAv. *maxšī-* f. ‘fly’. [→ FU **mekše* ‘bee’, RÉDEI 1986: 45]
- **māiā-* f. ‘magic power’: Skt. *māyā-*; OAv. *māiiā-*, LAv. *maiiā-*. There are various etymological proposals, but they are all rather improbable. The word looks fairly IE though, and its IE origin is conceivable.
- **mušti-* ‘fist’: Skt. *muṣṭi-* m.f.; LAv. *mušti^o*. A connection with the word for ‘mouse’ (e.g. EWAia s.v.) is impossible, because the latter contains a laryngeal (**muHs-*). The best chance for an IE etymology is the connection with Lith. *mūšti* ‘to beat’, Toch B *mašce* ‘fist’.
- **naima-* adj.: Skt. *néma-* ‘some, half’; LAv. *naēma-* ‘half’.
- **pačšman-* ‘eyelash’: Skt. *pákṣman-* (YV+) n. ‘eyelash’; LAv. *pašna-* n. ‘eyelash or eyelid’, MiP and MoP *pašm*, Khot. *pe’ma-*, Oss. *fæsm/fans* ‘wool’. If the original meaning is ‘fluff’, then a connection with Gr. *πέκτειν* ‘to comb’ is plausible.

- **pāman-* ‘itch, scabies’: Skt. *pāmán-* m.; LAV. *pāman-* m. Probably connected with Gr. $\pi\eta\mu\alpha$ n. ‘evil, harm’.
- **pṛt-* f. ‘battle’: Skt. *pṛt-*; Av. *pəṛət-*.
- **rać-m-* ‘rope, rein’: Skt. *raśaná-* f. ‘rope’, *raśmí-* m. ‘rein’, *raśmán-* m. ‘id.’; MiP, MoP *rasan* ‘rope’. (Skt. *raśaná-*, MiP *rasan* < **raćmna-* ?) [→ FV **reśmä* ‘rope’, RÉDEI 1986: 57]
- **rūćša-* adj. ‘raw’: Skt. *rūkṣá-* (YV+) ‘raw, dry’; OAv. *uruša-* ‘needy, poor’. The connection with OHG *rūh*, etc. < PGm. **rūhwa-* is possible.
- **sainā-* f. ‘army’: Skt. *sénā-*; LAV. *haēnā-*, OP *hainā-*.
- **srakti-* f. ‘corner’: Skt. *srakti-* ‘corner’; LAV. *sraxti*, *θraxti-* ‘corner, side’. Here probably also *srká-* ‘sharp point’. The variants like *srkāyín-* (Kāth+): *srḡāyín-* (MS+) : *srkāyín-* (TS), etc. ‘spear-bearer’ (see KUIPER 1991: 35) may point to a foreign origin, though.
- **striH-* f. ‘woman, wife’: Skt. *strī-*; LAV. *strī-*.
- **surā-* ‘alcohol’: Skt. *súrā-* f.; LAV. *hurā-* f. Probably, connected with the root **su-* ‘to press’. [→ PP **sur* ‘beer’, RÉDEI 1986: 77]
- **taukman-* n. ‘germ, germed seed’: Skt. *tókman-*; Av. *tauxman-*. Cf. also the root-noun Skt. *túc-* f. ‘posterity, children’.
- **uanća-* ‘roof-beam’: Skt. *vaṃśá-* m.; Wakhi *was*, Shughnī *wūs*. Most probably, related to Mir. *fěice* ‘ridge-pole, top’ < **u(e)nkio-*.
- **urata-* n. ‘rule, command’: Skt. *vratá-* ‘commandment’; OAv. *uruuata-* ‘rule’.

C. Verbs

- **b^haru-* ‘to chew’: Skt. *bharv-*; LAV. *aš. baouruua-* ‘place where there is much to eat’, *baoir-ia-* ‘to be chewed’.
- **ćan-* ‘to ascend’: Skt. *śánaih* ‘gradually, quietly’; LAV. *san-*, Khot. *san-/sata-* ‘to rise’.
- **ćiā-* ‘to coagulate, congeal’: Skt. *śyā-*; Oss. *syjyn/sujun*.
- **d^huaǰ-* ‘to flutter’: Skt. *dhvajá-* m. ‘banner’, *kṛtá-dhvaj-* ‘with streaming flags’; LAV. *duuaž-* ‘to flutter’.
- **g^has-* ‘to devour’: Skt. *ghas-*; LAV. *gah-*.
- **g^has-* ‘to laugh’: Skt. *has-*; LAV. *jahī-*, *jahikā-* f. ‘prostitute’.
- **g^hauš-* ‘to make sound, hear’: Skt. *ghoṣ-*, Av. *gaoš-*.
- **(H)at-* ‘to wander’: Skt. *at-* ‘to wander’; Av. *x^vāθra-* n. ‘well-being’.
- **Huīad^h-* ‘to wound, hurt’: Skt. *vyadh-*; LAV. *vīd-* ‘wounding’.
- **ǰ^hi-* ‘to incite’: Skt. *hi-*; LAV. *frazaiiāmi* ‘ich lasse hindringen’.
- **kuć-* ‘to crook, bend’: Skt. *kuc-*; MiP *n-gwc-*.
- **nard-*: Skt. *nrd-* ‘to hum, growl’; Buddh. Sogd. *nrδ-* ‘to complain’.
- **raj^h-*: Skt. *rah-* ‘to be abandoned’; MiP *rāz* ‘mystery’.
- **sag^h-* ‘to be able to bear’: Skt. *sagh-*; LAV. *azgatō* ‘unbearable’.
- **srans-* ‘to fall apart’: Skt. *sraṃs-*; LAV. *rāḡhaiiān* ‘they make fall away’.
- **suag-* ‘to embrace’: Skt. *svaj-*; LAV. *pairiš.x^vaxta-* ‘surrounded’.
- **uand(H)-* ‘to praise’: Skt. *vand^l-*; LAV. *vaṇd-*.

**uap-* ‘to scatter’: Skt. *vap-*; OAv. *vīuuāpa* ‘scatters, robs, devastates’.

**uap-* ‘to shave’: Skt. *vap-*; Khot. *patāvutta-* ‘shaven’.

**uik-* ‘to separate, sift’: Skt. *vic-*; LAv. *vic-*, MiP *wēxtan/wēz-*.

**uiak-* ‘to encompass’: Skt. *vyac-*; MoP *gunjīdan*.

**uiatH-* ‘to be unsteady’: Skt. *vyath-*; LAv. *aiuiθura-* (< **aβiθura-*) ‘unshakable’.

**uriH-* ‘to oppress, collapse’: Skt. *vlr-*; LAv. *uruinaitīš* (acc.pl.f.) ‘pressing together’.

D. Wanderwörter

Skt. *úmā-* f. ‘flax’; Yidgha *imoyō, ūmoyō*, Munji *yimagā* ‘linseed’ (cf. also Skt. lex. *kṣumā-* ‘id.’).

Skt. *māṣa-* m. ‘bean’; MiP *māš* ‘legume’, Shughni *maš* ‘bean’.

Skt. *mušká-* m. ‘testicle’; MiP *mušk* ‘musk’ (probably, a loanword from Indo-Aryan).

Skt. *sarṣapa-* m. ‘mustard seed’; Khot. *śśaśvāna-* ‘mustard’, Sogd. *šywp-δn*, MiP *span-dān* ‘mustard seed’ (cf. also Gr. *σίῶπι* n. ‘mustard’).

E. Words with uncertain IIr. etymology

Skt. *aváni-* f. ‘river bed, stream’; LAv. *aoniia-* n. ‘Heizvorrichtung’.

Skt. *ašⁱ-* ‘to eat’; Iranian cognates, mentioned by Mayrhofer, are uncertain. LAv. *āsitō* (Yasna 10.14) rather means ‘lying’, cf. HUMBACH 1960: 27-28; OBERLIES 1990: 159 and 166, fn. 55. At any rate, this form cannot be derived from PIr. **ačHta-* because laryngeal disappears in this position in Iranian. The explanation of LAv. *kahrkāsa-* m. ‘vulture’ as ‘chicken-eater’ has a strong flavour of folk etymology and is almost certainly false. Sogd. *črks*, Oss. *cærgæš* ‘eagle’ show initial *č- and short -a- in the second syllable, which are incompatible with the Avestan word. I suspect that this is a borrowing, which may have been interpreted in some of the Iranian languages as containing the word for ‘chicken’. The best candidates for Iranian cognates to Skt. *ašⁱ-* are MoP *āš* ‘food, soup’ < PIr. **āšja-*, Oss. *bas/basæ* ‘soup’ < **upa-āšja-*, etc.

Skt. *prasalaví* ‘to the right’; OP *frhrvm /frahavaravam?* ‘all round’.

Skt. *hirā-* f. ‘vein’; LAv. *zira-žan-* (Aogəmadaēcā 57) ‘striking the veins’ (?), cf. HUMBACH 1983: 120). The meaning of the Avestan compound remains hypothetical.

Skt. *valká-* m.n. ‘bark’, LAv. *varəka-* (Frahang-i-ōīm 8 = Kling. 395) m./n. ‘leaf’.

ABBREVIATIONS

Av.	Avestan (i.e. both OAv. and LAv.)	OP	Old Persian
AVP	Atharva-Veda Paippalāda	Oss.	Ossetic
Bal.	Baluchi	PGm.	Proto-Germanic
Br.	Brāhmanas	PIr.	Proto-Indo-Iranian
FP	Finno-Permian	PIr.	Proto-Iranian

FU	Finno-Ugric	PP	Proto-Permian
FV	Finno-Volgaic	RV	Ṛgveda
Gr.	Greek	RVKh	Ṛgveda-Khilāni
IE	Indo-European	ŚB	Śatapatha-Brāhmana
Išk.	Iškašimi	SCr.	Serbo-Croatian
Khot.	Khotanese	Skt.	Sanskrit
KS	Kāṭhaka-Saṃhitā	Sogd.	Sogdian
LAv.	Late Avestan	Sū	Sūtras
Lith.	Lithuanian	Toch.	Tocharian
MiP	Middle Persian	TB	Taittirīya-Brāhmaṇa
MoP	Modern Persian	TS	Taittirīya-Saṃhitā
MS	Maitrāyaṇī-Saṃhitā	Up.	Upanishads
OAv.	Old Avestan	Vog.	Vogulian
OHG	Old High German	VS	Vajasaneṃyī-Saṃhitā
		YV	Yajurveda

REFERENCES

- ABAEV, V. I. 1958-95. *Istoriko-ètimologicheskij slovar' osetinskogoazyka*. Moskva.
- BEEKES, R. S. P. 1996. Ancient European loanwords. *Historische Sprachforschung* 109: 215-236.
- ELIZARENKOVA, T. Y. 1995. "Words and things" in the *Ṛgveda*. (Bhandarkar Oriental Research Institute, Post-Graduate and Research Department Series, 39; Professor P. D. Gune Memorial Lectures, sixth series.) Pune.
- EWAia = M. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg, 1986-96.
- GRYUNBERG A. L. & I. M. STEBLIN-KAMENSKIJ 1976. *Vakhanskijazyk: teksty, slovar', grammaticheskij ocherk*. Moskva.
- HIEBERT, Fredrik T. 1995. South Asia from a Central Asian perspective. In: George Erdosy (ed.), *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*: 192-205. Berlin.
- HUMBACH, H. 1960. *Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal*. Wiesbaden.
– 1983: Review of: Kaikusroo M. JamaspAsa, Aogəmadaēcā. *Göttingische gelehrte Anzeigen* 235: 116-125.
- KARAMSHOEV, D. 1991. *Shugnansko-russkij slovar' v trekh tomakh*, 1.2. Moskva.
- KORTLANDT, F. 1978. Proto-Indo-European obstruents. *Indogermanische Forschungen* 83: 107-118.
- KUIPER, F. B. J. 1968: Śailūṣā- and Kuśīlava-. In: M. Mayrhofer et al. (eds.), *Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde (Gedenkschrift Brandenstein)*: 77-84. Innsbruck.

- 1991. *Aryans in the Rigveda*. Amsterdam.
 - 1995. Gothic *bagms* and Old Icelandicic *ylgr*. *NOWELE* 25: 63-88.
- LUBOTSKY, A. 1988. *The System of Nominal Accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European*. Leiden.
- 1995. Reflexes of intervocalic laryngeals in Sanskrit. In: W. Smoczyński (ed.), *Kuryłowicz Memorial Volume*, I: 213-233. Cracow.
 - 2000. Indo-Aryan ‘six’. In: M. Ofitsch, C. Zinko (eds.), *125 Jahre Indogermanistik in Graz*. (Arbeiten aus der Abteilung “Vergleichende Sprachwissenschaft Graz”.)
- MILLER, Wsewolod 1903. *Die Sprache der Osseten*. Strassburg.
- MILLER, V. F. & A. A. FREJMAN 1927-1929-1934. *Osetinsko-russko-nemeckij slovar'*, I-III. Leningrad.
- OBERLIES, T. 1990. Zur Wortkunde des Kāṭhaka – I. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 51: 147-166.
- PARPOLA, A. 1988. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dāsas. *Studia Orientalia* 64: 195-302.
- PINAULT, G.-J. 1998. Tocharian languages and pre-Buddhist culture. In: Victor H. Mair (ed.), *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*: 358-371. Washington D.C.
- RÉDEI, K. 1986, *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten*. Wien.
- SCHRIJVER, P. 1997. Animal, vegetable and mineral: some Western European substratum words. In: A. Lubotsky (ed.), *Sound Law and Analogy (Festschrift Beekes)*: 293-316. Amsterdam.
- WACKERNAGEL, J. 1954. *Altindische Grammatik*, II.2: *Nominalsuffixe*. Hrsg. von A. Debrunner. Göttingen.
- WITZEL, M. 1995. Early Indian history: linguistic and textual parameters. In: George Erdosy (ed.), *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*: 192-205. Berlin.

Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНА

(История Иранского государства и культуры. – М., 1971)

Период создания Мидийского государства в VII в. до н. э. и державы Ахеменидов в середине VI в. до н. э. являлся непосредственным продолжением и завершением длительной эпохи в истории иранских народов Ирана, начинающейся со времени проникновения на его территорию иранских (ираноязычных) племен. Их расселение по этой территории, занятой ранее племенами и народностями иной этнической и языковой принадлежности, привело к ассимиляции местного населения и консолидации иранского этнического элемента в различных областях страны. С этого времени ираноязычное население становится основным в Иране, и на его основе частично в ту же эпоху и частично позже происходят процессы формирования известных в последующие эпохи западноиранских народов, мидийцев, персов, гилянцев, мазандеранцев, луров, белуджей и т. д. В VII в. до н. э. на базе социально-политического развития ираноязычного населения возникло Мидийское государство и персидское царство во главе с Ахеменидами, которое было подчинено Мидией, а в середине VI в. до н. э. наследовало ей в роли великого государства и превратилось в первую мировую державу.

Основные вопросы, связанные с распространением иранских племен и формированием иранского этноса на территории Ирана в эпоху до VII–VI вв. до н. э., остаются во многом неясными и спорными. Это относится, например, и к подразумеваемому выше, как нам кажется, вполне очевидному в свете данных имеющихся источников тезису о том, что большие и прочные политические объединения, возглавляемые представителями ираноязычного населения, создавались лишь в тех областях, где на значительных территориях иранский этнический и языковой элемент уже получил широкое распространение или стал преобладающим. Этому может быть противопоставлено широко бытующее в литературе мнение, согласно которому политическое господство представителей ираноязычного

населения, напротив, приводило к языковой и культурной иранизации на обширных пространствах. В соответствии с этим этногенез западноиранских народностей часто рассматривается таким образом, что их господствующие социальные группы происходят от ираноязычных иммигрантов, а основная масса или низшие слои населения – от старого местного населения, перенявшего иранский язык как язык правителей, администрации и господствующей религии. Ираноязычные пришельцы при этом характеризуются обычно как кочевые или полуседлые племена либо даже как группы конных воинов с их вождями, постепенно захватывавшими власть в тех или иных районах Ирана.

Другие ученые отрицают теорию политического преобладания иранских (и вообще арийских) иммигрантов над населением стран, в которых они появлялись, а также подчеркивают, что государственные образования возникли в Западном Иране независимо от иранских племен и до их прихода. Одновременно отмечают, что пришлые иранские племена (обычно и в этом случае характеризуемые как кочевые) намного уступали по уровню экономического, социального и культурного развития старому местному населению. Сложение ряда западноиранских племен и народов соответственно сводят прежде всего к распространению среди их предков иранского языка (или также религии и некоторых других культурных особенностей) при сохранении иных основных этнических черт, хозяйственных и бытовых, социальных, культурных и т. д., а также физического облика.

Причины же особой роли и широкого распространения иранского языка в этом случае усматривают главным образом в том, что он стал средством межплеменного общения на обширных территориях, в пределах которых в разных районах появлялись и распространялись кочевые или полуседлые конники – иранцы. Нередко полагают, что росту значения иранских языков во многом способствовало появление в начале VII в. до н. э. ираноязычных скифов, игравших в VII в. до н. э. большую политическую роль в ряде районов Передней Азии и Западного Ирана. Особое же значение в широком распространении иранского языка в различных областях Ирана придается, как правило, созданию Мидийской державы, государственным языком которой уже был иранский.

Охарактеризованные положения основываются на обычном для многих работ последних десятилетий мнении, что до VII в. до н. э. ираноязычный элемент был крайне незначителен среди населения Западного Ирана. А это мнение определяется прежде всего соответствующими выводами из относящихся к территории Ирана ономастических и некоторых других данных ассирийских источников IX–VIII вв. до н. э. По распространенной точке зрения, иранские имена фиксируются первоначально в

Мидии или ее восточных районах с конца IX – середины VIII вв. до н. э. и число их здесь постепенно увеличивается во второй половине VIII в., но к концу его они продолжают количественно намного уступать неиранским именам, к западу же и северо-западу от Мидии, в том числе в Приурмийском районе, иранские имена вообще отсутствуют или, в конце периода и в пограничных с Мидией районах, являются единичными. Согласно же мнению некоторых ученых (Г. Хюзинг, Ф. Кёниг), иранские имена появляются как раз на северо-западе Ирана, уже в IX в., но в очень небольшом числе, а неиранские имена продолжают целиком преобладать в этих районах и позже, так как немногочисленные группы ираноязычных иммигрантов быстро продвинулись с северо-западных окраин Ирана на восток (мидяне) и юг (персы). Но с точки зрения большинства исследователей, опиравшихся на ономастический материал ассирийских текстов, они непосредственно подтверждают положение о продвижении западноиранских племен с востока (Эд. Мейер, Дж. Кэмерон, Х. Ньюберг, Г. А. Меликшвили, И. М. Дьяконов, И. Алиев и др.).

В связи с данными ассирийских источников определяют также и время появления иранских племен в Западном Иране. Согласно упомянутому мнению об их восточном происхождении, ираноязычные группы постепенно продвигались с востока на запад Ирана в IX–VII вв. до н. э. А по Г. Хюзингу и Ф. Кёнигу, они фиксируются на западе Ирана в IX в. до н. э., но в очень незначительном числе, и появились здесь, пройдя через Кавказ, недавно, не ранее конца X – начала IX в. до н. э.

Решение вопроса о путях и времени проникновения иранских племен на территорию Ирана, естественно, зависит также от выводов индоевропеистики и индоиранистики и от той или иной трактовки археологических материалов из Ирана и с территорий, куда помещают предполагаемую родину арийских (индоиранских) и иранских племен. Но как сравнительные историко-лингвистические данные, так и археологические материалы пока не позволяют дать однозначный ответ на этот вопрос, и при их использовании часто опираются на данные по истории Ирана в первых веках I тыс. до н. э. (т. е. опять-таки, прежде всего, на свидетельства ассирийских текстов этого времени). Выше мы кратко изложили некоторые основные мнения о происхождении предков западноиранских племен, их расселении по территории Ирана, взаимоотношении со старым местным населением и характере ранних этапов этногенеза западно-иранских народов. По многим, если не всем основным, упомянутым выше проблемам существуют самые различные, часто прямо противоположные мнения. Причем к ним приходят на основании различных трактовок часто одних и тех же источников.

Большое значение при этом имеют выводы из анализа относящихся к Ирану ономастических данных ассирийских текстов. Эти данные, как указывалось, играют часто определяющую роль при решении вопроса о путях и времени проникновения иранских племен в Иран; составляют основу для суждения о распространении и удельном весе ираноязычного населения в различных областях Западного Ирана в ту эпоху, о взаимоотношении иранских иммигрантов с местным населением и т. д., и тем самым о важных сторонах проблемы этногонеза западноиранских народов, а также о значении этих процессов в возникновении первых государств, созданных западноиранскими народами.

Относящийся к областям распространения иранских племен ономастический материал ассирийских надписей (а также его географическое распределение) подробно рассматривался в ряде предыдущих работ автора настоящей статьи¹. На основании предложенной системы соответствий при передаче иранских имен в аккадских текстах и привлечения всех упоминаемых в известных ассирийских источниках IX–VIII вв. до н. э. личных имен, как предполагаемой иранской принадлежности, так и неиранских², а также ряда топонимических названий из тех же областей к востоку и северо-востоку от Ассирии был сделан вывод о том, что удельный вес иранского языкового элемента в IX–VIII вв. до н. э. в Иране, и в том числе и именно в западных и северо-западных районах, вне пределов собственно Мидии и на ее западной окраине, был намного выше, чем обычно предполагалось; причем ираноязычный элемент фиксируется в этих районах уже с того времени, когда о них впервые появляются данные ассирийских источников.

Для приведенных выводов достаточно и тех выявленных из ассирийских текстов имен (личных, а также топонимов), которые можно считать определенно иранскими. Вместе с тем в число имен предполагаемой иранской принадлежности были включены и такие, относительно которых, судя лишь по их форме в ассирийской передаче, не может быть полной уверенности в их иранском происхождении; их, однако, также необходимо учитывать, тем более при желании установить, оправдано ли мнение о крайне незначительном удельном весе ираноязычного элемента среди населения Западного Ирана в IX–VIII вв. до н. э.

За небольшим исключением различие между именами первой и второй группы состоит в том, что первые – это, как правило, более сложные по грамматическому и фонетическому составу имена, а вторые, большей частью, – «короткие», для которых, исходя из ассирийских передач, наряду с иранским объяснением можно допустить и случайное совпадение с подобными по звуковому составу именами других языков. Но следует

также учитывать, что особенности ассирийских передач могут вообще скрыть от нас иранскую принадлежность ряда имен и вместе с тем древнеиранская лексика и ономастика известны недостаточно и даже многие определенно иранские имена, в том числе из иранских текстов, полностью или частично не этимологизируются. Что же касается коротких имен (ср. Арийа, Аруа, Бара и др.), легко этимологизируемых как иранские и находящихся тогда прямые параллели в иранской и индийской ономастике, то такие имена по меньшей мере не могут рассматриваться как свидетельство в пользу мнения о преобладании старого местного населения над ираноязычным в Западном Иране в IX–VIII вв. до н. э.

Но иранская принадлежность целого ряда тех имен, форма которых в ассирийской передаче не дает возможности для бесспорных выводов, может быть подтверждена дополнительными аргументами, основанными на сведениях о носителе данного имени и местности, к которой оно относится. Вообще в таких случаях специальное изучение реально-исторической и географической стороны вопроса обычно позволяет сделать значительно более существенные заключения из собственно лингвистического анализа ономастических материалов, а также может намного облегчить сам этот анализ.

Очень большое значение имеет географическая локализация местностей, к которым относятся рассматриваемые имена из ассирийских текстов. Часто, правда, приходится иметь в виду не столько конкретное размещение пунктов и областей на современной карте, сколько примерную локализацию и расположение областей по отношению друг к другу. Весьма важно, в частности, уяснить, что в то время представляла собой как географическое понятие Мидия и какие области находились в ее пределах и какие – к западу от нее. При исследовании целого ряда самых различных вопросов ранней истории западноиранских племен необходимо учитывать, что западные границы Мидии, как четко свидетельствуют данные источников³, оставались в основном неизменными (проходя сравнительно недалеко к западу от района Экбатан-Хамадана) на всем протяжении периода, освещенного ассирийскими источниками, с IX в. до н. э. до времени Ашшурбанапала, и что в областях к западу от Мидии было широко распространено ираноязычное население, развитие которого проходило независимо от Мидии и влияний из нее.

Среди относящихся к Ирану ономастических материалов ассирийских надписей важное место принадлежит большим спискам местных правителей, приводимым в источниках под 820, 714 и 713 гг. до н. э. В каждом из этих списков имеется значительное (хотя и различное по мнению тех или иных исследователей) число иранских имен. Анализ соот-

ветствующих данных источников определенно показывает, что владения списка 820 г. находились, вопреки мнению ряда ученых, не в Мидии или у ее границ, а целиком вне и далеко от Мидии, в Приурмийском районе, в том числе в его западной части; список 714 г. содержит имена правителей в большей части из районов к западу (в том числе на значительном расстоянии) от Мидии; владения, лежавшие к западу от нее (также и на значительном расстоянии) есть и в списке 713 г. (оба списка, 714 и 713 гг., обычно определялись как целиком индийские). Также и ряд других часто считающихся индийскими областей и относящихся к ним названий и личных имен (включая определенно иранские) находились на самом деле вне Мидии, между ней и Двуречьем, иногда у восточных окраин последнего⁴.

Такие выводы и независимо от увеличения фонда имен, признанных иранскими, дают основание для пересмотра ряда положений о времени и путях распространения иранских племен по территории Ирана. Но во многих случаях анализ географических и исторических данных имеет непосредственное значение для определения иранской принадлежности соответствующих топонимических названий и личных имен или для уяснения их этимологии (ср., например, ниже об областях Парсуа и Парсамаш/Парсумаш и толковании их названия как 'окраина' – по отношению к Мидии, что не представляется возможным в свете данных о локализации этих и промежуточных областей).

Имена одних и тех же географических единиц или лиц иногда встречаются в ассирийских источниках в разных формах, несводимых к особенностям ассирийских передач, и объясняющихся бытованием вариантов таких названий и имен у различных групп местного или соседнего населения. В некоторых случаях такие варианты позволяют отнести соответствующие имена к явно иранским. Так, на основе сопоставления ряда надписей второй половины VIII в. до н. э. определенно устанавливается, что одна и та же географическая единица (область или местность с центром в одноименном городе) фигурирует в них как Тигракка, Шигракка, Сигрис и, по-видимому, Сигрина. В отдельности каждая из этих форм могла бы быть объяснена как иранская, есть и прямые аналогии к таким названиям в индоиранской и иранской этно- и топонимике. Но, как и в отношении ряда других имен, и особенно топонимов, полной уверенности в иранской принадлежности каждой такой формы, возможно, не было бы. Приведенные же варианты ясно указывают на фонетические и грамматические особенности именно иранских языков и диалектов⁵.

При более определенной локализации иногда удается связать упоминаемые в ассирийских источниках топонимы со средневековыми и со-

временными и на этой основе подтвердить их иранское происхождение, более четко установив их форму, а также значение. Так, название области Патуш'арра у горы Бикни (Демавенд) сопоставляется с Патишхваром раннесредневековых источников – областью к северу от Демавенда; это вполне ясно определяет иранскую форму, переданную в ассирийском как Патуш'арра, и ее значение. Надежная и общепринятая локализация упоминаемых при Саргоне II Таруи и Тармакисы – двух укрепленных поселений, или двойной крепости, в районе Тавриза дает возможность, учитывая и раннесредневековые армянские названия города (Тарвеж, Тавреж и др.), установить развитие форм этих названий и вместе с тем определить их иранскую принадлежность⁶.

Во многих случаях предполагаемая иранская принадлежность личных имен или топонимов становится вероятной или определенной, когда по источникам устанавливается их связь с определенно иранскими именами, например, иных лиц из тех же местностей, самих этих местностей и т. п. Так, для района Аразиаша – «Области Речки» известно пять личных имен; три из них могут быть отнесены к бесспорно иранским и по их ассирийской передаче. Это позволяет считать иранскими и два других – одно, легко объяснимое из иранского, и второе, в случае иранской принадлежности содержащее частый в иранской ономастике элемент *arta*, хотя объяснение имени в целом затруднено и ассирийская передача другой части имени может быть многозначна. Некоторые топонимические названия этой области также могут быть иранскими или, независимо от происхождения, уже бытовать и оформляться в иранской среде. Кроме того, источники сообщают для этой территории топонимические названия, представляющие аккадские образования с Бит- («Дом») и определенно иранским именем во второй части (Бит-Раматуа, Бит-Багайа)⁷.

В ряде подобных случаев (см. также ниже) удастся с достаточной уверенностью отнести к иранским и короткие имена и названия, поддающиеся иранской этимологии, а также более сложные имена, которые, по крайней мере в ассирийской передаче, при иранском объяснении ясны лишь частично. Вместе с тем, как говорилось, ассирийские передачи могут сильно затемнить иранскую принадлежность многих имен и затруднить их иранское объяснение, тем более, что и сама древнеиранская ономастика и лексика остаются во многом неизвестными.

Дальнейшие изыскания, дадут, очевидно, возможность подтвердить предполагаемую иранскую принадлежность ряда известных по ассирийским текстам имен, а также лучше уяснить их значение. Существенную роль при этом должно сыграть и увеличение фонда древних западноиранских имен из эламских, вавилонских и других иноязычных источников. В

качестве примера остановимся лишь на некоторых материалах, содержащихся в книге выдающегося французского ираниста Э. Бенвениста, в которой опубликован список определенных им в качестве иранских имен из эламских персепольских документов «крепостной стены» и даны толкования этих и ряда других известных по иноязычным передачам древних иранских имен⁸. Издание упомянутых эламских документов и изучение содержащихся в них данных, в том числе ономастических, сыграет, безусловно, очень большую роль в исследовании истории и культуры ахеменидского Ирана, а также древних западноиранских диалектов и их лексики. Ономастические материалы этих документов, впервые представляющие столь обширное собрание иранских имен из Западного Ирана ахеменидского времени, имеют важное значение и при анализе известных по ассирийским надписям имен предполагаемого иранского происхождения.

Вместе с тем следует отметить, что имена из ассирийских текстов, в свою очередь, весьма важны при изучении иранской ономастики ахеменидского времени, в том числе сохраненной эламскими документами. В ряде случаев представленные в них имена или их отдельные (и, в частности, редкие в известной иранской ономастике) элементы засвидетельствованы уже материалами ассирийских надписей. Иногда данные последних могут помочь и в установлении значения иранских имен из эламских документов (следует также учитывать, что ассирийские, как и вавилонские, передачи в некоторых отношениях менее двусмысленны, чем эламские). Значительное число важных элементов ахеменидской иранской ономастики, в том числе отражающих социально-политические термины и религиозно-идеологические понятия, встречаются уже в именах ассирийского времени, т. е. на три-четыре века ранее (ср. ниже). Это часто имеет первостепенное значение для культурно-исторических выводов из ономастических данных ахеменидского периода. Отмеченные моменты подчеркивают также преемственность древнеперсидской ахеменидской ономастики и западноиранской ономастики IX–VIII вв. до н. э. (причем, заметим, засвидетельствованной в основном для территорий к западу от Мидии и в то время, когда Мидийского царства еще не существовало).

Обширный ономастический материал из эламских документов Персеполя позволяет более определенно судить о ряде фонетических и грамматических черт западноиранских диалектов первой половины ахеменидской эпохи. Некоторые из них представляют значительный интерес при анализе встречающихся в ассирийских текстах иранских имен и особенностей их аккадских передач⁹.

Так, определенно подтверждается мнение, согласно которому в указанный период в западноиранских диалектах конечные гласные еще все-

гда сохранялись (вопреки иной точке зрения, по которой процесс их утраты в западноиранских говорах и диалектах проходил уже в это время или даже ранее, еще с ассирийской эпохи). Древнеиранские основы на *-a-* (*u* *-ah-*) в именах из персепольских документов, как правило, имеют в эламской передаче окончание *-a*, а основы на *-u-* и *-i-* окончания *-uš* и *-iš*¹⁰. Это вполне соответствует и фактам вавилонских передач иранских имен того же времени, а отдельные исключения как в вавилонских текстах, так и в ассирийских надписях не выходят за рамки вполне объяснимых особенностей аккадских передач. Эти особенности наблюдаются, в частности, не только в конце слова, но и в иных положениях, где они явно не могут иметь отношения к собственно иранскому развитию.

То же следует сказать и о судьбе древнеиранских дифтонгов, которые по мнению ряда авторов монофтонгизировались к эпохе Дария I и Ксеркса или еще ранее. Имена из новых эламских документов подтверждают известный и ранее факт частой передачи иранского *-ai-* эламским *-e-*. Но это, очевидно, лишь особенность иноязычного восприятия и передачи фонетической группы, чуждой для эламского. Причем она могла передаваться в эламском и иначе – через *-a-* (ср. *da-a-ma-* для *daiva-* и др.), откуда также следует, что нельзя говорить о произношении *-e-* (например, *dev* и др.) в иранском. Вместе с тем стяжение обоих дифтонгов, *ai* и *au*, должно было происходить в целом одновременно. Между тем и новые эламские материалы свидетельствуют о сохранении в тех же иранских диалектах дифтонга *au*, передаваемого, как правило, через *au*.

Данные, указывающие на сохранение в древнеперсидских диалектах (и именно в говорах центральных районов Персиды) еще в первой половине V в. до н. э. конечных гласных, а также дифтонгов, снимают один из аргументов в пользу все еще распространенного мнения¹¹ о введении древнеиранской (т. е. древнеперсидской) клинописи задолго до Дария I, или, как часто считают в таких случаях, в Мидии. Согласно этому мнению, орфография ахеменидских надписей уже при Дарий I отражает более древнее, а не современное состояние языка, характеризовавшееся отмиранием флексии и стяжением дифтонгов. Но, как уже говорилось, оба эти процесса еще не получили развития не только при Дарий I, но по крайней мере и через несколько десятилетий после него, а во всяком случае в некоторых западноиранских диалектах и одним-двумя веками позже¹². Что касается возникновения древнеперсидской клинописи, то вряд ли можно сомневаться в том, что она была введена именно при Дарий I. В советской науке это положение было подробно аргументировано М. А. Дандамаевым¹³. Недавно данная проблема была подробно рассмотрена шведским иранистом К. Ниландером, в частности, весьма убедительно

показавшим, что древнеперсидские надписи Кира Великого в Пасаргадах были выбиты уже по приказу Дария I, а при самом Кире написаны тексты лишь на эламском и вавилонском языках¹⁴. Тот же вывод следует из результатов обследования учеными ФРГ текстов на Бехистунской скале, показавшего, что древнеперсидская версия знаменитой надписи была сделана позже эламской и вавилонской¹⁵. Подобные факты, в свою очередь, свидетельствуют о том, что орфография надписей Дария I должна отражать реальное состояние древнеперсидского языка в его время (как еще по крайней мере и при Ксерксе).

Многие иранские имена из эламских документов не являются сложными, представляя простую основу¹⁶ или, чаще, оформленные суффиксом (*-aya*, *-iya*, *-ina*, *aina*, *-ama*, *-aka* и др.). Как нам уже приходилось отмечать¹⁷, многие древнеиранские, как и древнеиндийские и общеарийские, имена не образованы на основе сложного слова, причем это непосредственно относится к именам представителей высшей знати и жречества (в основном и упоминаемых в древних источниках). Уже поэтому наличие многих простых имен в персепольских документах не следует объяснять тем, что в них могут встречаться имена лиц, происходивших из более низших социальных слоев. В ряде случаев те же имена известны и по другим источникам, где они определенно принадлежат представителям высших общественных кругов (некоторые примеры см. ниже). Да и по своему значению ряд простых имен указывает на происхождение их носителей (ср., например, ниже об именах от *xšadra-*, именах, совпадающих с обозначением высших ахеменидских чинов, и др.).

Большой процент не являющихся сложными имен среди общего числа иранских имен из эламских документов, как и другие подобные данные, подтверждает, что и в ассирийских источниках рядом со сложными, бесспорно, иранскими, именами должно быть представлено значительное количество простых иранских имен. Уже поэтому нет никаких оснований исключать возможность иранской принадлежности таких имен, как уже упоминавшиеся *Arua*, *Bāra*, *Arija*, или *Uzi* (может быть естественной ассирийской передачей для засвидетельствованного иранского имени *Uzya-*), *Darī* (см. ниже), *Sua* (было бы закономерно для *Savah-*) и т. д. К тому же они называются рядом с определенно иранскими именами или в их окружении. Еще более определенно можно относить к иранским именам, в которых – при возможности объяснить из иранского имя в целом – выделяются элементы, соответствующие обычным иранским суффиксам (*-na*, *-ka*, и др.; ср. об этом ниже; в то же время, например, суффикс *-ya* не всегда выразительно отражен в аккадских передачах).

Засвидетельствованные эламскими документами простые иранские имена по своему значению могут быть разделены на ряд групп, как, например, имена теофорные или образованные от названий религиозно-идеологических понятий (ср. *Bakeya* < **Bagaya*, *Bakena* < **Bagaina*, *Irteya*, *Irdaya* < **Rtaya*, *Irtena* < **Rtaina*, имена от *farnah*- и многие другие; имена **Bagaya*, **Artaya*, **Mazdaya*, **Mazdaina* и подобные известны и по античным источникам, причем как принадлежащие представителям высших слоев общества); имена типа социальных терминов (ср. *Šakšiya* < **Xšassiya* – *Xšadrya* «кшатрий», по Э. Бенвенисту – «soverain», *Šaturrina* < **Xšadrina* со сходным значением, ср. также ниже об именах *Dahima*, *Mariya* и т. д.), имена по обозначению цвета (*Akšena-axšaina* ‘темного цвета’, *Kabauda* и *Kabaudana* – от *kapauta* ‘голубой’, ‘синий’, *Šiyama* – *syāma* ‘черный’, ср. авест. *Sāma*, *Syāmaka*; ср. имя отца одного из знатнейших персов, члена рода Ахеменидов Отаны: *Ouxra* – **Suxra*, ср. инд. *Çukra* и пр. ‘красный’ – и другие имена подобного значения из иранских и индийских источников), имена по названиям животных (*Maraza* – *varāza* ‘вебрь’, это слово засвидетельствовано как имя в иранском и индийском – *Varāha* – и часто употреблялось как прозвище представителей иранской аристократии; *Karkašša*, ср. авест. *kahrkāsa* ‘ястреб’¹⁸, *Irtuppiya* для др.-перс. **Rdufiya*, **Ardufiya* ‘орел’ и другие; последнее имя было известно и ранее, по греческим авторам; по Геродоту, например, его носил один из Ахеменидов, сын брата Дария I).

Такие имена (в том числе упомянутых выше групп) определенно представляют собой образования с самостоятельными значениями, аналогичными тем, которые имели бы слова тех же форм, и не являются сокращениями. Так же, безусловно, следует рассматривать, во всяком случае в основной массе, многочисленные простые имена с формантом *-ka*. Такие имена обычно считаются уменьшительными или сокращенными (от сложных с первой частью, соответствующей основной части данных простых имен). Засвидетельствованные эламскими документами иранские имена с суффиксом *-ka*, как правило, рассматриваются в качестве сокращенных и Э. Бенвенистом.

Но нет никаких оснований усматривать принципиальное различие в образовании таких имен, как **Artaya* и **Artaina*, **Bagaya* и **Bagaina*, **Mazdaya* и **Mazdaina*, **Xšassya*, **Xšadrina* и *Xšadrta*, **Aršaina* и т. д., с одной стороны, и таких имен, как **Artaka* и **Artuka*, **Baguka*, **Mazdaka* и **Mazduka*, **Xšassaka* и **Xšadraka*, *Aršaka* и т. д., с другой (все перечисленные имена засвидетельствованы источниками ахеменидского времени; большая их часть известна и по эламским документам или только по ним; некоторые представлены уже в ассирийских текстах). Вообще имена на

-ka должны в основном рассматриваться как соответствующие простые слова с суффиксом *-ka*. В западноиранских языках (древнеперсидском, курдском и др.) он употребляется весьма часто и имеет различные функции (а в уменьшительном значении для древнеперсидского, например, он вообще не засвидетельствован). Наличие же в ряде случаев сложных имен, в первой части соответствующих простым, не должно указывать на то, что последние являются сокращениями, как не являются ими обычные слова на *-ka*, совпадающие, без суффикса, с частью сложного имени (или слова). Необходимость подобного подхода к анализу простых имен на *-ka* целиком подтверждается и новыми материалами эламских текстов¹⁹.

Но и независимо от того, что представляют собой по типу образования имена с суффиксом *-ka*, обилие в новых эламских документах иранских имен на *-aka* и *-uka*, переданных как *-akka*, *-ukka* или много реже *-aka*, *uka*, вполне подтверждает высказанное нами ранее мнение²⁰, что по существу все (весьма многочисленные) известные по текстам Саргона II имена из Западного Ирана, оканчивающиеся в ассирийской передаче на *ukka/ukku* (*-u* — окончание именительного падежа в аккадском) и *-akka/akku*, а также и на *-uka/uku* и *-aka/aku*, являются иранскими (подробнее о некоторых из этих имен см. также ниже). Остается, впрочем, неясным, чем вызвана столь частая передача иран. *-k-* в этом положении через *-kk-*. Вообще говоря, при передаче иранских имен и слов в эламских и аккадских текстах двойное написание согласного обычно не имеет значения и является лишь графическим вариантом; представлялось поэтому вполне вероятным, что и в случае с известными по ассирийским надписям именами на *-ukku*, *akka-* и пр. дело обстоит так же²¹. По мнению большинства авторов, эти имена вообще не являются иранскими (ср. ниже). Э. Герцфельд, считая иранскими имена Дайаукку-Дейока и Арукку (VII в. до н. э., сын Кира I, известный по надписям Ашшурбанапала), допускал здесь иранское произношение с *-kk-*. И. М. Дьяконов, рассматривая те же имена как иран. **Dahyāuka* и **Ar(ya)uka*, полагает, что ассир. *-kk-* вызвано ударением, падавшим в иранском на предшествующий дифтонг *au*. Но лишь некоторые имена с *-kk-* из ассирийских текстов могут, при иранском объяснении, иметь перед *k* дифтонг *au*. В большинстве других его определенно не было (и для Арукку вероятнее **Aryuka*), как и почти во всех иранских именах с *-kk-* из новых эламских документов. Но свидетельствуемое теперь и последними очень частое написание иранских имен с *-kk-* (что встречается и в вавилонских текстах ахеменидского времени²²) заставляет все же задуматься над тем, не отражается ли здесь и какое-то собственно иранское фонетическое явление.

Наряду с многими именами на *-akka* и *-aka* в эламских текстах содержится и значительное число имен на *-ukka* и *-uka*. В некоторых из них суффикс оформляет основу на *-u-* (элам. *Rašnukka*, *Rašnuka*, к *Rašnu-*, и ряд других), но в других – основы на *-a-*. По Э. Бенвенисту, элам. *Bakukka* передает **Bagaka*, сокращение, испытавшее влияние сложных имен с *baku-* (для *baga-*) перед лабильным (ср. *Bakumanya* < **Bagamanya* и др.). Но это объяснение нельзя признать убедительным; восприятие и передача иран. *a* перед лабиальным как *u* была возможна, естественно, лишь в иноязычной среде; **bagaka*, и являясь сокращением, было бы образовано в иранской среде и передавалось бы с *Vaka-*, как и в очень большом числе эламских передач имен, начинающихся с *Baga*-²³. Поэтому элам. *Bakukka* должно передавать **Baguka*, образованное так же, как, например, **Artuka* и **Mazduka*.

Образование того же типа представляет *Parnukka*: **Farnuka* (от *farnah-*), встречающееся в эламских документах наряду с *Parnakka*: *Farnaka*. **Farnuka* засвидетельствовано в иранской лексике осетинским *færnyg* ‘наделенный фарном’, ‘богатый’ (ср. также перс, *farrux* ‘счастливый’ и т. п.) и в ономастике второй частью имен: иберийского царя II в. н. э. *Xše-Farnug* и нартовского героя *Buræ-færnyg*. С *-farnuka* образовано и имя *Ašparnukka*, вариант *Ašpirnukka* (для *-pirn-* вместо более обычного эламского *-parn-* для *-farn-*, ср. *Daddapirna* < **Dātafarnah-* и др.), по Э. Бенвенисту, с усилительной приставкой *aš-*: **aš-farnuka-*. Имя *Puktukka* образовано от *buxta-*, как *Puktamira* < **Buxtavīra*, *Puktēna* < **Buxtaina*; приводя эту группу имен, Э. Бенвенист дает для *Puktukka* иран. **Buxtaka*-²⁴, но оно определено передает имя с *-uka* (ср. **Artaina* и **Artuka* и др. см. выше). Элам. *Amukka*²⁵ передает иран. **Amuka*, очевидно, от *ama-* (или, менее вероятно, **Hamuka*, к *hama-*).

Некоторые имена из ассирийских текстов на *-ukku* и *-ak(k)u* уже давно рассматривались как иранские, и именно Дай(а)укку, соответствующее имени основателя Мидийского царства Дейока (при иранском объяснении: **dahyu-ka* или **dahyauka*, ср. др.-перс, *dahyāuš*). Но с 30-х годов большинство исследователей вслед за Ф. Кёнигом стало считать суффикс *-ukku* принадлежащим к старым местным языкам и относить к ним все имена на *-ukku*: Машдай(а)укку, Пайукку и др., а также и на *-akku*: Каракку, Машдакку, Китаку и др. (ср. у Дж. Кэмерона, Х. Нюберга, Г. А. Меликишвили, И. Алиева и др.). Первоначальным основанием для этого мнения послужило как раз имя Дейока – Дай(а)укку и его сравнение с именем *Tajuki* из текстов середины II тыс. до н. э., определенным Э. Шпайзером в качестве хурритского; имена на *-ukku* и *-akku* рассматривались также как «субарейские» (Ф. Кёниг), «кавказские» (Дж. Кэмерон),

«загро-эламские» и т. д.²⁶. В связи с этим также полагали, что основатель Мидийского царства происходил из среды старого местного населения, а его династия, последующие представители которой носили иранские имена, по предположению Х. Ньюберга, вошла в «арийскую» религиозную общину и, тем самым, в состав господствующего ираноязычного класса.

Но по сравнению с именем Тайуки, засвидетельствованным к тому же на много веков ранее и для иных территорий, более близкую аналогию к Дай(а)укку дает иран. **Dahy(ā)uka*, возможность существования которого несомненна (ср. также ниже) и которое закономерно передавалось бы в дошедших ассирийской и греческой формах²⁷. В отношении этого имени существенно также подчеркнуть следующее. Независимо от определения его языковой принадлежности, всегда считали, что Дай(а)укку текстов Саргона II и Дейок античных авторов – одно и то же лицо. Однако, конкретные аргументы в пользу этого мнения оказались несостоятельными, и единственным основанием для него остается совпадение имен. Но, например, лишь по текстам Саргона II известно несколько правителей из разных районов по имени Машдакку (или Машдукку), двое Сатарпану и т.д., по надписям второй половины VIII – первой половины VII вв. до н. э. – по крайней мере три правителя (из разных владений) по имени Раматейа и т. д. Сличение данных из текстов Саргона II доказывает, что Дайуку правил в области, не только не входившей в Мидию, но и отделенной от нее другими областями и «странами». Другие данные об этом правителе и об основателе Мидийского царства также свидетельствуют, что между ними не могло быть никакой (ни реальной, ни эпической) связи²⁸. Данные о династии Дейокидов и имена ее представителей, а также их центра Экбатан (бывших уже и столицей Дейока), вряд ли могут оставлять сомнение в том, что и ее основатель был иранцем и носил иранское имя. Также и Дайуку правил в области, вероятно, с ираноязычным населением; во всяком случае единственный известный для нее топоним – Зирдиакка (по-видимому, центр области) – должен быть иранским (ср. ниже).

Само существование иранских имен с окончанием *-uka* (и, тем более, *-aka*) не могло вызывать сомнений. Некоторые же имена на *-ukku* из ассирийских текстов определенно принадлежат представителям ираноязычного населения (как и имя перса Арукку в VII в. до н. э.). Вместе с тем имена на *-uk(k)u* и *-ak-(k)u* из текстов Саргона II либо и по своей форме должны быть определенно признаны иранскими либо легко объясняются из иранского. Это дало возможность отнести к иранским всю эту группу имен, включая такие, не отмечавшиеся в качестве иранских, как

Пай(а)укку, Дасукку, Каракку, Китаку и др. При объяснении имен Зардукку, Машдай(а)укку и Машдаку, Дасукку и др. было важно уяснить, что окончание *-uka* могут иметь иранские имена, образованные не от основ на *-u*²⁹. Материалы документов «крепостной стены» дают, как мы видели, новые очевидные примеры таких образований, а также указывают на вообще очень широкое распространение в древней западно-иранской ономастике простых имен с суффиксом *-ka*. Кроме того, непосредственно засвидетельствовано несколько известных и по ассирийским текстам имен с этими окончаниями (что еще раз подтверждает иранскую принадлежность этих имен).

Среди них представлено и имя «Дейок», причем в различных эламских написаниях и вариантах (по списку у Э. Бенвениста: *Dāhiwukka Dāhikka, Da'uka, Dāyukka, Dāyauka* и др.). Некоторые из них могут скорее передавать **Dāhyuka*, другие – и *Dāhyauka*; по Э. Бенвенисту, **dahyuuka*, сокращение от сложного слова. Но, как и многие другие имена на *-ka*, в том числе из эламских текстов (ср. выше), **dāhyu-ka* должно, очевидно, представлять самостоятельное слово, как и авестийское *dāhyu-ma*, и иметь, вероятно, примерно то же значение (букв. ‘относящийся к стране’ – ‘руководитель страны’ и т. п.). По данным Авесты, дахьюма исполнял и судебные функции в масштабах «страны» – дахью. Дайукку-Дейок (к *dahyu* – ‘страна’) определенно имя типа титула, как и имена многих правителей, упоминаемых в ассирийских надписях. В рассказе же о возвышении Дейока Геродот сообщает и специально подчеркивает, что Дейок объединял Мидию в качестве «судьи», а также носил это звание и ранее в своем собственном владении³⁰. В связи с этим существенно отметить, что в эламских документах наряду с именем «Дейок» засвидетельствовано в качестве личного имени и *dāhyuma*: элам. *Dahima* (к передаче ср. **dahyuuka* > *Dahikka*).

Еще одно имя, известное ранее по ассирийским, а также греческим, текстам, а теперь и по эламским – «Арбак»: элам. *Harbakka* (*Ha-* для иран. *A-* обычно, ср. *Hatur-* для *atr-*, *Hariya-* для *arya-* и др.). Элемент **Arba-* выделяется также в имени *Harbamišša* (как отмечалось Э. Бенвенистом ранее, а теперь сопоставляется еще с *Dadamišša*, иран. **Dātamissa* или *-misa*). Это **Arba-* и имя *Harbakka* в эламской передаче Э. Бенвенист сопоставляет с Ἀρβάκης, считая их иранскими, но не предлагая этимологии, а также не отмечая ассирийского *Arbaku*³¹. Вместе с тем в работах по истории доахеменидского Ирана имя Арбаку (из списка 713 г.) не относили к числу иранских (ср. у И. М. Дьяконова и др.), либо – вместе с Ἀρβάκης – непосредственно определяли как происходящее из местных доиранских языков (так, указывалось, что оно не этимологизируется на

основе иранской лексики, но может быть связано с именем касситского божества *Harbe*³²). Не приходится, однако, сомневаться в иранской принадлежности этого весьма распространенного в Западном Иране имени. По античным авторам известны два иранца, носившие его в конце V в. до н. э. (кроме того у Ктесия это имя основателя независимой Мидии, но оно, по-видимому, лишь заимствовано данным автором у сатрапа Мидии в его время Арбака). То же имя для VI в. до н. э. представляет, очевидно, Ἄρπαγος «Гарпаг», переделанное в греческой передаче по образу слова ἄρπαγή 'грабеж'³³, ближе к иранскому оригиналу ликийское *Arppaku* «Гарпаг». Эти формы, как и, определенно, греч. Ἀρβάκης элам. *Harbakka* и ассир. *Arbaku*, представляют иран. **Arbaka*. Это распространенное имя вместе с **Arba-* (выделяемым в безусловно иранском имени) указывает на существование в древних западноиранских диалектах слов **arba-* и **arbaka-*, которые точно соответствуют др.-инд. *arbha-* и *arbhaka-*, засвидетельствованным с Ригvedы (ср. также лат. *orbis* и др.) и имеющим сходный круг значений: «ребенок», «мальчик», «юный» и т. п. Слова в таких значениях нередко становились социальными терминами и титулами а также употреблялись как имена. В числе примеров употребления таких слов в качестве социальных терминов отмечались, в частности, индоиран. и иран. *marya* и **maryaka* (др.-перс, *marīka* и др.), первоначально (и этимологически) – «мальчик», «юноша» и т. д.³⁴. Эти формы теперь также засвидетельствованы персепольскими документами как личные имена: элам. *Mariyuua*, *Mariyaka*, *Marikka*.

К происходящим из старых местных языков относили и имя из текстов Саргона II *Karakku*. Но и оно должно быть иранским: **Kāraka*, к *kāra-* 'войско', 'народ' (**kāraka-*, по-видимому, также самостоятельное образование, а не сокращение)³⁵. Это подтверждается наличием данного имени (элам. *Karakka*) в персепольских документах, в одном из новых текстов «сокровищницы» (документ 1963: 6, стк. 22³⁶; четыре других имени, называемых в тексте, также определенно иранские), и в документах «крепостной стены» по списку у Э. Бенвениста (имя трактуется как сокращенное от сложного с *kāra-*, ассирийское Каракку не отмечается)³⁷.

Данные об иранской принадлежности имени Каракку еще раз подтверждают, что иранские имена носили все представители рода, правившего в области Уриак(к)у, упоминаемой в четырех текстах Саргона II и лежавшей около границ Мидии в ее западных районах; под 714 г. называется Каракку, затем здесь правил Уппите – он же, очевидно, «сын Каракку из Уриаку» другого текста, а после него Рамат(е)и. Последнее имя (известно для других лиц и в передачах Раматейя, Раматайя и др.) также явно иранское. Таковым поэтому должно быть признано и имя Уппите (сына

Каракку и родича Раматеи), которое легко может быть объяснено из иранского, но в отдельности в своей ассирийской форме не давало бы оснований для надежных выводов. Так же обстоит дело и с именем: Уппис (имя правителя из области Пар(и)така; упоминается при Асархаддоне вместе с двумя другими правителями, имена которых, как и названия их владений, определенно иранские), Уппамма (из списка 713 г., где это имя стоит среди бесспорно иранских имен) и т. д. Название области, где правили Каракку, Уппите и Раматеи, также должно быть признано иранским – **Var(i)-yaka*, оно передается как *Uriaku*, *Uriku* (с упрощением, в ассирийской передаче или с отражением особенности иранского произношения, ср. *marīka* при **mar(i)yaka* и др.) и *Uriakku*, как и в имени, ее правителя Каракку с *-akku* для иран. *-aka*³⁸.

Ассирийскими текстами засвидетельствован и ряд других топонимов на *-akku* и *-ukku*, которые по форме или дополнительным данным могут быть надежно отнесены к иранским. При Асархаддоне упоминается *Partukka*, где правил Занасана (иранское имя) и *Partakka*, вариант *Paritaka* (иран. **Paraitaka* или подобное, ср. название Паретакена) – владение Упписа (третий называемый с ними правитель – Раматейя из Ураказабарны, имя и название иранские). При Саргоне II помимо упоминавшихся названий *Zirdiakka* – из области, где правил Дай(а)укку (иран. **Dahy(a)uka*), и Уриаку, где правителем в 714 г. был Каракку, известно, например, еще владение *Amakku* (возможно, иран. **Amaka*, или подобное, ср. выше об *Amukka*) с правителем Машдаку (иран. **Mazdaka*). По сравнению с текстами Саргона II данные надписей Тиглатпаласара III об Иране гораздо менее обстоятельны. Но и в них удается определенно установить иранскую принадлежность названия упоминавшейся выше местности Шиграк(к)у – Тигракку, известной также при Саргоне II как Сигрис и Тигракка и, по-видимому, Сигрина (для 713 г. до н. э. здесь известен и правитель, с иранским именем). Ассирийские передачи с *š-* и *s-* в этих именах отражают «северо-западные» иранские формы (**Sigraka*, **Sigriš*, **Sigr(a)ina*), а с *t-* «юго-западные» (**Ōigraka* и **Ōigriš*, ср. упоминаемый при Саргоне II Тигриш, – по-видимому, для иной географической единицы); а асир. *-akku* (также *-akki*, *-aki*, *-akka* в разных текстах) и здесь определенно соответствует иранскому суффиксу *-aka*. Это можно рассматривать как дополнительный аргумент для отнесения к иранским единственного личного имени на *-akku* из текстов Тиглатпаласара III: Узакку (возможно от иран. *uz-/auz-* или *vaz*, в обоих случаях с параллелями в индоиранской ономастике). Иран. *-aka* входит также в состав имени *Tunaku* (правитель Парсуа в 744 г. до н. э.; для *tuna-* ср. имя *Bagatuna* из писем времени Саргона II)³⁹.

Материалы для IX в. до н. э. (данных об ассирийских походах на восток в первой половине VIII в. до н. э. не имеется) еще более ограничены. Среди лучше определяемых в качестве иранских, преимущественно «больших», сложных имен можно указать имя Ашпаштатаук (ср. ниже), где *-tauk*, очевидно, для иран. *-tavaka* от *tava(h)*-. Менее ясно имя из Мидии *Hanaširuka* или *Hanaziruka*. Его обычно относили к «кавказским», «загроэламским» и т. п., причем единственный конкретный аргумент состоял в указании на окончание *-uka*, считавшееся неиранским на основании имен VIII в. до н. э. Но и данное имя, очевидно, иранское⁴⁰. Тем более что теперь еще определеннее можно говорить о том, что окончание *-uka* в именах из Ирана в VIII–V вв. до н. э. было характерно как раз для иранских имен (а вторую часть имени, по-видимому, **-jīruka*, к *jīra*- можно сравнить с приводившимися выше именами с **farnuka* во второй части).

Помимо простых имен с суффиксом *-ka*, несколько других коротких имен из ассирийских текстов в случае иранской принадлежности находят прямые соответствия в именах из персепольских документов. Так, *Arija* (713 г. до н. э., правитель Бушту, в IX в. до н. э. входившей в Парсу) совпадает с *Hariya* эламской передачи для *Ar(i)ya* (ср. также **Ar(i)yuka*, *-aka* ассирийской и греческих передач). *Bagaia* (в Бит-Багайа, ср. выше) передает иран. **Bagaya*, известное как имя и ранее по греческим текстам (для VI в. до н. э. и позже)⁴¹, а теперь и по эламским документам (ср. выше).

И в некоторых других образованиях с Бит-, известных по ассирийским текстам, во второй части представлено иранское имя (ср. и в вавилонском: Бит-Багадатти и др.). В то же самое время (716–715 гг. до н. э.), как Бит-Багайа и Бит-Раматуа, упоминается местность (из тех же районов к западу от Мидии) Бит-Умарги. *Umargu* рассматривалось нами как иран. **^hUmarga* («владеющий хорошими лугами»), в качестве параллелей к которому приводились греч. Ἀμορῦνς Ὀμάρῦνς⁴². Но второе из них (соответствующее приведенной иранской форме) лишь рукописный вариант имени одного из лиц, известных в античных источниках под именем «Аморг» — двух ахеменидских полководцев и двух сакских царей (оба, по-видимому, неисторические). А по Р. Шмитту, прежде чем давать указанную этимологию имени «Аморг», следует исключить влияние греческого Ἀμορῦς (название острова) и ἄμειρῦειν («срывать»)⁴³. Тем не менее, «Аморг», очевидно, неточная (обусловленная, по-видимому, указанными причинами) греческая передача для **^hUmarga*, так как один из персидских полководцев этого имени упоминается в ликийской стеле из Ксанфа (конец V в. до н. э.) как *humrkka* и *umrgga*⁴⁴.

Darī (713 г. до н. э., имя правителя индийской области Сапарда) может правильно передавать иранское *Dāraya*- (ср., например, *Darī* в одном

из вавилонских документов для имени Дария, с отражением лишь первой части – *Dāraya-*), представленное в элам. *Dariya* (к передаче ср. также элам. *Dariparna* и вавил. *Dari'parna* для **Dārayafarnah-*)⁴⁵. Имя *Satiria* закономерно передает иран. *Xšadrya-*, чему соответствует упоминавшееся **Xšassiya-* > элам. *Šakšiya*. Иранская принадлежность имени Сатириа подтверждается и тем, что оно названо в списке 820 г. вместе с другим (повидимому, это имена правителей из одного объединения) – *Artasiraru*, определенно иранским, очевидно, **Artasrīra*⁴⁶.

Ряд иранских имен из ассирийских текстов соответствуют социальным терминам или титулам и прозвищам военной знати и правителей; как уже указывалось выше, такой характер имеют и многие имена из персепольских документов. Интересно, в частности, имя *Šatrabama* < **Xšadrapāva*, соответствующее форме титула сатрапа в ахеменидских надписях: *xšassapāva(n)-* (элам. *šakšapamana*). Другая форма титула «сатрап» (отражена, в частности, в вавилонском и арамейском) – **xsaδrapana-* соответствует имени двух западноиранских правителей по списку 713 г. *Satarpanu*. Эти имена (со значением: «хранитель власти», или «царства», «осуществляющий защиту царства» и т. п.) показывают, что первоначально этот титул не был связан с существованием больших государств и административным делением.

Одним из наиболее частых, наряду с *ṛta-* «арта» (имена с *arta/ṛta-* известны и по ассирийским текстам IX в. до н. э.), элементов в иранском ономастическом материале эламских документов является *baga-*. Ряд имен от *baga-* засвидетельствован и ассирийскими надписями (все для VIII в. до н. э.), в том числе *Bagparna* < **Bagafarnah-* и *Badgattu* < **Bagadāta*; эти имена известны и по иным источникам, включая эламские документы (*Bagaparna*, *Bakadada* и *Bakdada*). Некоторые имена с *baga-* из ассирийских текстов ясно показывают, что уже тогда *baga-* употреблялось (и именно в областях к западу от Мидии), как и в ахеменидских надписях, в общем значении «бог» и могло относиться к различным богам⁴⁷.

Группа имен с *vahu-* ('хороший', 'благой', в том числе в религиозно-моральном смысле) из персепольских документов значительно увеличивает число таких древних западноиранских имен и подтверждает, что в Западном Иране в то время они не были редкими и привнесенными извне (как иногда предполагали, в связи с зороастрийским влиянием). Также уже и ассирийскими текстами фиксируются (во всех трех надежных случаях для районов к западу от Мидии) имена с *vahu-*, в том числе **Vah(u)maniš* (*Mamaniš*, IX в. до н. э.), к *vahu-man-* (для *-maniš* ср. имя Ахемена: *Naхаманиš* и др.), как и элам. *Maumanna* < *Vahumanah-* (само это сочетание намного старше времени Заратуштры)⁴⁸.

Персепольские документы дали целый ряд имен с *š(y)āti*-и *š(y)āta*-; вместе с известными по греческим, вавилонским и арамейским источникам они составляют значительную и важную группу древних западноиранских имен⁴⁹. Это согласуется с тем значением, которое имеет *šyāti*- в надписях Ахеменидов, представляя одно из основных понятий древнеперсидской религии. Это одна из специфических черт последней, не находящих соответствия в Авесте (где нет и таких имен). *Š(y)āti* и *š(y)āta* в ней не играют роли специального термина, определяют же, как правило, состояние души: радость, блаженство и т. д. А в ахеменидских надписях *šiyāti* ‘процветание’, ‘благоденствие’, ‘изобилие’ и т. п. и *šiyāta* ‘цветущий’, ‘благоденствующий’ и т. д., причем подразумевается прежде всего обеспеченность реальными, материальными благами⁵⁰. В древнеперсидской религии *šyāti* – один из основных объектов творческого акта верховного бога Ахурамазды; в то же время «благоденствие» (общественное и личное) непосредственно зависит от великого царя, поставленного Ахурамаздой и исполняющего его закон, и осуществляется в условиях мира под крепкой властью. Это представление, развитое в ахеменидский период, по происхождению намного старше времени возникновения великих иранских государств и существовало в эпоху родоплеменных объединений. В древнем ономастическом материале *š(y)āti* прослеживается еще в именах из Северного Причерноморья, и особенно в царских (ср. Ῥαδαμσάδης < **Fratamašāti*- ‘с наибольшим процветанием’ или ‘обеспечивающий наибольшее процветание’). Оно надежно определяется и в ассирийском. *Pirišāti* (820 г. до н. э., правитель из области к северо-западу от Мидии) < *Pa'rišāti*- (ср. перс. *Piršād* и Παῖρισάδης из Северного Причерноморья) «имеющий (или: дающий – племени, народу) преизобилие».

Выразительно не представленные ранее для ахеменидского времени имена от *rāman*- ‘мир’ пополнились несколькими именами из документов «крепостной стены» (*Ramakara* < **Rāmakara*- ‘создающий мир’ и др.). Они подтверждают также, что известное раньше по табличкам «сокровищницы» имя *Rāmašisra* передает именно **Rāmačīdra*, как и встречающееся в одном из новых текстов «сокровищницы» (№ 1963 : 8, стк. 5) *Rāmašiša*, в ином диалектном оформлении, **Rāmačīssa* (а не **Raivačīdra*, -čīssa⁵¹). Для более раннего времени известно элам. *šaššaram*-(*m*)*a* (из сузских документов первой – половины VI вв. до н. э.), очевидно, для **xšassarāman*-; от *ram*- образовано также имя прадеда Дария I *Ariyāramna* (ср. также *Ramnakka* из новых эламских текстов). На «большое значение понятия *rāman*- в Западном Иране уже в VIII – начале VII вв. до н. э. указывают имена нескольких правителей из разных областей (как западнее Мидии, так и в ее пределах) **Rāmatav(i)yah*- (Раматейа и др.) и, вероятно,

**Rāmatava(h)-* (ср. Раматва) ‘могучий миром’, ‘могущественный (для обеспечения) мира’ (ср. примерное значение имени жившего в середине – второй половине VII в. Ариярамны – ‘имеющий ариев в мире’ или ‘создающий мир ариям’). Представление о мире под сильной властью справедливого правителя как об условии благоденствия было характерно как для ахеменидского маздеизма, так и для ранней Авесты⁵². В Гатах «мир» связывается с понятиями «власть», «сила» (правителя) и т. д. и является условием счастливой жизни и процветания. Так, Ясна 53,8 говорит о том, что бог через «хороших правителей» приносит мир (*rāman-*) процветающим (*šyāta-*) поселениям⁶³.

На основании упомянутых данных ассирийских текстов можно говорить о формировании в Западном Иране уже в тот период и этой характерной черты раннего маздеизма, составляющей одну из основ его социально-политического содержания. О распространении же маздеизма на тех же территориях уже в ассирийскую эпоху свидетельствует целый ряд упоминаемых в текстах VIII в. до н. э. имен от *Mazdā-*, происходящих из областей к западу от Мидии и из ее западных районов. По античным источникам для ахеменидского времени также известны западноиранские имена от *Mazdā-*, в том числе и те, которые упоминаются ассирийскими надписями (ср. выше о **Mazdaka* и **Mazdaya-*), имеются они и в вавилонских текстах (**Mazdābigna*, ср. *Bagābigna* Бехистунской надписи)⁵⁴. Поэтому и имя из эламских документов *Masdayasna*, соответствующее авест. *mazdayasna* (но с элам. *-šn-*, точно не определяющим произношение этой группы), не должно указывать на зороастрийское влияние, как и арамейское *mzdyzn* < **mazdayasna* или, по И. Гершевичу, **mazdayasna*⁵⁵ – в любом случае представляющее западноиранскую, отличную от авестийской форму, что также может указывать на самостоятельное развитие культа Мазды в Западном Иране⁵⁶.

В именах из эламских документов представлено и *ahura-*; по Э. Бенвенисту, в *Urakama(?)*, *Urikama* < **Ahurakāma* и в *Urdadda* < **Ahuradāta*. Но *Urdadda* приводится им и под *Umardad(d)a*, предположительно трактуемом как **Hvardāta*. Последнее, безусловно, правильно; то же имя (указывающее на почитание божества *Hvar-* ‘Солнце’) засвидетельствовано и вавилонскими текстами как *Umardātu* и *Hurdātu* (определенно для одного лица) и *Humardātu*⁵⁷. *Ur-* в *Urdadda* может передавать как *Hvar*, так и *Ahura-* (ср. вавил. *uru-* и *ahur-* для *Ahura-*). Что касается **Ahurakāma*, то передача *uri-* и *ura-* для *ahura-* вполне закономерна (ср. и вавил. *uri-* и *ura* для *Ahura-*), а все имя может быть сопоставлено с *Bakankama* (из тех же документов) < **Bagam-kāma* (Э. Бенвенист) и известным по греческой передаче **Artakāma*. Вместе с тем по иному поводу Э. Бенвенист замеча-

ет, что имя Ахурамазды в ономастике никогда не сокращалось до *Ahura-* и в связи с этим, а также начальным О (а не Ω) считает маловероятным, что имена Οροβάζης и Οροφέρνης образованы от *Ahura-*; к этому мнению присоединяется и В. И. Абаев, полагая, что здесь может отражаться *varu-*, *arva-* и др.⁵⁸. Но Оро- (ср. вавил. игу- и раннее греч. Ωρο- в имени Ахурамазды) все же может соответствовать др.-иран. *Ahura-* в указанных именах – к ним можно добавить еще Οροβάτης, – засвидетельствованных для самого конца ахеменидского и послеахеменидского времени, когда греч. О- соответствует не только др.-иран. *ahu-*, но и *vahu-* (для чего ранее обычно также писалось Ω-). Приведенные имена упоминаются (в более поздних источниках): «Ороферн» – впервые под 353 г. до н. э., «Оробат» – под 331 г. до н. э., а «Оробаз» – в парфянское время. Следует также учитывать, что другие имена с *bazu-* ‘рука’ (как и в имени Оробаза), известные с раннеахеменидского времени, как правило, являются теофорными как и имена с перс. **badu-* ‘рука’ из эламских документов: с Арта-, Бага- и т. д.⁵⁹. Точно так же обстоит дело и с параллелями к имени Оробата. Поэтому все эти имена можно возводить к древнеиранским образованиям с *ahura-*. Для раннеахеменидского времени на их существование должно указывать *Oropastes*, по Юстину, имя брата Гауматы (*Cometes*, вероятно, также с *o* для греч. ω, но в любом случае *o* в этих именах соответствует др.-иран. *au*, *ahu*). *Oropastes* определенно восходит к **Ahura + upastā* (‘помощь’ человеку со стороны бога, ср. *A^huramazdā upastām abara* и имя **Midraupastā* – по греческим передачам). Наконец, для ассирийского времени засвидетельствовано имя *Auriparna* (из списка 713 г.) – определенно иран. **Ahurafarnah*⁶⁰. Приведенные имена с *Ahura-* также подчеркивают преемственность западноиранской ономастики с ассирийского времени до конца ахеменидского периода (а имя Ороферн, если восходит к имени с *ahura-*, непосредственно соответствует имени Аурипарну из ассирийского текста).

Имя *Irdabaya* из эламских документов предположительно объясняется Э. Бенвенистом как **rta-pāya* и сравнивается с ведическим *-pāyu-* «protection»⁶¹. Оно подтверждает, что имя сына Артаксеркса I, Βαυλαῖος, не является сокращением (как предполагали, от **Bagapāta*) и передает **Baga-pāya*, или *-pāyu*, с самостоятельным словом во второй части, от которого образовано имя двух правителей (из местностей к западу от Мидии, список 714 г.) *Paḷ(a)ukku*, иран. **Pāy(a)uka* (ср. также авест. *pāyu-* ‘хранитель’, ‘покровитель’ и т. д.)⁶².

Для *Ašbašda* эламской передачи Э. Бенвенист предлагает либо **aspastā* ‘стоящий на лошади’ либо **aspāsta* ‘имеющий кости (или: ширину в плечах) лошади’, к *ast(a)* – ‘кости’, ‘костяк’, ‘тело’. В. И. Абаев с

основанием отвергает первое толкование, но считает неоправданным и второе – «имеющий лошадиные кости», как не находящее близких аналогий; сам он предлагает **aspāšta* (с инверсией) – «восьмиконный»⁶³. Можно еще указать на имя *Aspastes* (сатрап Кармании при Дарий III), – безусловно, то же, что *Ašbašda*. в эламском. *Aspastes* в связи с ассир. *Ašpaštatauk* (из списка 820 г.) уже ранее рассматривалось автором настоящей статьи как ‘имеющий тело (мощное как у) лошади’, с указанием на авест. *asti.aojah-* ‘телесная сила’, *Ayō.asti-* ‘с костями (крепкими) как металл’ (Э. Бенвенист дает еще *Vohvasti-* ‘с хорошими костями’) и на многие другие имена, обозначающие мощное телосложение (часто по названию какой-либо части тела), с одной стороны, и на имена и прозвища типа «имеющий силу лошади», «равный лошади (в силе и пр.)» и т. д., с другой, а также на скифское *Παρσλάναχος*, четко объясненное именно В. И. Абаевым как «имеющий бока (крепкие как) доски»⁶⁴. Теперь можно еще отметить имя **Aspa-supti-* (элам. *Ašpašuptiš*) ‘имеющий плечи (как у) лошади’⁶⁵. В ассир. *Ašpaštatauk* помимо первой части выделяется *-tauk* < **tavaka* ‘сила’, ‘мощь’, или ‘сильный’, ‘могучий’, что плохо сочетается со значениями «стоящий на лошади» или «восьмиконный» (кроме того оба ассир. *š*, очевидно, для *s*) и, напротив, вполне согласуется со значением «имеющий кости, или тело (как у) лошади». Все имя Ашпаштатаук должно значить: «мощнотелый», «имеющий мощь лошадиного тела»⁶⁶. С объяснением имени *Ašbašda* от *ast(a)-, asti-* лучше согласуются и имена из тех же эламских документов *Ašpaštiya* < **Aspāštiya* и *Aššaštiya* (то же, но с перс. *s=sp*). В любом случае имя Ашпаштатаук (820 г. до н. э.) отражает то же представление, что и эти имена и имя *Aspastes*, засвидетельствованное для самого конца ахеменидского периода.

Имя *Ištibara* из персепольских документов Э. Бенвенист предположительно объясняет как **išti-bara* ‘приносящий процветание’, к **išti-* ‘имущество’, ‘богатство’. Но это толкование нельзя признать удачным, Вместе с тем имеются все основания видеть здесь диалектное соответствие к *arštibara-* ‘копьеносец’ (к *ršti-* ‘копье’) древнеперсидского надписей и названию должности из вавилонских документов второй половины V в. до н. э. *aštebar(r)u* (**aštibara-*, ср. имя *Ἀστιβάρης* у Ктесия). Элам. *išti-* тогда может быть сопоставлено с перс. *xišt* ‘копье’ (с добавочным *x-*, ср. *xirs* ‘медведь’, др.-иран. *rša, arša-*; *xišm* ‘гнев’ < *aišma-* и др.), вавил. *ašti-* и греч. *ἄστι-* (с рефлексом *r* как *a*, ср. постоянное в ахеменидском вавилонском и обычное в греческом *ar* для иран. *r*) с армянским *ašteay* ‘копье’ (из иранского), др.-перс. *aršti* со ср.-перс. *aršt*. В вавил. *ašte-*, греч. *ἄστι-* и в элам. *išti-* должно быть отражено развитие *ršt* > *št* или *rš* > *aš* (ср. *r* > *ar* перед другими согласными кроме *š*) либо *iš* (и *uš* после лабиальных, ср. *r*

> *ir, ur* перед другими согласными). Но нужно подтвердить, что подобное диалектное развитие уже могло быть отражено в документах «крепостной стены».

Эти диалектные особенности рассматривались нами в связи с именами *Ištesuku u Išteliku* (из списка 713 г.). Второе из-за его *l* обычно относят к неиранским (но, по Эд. Мейеру, это то же имя, что «Астиаг»). Первое же имя легко разъясняется из иранского (ср., например, у И. Маркварта). В аккадской, доахеменидской вавилонской, передаче с *Išt-* начинается также имя Астиага: *Ištumegu*, при Аст- греческих передач (у Геродота и Ктесия). Среди толкований имени Астиага правильным оказалось предложенное И. Марквартом и Э. Герцфельдом **Ršti-vaiga*, что подтвердилось наличием того же имени в документах «сокровищницы»: *Irištimanka* (с эламским знаком *-man-* для *-vai-*), где отражено еще *ṣšti-*. Поэтому обычная в вавилонских текстах форма имени Астиага (правил с 585/584 г. до н. э.) должна указывать на развитие *ṣšt > išt* в части западноиранских диалектов уже к началу VI в. до н. э.⁶⁷

Это непосредственно подтверждается тем фактом, что в документах «крепостной стены» то же имя встречается как в форме *Irištimanka*, так и в форме *Ištimanka*⁶⁸, без *r*; *išti-* здесь определенно соответствует *ršti*, чем доказывается и соответствие представленного в тех же текстах *Ištibara* (следовательно, то же имя, что «Астибар») – *arstibara*. Это позволяет вернуться к именам Иштесуку и Иштелику. Элемент *ište-*, выделяемый из их сравнения, может непосредственно соответствовать первой части хронологически близкого вавилонского доахеменидского *Ištu-megu* (с *u* передачи перед *m < v*) и ахеменидского *ašte-baru* (об *a* в *ašte-* см. выше) и эламских *Isti-bara* и *Išti-manka*. Имя Иштесуку стоит в списке между определенно иранскими именами (Машдаку, Уарзан, Ашпабара и др.), как и Иштелику, которое к тому же принадлежало одному из двух правителей из одной местности, а имя другого, Аурипарну, бесспорно иранское (ср. выше). Поэтому и имя Иштелику следует, по-видимому, причислить к иранским; его первая часть тогда соответствует др.-иран. *ršti-*, а вторая остается скрытой в ассирийской передаче или также в связи с отражением какого-то неизвестного древнеиранского слова. Можно еще заметить, что некоторые западноиранские диалекты и в древний период сохраняли *l* и что в определенных, хотя и редких, случаях *l* является результатом аккадской передачи иранских имен⁶⁹.

Приведенные данные также подчеркивают, что в эламских документах отражаются диалектные различия (находящие соответствие и в современных языках и диалектах), которые развивались в западноиранском задолго до ахеменидского периода. Новые данные персепольских доку-

ментов представляют материалы и для суждения по одному из основных вопросов иранской диалектологии – о соотношении так называемых северо-западных и юго-западных форм и о «индийских заимствованиях» в персидском. Так, очень частое употребление в именах из этих документов наряду с «югозападными» формами «северозападных» вполне соответствует положению, что и те и другие были одинаково персидскими в реально историческом смысле, присущими различным диалектам и говорам самих древнеперсидских племен (причем еще с доахеменидского периода)⁷⁰. Эламские передачи послужили некоторыми опорными пунктами и для выводов И. Гершевича в его очень важной статье о диалектных различиях в древнеперсидском, преимущественно основанной, однако, на анализе собственно иранских материалов по данным древних текстов и новых иранских языков и диалектов. Эти материалы непосредственно доказывают, что такие черты, как *s* и *z*, *θr*, *θy*, соответствующие «чисто персидским» *θ* и *d*, *ss*, *šy*, были свойственны самому персидскому и не должны считаться привнесенными в него извне⁷¹. Однако, не все окончательные выводы И. Гершевича представляются одинаково убедительными.

Различие *s* – *θ* и *z* – *d* И. Гершевич считает внутрдиалектным, не отражающим разные пути развития индоевропейских палатальных, а возникшим много позже с появлением тенденции к произношению *s* как *θ* и *z* как *δ*, которая была реализована в одних словах, но могла не затронуть другие (либо затронула их лишь в некоторых персидских говорах и диалектах). Примерно так же трактуется и происхождение различия *θr* – *ss*. При этом, по И. Гершевичу, изменения *s* в *θ* и *z* в *δ* еще осуществлялись около 520 г. до н. э. или незадолго перед этим, а так как развитие *θr* > *ss* следовало за *s* > *θ*, то и оно должна быть отнесено примерно к тому же времени. Исходя из фактов, отмечавшихся Г. Моргенштерне и В. Хеннингом, и в связи с выводами И. Гершевича О. Семереньи также считает, что вариации *θ/s* и *δ/d/z* в древнеперсидском является внутри-, а не междиалектной и возникшей в поздний период, и ставит вопрос о причинах этого явления. Он объясняет его влиянием арамейских диалектов, в которых отмечает сходное (но отнюдь не идентичное) явление⁷². Но единственный конкретный аргумент относительно указанной хронологии этих изменений, основывающийся на эламском *kandabara* для др.-перс. **gandabara* (при более обычном элам. *kanzabara* для **ganza*-), явно недостаточен для такого заключения, а также допускает различные толкования. Вместе с тем можно, например, заметить, что не только развитие *θr* > *ss*, но и *θy* > *šy*, как следует и из материалов И. Гершевича, происходило после изменения *s* > *θ*. Но это *šy* и *ss* уже были обычны для древнеперсид-

ских диалектов к 520 г. до н. э. Более того, *ss*, по-видимому, фиксируется уже сузскими документами на несколько десятилетий ранее (ср. выше об элам. *šaššarama*).

Уже поэтому *θ* и *d*, соответствующие *s* и *z* других диалектов, должны были существовать в некоторых западноиранских диалектах, по-видимому, уже в VIII–VII вв. до н. э. (или и ранее). Это подтверждается данными ассирийских текстов. Правда, в иранской принадлежности отдельных имен, в которых при иранском объяснении можно определить «чисто персидские» черты, нет полной уверенности. Но для упомянутого выше топонима Тигракка – Шигракка (также Сигрис и пр.) в этом, очевидно, не может быть сомнения (а соответствие этих названий бесспорно устанавливается по реально историческим данным). Этот факт свидетельствует о вариации *θ/s* в западноиранских диалектах уже по крайней мере к середине VIII в. до н. э. По данным 719–714 гг. до н. э. фиксируется название Дурдукка, очевидно, для иран. **D̥rduka* и для той же географической единицы Зирдиакка (ср. выше) для иран. **Z̥rd(y)aka*. Подобные факты достаточны для опровержения мнения о влиянии арамейских диалектов на древнеперсидский как причины данного явления. Далее, слова и имена с *d* и *θ* (позже *t*), соответствующими *z* и *s*, как известно, засвидетельствованы и далеко на севере, за пределами Ирана, причем по крайней мере в ряде случаев это определено не может быть объяснено поздними заимствованиями из персидского⁷³.

Таким образом, независимо от того, как объяснять возникновение этих *θ* и *d*, – изменением из *s* и *z* или различными путями развития индоевропейских палатальных, – следует признать, что *θ* и *d*, соответствующие *s* и *z*, существовали в определенных западноиранских диалектах задолго до ахеменидской эпохи. Но все же, как нам кажется, в основе этой «вариации», хотя бы первоначально, лежало именно различное отражение индоевропейских палатальных (ср. систему соответствующих фактов в целом). Наличие же в самом персидском диалектов и говоров, носители которых при переселениях и еще более в исторический период смешивались между собой и в которых по-разному произносились одни и те же слова, могло способствовать замене *s* и *z* на *θ* и *d* также в словах, где для этого нет этимологических оснований (но в целом такие примеры все же весьма редки). В этом случае нет и необходимости ссылаться на арамейское влияние; соответствующие побудительные причины (для «неэтимологических» *θ* и *d*) имелись в самом персидском.

Из особенностей, которые все же могут свидетельствовать о заимствованиях из мидийского, И. Гершевич оставляет лишь (из фиксируемых древнеперсидским надписей) *sp* вместо «персидского» *s* и *f* в *farnah*-. Но

как локализация современных диалектов с $f < hv$, так и материалы о распространении слова *farnah-* (в том числе в областях к западу от Мидии в ассирийский период) свидетельствуют, что это слово не может рассматриваться как заимствованное из Мидии⁷⁴.

Что же касается слов со *sp*, то к их бытованию в персидском целиком относится все то, что можно сказать в отношении слов с «неперсидскими» *s*, *z*, *θr*, *θy*; формы со *sp* также широко отражены в средне- и новоперсидском, свободно употребляются в древнеперсидских текстах и легко варьируют с «чисто персидскими» формами (как и при отражении в эламских документах), к ним относятся слова самых обыденных значений (как наречие *vispadā*) и т. д. И технические выражения с *vispa*, как с параллельным *visa*, должны быть признаны свойственными персидскому, а по происхождению они старше индийской державы, как и многие другие выражения, термины и понятия, в которых видят результат мидийского влияния⁷⁵. Нельзя относить к индийским заимствованиям и *aspa-* ‘лошадь’ (тем более, при *asa-* в древнеперсидских текстах), хорошо представленное и в именах из районов к западу от Мидии задолго до индийской эпохи, а в именах из эламских документов встречающееся даже чаще, чем *asa-*. Принципиально важным представляется имя Μάσπιοι, одного из трех персидских племен, составивших с пасаргадами и марафиями основу объединения во главе с Ахеменидами. В этом имени *-sp-* определенно не «чисто персидское». Убедительная этимология была недавно дана Г. Гумбахом: к **mat̄ · aspa-* (и для марафиев: к авест. *mat̄.raθa* с *raθa-* ‘колесница’, как и *Μαραθοί* известного рассказа у Хареса Митиленского)⁷⁶ – «с лошадьми», «снабженный (обладающий) лошадьми», с закономерным перс. *ta-* вместо *mat̄-*. По этим и ряду других оснований и формы со *sp* должны быть признаны персидскими в реально историческом смысле, издревле «своими» для определенных персидских диалектов (отражение же в древнеперсидском надписей норм различных персидских диалектов следует и из выводов И. Гершевича относительно *θy* и *šy*).

Но и независимо от конкретного объяснения соответствующих фактов, теперь можно еще более определенно утверждать, что *s* (соответствующее *θ*) было свойственно и собственно персидским диалектам, а также что этнонимы персидских племен, как и само название *Pārsa* ‘персидский’, ‘перс’, ‘Персия’ (Фарс), могли быть образованы от «северо-западных» форм. Это снимает одно из возражений⁷⁷ против определения в качестве этнического самоназвания иран. **Parsava*, переданного в асир. *Parsua(š)*, *Parsamaš*, *Parsumaš*, а также в урартском *Paršua* (*š* для *s*). По источникам IX–VII вв. до н. э. известны три области с этим названием: одна у юго-восточного побережья оз. Урмия, другая восточнее области

Сулеймание до района Санендеджа, и третья на юго-западе Ирана у границ Элама. Этнические названия от того же корня и той же формы известны позже и на иных территориях – в Юго-Западном Прикаспии и в Афганистане.

Другое возражение против трактовки **Parsava* как племенного самоназвания состоит в том, что все топонимы и этнонимы от *pars(u)*- относятся к окраинам Иранского нагорья и первоначально означали ‘бок’ – ‘край’, ‘окраина’; в связи с этим также утверждается, что не обязательно наличие в областях такого имени ираноязычного населения⁷⁸. Но, например, парсии Птолемея и их города Парсиа и Парсиана находились в области, со всех сторон окруженной иранскими племенами и странами (к северо-востоку лежала Бактрия и т. д.). Территории стран по имени Парсава, известных в IX–VII вв. до н. э., лишь при взгляде на современную политическую карту могут быть в известной степени охарактеризованы как «окраины». Поэтому трактовка их названия (как и имени парсиев Прикаспия и Парфии) как «окраина» могла бы иметь смысл, если за «центр» принимать Мидию, как и предполагалось при выработке данного положения. Но при этом толковании был бы неизбежен вывод, что еще до первых упоминаний в IX в. до н. э. упомянутых стран ираноязычное население целиком преобладало в Мидии и на всех территориях от нее до районов у оз. Урмия, Санендеджа и границ Элама. Но такой вывод был бы явно неоправдан. Каждая из трех названных местностей находилась на большом расстоянии от Мидии и была отделена от нее другими областями и странами, в том числе такими, где ведущую роль играло старое местное население и в то время, когда ассирийцам и урартам уже были известны названия областей Парсава⁷⁹. К тому же ассирийцы (как и урарты) шли к ним с запада и могли использовать лишь географическую номенклатуру, принятую у населения самих областей Парсава или территорий между ними и Ассирией (и Урарту). Поэтому названия этих областей (безусловно иранские) должны происходить из языка их населения или, в крайнем случае, непосредственно примыкающих к ним районов (но не из индийского).

Древние арийские личные имена типа *Parśu* и пр. показывают, что по своему происхождению соответствующие образования не могли иметь значение «край», «окраина». И другие иранские и индийские параллели к **Parsu*, **Parsava*, *Pārsa* свидетельствуют, что такие слова относились к людям и племенам (а не к территориям). Эти данные позволяют также объяснять эти имена как «(широко)грудый», «человек крепкого телосложения», «богатырь», «могучий воин»⁸⁰. Но и независимо от конкретного толкования **Parsava* должно относиться к племени, населению областей, так именовавшихся.

Данные нескольких писем ассирийской царской корреспонденции о Парсамаш/Парсумаш на границах Элама ясно показывают, что это название народа, племени. Причем это именно персы. По надписям Ашшур-банапала, около 640 г. до н. э. царем (*šarru*) Парсумаш был Кир (*Kuraš*), т. е. Кир I, дед Кира Великого (по ахеменидской традиции Кир I носил титул «великий царь», как уже и его отец Чишпиш, ср. вавилонский «цилиндр Кира», стк. 20–21). Следует подчеркнуть, что персы тогда еще не зависели от Мидии, которой были подчинены лишь между 635–625 гг. до н. э., а ранее находились в сфере влияния тогда еще могущественного Элама, после же его разгрома Ассирией Кир I признал ее сюзеренитет.

Таким образом этноним *Parsava на юго-западе Ирана принадлежал именно персам. Уже это позволяет предположить, что и области того же имени в более северных районах получили название от племен той же группы. Для этих районов (ср. выше) некоторыми примерами из ассирийских текстов надежно фиксируются черты «чисто персидского» произношения (с «северо-западными» вариантами). Персидские племена известны на северо-западе Ирана и в VI–V вв. до н. э., а по-видимому и позже⁸¹. Поэтому все известные в источниках IX–VII вв. до н. э. области с названием Парсава могут быть связаны именно с племенами персидской группы и указывать на расселение персов на территории Ирана по областям к западу от Мидии (с севера на юг, учитывая общее направление иранской миграции).

Но в любом случае данные об областях этого имени свидетельствуют о наличии в соответствующих районах ираноязычного населения, причем появившегося там значительно ранее того времени, когда становятся известны эти имена, так как они должны были уже стать принятыми у местного населения и у жителей соседних областей названиями этих стран. Все три области Парсава упоминаются источниками с середины – второй половины IX в. до н. э. (впервые – в 843 г. до н. э.), причем появляются в них с момента проникновения ассирийцев и урартов на соответствующие территории и, безусловно, существовали там значительно ранее. Поэтому иранские племена, из языка которых происходит данное название, должны были проникнуть в эти районы не позже X в. до н. э. И иные относящиеся к Ирану материалы ассирийских текстов IX в. до н. э. (весьма немногочисленные для этого времени) свидетельствуют о широком распространении ираноязычного населения в ряде западных областей Ирана, в том числе в Приурмийском районе (ср. список 820 г.), у верхнего течения р. Малый Заб (ср. бесспорно иранское имя Артасари, 828 г. до н. э.) и т. д. Отдельные данные первой половины IX в. до н. э., по-видимому, позволяют говорить о проникновении уже к тому времени ираноязычного населения и на территории, лежащие еще далее к западу⁸².

Вместе с тем к востоку от таких областей, где уже в IX в. до н. э. определенно фиксируется ираноязычное население, как районы у оз. Урмия, между областью Сулеймание и Санендеджем и др., в то же время (а частично и в VIII в.) засвидетельствовано присутствие старого местного населения, причем политически преобладающего в ряде районов. Вместе с некоторыми другими материалами ассирийских текстов подобные данные позволяют рассматривать сведения клинописных источников IX–VIII вв. до н. э. как свидетельствующие скорее в пользу теории о продвижении западноиранских племен с севера, через Кавказ. Но доказанным это положение в свете материалов данной группы источников считаться не может⁸³. Следует только подчеркнуть, что, во-первых, данные ассирийских источников, вопреки распространенному мнению, никак не могут указывать на постепенное продвижение иранских племен по территории Ирана с востока на запад в IX–VIII вв. до н. э. и, во-вторых, именно по этим данным на западных окраинах Ирана иранские племена должны были находиться уже в X – нач. IX в. до н. э. Судя же по имеющимся материалам предшествующих эпох, на территориях, непосредственно примыкающих к Ассирии с северо-востока, и в областях Загра к востоку от Двуречья ираноязычного населения в XII–нач. XI вв. до н. э. еще не было. Его проникновение в эти районы должно было, таким образом, происходить в XI–X вв. до н. э., а появление иранских племен в областях далее к северу (в Закавказье и районах у Урмии, при движении через Кавказ) или к востоку (на территории будущей Мидии, при движении из Средней Азии) следует относить к XII–XI вв. до н. э.

Рассмотренные выше материалы – особенно в связи с новыми данными эламских документов – позволяют сделать более определенные выводы об удельном весе ираноязычного элемента среди населения Западного Ирана в IX–VIII вв. до н. э.; они дают возможность точнее уяснить иранское значение ряда представленных в ассирийских текстах имен и указать на их новые иранские параллели и, что особенно важно в данном случае, с полной уверенностью отнести к иранским значительную группу простых, «коротких» имен (как, например, имен на *-ukku* и *akku* и некоторых других) – а тем самым с большим основанием считать иранскими имена, связанные по данным источников с предыдущими; еще некоторые имена, как Арийа, Дари и др., получают в случае иранской принадлежности прямые параллели в хронологически и территориально близком иранском ономастическом материале. Все это относится как к именам, известным по весьма скудным материалам IX в. до н. э., так, в особенности, и к именам, засвидетельствованным гораздо более обильными данными второй половины VIII в. до н. э.

Материалы этого времени определенно свидетельствуют, что ираноязычное население в этот период составляло большинство или полностью преобладало во многих районах Западного Ирана, и в том числе на ближайших к Мидии территориях к западу от нее и в ее западных областях, где позже находился центр Мидийского царства. Соответствующие данные непосредственно подтверждают и доказывают отмеченное в начале статьи положение о том, что большие иранские государства, Мидийское и персидско-ахеменидское (ср. ниже), возникали в тех областях, где иранский этнический и языковой элемент уже был преобладающим, и создавались на основе социально-политического развития именно ираноязычного населения. Вместе с тем те же данные свидетельствуют, что образование Мидийского царства (после 672/671 г. до н. э.) и вторжения киммерийцев и скифов (появившихся в Иране в первые десятилетия VII в. до н. э.), если и имели известное значение, то не были определяющими и основными причинами широкого распространения ираноязычного населения в Западном Иране. Этот процесс получил широкое развитие задолго до того, как упомянутые факторы могли оказать какое-то влияние.

Анализ ономастического материала IX–VIII вв. до н. э. в сочетании с другими, реально историческими свидетельствами о носителях иранских имен и территориях, к которым они относятся, ясно показывает, что лица с иранскими именами – чаще всего правители мелких и мельчайших политических единиц. По крайней мере в основной массе эти имена происходят из языка населения таких местностей. И, напротив, безусловно нельзя говорить о том, что иранский элемент там, где он засвидетельствован в IX–VIII вв. до н. э., составлял верхушечный слой населения, а носители иранских имен были вождями военных дружин, напомиравшими кондотьеров, поступавшими на службу к местным правителям и постепенно захватывавшим власть в тех или иных районах Ирана. Лишь в единичных примерах иранские имена могли действительно принадлежать правителям созданных ранее местным населением государственных образований, но это должно объясняться иными причинами. По существу единственный надежный пример такого рода – имя Аспабара, царя Элипи с 708 г. до н. э.; но о нем как раз известно, что он был сыном и братом предшествующих правителей Элипи (а имена их, очевидно, неиранские); таким образом это имя свидетельствует не о захвате власти представителем ираноязычных групп, а о культурном и социальном влиянии (ср., в частности, значение имени) ираноязычного населения в Элипи, где, как и на примыкающих или зависимых от Элипи территориях, ираноязычный элемент определенно засвидетельствован иными данными IX–VIII вв. до н. э. В других же (для этого периода в целом редких или единичных) слу-

чаях, когда иранские имена принадлежали правителям более значительных объединений, для их территории распространение ираноязычного населения устанавливается уже для более раннего времени⁸⁴.

Продвижение иранских племен в Иран определено не носило характера завоевания или проникновения с переходом власти на значительных территориях к представителям этих племен. Напротив, уже весьма многочисленное ираноязычное население в IX – нач. VII вв. до н. э. в основном оказывается в зависимости от политических образований, созданных старым местным населением как на территории Ирана (Мана, Элам, Элипи и др.), так и в соседних странах (Ассирия, Урарту). Это относится и к персидским племенам – предкам создавших Ахеменидское царство. Племена эти находились на границах Элама уже в конце IX в. до н. э., но долго не играли заметной политической роли и находились в зависимости от Элама, о чем непосредственно свидетельствуют источники первой половины – середины VII в. до н. э. На протяжении VII в. их роль значительно увеличивается. Но возникновение, рост и укрепление ахеменидского объединения при Ахемене (около конца VIII – первых десятилетий VII в. до н. э.), Чишпише и Кире I (около 640 г. до н. э. и, вероятно, позже) происходило еще в условиях зависимости от Элама, а затем Ассирии. Основу же этого объединения составили персидские племена, причем земледельческие, что, как и сведения о возникновении Мидийского царства, указывает на создание иранских государств на базе территориальных связей оседлого ираноязычного населения.

Этногенез известных в последующие века западноиранских народностей бесспорно не может рассматриваться таким образом, что их господствующие классы происходят от ираноязычных иммигрантов, а основная масса или низшие слои населения – от автохтонов. Из данных, относящихся к IX–VII вв. до н. э., в том числе упомянутых выше, вполне определенно следует, что в областях, где отмечены иранские имена и топонимические названия, ираноязычными были как правители, так и рядовое население (как и в случае с персидскими племенами на юго-западе Ирана и Ахеменидами) – уже задолго до того, как их правители или цари могли распространить свою власть на более обширные территории, в том числе с ранее неираноязычным населением, где при иранизации на иранский язык переходили представители и высших и иных слоев населения.

Также неверно сводить сложение ряда западноиранских племен и народов к распространению среди их предков иранского языка при сохранении иных присущих им основных этнических черт. Процессы формирования иранских народностей по характеру и результатам представляются значительно более сложными. Иранизация тех или иных террито-

рий, внешне нередко фиксируемая, главным образом, по распространению иранской речи, сопровождалась коренными изменениями других основных черт населения этих территорий. Это касается и социальной структуры, и политических институтов, и религии и т. д. Такие выводы представляются вполне определенными по отношению к тем народам, о которых имеются более или менее подробные данные, относящиеся уже к древней эпохе. Так, нельзя, конечно, сказать, что персы – это лишь перешедшие на иранский язык аборигены Фарса или соседних территорий. Между тем именно они прошли наибольший путь по территории Ирана, а на его юго-западе, в Эламе и соседних районах, нашли высоко развитое в политическом, экономическом и культурном отношении местное население. В связи с соотношением иранского элемента и субстрата весьма показательны и данные древнеперсидского языка.

Обычно считают, что Авеста возникла на территориях древнего распространения арийских и иранских племен; и о племенах, создавших Авесту, естественно, не говорят, что это обыранившееся по языку старое местное население. Между тем и в авестийском, как и в собственно восточноиранских языках, имеются определенные явления и некоторые слова, не возводимые к общеиранскому или индоевропейскому наследию, упоминаются в Авесте и географические названия явно неиранского и неарийского происхождения. Древнеперсидский язык не обнаруживает каких-либо существенных влияний со стороны местных языков Ирана и Передней Азии, не считая, пожалуй, лишь единичных лексических заимствований, как *dipi-* ‘надпись’, ‘текст’ или *maškā-* ‘меха’ (для перевозки по воде). Они свидетельствуют, однако, не о субстратном влиянии, а о вполне обычных, происходивших на протяжении истории любого языка заимствованиях культурной лексики от соседних народов. Но подобные заимствования в древнеперсидском единичны. Его лексика почти целиком индоевропейского, индоиранского и общеиранского происхождения. А отдельные попытки обнаружить влияния переднеазиатских языков в его фонетике, грамматике или синтаксисе оказываются, как правило, неудачными и относятся к явлениям, на самом деле индоиранского или иранского происхождения⁸⁵. Новые данные эламских документов также ясно показывают, что древнеперсидский обладал всем богатством политической, социальной, религиозной и иной культурной терминологии, унаследованной от индоиранской или общеиранской эпохи. Это вполне согласуется с материалами и дополняет данные древнеперсидских надписей, свидетельствующих о развитии у персов различных иранских политических и социальных институтов, религиозных и культурных особенностей. Данные о Мидии гораздо более скудны. Только поэтому и воз-

можно существование мнения, по которому население Мидии в большей части состояло из местных племен, перешедших на иранский язык, но сохранивших основные этнические особенности автохтонного населения. Но все отрывочные сведения о социальных, семейных, правовых отношениях, политическом строе, религии и т. д. мидян в предахеменидский и ахеменидский периоды свидетельствуют, что соответствующие особенности являются прежде всего иранскими или развивают общеиранские и индоиранские институты. Можно также не сомневаться в том, что если бы до нас дошли древние западноиранские священные гимны и эпические песни (о существовании которых свидетельствуют и данные античных источников), они в рассматриваемом отношении вряд ли чем-либо отличались бы от авестийских: (а также, по-видимому, не упоминали бы таких слов, как *dipi-* ‘надпись’).

Из причин, обусловивших широкое распространение и большую устойчивость иранского этнического элемента в I тыс. до н. э. и остающихся еще во многом неясными, укажем на два обстоятельства. Во-первых, каковы бы ни были эти причины, иранизация соответствующих областей происходила при значительно большем, чем обычно предполагается, удельном весе пришлого ираноязычного населения. Причем последнее состояло не из отдельных групп вождей или воинов, а именно из переселявшихся племенных групп, включая различные слои населения. Это, как мы видели, должно следовать и из ранних свидетельств письменных источников об ираноязычном населении Ирана. То, что приходившее в Иран ираноязычное население было по численности весьма значительно, теперь, как кажется, подтверждается и антропологическими данными. Хотя они еще во многом недостаточны и не дают, например, пока оснований для выводов о направлении переселений, можно говорить, что антропологически население Ирана (особенно Северного) значительно изменилось между IV–II тыс. до н. э., с одной стороны, и античной и раннесредневековой эпохами, с другой; причем некоторые данные из разных районов Северного и Центрального Ирана могут указывать на появление групп нового населения как раз около конца II – начала I тыс. до н. э.⁸⁶

Во-вторых, определенно неоправданно мнение о большой экономической, политической и культурной отсталости иранских племен по сравнению со старым местным населением Ирана. Ко времени появления на территории Ирана иранские племена, безусловно, уже обладали весьма развитыми традициями в экономике и культуре, а также и в социально-политическом отношении. Об этом ясно свидетельствуют сравнительные историко-лингвистические данные, подтверждаемые и археологическими материалами из областей, где могла находиться древняя родина иранских

и индоиранских племен и где происходили их контакты с другими индоевропейскими племенами, т. е. с территории евразийских степей и лесостепной и лесной зон Европы. Эти данные указывают, что еще в доарийский и арийский периоды предки иранских племен занимались скотоводством и земледелием, вели оседлый образ жизни в постоянных поселениях, были хорошо знакомы с металлами; в их обществе проходили процессы социальной дифференциации, существовали весьма сложные имущественные отношения, соответствующие правовые институты и т. д. По крайней мере с арийского периода получает развитие деление общества на три группы, свободных общинников, жречество и военную знать, в ряде индоиранских традиций именуемую «колесничей». Подобное деление было характерно для предков всех основных известных групп индоиранских племен, включая скифов и западных иранцев. В отношении персов об этом свидетельствуют различные данные, в том числе о непосредственном отражении в ахеменидских надписях соответствующих идеологических представлений⁸⁷. Интересны и в этом отношении новые материалы персепольских документов, где, в частности, представлены⁸⁸ в качестве личных имен термины, известные ранее по иранским и индийским данным как обозначения членов военного сословия или «касты» (*xsaθrya*, *paradāta* и др.), и в том числе *radaišta(r)*- ‘стоящий на колеснице’. Как и имя **Raθika* (ср. инд. *rathika*), это является еще одним свидетельством (наряду с ^h*uraθa* надписей и пр.) индоиранских традиций в использовании колесницы, единых как для индийцев, так и для иранцев, включая персов. Можно также подчеркнуть, что уже само существование у ариев боевой колесницы подразумевает наличие у них, с одной стороны, военной знати, хотя бы частично свободной от производительного труда и имевшей иные источники дохода, а с другой – металлических орудий, развитого ремесла и профессиональных ремесленников (все это для арийского периода может быть прослежено и по иным, независимым материалам)⁸⁹.

Подобные факты указывают на уровень развития предков иранских племен еще в арийский период (не позже первой половины II тыс. до н. э.). В дальнейшем их развитие проходило уже отдельно от предков индоариев, в общеиранский период (завершился во второй половине и не позже последних веков II тыс. до н. э.). В это время, в частности, были сделаны, дальнейшие успехи в области коневодства, широкое распространение получает всадничество и в военном деле – кавалерия. Данные клинописных источников IX–VIII вв. до н. э. свидетельствуют, что методы коневодства и всадничество были важными элементами культурного и социального воздействия иранских племен на местное население Ирана и Передней Азии⁹⁰. Но нужно учитывать, что как освоение колесницы в арий-

ский период было результатом развития соответствующих черт общественного строя и производства и как много позже выработка доспеха всадника и коня и распространение тяжеловооруженной конницы у сарматских и иных степных племен (ранее, чем в областях Древнего Востока и античного мира) требовали соответствующих производственной базы и особенностей социальной структуры, так и широкое распространение всадничества в общеиранский период было непосредственно связано с развитием хозяйства и социальных отношений. При этом не следует иметь в виду лишь успехи в области скотоводства. Необходимо подчеркнуть, что иранские племена до конца II тыс. до н. э., как и во время распространения в Иране, не должны характеризоваться как кочевые⁹¹; историко-лингвистические данные указывают на сохранение и развитие земледельческих традиций и в общеиранский период. Археологические материалы из евразийских степей II тыс. до н. э. могут указывать на возникновение тенденции к развитию кочевого скотоводства (ср., в частности, появление погребальных комплексов в открытой степи), но эти скотоводческие группы принадлежали к тем же племенам, что и обитавшее поблизости, преимущественно вдоль рек, в постоянных поселениях оседлое население, тогда еще продолжавшее, очевидно, составлять большинство этих племен.

Земледелие в этот период получает дальнейшее развитие (как по расширению освоенных земель, так и качественно), причем оно было не только мотыжным, но, как показывают сравнительные языковые и исторические данные, и плужным (по-видимому, еще с арийского времени и, определенно, в иранский период). Земледельческие традиции и навыки пойменного земледелия, очевидно, играли определенную роль и при расселении иранских племен в древних земледельческих областях Среднего и Ближнего Востока, а также в усвоении и развитии традиций ирригационного земледелия. Значительные успехи были сделаны в области металлургического производства (о чем четко свидетельствуют и материалы степных культур эпохи бронзы); особо можно отметить, что в общеиранский период (т. е. ранее конца II тыс. до н. э.), как показывают сравнительные лингвистические данные, уже было известно и железо (что также уже может быть подтверждено некоторыми находками этого времени с указанных территорий). Дальнейшее углубление получили процессы политического и социального развития, что отмечается и существованием общих для различных иранских языков терминов для обозначения тех или иных социальных групп, от высших слоев общества до зависимого населения и рабов (что также прослеживается и по данным западноиранской ономастики ахеменидского времени). Таким образом, ко времени

появления в Иране иранские племена уже прошли длительный путь сложного исторического развития.

Соответствующие данные подчеркивают общеисторическое значение социально-экономических процессов, проходивших в пределах скотоводческо-земледельческой зоны Евразии, вне древнего земледельческого ареала Ближнего и Среднего Востока, и должны обязательно учитываться при изучении истории распространения арийских и иранских племен и их взаимоотношений с населением стран Древнего Востока, в которых они рассеялись и где затем складывались иранские народности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, Древнеиранское этническое название **Parsava-Pārsa*, – КСИНА, 30, 1961; ЕГО ЖЕ, Иранские имена из Приурмийского района в IX–VIII вв. до н. э., – «Древний мир», 1962, и др., ср. также ЕГО ЖЕ, Ираноязычные племена Передней Азии в IX–VIII вв. до н. э., АКД, М., 1964 и подробнее: ЕГО ЖЕ, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970 (далее – РИИП). В последней работе подробно изложены упоминавшиеся выше мнения относительно происхождения западноиранских племен и их распространения по территории Ирана (РИИП. С. 7–66).

² Автору пока неизвестны новые ассирийские тексты IX–VIII вв., в которых упоминались бы неучтенные личные имена, определенно относящиеся к территориям Западного Ирана. Из данных же использованных источников по недосмотру автора было пропущено имя правителя из районов у верховьев Малого Заба – Ашшурле (упоминается под 715 г., ср. о нем: И. М. Дьяконов, История Мидии, М.–Л., 1956. С. 207–208). Имя это аккадское, ассирийское, но оно (как и несколько других таких имен с указанных территорий) свидетельствует собственно не об этническом составе местного населения, а о культурных и политических влияниях из Двуречья.

³ См.: РИИП. С. 108–117.

⁴ См.: там же. С. 102–119, 191–194, 314–316, 319–322 и др.

⁵ Ср. там же. С. 241–245 (см. также ниже в тексте); о других примерах такого рода см.: РИИП. С. 131 и сл., 182 и сл., 269–71 и др.

⁶ Ср. там же. С. 229–232, 280–283, 365 и др.

⁷ См. там же. С. 182–184, 206, 234–236, 313, 316–317.

⁸ E. BENVENISTE, *Titres et noms propres en iranien ancien*, Paris, 1966 (далее – TNP). С. 73–125.

⁹ О закономерностях этих передач см.: РИИП. С. 67–98, там же ср. о затрагиваемых ниже в тексте вопросах о конечных гласных и дифтонгах. Из данных о фонетических особенностях древних западноиранских диалектов представляет, в частности, интерес имя *Narišanka*, эламская передача для иран. **Narya-sanga*, ср. авест. *Nairyō.sanḥa*

(см. ТНР. С. 89 и сл., 99). Оно подтверждает, что в древних диалектах Западного Ирана слово *saha-/saṅha-* могло произноситься как с *-h-* (ср. *Narsah* и др.), так и с *ṅh* или *ng* (ср. перс. *tang* и др.), что может иметь значение при рассмотрении имен Бит-Санги и Сангибути из ассирийских источников. Но и независимо от этого, произношение указанного слова с *ṅh* или *ng* для западноиранских диалектов засвидетельствовано греческими передачами древнеперсидских слов σαγγάνδης παρασαγγης и, по-видимому, οροσαγγα. Поэтому форма с *ng*, отраженная в элам. *Narišanka*, не должна указывать на восточноиранское или авестийское влияние. Само же представление о «Нериосенге» отражает существование при арийских и иранских вождях и правителях вестников, герольдов, в частности, имевшихся в Мидии, Персии, а также Скифии (ср. Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, Иранские имена... С. 253, 259, 260; РИИП. С. 229–233, 280).

¹⁰ Это, в частности, дает возможность отделить друг от друга такие, в эламской передаче ничем иным, кроме окончания, не отличающиеся имена, как *Irdabada* < *R[\square]apāta и *Irdabaduš* < *Rtabadu- и т. д. (см.: ТНР. С. 83, 88–89, 107 и др.).

¹¹ Подробную библиографию работ сторонников и противников этого мнения см.: С. NYLANDER, Who wrote the Inscriptions at Pasargadae?,- «Orientalia Suecana», XVI (1967), Uppsala, 1968. С. 135–144.

¹² Ср. РИИП. С. 78-79.

¹³ М. А. ДАНДАМАЕВ, Проблема древнеперсидской письменности,- ЭВ, 15, 1963; ЕГО ЖЕ, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963. С. 32–60.

¹⁴ С. NYLANDER, Who wrote... С. 144–177.

¹⁵ Ср. там же. С. 180, там же см. соответствующую литературу.

¹⁶ *Barnuš* < *Parnuš, *Dakma* < *Taxma, *Manuš* < *Manuš* и т. д.

¹⁷ Ср. РИИП. С. 260 и сл.

¹⁸ Или ‘коршун’ и т. п., ср. перс. *karkas*, *kargas* ‘ястреб-стервятник’, ‘черный гриф’, ‘орел-ягнятник’ и т. п. С этим словом можно связать название местности *Qarkasia* из списка 713 г. (имя правителя не сохранилось, как и для следующего последнего в списке владения, Партакана, с определенно иранским именем, ср. РИИП. С. 331, 365); название в этом случае представляет иран. **Ka(h)rkāsya* «Ястребиная» (или подобное), ср. другие иранские топонимы от названий животных (например, *Vrkāna*-Гурган – от *vṛka-* ‘волк’), в том числе птиц, например, от слов, к которым восходит персидское *āluf* ‘орел’ <ср.-перс. *āluf* < *arduf* < др.-перс. **ardufya*, *rdufya* (известно и как личное имя, в том числе по эламским документам), в иных диалектах *arzifya*, *rzifya*, в Авесте название крупной хищной птицы, «сенмурв» и пр. (ср инд. *rjipyu* – эпитет мифической птицы), а также имя горной местности. Судя по заимствованиям в другие языки, слово могло обозначать также ястреба, возможно, коршуна и т. п. От иран. **Arzif(i)ya*- может происходить название горного хребта и страны к северу или северо-востоку от Урмии, *Arzabi(i)a* (с *z/s*) текстов Саргона II. Вместе с тем Арзабия/Арцабия связывалась с урартским *aršibi*, ср. армянское *arcvi*, *arciv*, грузинское *arcivi* ‘орел’. Автором настоящей статьи было предложено объяснять эти слова заимствованием из иранского (в докладе на Всесоюзной

ассириологической сессии в 1958 и в других работах – подробнее см. РИИП. С. 291–296, там же см. источники и литературу). К этой группе слов принадлежат еще названия орла (или также иных хищных птиц) в восточнокавказских (и, по-видимому, финно-угорских) языках. На основании этих слов в вейнахских и дагестанских языках И. М. Дьяконовым определена их праформа как **ardziv*; при этом он полагает, что это слово, как и в урартском, армянском и грузинском, восходит к арийскому (ср. др.-инд. *рджитья*) – И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, Ереван, 1968. С. 30 и прим. 46. Но форма **ardziv*, как и современные вейнахские и дагестанские формы, не может быть выведена из общеарийского или индоарийского, в частности, потому, что в них сохранялось *n*. Зато восстанавливаемое И. М. Дьяконовым **ardziv* удивительно похоже на предлагавшиеся в литературе прообразы армянского заимствования из иранского (ср. РИИП. С. 292, там же. С. 293–294 ср. об иран. *z* и *d*, соответствующим инд. *j*, и урартскому *s*□ в ингушском и чеченском эти слова имеют *dz*, в лакском – *з*). Привлечение восточнокавказских форм подтверждает, что армянский здесь связан с кавказским кругом и это слово в нем не является индоевропейским наследием. Вместе с тем не приходится сомневаться в том, что эти кавказские слова связаны с арийскими, причем западноиранские наиболее близки к кавказским по форме и по значению («орел», характерному лишь для западноиранских и кавказских языков; в других это слово означает хищную птицу вообще или, конкретно, иных хищных птиц, а не орла). В иранском это слово определено восходит к арийскому и имеет индоевропейскую этимологию, различную в зависимости от значения второй части слова, первая же определено к **rǵi-*, инд. *ṛji-*, иран. *ṛzi-* ‘прямой’, ‘крутой’, ‘поднимающийся (опускающийся) прямо вверх (вниз)’, что подтверждается «юго-западным» иранским вариантом с *ṛdu*<*ṛǵu-* (ср. также варианты древнеперсидского имени *Ardi-maniš* и *Ardu-maniš*, ср. РИИП. С. 212). Того же происхождения, очевидно, и греч. *αἰγυλιός* (обычно – ‘коршун-ягнятник’); по народной этимологии это сложение из «коза» + «коршун» (но у Гомера это лишь обозначение крупной хищной птицы вообще, как и в Авесте и Ведах). Отвергая это объяснение, К. Бругман впервые предположил связь греческого слова с арийскими, учитывая лишь авестийскую и ведическую формы. Но греческая по тематическому гласному первой части может найти непосредственное соответствие в «юго-западном» иранском: **rdufya*, **ardufya*.

Данные о бытовании слова «орел» в западноиранских и кавказских языках могут рассматриваться как существенный аргумент в пользу кавказского пути западноиранских племен или их части. В кавказских языках имеются, по-видимому, и другие слова, на очень ранней стадии заимствованные из иранского. Так, по Андроникашвили М. К., некоторые древнейшие иранские элементы входят в основное ядро лексики грузинского, а в ряде случаев имеют фонетические соответствия в родственных картвельских и других кавказских языках (АНДРОНИКАШВИЛИ М. К., *Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям*, I, Тбилиси, 1966, резюме. С. 521).

¹⁹ Так, имя *Mariyaka*, вариант *Marrikka* образовано от *marya-* (социальный термин; первоначально «отрок», «молодой человек», затем «молодой воин» и т. д.), также

представленного именем *Marīyuu*, и является самостоятельным образованием, ср. др.-перс. *marīka* (из **maryaka* ‘подданный’, ‘член народа – войска’) и т. п. (ср. также персидское слово у Гезихия: *μαριϋῶς* «мальчик»). Имя *Šakšaka* < **Xšassaka*, как и **Xšaθraka* (*Σατράρης*) также не требует дополнений и выражает отношение к понятию *xšaθra* в той же мере, как **Xšaθrina* (см. выше), *Xšaθrita* и *xšaθrya* и **Xšassiya* (см. выше), соответствующие инд. *kṣatriya* «кшатрий» и т. д. О самостоятельной форме *xšaθraka* и именно для обозначения члена (или эпического основателя) военной знати ср. РИИП. С. 261. В новых эламских текстах есть и другие имена, соответствующие терминам для обозначения членов военной аристократии: *Ratešda* < *rathaišta(r)*- «стоящий на колеснице» – наиболее обычное в Авесте название члена военной касты (индийское соответствие также иногда стоит в перечислениях каст на месте обычного «кшатрий») и *Paradada* < *Paradāta*, в Авесте и у скифов первая царская династия эпоса, а у скифов и происходящая, по преданию, от нее одна из трех групп общества – военная знать (ср. РИИП. С. 208). Имя *Pirratamka* < **Fratamaka*, по Э. Бенвенисту, сокращение от сложного имени с *fratama*- ‘первый’; но в древнеперсидском *fratama*- (превосходная степень от *fra*-) термин для обозначения знати и вельмож; по образованию же **fratamaka* сравнимо с **frataraka* (от *fratarā*-, сравн. степень от *fra*-) – административный чин при Ахеменидах, позже титул правителей Парса (ср. РИИП. С. 208 и сл.; ср. также ниже об имени *Šatrabama*, соответствующем титулу «сатрап»). Упомянутые древнеперсидские имена представляют слова на *-ka*, характеризующие принадлежность к общественной группе, должности или занятию; древнеперсидский дает целый ряд примеров таких слов (ср. РИИП. С. 263 и сл.). Наряду с терминами для обозначения вельмож, чиновников, воинов и пр. сюда входит и *bandaka*- ‘раб, слуга’ и т. п. (позже одно из обычных обозначений раба в персидском). Отметим, что приводимое по другому поводу Э. Бенвенистом имя *Αὐτοβοισάκης* < **Vāta-vaisaka* ‘служитель (слуга) бога Вата’ (ТНР. С. 103) указывает на др.-перс. *vaisaka* «слуга» и, очевидно, «раб», ср. авест. *vaīsa* «раб» (букв. «принадлежащий роду, дому») и хотано-сакское *bīsa* ‘слуга’, ‘раб’ (ср. о последних В. А. Лившиц, – ИТН, I. С. 141 и сл., 505 и сл.). Имена из эламских документов указывают еще на **Karšaka* (элам. *Karšaka*), очевидно, «земледелец», ср. известное ранее **karšika* и авест. *karšivant*- (ср. РИИП. С. 228, 260, 264 и сл.), и **Rathika* > элам. *Ratikka*; в отличие от многих других имен на *-ka*, Э. Бенвенист не отмечает, что это сокращение, сравнивая имя с др.-инд. *rathika* ‘ведущий колесницу’, и сопоставляя с др.-инд. *padika* и др.-перс. **padika* > *paig* ‘пехотинец’, ‘пешеход’, от *pada*- ‘нога’ (ТНР. С. 92); также др.-перс. *arštika* ‘(воин-)копейщик’, от *aršti*- ‘копье’, как **rathika* от *ratha*- ‘колесница’. Имя *Ašbak(k)a* от *aspa*- ‘лошадь’ параллельный материал также позволяет рассматривать как простое **aspaka* ‘конник’, ‘конный воин’, ‘всадник’ (ср. РИИП. С. 465 и сл.). Не сокращение, очевидно, и имя *Tannuka*, к *tanu*- ‘тело’, ср. имена на *-ka* от названий частей тела, указывающие на мощное телосложение и т. п. (ср. там же. С. 172–176, 252, 261). Имена *Parnaka* и *Parnukka* отражают самостоятельные образования, находящие прямые соответствия в иранской лексике (ср. ниже в тексте), как и имя *Nasukka* < **Nāzuka*, ср. перс. *nāzūk*, ср.-перс. *nāzūk*, *nāzīk*, курдское

nāzik «грациозный» и т. п. (к элам. *s* для *z* ср. прим. 70). *Hindukka* – имя по этнониму или топониму, «индиец» (ср. *Muzriya* «египтянин», *Šugda* < *Sugda* «согдиец» и др.), определено не сложное; то же значение, очевидно, у имен *Hidukka* и *Hiduš* (ср. ТНР. С. 83). Имеются и многие другие пары простых имен и слов с суффиксом *-ka* и без него, ср. выше о **Mariya* и **Maryaka*, **Syāta* и авест. *Syāmaka* и т. д. Поэтому должны быть простыми и имена: *Zišnuka*, ср. *Zišna*, *Yaudakka*, ср. *Yauda* и т. д. Для характеристики древних западноиранских образований на *-ka* интересно и вавилонское *gunakku*, греч. γαυνάχις, χαυνάχις ‘шуба’, ‘верхняя меховая одежда’ (по Аристофану, у персов и вавилонян), иран. **gaunaka*, от *gauna-* ‘шерсть (животного)’, ‘волос’ (ср. ТНР. С. 122).

²⁰ ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259, 262; РИИП. С. 249-Т-271 и др.

²¹ Ср. РИИП. С. 68–69, 251 и сл.; там же см. литературу.

²² Ср., например, имена *Darmakka* (см. ДАНДАМАЕВ М. А. Клинописные данные об ариях, – «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968. С. 88) и др., название ахеменидского чина *didakku* (ср. РИИП. С. 264), одежды *gunakku* (см. прим. 22) и т. д.

²³ Ср. в списке Э. БЕНВЕНИСТА, ТНР. С. 79 и сл.

²⁴ ТНР. С. 115.

²⁵ Ср. BENVENISTE E. Notes sur les tablettes élamites de Persepolis, – «Journal Asiatique», t. 246, 1958. С. 50–52.

²⁶ SPEISER E. A. Ethnic Movements in the Near East in the second Millenium B. C., – «Annual of American Schools of Oriental Research», XIII, 1933. С. 28; ЕГО ЖЕ, Introduction to Hurrrian, – там же, XX, 1941, стр. 8 и прим. 27. Последующую литературу см. РИИП. С. 28–30, 251 и др.

²⁷ Греч. η в Δηίόχις результат либо развития в ионийском ā>η (Ф. Юсти и др., ср. РИИП. С. 251), либо уподобления греческим именам с Δη- (А. Фикк и др., см. R. SCHMITT, Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot, – «Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft 1967. С. 129; по Р. Шмитту, имя Дейок – Дайакку либо хуритское – со ссылкой на Э. Шпайзера, – либо иранское, в этом случае сокращение к *dahyupati*).

²⁸ См. РИИП. С. 249–251.

²⁹ Ср. там же. С. 252 и сл.

³⁰ Ср. там же. С. 266.

³¹ BENVENISTE E. Notes... С. 54; НТР. С. 81, 82.

³² Ср. АЛИЕВ И. История Мидии, Баку, 1960. С. 95, при этом указывается на имя Арбака у Ктесия и Гарпага у Геродота. Объединение этих имен оправдано, но *ha-* в Ἄρβακος в этом случае результат греческой передачи и этимологизации (ср. ниже) и никак не может указывать на связь имен Арбаку и касситского Харбе.

³³ См.: SCHMITT R. Medisches... С. 133 и прим. 103 (указывается и на аккадское *Arbaku*; этимология не предлагается).

³⁴ Ср. РИИП. С. 267–268.

³⁵ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259, РИИП. С. 266–267; отмечавшееся при этом **kārapati* представлено и эламским *karabattiš*, вероятно, ‘проводник’ или ‘глава каравана’ (ср. CAMERON G. *New Tablets from the Persepolis Treasury*, – JNES, XXIV, 1965. С. 176), ранее, очевидно, ‘глава народа, войска’, ‘ведущий войско, отряд’, ср. перс. *kār(e)van* ‘караван’ (с *kār*-<*kāra*-, как и в *kārzār* ‘битва’, ‘поле боя’).

³⁶ CAMERON G. *New Tablets...* С. 173: *Ka-rak?-ka* «Karakka (?)», что должно быть верным, учитывая, что имя это имеется и в текстах «крепостной стены».

³⁷ ТНР. С. 86, где также предполагается, что и имена *Kurakka* и *Kurašiyatiš* образованы от *kāra*->элам. *kura*-, что, однако, остается неясным.

³⁸ Об именах, упомянутых в данном абзаце ср. РИИП. С. 188, 234 и сл., 237 и сл., 266 и сл., 333.

³⁹ См. там же. С. 236–237 (об Узакку) и 227–228 (о Тунаку).

⁴⁰ Ср. там же. С. 204–205.

⁴¹ Там же. С. 322 (об Арийа) и 313–314 (о Багайа).

⁴² Ср. там же. С. 312–313.

⁴³ SCHMITT R. *Medisches...* С. 133 и прим. 100.

⁴⁴ Ср. JUSTI F. *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. С. 14 и сл.; ТНР. С. 101.

⁴⁵ ТНР. С. 82; об ассир. *Dari* см. РИИП. С. 324–325.

⁴⁶ См. РИИП. С. 209–210, там же, ср. об именах с *srīra*-; подобные образования представлены, по-видимому, и в эламских документах. С. ТНР. С. 78 и 93.

⁴⁷ См. РИИП. С. 156–157, 227–228, 248, 302–306, 324.

⁴⁸ Для имен с *vahu*- из эламских текстов см. ТНР. С. 87 и сл., из ассирийских – РИИП. С. 211 и сл., 318. Для элам. *Mau-mana* ср. также другие имена с *-mana* из тех же документов: *Irdamana* и др.

⁴⁹ См. ТНР. С. 86, 92, 93 и раздел «*Šiyāti*» (С. 119–121), где привлекаются данные других источников. Не учтены некоторые данные вавилонских текстов, в частности, имя *Artašāta* времени Дария I. Исходя из того, что в эламских версиях при Дарии I для *šiyāti* пишется *ši-ia-ti*, а для *Zšiyāta* в антидевовской надписи Ксеркса *ša-da*, *ša-ud-da*, Э. Бенвенист полагает, что редукция *šyā*>*šā* произошла во время между Дарием I и Ксерксом, но это не отразилось в графике древнеперсидского. Однако и в надписях Ксеркса, причем и более поздних, чем антидевовская, *šiyāti* в эламском транскрибируется с *ši-ia*-, а уже при Дарий I отмечено вавил. *-šāta*. В персепольских же документах встречаются обе передачи. Эти и другие данные показывают, что здесь следует видеть (еще и при Ксерксе) не хронологическое развитие, а отражение различий в говорах и диалектах (ср. РИИП. С. 195–199).

⁵⁰ Бенвенист Э., как и ряд других авторов, переводит эти слова в древнеперсидском надписей и в составе имен как ‘блаженство’, ‘счастье’, ‘радость’; ‘блаженный’, ‘счастливый’. Но соответствия к этим словам в других иранских языках по значению могут быть распределены на три группы: 1. ‘тихий’, ‘спокойный’ и т. п. (в осетинском; это наиболее близко к значениям слов того же корня в славянском, латинском и пр.), 2. ‘блаженный’, ‘радостный’ и т. п. (в Авесте, среднеперсидском и др.), 3. ‘благоденствующий’

щий', 'богатый', 'обеспеченный обилием материальных средств' и т. п. (в хотаносакском, частично согдийском и др.); в ахеменидских же надписях и древнеперсидской религии понятия *šyāti* и *šyāta* примыкают именно к последним значениям, о чем, помимо иных данных, непосредственно свидетельствуют вавилонские переводы – «благоденствие», «всеизобилие», «все богатство» (ср. РИИП. С. 199 и сл.).

⁵¹ Так по Дж. Кэмерону (см. и в его новой работе: G. CAMERON, *New Tablets*. С. 174) и Э. Бенвенисту – в связи с *Rimadadda* < **Raivadāta* (ТНР. С. 92). Но хотя передача *ai* > элам. *a* и допустима, обычным было *e*, *i*; *raiva-* передается как раз через *rima-* в *Rimadadda*, *rāma-* же передается в тех же документах через *rama-* (ср. ТНР. С. 92).

⁵² См.: АБАЕВ В. И., Скифский быт и реформа Зороастра, – «Archiv Orientalní», XXIV, 1956.

⁵³ Ср. РИИП. С. 234–236.

⁵⁴ Ср. там же. С. 255–259, а также 151, 289, 302–305.

⁵⁵ GERSHEVITSH I. *Dialect Variation in Early Persian*, – «Transactions of the Philological Society, 1964». С. 10, прим. 1.

⁵⁶ Ср. также: WIDENGREN G. *Der Religionen Irans*, Stuttgart, 1965. С. 147 и сл.

⁵⁷ См. РИИП. С. 98.

⁵⁸ ТНР. С. 116; АБАЕВ В. И. Benveniste E. Titres..., [рец.] – ВЯ, 1969, № 1. С. 110.

⁵⁹ Ср. ТНР. С. 79, 116 и др.

⁶⁰ Ср. РИИП. С. 328–329, а также 72–73, 83.

⁶¹ ТНР. С. 84.

⁶² ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259; РИИП. С. 259.

⁶³ ТНР. С. 78; АБАЕВ В. И., Benveniste E. Titres... [рец.]. С. 109.

⁶⁴ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 254 и прим. 9. С. 255–256, 257; ср. ЕГО ЖЕ, *Древнеиранское...* С. 18.

⁶⁵ См. ТНР. С. 78.

⁶⁶ Ср. РИИП. С. 206 и сл., а также 122, 174–176.

⁶⁷ См. там же. С. 82, 84–87, 330–331.

⁶⁸ ТНР. С. 85.

⁶⁹ Ср. РИИП. С. 100–101 – об *l* в древнеиранском и С. 93 – об *l* в аккадских передачах иранских имен; к числу таких примеров можно добавить *Hulušidātu* в одном из вавилонских документов вместо *Huruššadātu* в других (см. ДАНДАМАЕВ М. А. Клинописные данные... С. 90, 91).

⁷⁰ Ср. ВДИ, 1963, № 1. С. 175–176; РИИП. С. 149–162; один из выдвигавшихся при этом аргументов основан на передачах «чисто персидских» названий четырех месяцев древнеперсидского календаря в эламском, где они часто отражаются в «северо-западной» форме. В двух названиях речь идет об отражении «неперсидского» *z* (и этих фактов, очевидно, достаточно для сохранения в силе данного аргумента), в двух других – об отражении *s*: элам. *s*. Но, по В. Хинцу, элам. *s* передает θ ; по крайней мере, как он пишет, θa всегда передается через элам. *sa* (и *sa* всегда стоит для θa) и θi всегда через *si*.

– W. HINZ, E. Benveniste, Titres... [реу.], – «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1968, стр. 432–435. Но если это справедливо, то по-видимому, лишь частично. Хотя иран. *s* обычно передается эламским *š*, последнее употребляется также для иран. *š*, *ss* и др. и, следовательно, многозначно, как и *s*, которое во всяком случае могло передавать иран. *z* (уже поэтому не исключено и *s* для иран. *s*), ср. *Sirranka*<*Zranka*, *samima*<**zamima* и др. Для иран. *θ* обычной, по данным версий (из которых первоначально и следует исходить), была эламская передача именно через *t* (поэтому допустимо и *d*, особенно при бытовании слова или имени в эламской среде), ср. *Partuma(š)*<*Parθava*, *Šaturrida*<*Xšaθrita*; с эламским *t*- в Бехистунской надписи передается и название месяца *θūrāvāhara*, при *t* и *s* в документах. Передача *θ*>*t*, и в том числе *θi*>*ti*, определенно встречается и в именах из документов, ср. прим. 19 о *Ratešda*<*raθaišta(r)*- и *Ratikka*< **raθika*, как раз с общеиранским, а не «персидским» *θ*. В предполагаемых же случаях с иран. *θ*>элам. *s* всегда следует иметь в виду, не передается ли на самом деле иран. *s*, соответствующее *θ* других диалектов и говоров. Так, при передаче *θataguš* с элам. *sa-*, по-видимому, отражается *sata-* ‘сто’, (как и в персидском: *sad*), тем более, что то же имя передается и с *ša-* (ср. TNP. С. 92). Поэтому при передаче *θūrāvāhara* с *su-* (при параллельном *tu-*) следует видеть отражение *sūra* (как и в персидском: *sūr*). Возможно, так же нужно понимать и передачу с *sa-* названия месяца *θaigrači*. В связи со сказанным не представляются вполне убедительными и возражения В. Хинца против некоторых данных Э. Бенвенистом этимологий имен из эламских документов.

⁷¹ GERSHEVITCH I. Dialect Variation... С. 1–29.

⁷² SZEMERENYI O. Structuralism and Substratum – Indo-Europeans and Aryans in the ancient Near East, – «Lingua», XIII, 1964. С. 20–24

⁷³ Ср. РИИП. С. 161–162, 269 и сл.

⁷⁴ Там же. С. 157 и сл., 224, 306–307 и др.

⁷⁵ Ср. ряд примеров выше, а также РИИП. С. 154–158.

⁷⁶ НУМВАСН Н. Μαραθωί, – «Pratidānam», Den Haag – Paris, 1968. С. 154–156.

⁷⁷ ДЪЯКОНОВ И. М. Языки древней Передней Азии, М., 1967. С. 90–91.

⁷⁸ ДЪЯКОНОВ И. М. История Мидии. С. 69, 161, 224 и др., ЕГО ЖЕ. Языки, стр. 90–91. Эти выводы приняты и рядом других авторов, а подобная этимология предлагалась и ранее; литературу см. также РИИП. С. 60. 134, 146.

⁷⁹ См. там же. С. 136–144, 220 и сл.

⁸⁰ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Древнеиранское...; ЕГО ЖЕ, РИИП. С. 164–176.

⁸¹ См. там же. С. 269–275, а также 169–171.

⁸² Ср. там же. С. 119–126, 130–133, 370–371.

⁸³ Оно, однако, представляется все же более вероятным при учете данных других групп источников, см. РИИП. С. 337–374; ср. также выше, прим. 18; важные материалы в пользу этого положения содержатся в работе АБАЕВА В. И. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, см. также его выводы по данному вопросу, там же. С. 121–125.

⁸⁴ Ср. РИИП. С. 138–139, 219, 278, 309–311, 374–375.

⁸⁵ Так, один из синтаксических оборотов древнеперсидского языка, связывавшийся с арамейским влиянием, имеет, как было позже показано, параллели в ведическом (см.: HOFFMANN K. *Altiranisch*, – «Handbuch der Orientalistik», I, Bd IV, Abschnitt 1, Leiden – Köln, 1958. С. 19); ср. также выше о «вариации» θ/s в персидском и невозможности объяснять ее арамейским влиянием.

⁸⁶ Ср. IKEDA J. *Anthropological Studies of West Asia. II. Human Remains from the Tombs in Dailaman, Northern Iran. 2.* (The Tokyo University. Iraq – Iran Archaeological Expedition. Report 9), Tokyo, 1968. С. 1–35.

⁸⁷ См.: BENVENISTE E. *Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales*, «Journal Asiatique», t. 230, 1938. Большая заслуга в выявлении таких фактов принадлежит Ж. Дюмезилю и его последователям (хотя эти вопросы должны быть исследованы глубже, на собственно историческом материале, и требуют осмысления реальных социальных и экономических сторон проблемы). Но подобные выводы о социальном строе индоевропейских и арийских племен делались и иными учеными. Так, в отношении скифов по сопоставлению соответствующих данных античных авторов с авестийскими материалами на это было указано еще в XIX в. петербургским профессором Э. Боннелем (см. в его труде: E. BONNEL, *Beiträge zur Altertumskunde Russlands*, Bd I, Spb., 1882. С. 172–177).

⁸⁸ Ср. выше прим. 19.

⁸⁹ К данному абзацу см. также РИИП. С. 158, 208, 346–359.

⁹⁰ Ср. там же. С. 276–278.

⁹¹ Ср. там же. С. 377 и сл.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

АГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л.

АКД – Автореферат на соискание ученой степени кандидата наук

ВДИ – Вестник древней истории, М.

ВИ – Вопросы истории, М.

ВЛГУ – Вестник Ленинградского государственного университета, Л.

ВЯ – Вопросы языкознания, М.

ДАН АзербССР – Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, Баку.

ДАН ТаджССР – Доклады Академии наук Таджикской ССР, Душанбе.

ДД СССР – Доклады делегации СССР.

ДСИФМГУ – Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета, М. «Древний мир» – «Древний мир. Сборник статей. Академику В. В. Струве». М., 1962.

ЗИАН – Записки императорской Академии наук, СПб.

- ЗИВАН – Записки Института востоковедения Академии наук СССР, Л.
- ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, Л.
- ИАК – Известия императорской Археологической комиссии..., СПб.
- ИАН АрмССР – ОН – Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки.
- ИАН АрмССР – ООН – Известия Академии наук Армянской ССР. Отделение общественных наук, Ереван.
- ИАН – ОГН – Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук, М.
- ИАН – ОЛЯ – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, М.
- ИАН – ООН – Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, М.
- ИАН – СИФ – Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, М.
- ИАН – СЛЯ – Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, М.
- ИАН ТаджССР – ООН – Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Душанбе.
- ИАН ТуркССР – СОН – Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, Ашхабад.
- ИАН УзбССР – СОН – Известия Академии наук Узбекской ССР. Серия общественных наук, Ташкент
- ИЖ – Исторический журнал, М.
- ИИКНВ – Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели, М.–Л., 1960.
- ИМ – Историк-марксист, М.
- ИОАИЭК – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казань.
- ИРАН – Известия Российской Академии наук, Пг., 1918–1923; Л., 1924–1926.
- ИТН I – История таджикского народа, т. I, М., 1963.
- ИФ IV –Иранская филология. Материалы IV Всесоюзной межвузовской научной конференции по иранской филологии, состоявшейся в Ташкенте 23–26 сентября 1964 года, Ташкент, 1966.
- ИФ II (тез.) – Научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Л., 1962.
- ИФ IV (тез.) – IV Всесоюзная научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Ташкент, 1964.
- ИФ V (тез.) – V Межвузовская научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Душанбе, 1966.
- ИФ VI (тез.) – VI Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии (тезисы докладов), Тбилиси, 1970.
- ИФ (А. Н. Болдыреву) – Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Болдырева, М., 1969.

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГрузССР, Цхинвали.

Кара-тепе II – Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе, М., 1969.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.

КСИВАН – Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР, М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М.–Л.

КСИНА – Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР, М.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР, М.

МАД – Материалы по археологии Дагестана, Махачкала.

МАК – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества, М.

Материалы 1957 – Материалы Первой всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4–11 июня 1957 г., Ташкент, 1958.

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР, М.

МКВ – Международный конгресс востоковедов.

МХЭ – Материалы Хорезмской археологической экспедиции, М.

МЮТАКЭ – Материалы Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции, М.–Л.

НАА – Народы Азии и Африки, М.

НВ – Новый Восток, М.

НСАК I – Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962.

ОНИССВ – Очерки по новой истории стран Среднего Востока, М., 1951.

ПВ – Проблемы востоковедения, М.

ПИКНВ I – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов I годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1965 г., Л., 1965

ПИКНВ II – То же. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1966 г., Л., 1966.

ПИКНВ IV – То же. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 г. Л., 1968.

ПИКНВ V – То же. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВАН. Май 1969 г. Л., 1969.

ПИКНВ VI – То же. Краткие сообщения, аннотации VI годичной научной сессии ЛО ИВАН, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, апрель 1970 г. Л., 1970.

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.

ПС – Палестинский сборник.

СА – Советская археология, М.

САИ – Свод археологических источников, М.

САН ГрузССР – Сообщения Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси.

- СВ – Советское востоковедение (журнал), М.
 СВ – Советское востоковедение (сборник I–VI), М.–Л.
 СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры, Л.
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа, Л.
 ССИА – Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949.
 СЭ – Советская этнография, М.
 ТАН ТаджССР – Труды Академии наук Таджикской ССР, Душанбе.
 ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея, М.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Л.
 ТИИАН АзербССР – Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР, Баку.
 ТИЯз – Труды Института языкознания Академии наук СССР, М.
 ТОВЭ – Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, Л.
 ТТаджФАН – Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, Сталинабад.
 ТХЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции, М.
 ТЮТАКЭ – Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции, М.–Л.
 УЗАГУ – Ученые записки Азербайджанского государственного университета, Баку.
 УЗИВАН – Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, М.
 УЗЛГУ–СВН – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук, Л.
 УЗМГУ – Ученые записки Московского государственного университета, М.
 ФИСЗАА II – Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета ЛГУ, 1965/66 уч. год, [Л.], 1966
 ФИСЗАА III – То же. Тезисы юбилейной научной конференции Восточного факультета ЛГУ, посвященной 50-летию Великого Октября, [Л.], 1967 ЭВ – Эпиграфика Востока, Л.
 АА – *Archaeologische Anzeiger*
 АAnASH – *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*
 АASOR – *Annual of American Schools of Oriental Research*
 АJA – *American Journal of Archaeology*
 АМG – *Annales du Musée Guimet, Paris*
 АМI – *Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Berlin*
 АO – *Analecta Orientalia, Roma*
 АOМH – *Archaeologia Orientalia in Memoriam E. Herzfeld, New York*
 АOр – *Der Alte Orient*
 BibOr – *Bibliotheca Orientalis, Leiden*

BGA – Bibliotheca geographorum Arabicorum, hugdunum Batavorum (Leiden)
BMMA – Bulletin of Metropolitan Muzeum of Art
EI – «Enzyklopaedie des Islam», Leipzig, 1908–1937
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
ILN – Illustrated London News
IS – Istanbuler Schriften
Jacoby – F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker
JAH – Journal of Asian History, Wiesbaden
JNES – Journal of Near Eastern Studies, Chicago
JESHO – Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden
MMAI – Memoires de la Mission archéologique en Iran, Paris
MSS – Münchener Studien für Sprachwissenschaft, München
Müller – C. Müller, Fragmente Historicorum Graecorum
MVAG – Mitteilungen der Vorderasiatische-Aegyptischen Gesellschaft, Leipzig
OIP – Oriental Institute Publication, Chicago
OLZ – Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig
RAA – Revue des arts asiatiques
RE – Paylys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue
Bearbeitung. Hrsg. von G. Wissowa, Stuttgart, 1893-1941
RS – La Regalita Sacra, Leiden
RSO – Rivista degli studi Orientali, Roma
SA – Séries archéologique, Paris
Seel – O. Seel, Pompei Trogi fragmenta, Lipsiae, 1956
SPA – A Survey of Persian Art, London – New York
ZA – Zeitschrift für Assyriologie

E. A. GRANTOVSKY

THE SETTLING OF IRANIAN TRIBES IN THE TERRITORY OF IRAN

SUMMARY

This paper deals with some problems of the history of Iranian tribes from their first appearance in Iran to the rise of the great Median and Achaemenid Empires. It also discusses the distribution of Iranian tribes in the territory of Iran and the formation of the Iranian ethnos there as well as the causes of such a wide distribution of the Iranian population, the relationships of Iranian immigrants and the indigenous population, etc. The investigation of these problems has been mainly based on the data of Assyrian texts of the IX–VII centuries B.

C. relating to Iran and on onomastic material contained therein. The solution of the above mentioned problems depends largely on determining the language group to which this material belongs. The data of the Assyrian texts was examined by the author in his previous works and he has come to the conclusion that the Iranian element in the population of Western Iran in the IX–VII centuries B. C. was much larger than usually supposed. In this paper the author examines some additional historical and geographical facts, that make it possible to attribute with more confidence certain names to the Iranian language group, while the Assyrian transliteration alone of these names makes it difficult to draw an indisputable conclusion. The Iranian origin of a considerable group of such names from the Assyrian sources is confirmed by an analysis of the Iranian onomastic material yielded by the Elamite fortification texts from Persepolis. These data also enable us to confirm certain suggestions on the etymology of names from the Assyrian inscriptions and emphasize the continuity in the onomastics of Western Iran from the Assyrian times to the Achaemenid period. A comparison of the onomastic data of these periods confirms that the main features of the religion of the Achaemenides, including the cult of Mazdā, go back to the religious beliefs of the West Iranian tribes in the IX– VIII centuries B. C. The question of «proper Persian» and «non-Persian» (often considered to be Median) words of the Persian vocabulary is discussed in connection with the name *Parsava; the author believes that the former as well as the latter belonged to the dialects of Persian tribes themselves and existed in the dialects of Western Iran as far back as the VIII century B. C. (as some data of the Assyrian texts show) or even earlier.

On the basis of these data one may speak with more confidence about the wide distribution of the Iranian population in Iran in the early 1st millennium B. C. Appearance of the Iranians in the western outlying districts of Iran must date from the XI–X centuries B. C.; their appearance further to the North (near Urmia lake and in Transcaucasia when they moved across the Caucasus) or further to the East (in the territory what was to become Media, when they moved from Central Asia) must date from the XII–XI centuries B. C. The growth of the Median State and invasions by the Cimmerians and the Scythians cannot be regarded as the reason for the spread of the Iranian language in Iran, because the Iranian-speaking population was predominant in many regions of Iran much earlier.

The Iranization of various territories, which is often traced mainly through the spread of the Iranian language, was accompanied by radical changes in other basic ethnic characteristics of the population. By the time of their appearance in Iran, Iranian tribes had developed traditions of economic life, social relations and culture which went back to the time when they lived in the steppes and forest-steppes of Euro-Asia. This must be kept in mind when dealing with question of the relationships of the indigenous population and Iranian tribes or with the problem of the ethnogeny of Iranian peoples in the territory of Iran.

В. И. АБАЕВ

ИЗ ИРАНСКОЙ ОНОМАСТИКИ

1. О личных именах Ахеменидов

Древнеперсидские личные имена дошли до нас в значительном количестве как в самих древнеперсидских надписях, так и в вавилонской, эламской, греческой, арамейской, древнееврейской, египетской передаче. Подавляющее большинство этих имен без затруднения разъясняются средствами иранских языков и, стало быть, должны рассматриваться как оригинальные (незаимствованные). Но есть несколько имен, которые не получили до сих пор удовлетворительной иранской этимологии и относительно которых высказывались предположения о неиранском происхождении.

К числу их относятся три имени представителей династии Ахеменидов: *Kuruš*, *Ka^mbujiya*, *Šišpiš*. Мы попытаемся показать, что и для этих имен нет надобности искать объяснения за пределами иранского мира.

Имя *Kuruš* ‘Кир’ (авил. *Ku-ra-aš*, элам. *Ku-raš*, греч. *Κίροϛ*, др.-евр. *Koreš*) носили три представителя династии Ахеменидов: 1) дед Кира Великого, внук Ахемена, сын Чишпиша, брат Ариарамны (VII в. до н.э.); 2) основатель персидской мировой державы Кир (559–529); 3) сын Дария II – Кир Младший, павший в 401 г. до н.э. в битве со своим братом Артаксерксом II при Кунаксе.

Сначала Ф. Андреас, а за ним ряд других авторов – Х. Бартоломэ, Ф. Вейсбах, Г. Г. Шедер, Р. Н. Фрай – высказались предположительно в пользу неиранского характера имени *Kuruš*, поскольку никакой удовлетворительной иранской этимологии для этого имени не было предложено. Мнение, что прославленный основатель Персидского государства носил неперсидское имя, прочно утвердилось в науке.

Одним из аргументов в пользу неиранского происхождения имени *Kuruš* выдвигается тот факт, что эламская и вавилонская форма этого имени отличается от персидской и звучит *Kuraš*, а не *Kuruš*. Это обстоятельство навело Андреаса и других на предположение, не является ли именно эламская форма оригинальной и исконной, а персидская – заим-

ствованной и искаженной. Однако такое заключение нельзя признать ни формально логичным, ни исторически обоснованным.

Имя одного из сыновей Кира звучало по-персидски *Bardiya*, а в греческой передаче – *Σιέρδις*. Расхождение большое. Но разве это расхождение может быть доводом в пользу неиранского характера имени *Bardiya*? Имя дочери Кира греки передавали *Ἄτοσσα*; в персидском же оно должно было звучать **Hutausa* (авест. *Hutaosa-*), буквально ‘прекраснобедрая’. Опять серьезное расхождение: персидскому гласному *u* отвечает греч. *α* (как в соответствии перс. *Kuruš* // элам. *Kuraš*). Тем не менее нет сомнений, что дочь Кира носила персидское, а не греческое или иное имя. Можно было бы привести еще ряд примеров подобных расхождений между формой древнеперсидских имен и их передачей в других языках. Разумеется, эти расхождения заслуживают внимания и каждый раз требуют объяснения. Но они никак не могут быть доводом против иранского характера соответствующих имен.

Ставя под сомнение иранское происхождение имен Чишпиша, Кира и Камбиза, т.е. тех, кто царствовал в Персии до Дария I, приходят к выводу, что персидские цари только начиная с Дария I (*Dārayavauš*) стали получать иранские имена, тогда как имена *Čišpiš*, *Kuruš* и *Kambujiya* являются наследием какого-то доиранского этнического элемента.

Однако для такого предложения нет серьезных оснований. Члены династии Ахеменидов с самого начала, до Кира I и Камбиза I, носили уже чисто иранские имена. Родоначальник династии носил иранское имя Ахемен (*Haха-maniš*, что значит ‘дружественно настроенный’). Брат Кира I, сын Чишпиша, назывался *Ariyāramna*, что значит ‘отрада арийцев’¹.

Другие члены второй ветви Ахеменидов, к которой принадлежал Дарий I, Аршама и Виштаспа, также носили имена, иранский характер которых не вызывает ни малейших сомнений. *Aršāma* является производным от *aršan-* ‘герой’; ср. осет. имя *Arsæmæg*. *Vištāspa* относится к многочисленной группе имен, содержащих *aspa-* ‘лошадь’.

Выходит, что Ахемениды сначала носили иранские имена, потом по неизвестной причине перешли на эламские (или какие-то другие), потом снова вернулись к иранским. Такое положение вещей лишено всякого правдоподобия.

Нет надобности подчеркивать, что этимология имени *Kuruš* имеет не только лингвистический, но и исторический интерес. Неиранское происхождение этого имени, если бы оно было доказано, поставило бы под сомнение происхождение самого Кира и возродило бы доверие к сообщению Николая Дамаскина, утверждавшего со ссылкой на Ктесия, что Кир вообще происходил не из царского рода².

В действительности версию Николая Дамаскина, несмотря на авторитет Ктесия, вряд ли можно принимать всерьез. Она основана, как обычно считают, на фольклорной традиции. Высказывалось также мнение, что она была придумана в кругу преемников Дария с целью дискредитировать ветвь Кира и оправдать узурпацию власти Дарием I³.

Таким образом, в истории Ахеменидов, как и в их ономастике, нет ничего, что делало бы вероятным чужеродное, неперсидское происхождение имени Кира. Разъяснение этого имени надо искать на иранской и только на иранской почве.

Есть ли попытка истолковать имя Кира на базе персидского языка? Да, есть. Личность Кира произвела огромное впечатление на весь древний мир, и уже тогда его имя было предметом этимологических догадок или, лучше сказать, этимологических фантазий. Одну из них сохранил нам Плутарх⁴. По его словам, имя Кира на языке персов означало 'солнце'. Трудно сказать, на чем основан этот домысел. Солнце в древнеиранском называлось *hvar-*, и мы не знаем таких фонетических закономерностей, которые могли бы превратить *hvar-* в *kuru-*. Быть может, эта этимология подсказана тем, что древнеперсидский клинописный знак *ku* в вавилонском означал 'солнце'⁵.

Между тем имя *Kuruš* допускает не фантастическую, а вполне реальную и простую иранскую этимологию.

В иранских языках широко распространена основа *kur-* в значениях, которые вполне подходят для мужского собственного имени. Я имею в виду следующий ряд: курд. *kur* 'сын, мальчик', перс. *kurra* 'жеребенок, осленок, верблюжонок', пехл. *kurraḱ* 'детеныш животного'. В пользу того, что слово бытовало и на восточноиранской почве, говорит осет. *k_oyr/kur* 'бычок'.

Должен сказать, что я не сразу разобрался в происхождении этого осетинского слова. В моем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (М.-Л., 1958, с. 608) я пытался связать это слово с некоторыми угрофинскими названиями оленя-самца, быка и др. Но недавно известный финский лингвист А. Йоки показал ошибочность моих сопоставлений⁶.

Для объяснения осет. *kur* 'бычок' я привлекал также груз. *k'uro* с тем же значением. Но и здесь более тщательный разбор показал, что не осетинское слово идет из грузинского, а скорее грузинское из осетинского. Дело в том, что именно заимствованные существительные получают в грузинском часто окончание *o*: *okro* 'золото' (греч. *οχρως* 'желтоватый'), *sp'ilo* 'слон' (перс. *pil*) и др. Это явление наблюдается и в некоторых бесспорных заимствованиях из осетинского: *ormo* 'яма', осет. *wærm, uso* 'почтенная женщина', осет. *ūs*⁷. В этом ряду оказывается и груз. *k'uro* из

осет. *kur*. Если бы заимствование шло в обратном направлении, то осетинский удержал бы смычно-гортанный *k'*, как в *k'udi* 'хвост' и мн. др.

Любопытно, что в осетинском основа *kur-* выступает и в глаголе *gəyryn/igurun* 'рождаться' из **vi-kur-*. Сюда же относится, видимо, согд. *wk'wr*, значение которого по контексту не устанавливается с полной уверенностью, но всего лучше подходит перевод 'родня' или 'потомство'⁸.

Показания осетинского языка важны в двух отношениях. Во-первых, они подтверждают, что основа *kur-* была общеиранской; во-вторых, из осетинских фактов явствует, что эта основа функционировала и как именная, и как глагольная, что говорит обычно о древности и исконности данной основы.

Итак, приведенный материал дает право восстановить общеиранскую основу **kur-*, которая в качестве глагольной означала 'рождаться', а в качестве именной – 'детеныш, мальчик, молодой самец, герой' и т.п.

Такая основа вполне подошла бы для образования мужского собственного имени, и нам представляется, что от этой именно основы образовано др.-перс. *Kuruš*. По значению это имя было бы близко к греч. ἄρσεν 'мужчина, мужественный, доблестный, мощный' (= ир. *aršan-* 'самец') или лат. *Junius* (ср. слав. *junь*, с.-хорв. *Юнак* 'юноша', 'герой' как собственное имя и т.п.).

Словообразовательная модель *kuru-* такая же, как, скажем, в др.-инд. *kāru-* 'певец' от *kar-* 'петь', *sunu-* 'сын' от *su-n-* 'рождаться', *bandhu-* 'родственник' от *bandh-* 'связывать', *ripu-* 'обманщик' от *rip-* и многие др.⁹.

Двойной *rr* в перс. *kurra* 'детеныш', восходит ли он к *rn*, как в *parr* 'крыло' из *parna-* и т.п., или возник вторично, ни в малейшей мере не препятствует предложенной этимологии. Если *kurr(a)* восходит к **kurna*, то в *kur-u-* и *kur-na-* мы имеем два нормальных параллельных образования от *kur-*, которые формально относятся друг к другу, как, скажем, др.-инд. *pur-u-* к *pur-na-* от *pur-(př-)* 'наполнять' и т.п. Но *-rr-* в *kurra* может быть вторичным и неэтимологическим, как в *xarr* 'осел', рядом с *xar*, *narr*, *narra* 'мужской', рядом с *nar* и др. (P. HORN. Grundriss der iranischen Philologie I, 2, Strassburg, 1895, 1901, с. 54). В любом случае курд. *kur* отражает старое состояние, и оно независимо от персидского, что явствует и из различия значений 'сын', 'мальчик', а не 'осленок' и пр.

Словообразовательные значения основ на *-u-* делали их вполне подходящими для образования личных имен. В диссертации Г. И. Никулина, посвященной *u-*основам в латинском языке, приводятся данные о лексических значениях *u-*основ в древних индоевропейских языках. И почти всюду в числе других разрядов слов выделяются либо собственные имена, либо слова, которые характеризуют человека и по своему значению могут

становиться собственными именами: Хеттский: ...имена богов. Санскрит: ... названия родства и семейных отношений, названия действующих лиц... имена божеств и демонов¹⁰ ... собственные имена. Авестийский язык: имена родства... названия действующих лиц... имена злых и добрых духов... Древнегреческий язык: ...названия родства... названия народов... Латинский язык: ...имена родства... имена божеств. Готский язык: имена родства...¹¹.

Таким образом, имя *Kuru-* по своей словообразовательной модели и по своему использованию в качестве мужского личного имени находится в полном согласии с общеиндоевропейской традицией и не требует никаких специальных комментариев.

Сильнейшим аргументом в пользу исконно иранского и арийского характера имени *Kuruš* служит, наконец, то, что оно существует и в древнеиндийском.

Имя *Kuru-* носил один из царей рода Бхарата. Его потомки назывались *Kaurava-*.

Препятствием к сближению др.-перс. *Kuruš* и др.-инд. *Kuruṣ* может показаться то, что в первом мы привыкли видеть долгий *ū*, а в индийском нет долготы. Дело, однако, в том, что долгота *u* в *Kuruš* мнимая. По принятой в древнеперсидской клинописи знаки *ku, gu, tu, nu, ru, tu* обязательно сопровождалась еще и знаком *u*, независимо от исторической долготы или краткости этого гласного. Иначе говоря, древнеперсидская клинописная графика не различает долгого и краткого *u* (как и долгого и краткого *i*).

Греч. *Kūρος* также не обязывает к чтению *Kūruš*, так как у некоторых авторов сохранилась передача имени Кира в форме *Kúρος* и *Kóρος* и нет доказательств, что эти написания менее точно передают количество корневых гласных в древнеперсидском, чем написание *Kūρος*.

Нет поэтому никаких оснований приписывать долготу корневому гласному в др.-перс. *Kuruš*, и, стало быть, отпадают всякие препятствия к его отождествлению с др.-инд. *Kuruṣ*.

Перехожу к имени *Kambujiya* (вавил. *Ka-am-bu-zi-ja*, элам. *Kan-bu-ši-ja*, греч. *Καμβουσις*).

Это имя носили два представителя династии Ахеменидов – отец знаменитого Кира, Камбиз I, и сын Кира, Камбиз II.

Имя Камбиз получило вполне удовлетворительное разъяснение в посвященной ему статье Шарпантье¹². Однако этимология Шарпантье была встречена с некоторым недоверием и не получила общего признания. Совсем недавно Р. Н. Фрай (R. N. FRYE) в своей книге «Heritage of Persia» (New York, 1962) вновь высказался за то, что имя Камбиз, как и

имя Кир, является доиранским наследием. Поэтому считаю нелишним сказать несколько слов в пользу разьяснения Шарпантье.

Первое, что нужно подчеркнуть и мимо чего нельзя пройти, – это тот факт, что конечное *-iya* в *Kambujiya-* – хорошо известный древнеиранский адъективный суффикс, который легко распознается и в некоторых других древнеперсидских личных именах: *Bardiya-*, *Marduniya-*. Исторически и формально он соответствует лат. *-ius* в таких именах, как *Claudius*, *Curtius*, *Aurelius*, *Cornelius* и т.п. Мы имеем, стало быть, все основания думать, что как оформитель личных и фамильных имен этот суффикс является общеиндоевропейским наследием.

В объяснении нуждается, следовательно, слово **Kambuja-*, от которого по всем правилам древнеиранского словообразования получено *Kambujiya-*.

Шарпантье приводит ряд выдержек из индийских источников, где упоминается восточноиранское племя *Kamboja-*. От этого племенного названия и образовано, по Шарпантье, имя *Kambujiya*.

Безупречная с формальной стороны этимология Шарпантье нуждается в обосновании и подкреплении только в двух аспектах. Во-первых, могут ли этнические (и географические) названия использоваться для образования личных имен, и, во-вторых, объяснимо ли использование данного конкретного этнонима.

На первый вопрос следует ответить положительно. За параллелями не приходится далеко ходить. Они имеются в самом древнеперсидском. Один из сыновей Артаксеркса I назывался (в греческой передаче) *Σοῦδιανός*, т.е. согдийцем. Это имя образовано от этнонима *Sugda* с помощью уже известного нам форманта *-iya* (*Sugdiya-*), на который вырос еще формант *-(a)na-* (*Sugdiyana-*). Этнонимическое происхождение вполне вероятно и для др.-перс. имени *Marduniya* ‘Мардоний’. Это имя объясняли из иран. *m̥zu-* ‘короткий’, инд. *m̥du-* ‘нежный’, перс. *mul* ‘вино’ (в смысле ‘винодел’) и др. Мне представляется, что *Marduniya-*, так же как *Kambujiya-* и *Σοῦδιανός*, происходит от этнического названия, а именно от названия племени мардов, известного в различных частях Ирана и на Армянском нагорье, и в том числе как одно из персидских племен (Геродот, I, 125). Это название в греческих источниках известно в двух вариантах: *Μάρδοι* (Геродот и др.) и *Μαρδόνιοι* (Ксенофонт, Анабазис, 4, 3, 4)^{12a}. Последний вариант и лежит, по моему мнению, в основе имени *Marduniya-*. Наконец, многочисленные имена, содержащие *arya-* ‘ариец’ (*Ariyaramna*, Ариобарзан, Ариарат, скифские Ариапит, Арифарн и др.), должны быть отнесены к этому же типу, поскольку элемент *arya-* ‘ариец’ есть в конечном счете тоже этнический термин.

Традиция давать имена от этнических названий сохраняется в иранских языках по сей день. Приведу несколько примеров из осетинского.

Мужские имена *Tætæri*, *Tætærqan* образованы от названия татар; женское имя *Goryzuxan* от *Goryzu* ‘грузины’; мужское имя *Mysyrbi* и женское *Mysyrxan* от *Mysyr* ‘Египет’; женское имя *Meretxan* от *Meret* ‘Имеретия’; мужское имя *Qæræse* букв. ‘Карачай’, ‘карачаевский народ’ и др.

Не чужд этот тип имен и курдскому. Из трех курдов, с которыми лично я имею честь быть знакомым, двое носят имена, являющиеся этнонимами: Араб Шамилов и Черкес Бакаев. Да и за пределами иранского мира нет недостатка в подобных именах. Французское имя *Alain*, английское *Alan* (*Allan*) происходят от названия народа алан. Такого же характера имена франц. *Germain*, англ. *Frank*, арм. *Армен* и др. Об употреблении τῶν ἔθνικῶν в качестве личных имен в греческом см.: В. ЛАТЫШЕВ, Эпиграфические этюды (ЖМНП, 1986, март, со ссылкой на: А. FICK, *Die griechische Personennamen*, с. 339).

Могут возразить, позволительно ли сопоставлять факты столь различных исторических эпох. Думаю, что в данном случае это вполне оправданно. Излюбленные структурные типы антропонимии сохраняются с большим постоянством на протяжении тысячелетий. От глубокой древности до наших дней сохраняются имена теофорные, т.е. содержащие имя бога; имена зоофорные, содержащие название какого-либо животного; имена магической направленности; имена-характеристики и др. К тому же устойчивому типу надо отнести имена, которые можно назвать «этнофорными», т.е. содержащими этническое название.

Признав *Kambujiya* одним из таких «этнофорных» названий, можно, однако, задать вопрос: чем объяснить, что представителю династии Ахеменидов дали имя от какого-то малоизвестного в древности племени, которое ни разу даже не упоминается в древнеперсидских источниках, равно как и в Авесте? Но и в этом нет ничего невозможного. Ошибочно думать, что в антропонимии используются только названия великих народов или таких, которые сыграли исключительную роль в жизни данного народа. Нет, любой этнический термин может быть использован при наречении, если он почему-либо «пришелся по душе». Аланы мелькнули во Франции, как метеор, в IV в. и быстро исчезли. Но этого оказалось достаточно, чтобы у французов появилось имя *Alain*. Карачаевцы не играли никакой особой роли в истории осетин, а черкесы – в истории курдов. Но их названия «пришлись по душе», и поэтому мы находим у осетин имя *Qæræse*, а у курдов – *Черкес*. Нет, стало быть, ничего удивительного в том, что имя Камбиз образовано от малоизвестного в древности племенного названия *Kamboja*.

Короче, предложенное Шарпантье разъяснение имени *Kambujiya* безупречно во всех отношениях и делает излишним обращение к каким-то доиранским или неиранским источникам.

Остается третье неразъясненное имя – *Čišpiš* (вавил. *Ši-iš-pi-iš*, элам. *Ši-iš-pi-iš*, греч. *Τείσπις*). Это имя встречается в генеалогии Ахеменидов только один раз. Так назывался сын Ахемена, отец Кира I и Ариарамны, родоначальник обеих ветвей династии Ахеменидов. Имя *Čišpiš* сопоставляли с именем киммерийского вождя *Teušpa*, именем хурритского бога *Tešub*, урартского *Tešeba*, названием урартской столицы *Tušpa*¹³. И с формальной и с реальной стороны эти сопоставления не убеждают.

Во-первых, несомненно, что начальный согласный звучал *č*, а не *t*. Это видно не только из древнеперсидского написания, но также из вавилонской и эламской передачи. Греч. *Τείσπις* ничего не говорит, так как греки не имели знака для аффрикаты *č* и в других случаях также передавали др.-перс. *č* через *τ*, например, др.-перс. *Čissafarna* – греч. *Τισσαφέρης*. Каким же образом из *Tešub*, *Tešeba* или *Teušpa* могло получиться *Čišpiš*? Почему не приводится хоть один случай подобных звуковых метаморфоз?

Далее, если подойти к вопросу с реально исторической стороны, совершенно непонятно, каким образом Ахемениды, которые во времена Чишпиша были еще мелкими князьками местного значения и вряд ли покидали свою Персиду, могли получать имя отдаленного и абсолютно чуждого им хурритского или урартского бога или киммерийского вождя. Все это до крайности натянуто и неправдоподобно.

Предлагаемая мною этимология сводится, коротко говоря, к следующему: *Čišpiš* неотделимо от др.-инд. *śiśviṣ*, производного от *śva(y)*- ‘расти, крепнуть, становиться сильным, мощным’, иран. *spa(y)*-. Форма *śiśviṣ* встречается в Риг-Веде только в сочетании *su-śiśviṣ* ‘прекрасно растущий’ – о младенце (имеется в виду *agni*) в утробе матери¹⁴. Древнеиндийскому *śiśviṣ* должно отвечать закономерно иран. **sispiš*, и, хотя такая форма не засвидетельствована, данный вид основы (удвоение, слабая ступень корневого гласного) представлен в Авесте в медиальном причастии *sispimna*-.

Чтобы обсудить, в какую семантическую сферу вводит нас данная лексема и насколько она подходит для образования мужского имени, приведу некоторые дериваты данного корня в древнеиндийском: *śavas*- ‘мощь, сила, богатство’, *śura*- ‘мощный, герой’ (авест. *sura*-), *śavira*- ‘мощный’, *śiśu*- ‘дитя, детеныш’ (‘растущий’, ‘набирающий сил’), *śuna*- ‘счастье’, *śvatra*- ‘дающий силу’ и пр. Как видим, все это такие понятия, использование которых для мужского имени, можно сказать, напрашивается само собой.

Но как объяснить, что вместо ожидаемого **sispiš* мы имеем в др.-перс. *čišpiš*? Думаю, что здесь нет непреодолимых трудностей.

Ассимиляция с конечным шипящим могла способствовать переходу **sispiš* в *šišpiš*. Что касается перехода начального *š* в *č*, то это, надо полагать, одна из тех фонетических вольностей, которые нередко приходится замечать именно в личных именах и которые не наблюдаются в других разрядах слов. Как раз такого рода перебой, т.е. переход сибиллянта в аффрикату, известен в ряде собственных имен в осетинском. Так им я Шамиль встречается в двух формах: *Samel* и *Camel*. Заимствованное из Грузии *Sosik'o* получило два варианта *Sosko* и *Cocko*. Женское имя *Sona* встречается также в форме *Cona*. Может быть, осетинскому вообще свойственно заменять сибиллянты аффрикатами? Нет. Скорее наоборот. Так, груз. *saceri* 'сито' дало в осетинском *sasir*. Стало быть, переход *s*→*c* – специфика собственных имен.

Эти соображения дают право видеть в *čišpiš* своего рода ономастическую вариацию ожидаемого **šišpiš* и сопоставить его с древнеиндийским *śiśviṣ*¹⁵.

Подведем итог. Вопреки утвердившемуся в науке мнению, что ряд ахеменидских имен, а именно: *Kuruš*, *Kambujuya*, *Čišpiš* – неиранского происхождения, они могут быть объяснены средствами иранских языков, и, стало быть, все без исключения ахеменидские имена являются оригинальными, персидскими.

Kuruš представляет производное от общеиранской и общеарийской основы **kur-*, которая в качестве глагольной означала 'рождаться', а в качестве именной – 'дитя, детеныш, молодой самец, герой' и пр.

Имя *Kambujuya*, как и *Marduniya* относится к числу имен, образованных от племенных названий.

Имя *Čišpiš* с учетом небольших фонетических капризов, которым часто подвержены личные имена, отвечает древнеиндийскому *śiśviṣ* и означает 'растущий, мощный'.

Обозревая личные имена Ахеменидов с точки зрения их компонентов и семантики, мы легко распознаем несколько типов, хорошо известных в других иранских (и неиранских) языках.

1. Имена, содержащие элементы *baga-*, *arta-*, *farnah-*, *xšadra-*. Первое из этих слов означает 'бог'. Остальные три переводятся соответственно 'правда', 'благоденствие', 'власть'. Перевод приближенный, так как эти понятия были окружены у древних иранцев религиозным ореолом, который с трудом поддается переводу¹⁶. Поэтому имена, содержащие эти четыре элемента, мы без всякой натяжки относим к категории теофорных, таковы:

**Bagaratiš* (*Μεγαβάτης*) – двоюродный брат Дария I (ГЕРОДОТ, 5, 32)¹⁷.

Βαυαπαιος – сын Артаксеркса I (КТЕСИЙ, 44).

Artaxšassa – Артаксеркс, имя трех царей из династии Ахеменидов.

Αρτάβανος – сын Гистаспа, брат Дария I (ГЕРОДОТ 7.10, 15 и сл., 46 и сл. и др.).

Αρταφέρνης – сын Гистаспа, брат Дария I (ГЕРОДОТ, 5, 25, 30).

Αρτοβαζάνης – сын Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 2).

Αρταϊός, Ахеменид (ГЕРОДОТ, 7, 22).

Αρταχαιής, Ахеменид (ГЕРОДОТ, 7, 63).

2. Имена зоофорные (содержащие название животного):

Vištāspa – Гистасп, отец Дария I; во второй части ‘лошадь’.

Gaubariva – имя одного из сыновей Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 72), а также одного знатного перса, сподвижника Дария I (Бехистунская надпись, 4, 86; ГЕРОДОТ, 3, 70, 73, 78); в первой части *gau-* ‘бык’, ‘крупный рогатый скот’.

3. Имена этнофорные (содержащие племенное название):

Kambujiya – сын Кира (см. выше).

Σουδιανός – сын Артаксеркса I (см. выше).

Marduniya – имя нескольких знатных персов (см. выше).

4. Имена-характеристики, лаудативные или ласкательные:

Čišpiš – имя сына Ахемена, родоначальника Ахеменидов; вариация слова **sispiš-*, др.-инд. *śiśviṣ* ‘растущее дитя’ (см. выше).

Kuruš – имя нескольких Ахеменидов; означает ‘юнец’, ‘Junius’.

Naḫāmaniš – Ахемен, родоначальник династии; “дружественно настроенный”.

Dārayavauš – имя нескольких царей из династии Ахеменидов; “носитель добра”.

Aršama – дед Дария I; “мужественный” (от *aršan-* ‘самец’, ‘герой’).

Xšayāršā – сын Дария I; “царственный (*xšay-*) герой (*aršan-*)” или “царствующий над героями”.

Μασισης – сын Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 82) = др.-иран. *masišta-* ‘величайший’.

Bardiya – сын Кира, брат Камбиза = др.-иран. **barzya* ‘возвышенный’.

II. Авестийское SPITAMA – пехлевийское SPITĀMĀN – осетинское SIDÆMON

В известном словаре иранских личных имен Ф. Юсти под леммой *Spitāta* приводятся следующие данные:

1. *Spitāta* – в Авесте патронимическое наименование Заратуштры; в пехлевийском переводе Авесты снабжено патронимическим суффиксом *-an*: *Spitāmān*.

2. *Spitāta* – потомок Заратуштры (по авестийскому тексту – Яшт 13, 98).

3. *Σπιταμῶς* – мидиец, супруг Амитиды (*Amytis*), дочери мидийского царя Астиага (КТЕСИЙ, Pers. 2).

4. *Σπιταμῶς* – сын Петеса, персидского полководца при Артаксерксе I (КТЕСИЙ, Pers. 39).

5. *Σπιδάμης* – отец Сатрабата согласно надписи из Фанагории IV в. до н. э.

Отдельно дается лемма *Σπιταμένης*, под которой названы два лица:

1) предводитель согдийской конницы в войне против Александра Македонского (Арриан);

2) бактриец, свояк Селевка Никатора (Арриан)¹⁸.

К этому списку следует теперь присоединить осетинское *Sidæmon*. Так зовется в осетинских народных преданиях один из родоначальников осетинского народа¹⁹.

Звуковое и словообразовательное развитие представляется совершенно ясным. Группа *sp* закономерно дает в осетинском *fs*: др.-иран. *aspa-* ‘лошадь’ → осет. *æfsæ* ‘кобыла’. Но если речь идет о группе *sp* в начале слова, то тут возможны два варианта. Либо и в этом случае *sp* дает *fs-*, но тогда впереди возникает обязательно протетический гласный *æ*: др.-иран. *spāda-* ‘войско’ → осет. *æfsad*. Если же оказавшийся в начале фрикатив *f* не защищен протетическим гласным, то он отпадает и мы получаем соответствие др.-иран. *sp-* → осет. *s-*: др.-иран. *spiš* ‘вошь’ → осет. *sistæ*, др.-иран. **sfijau-* (др.-инд. *sphijau-*) ‘зад’ – осет. *si zæ* и др. Этот последний вариант развития начальной группы *sp* приходится предполагать и в осет. *Sidæmon* и, стало быть, возводить его закономерно к **Spitamān*. Окончание *-on* (← *-ān*) является патронимическим²⁰. Стало быть, *Sidæmon* означает «сын (потомок) Сидама», т.е. Спитама.

Фольклорные материалы, относящиеся к Сидамону, собраны З. Н. Ваневым в его брошюре «Народное предание о происхождении осетин» (Сталинир, 1956). Приводим некоторые выдержки из этой работы.

«В Осетии, как в Северной, так и Южной, было распространено следующее предание о происхождении осетин: родоначальником осетин является Ос-Багатар. У него было пять сыновей: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. От них произошли роды Сидамоновых, Царазоновых, Кусагоновых, Агузовых и Цахиловых» (С. 3). «Сохранилась следующая характеристика трех из этих родов: многочисленность Сидамоновых, во-

инственность Агузовых, слава Кусагоновых... Оттого род Сидамона распространился по всей стране...» (С. 6)²¹.

«Грузинские феодалы-князья Эривастави Арагвские также происходили, по преданию, из рода Сидамоновых. И в настоящее время в Грузии сохранилась фамилия Сидамон-Эривастави» (С. 9)²².

З. Н. Ванеев приводит также замечание д-ра Пфафа («Материалы для древней истории осетин. Сборник сведений о кавказских горах», V, 1871, С. 59), который говорит, что происхождение (вышеназванных) осетинских колен теряется в глубочайшей древности и что «колono Сидамонцев упоминается еще в VI веке при императоре Юстиниане» (С. 19).

О популярности данного этнографического предания свидетельствует, между прочим, то, что оно нашло отзвук в некоторых народных песнях. Так, в ритуальной песне, исполняемой при изготовлении пива, поется:

Dæ kad Sidæmony kadæn fæwæd!

«Да будет твоя слава подобна славе Сидамона!»²³.

Имя Сидамон встречается и в некоторых вариантах эпических сказаний осетин, известных под названием «Нартовских»: *Narty Bycegy fyrt Sidæmon* «сын Нарта Бицега Сидамон» (запись автора).

Есть данные, что еще в XVI в. имя Сидамон употреблялось в аланской среде как личное собственное имя. В одном из венгерских архивов обнаружен документ о переписи 1550 г. В нем в числе венгерских алан (ясов) значится лицо по имени *Zidmōn*²⁴.

Первый вопрос, который встает, заключается в следующем: зависит ли осетинский *Sidæmon* от авестийского *Spitāma*, как это можно утверждать в отношении пехлевийского *Spitāmān*? Ответ может быть только отрицательный. В отличие от пехлевийского осетинский *Sidæmon* никак не связан с авестийской традицией и выступает в контексте совершенно самостоятельного этногонического предания.

Мы уже отмечали, что в осетинском языке, фольклоре, мифологии, религии нет никаких явных следов зороастризма, как нет их и в религии скифов, как она рисуется у Геродота и других античных авторов. Это дает нам право утверждать, что скифо-сарматские племена, одни в иранском мире, остались чужды зороастризму²⁵. Поэтому осет. *Sidæmon* следует рассматривать вне зороастрийской традиции, так же как скифское имя *Σπιδάμις* в надписи из Фанагории IV в. до н.э.²⁶.

Вместе с тем *Spitama* как скифо-авестийская ономастическая изоглосса весьма любопытна. Имен, которые встречались бы и в Авесте и в скифском, – считанные единицы, и они заслуживают тем более пристального внимания. К числу их кроме Спитама относится авест. *Fryāna*

// скиф. *Φλιάνος* (Ольвия). *Fryāna* принадлежал по Авесте к турскому, т.е. скифскому, роду, и наличие этого же имени в далекой Ольвии, но тоже на скифской почве вполне понятно²⁷. Не говорит ли совпадение имен авест. *Spitāma* // скиф. *Σπιδάμης*, осет. *Sidæmon* об этнической близости рода Зороастра к скифам? Такую возможность нельзя считать исключенной. Из всех имен, которые сюда относятся (см. выше, с. 271 и сл.), только скиф. *Σπιδάμης* и осет. *Sidæmon* можно с уверенностью прикрепить к определенной этнической среде – скифо-сарматской. Из какого иранского племени происходил Зороастр, мы не знаем. Известный в истории Александра Великого Спитамен, хотя и возглавлял согдийцев, сам мог быть саком, т.е. скифом, так как скифы вместе с согдийцами участвовали в войне с Александром.

Что касается Спитама, за которого, по Ктесию, выдал свою дочь Амитиду мидийский царь Астиаг, то весь этот рассказ мог быть сочинен самим Ктесием (по Юсти, с. 15 – «ungeschichtlich»), а имя Спитама он мог взять из инвентаря «зороастрийских» имен, употребительных в его время среди персов и мидийцев.

Но если даже поверить в достоверность рассказа Ктесия, его Спитама не обязательно был мидийцем. В VII в. до н.э. в Мидию вторглись скифы и долго там хозяйничали²⁸. Не исключено поэтому, что Спитама, если он вообще существовал, был какой-нибудь знатный скиф, с которым породнился Астиаг. Мидийский царь Астиаг мог выдать свою дочь за скифа Спитама, как до него ассирийский царь Асархаддон выдал свою дочь за скифского вождя Партатуа²⁹.

Как бы то ни было, бесспорно одно: говоря об этнической принадлежности рода Спитама, из которого происходил Зороастр, следует иметь в поле зрения осетинский эпоним *Sidæmon* и скифское имя *Σπιδάμης* как два случая, этническая отнесенность которых не вызывает сомнений.

Несколько слов об этимологии рассматриваемых имен.

В основе лежит, бесспорно, иран. *spita-*, *spaita-* ‘белый, светлый’ [ср. авест. *spita-*, *spiti-* (в сложных словах), *spaeta-*, перс. *sapēd*, *safēd*, др.-инд. *śveta-*, *śvitna-*, слав. *svěťь*]. Имя *Σπιτομένης* Ф. Юсти толкует как сложение **Spita-manah-* ‘имеющий светлый дух’, а авестийское *Spitāma-* считает укороченной формой этого имени. По образованию *Spitāma-* совершенно напоминает древнеперсидское имя *Aršāma-*. Но последнее разъясняется не как укороченное из **Aršā-manah-* (‘имеющий мужественный дух’), а как сложение *Aršā-ama-* ‘имеющий мужественную силу’³⁰. Такой различный анализ идентичных по образованию имен наводит на размышления. Не исключено, что в др.-перс. *Aršāma-*, авест. *Spitāma-*, скиф. *Σπιδάμης* мы

имеем не укороченные сложные слова, а образования с формантом *-ma-*, выражающим отношение к чему-либо, как в авест. *dahyu-ma-* ‘относящийся к стране’, *zantu-ma-* ‘относящийся к племени’, или *-ma-* есть укороченный суффикс *-mant-* и означает наделенность каким-либо признаком³¹.

Что касается *Σπιταμένης*, то это имя стоит по образованию в одном ряду с пехлевийским *Spitāmān*, осетинским *Sidæmon*. Все три отражают патронимическое образование от *Spitama-* с помощью форманта *-āna-*. Долгота *ā* в *Spitāma-* вряд ли имеет этимологическое значение. Авеста дает формы и с долгим и с кратким *a*. Осет. *Sidæmon* также предлагает краткий *a* (*Spitama-*).

В отношении осетинского *Sidæmon* следует еще обратить внимание на огласовку *i*. В иронском диалекте осетинского языка, где бытует данная форма, *i* восходит обычно к дифтонгу *ai* (*īw* ‘один’ – др.-иран. *aiva-* и т.п.). Поэтому *Sidæmon* следовало бы возводить не к **Spitamāna-*, а к **Spaitamāna-*. Такое возведение, разумеется, возможно, но не обязательно. Иногда иронское *i* возводится к *i*, а не *ai*, например, в слове ^a*fsir* ‘колос’ (герм. **spira-*)³².

Наряду с производными именами *Spitama-*, *Spitamāna-* могло существовать и простое имя *Spita-* со значением ‘светлый’, ‘*Lūcius*’. В осетинском *Spita* дало бы закономерно *Sidæ*. Такое имя засвидетельствовано для осетин Туальского района (верховья р. Ардон) осетинским поэтом Коста Хетагуровым³³. Ср. авест. *Spiti-* – собственное имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. для второй части перс. *ārām* ‘покой, отрада, довольство, счастье’.
2. См. англ. пер. соответствующего текста Николая Дамаскина в кн.: “Dastur Hosang memorial volume”, Bombay, 1918. С. 465–481.
3. R. G. KENT, *Old Persian*, 2 ed., New Haven, 1953. С. 159.
4. ПЛУТАРХ, *Артаксеркс*, гл. I.
5. F. JUSTI, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. С. 168.
6. A. J. JOKI, *Finnisch-ugrisches im Ossetischen?* – “Commentationes Instituti Fennougrici”, XXIII, Helsinki, 1962. С. 161–162.
7. «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956. С. 439, 440.
8. E. BENVENISTE, *Textes sogdiens*, Paris, 1940. С. 114, 217 сл.
9. J. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER, *Altindische Grammatik II: 2*. Göttingen, 1954, с. 468; “Beliebt sind im Ai. Nomina agentis auf *-u-* aus Verben...”.
10. Ср., например, др.-инд. *Vayu-*, *Viṣṇu-* и др.

11. НИКУЛИН Г. И. Сравнительно-исторический очерк *-и*-основ в латинском языке, АКД, Киев, 1963. С. 5 и сл.
12. J. CHARPENTIER, Der Name Kambyzes (Kaⁿbūjiya), ZII, 2, 1, 1923. С. 140 и сл.
- 12а. Составитель словаря к произведениям Ксенофонта К. Крюгер снабжает термин *Μαρδόνιος* примечанием: «Vielleicht Marder, ein räuberisches Gebirgsvolk in mehreren Theilen Mediens und Armeniens» (К. W. KRUGER, Lexikon zu Xenophons Anabasis. Vierte Auflage, Berlin, 1872. S. 276).
13. W. EILERS, Kyros, – BNE, 15, 2, 1964. С. 205 и сл.
14. ОЛЬДЕНБЕРГ (H. OLDENBERG) переводит «the fine child» («The Sacred Books of the East», ed. by F. Max MÜLLER, vol. 46, Oxford. S. 54).
15. Следует учесть и то, что др.-инд. *ś* в *śiśviṣ* восходит к индоевр. *k̄* и мог иногда чередоваться с *k* и *č* (G. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER. Altindische Grammatik, Bd I, Göttingen, 1957. S. 228). В этом случае форма *čišpiš* была бы компромиссом между индоевроп. **k̄ikwis* и «нормальным» иран. **sispiš*.
16. В Гатах Зороастра *arta-* (*aša-*) и *xšadra-* выступают как божества, близкие к Ахурамазде. В антидэвовской надписи Ксеркса *arta* также стоит рядом с Ахурамаздой.
17. Имена приводятся в форме именительного падежа.
18. F. JUSTI, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895. С. 309, 310.
19. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 51.
20. АБАЕВ В. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 593–594; «Грамматический очерк осетинского языка», Орджоникидзе, 1959, § 171, п. 1.
21. Сидамоновы населяли сперва Алагирское ущелье. Но правнуки Сидамона – Курта и Тага – переселились в соседние ущелья и стали родоначальниками куртатинцев и тагаурцев. Наконец, и осетины в районе Дарьяльского ущелья принадлежали, по Клапроту, к большому осетинскому племени Сидамоновых. Таким образом, вся восточная (иронская) Осетия была заселена по преимуществу потомками Сидамона.
22. Ср. W. E. D. ALLEN, Trivia historiae Ibericae: «Some time after 1558 an aznauri (дворянин – В. А.) had, on the order of King Simon I, taken the castle of Vanati... The aznauri belonged to the Sidamoni family – one of the several noble Os clans who had penetrated and settled on lands south of the main chain of the Caucasus after the final destruction of the Alanic kingdom by the Mongols in the second quarter of the thirteenth century» («Bedy Kartlisa XVII–XVIII», Paris, 1964. S. 166.
23. «Осетинское народное творчество», сост. З. М. Салагаева, т. II, Орджоникидзе, 1961. С. 330.
24. См. статью L. FEKETE в: «Acta Orientalia Academiae Hungaricae», XI, 1960. С. 122, 123.
25. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 51.
26. «Корпус боспорских надписей», М.-Л., 1965. С. 625 и сл.
27. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 45.
28. ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии, М.-Л., 1956. С. 242–254, 286–292.

29. Там же, с. 272 и сл. По Н. WINCKLER'у («Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte», Leipzig, 1889. S. 124) – сам мидийский царь Астиаг был скифом.

30. R.G. KENT, *Old Persian*, New Haven, 1953. S. 171; W. BRANDENSTEIN, M. MAYRHOFER, *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden, 1964. S. 106; H. LOMMEL («Indogermanische Forschungen»). S. 54, 169 и сл.) допускает деление *spita-ama* ‘светлосильный’, J. DUCHESNE-GUILLEMIN («Les composes de Avesta», Liège-Paris, 1936. P. 165) высказывает догадку, не имеем ли во второй части имени *Spitāma*- синоним др.-инд. *amāti*- ‘блеск’.

31. G. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER, *Altindische Grammatik*, II, 2. С. 752.

32. АБАЕВ В. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965. С. 9, 133, 143.

33. КОСТА. Полное собрание сочинений, т. I. М.-Л., 1939. С. 237–238; *tækkæ bynme Sidæ syk'a ak'ul kodta* «до самого дна опрокинул рог Сиды».

Осетинское ILIVD – персидское ĀLUFTA

История иранского государства и культуры (М., 1971):

Бывают слова, засвидетельствованные в текстах и зафиксированные в словарях, существование которых однако же подвергается сомнению.

Таким словом является, например, персидский глагол *āluftan*. Часть лексикографов считает, что реально существует глагол *āšuftan*, а *āluftan* – это описка вместо *āšuftan*. Вуллерс, со ссылкой на Borhāni Qātiū, приводя *āluftan*, не дает ему никакого толкования, а отсылает к *āšuftan*. Последний он связывает с др.-инд. *kṣubh-* и дает ему следующие значения:

1) movere, agitare, pertubare; 2) commoveri, agitari, perturbari; 3) irasci. Причастие *āšufta* переводится: 1) agitatus, perturbatus; 2) iratus; 3) amans, amore captus¹.

Нет *āluftan* и в словаре Ценкера. Любопытно, однако, что и Вуллерс и Ценкер дают как самостоятельное слово причастие *ālufta*. По Вуллерсу, это слово означает то же, что *āšufta*, т.е. 1) agitatus и пр. (см. выше), а кроме того еще: 2) homo vagus, erro; 3) pauper, afflicus; 4) pila. Ценкер переводит *āšufta*: *troublé, agité, stupefait, attristé, hors de soi (par suite d'amour, de colère etc.), amoureux*. Для *ālufta* даются значения: *frappé, stupefait, épris d'amour, vagabond*².

В персидско-русских словарях М. А. Гаффарова (Москва, 1914) и Б. В. Миллера (Москва, 1953) отсутствуют как *āluftan*, так и *ālufta*. Новейший персидско-афганский словарь, изданный Афганской Академией наук (составитель Abdullah Afgani Naweess), под словом *āluftan* ограничивается отсылкой к *āšuftan* (т. 1, р. 28, Kabul, 1957). Так же персидско-английский словарь Najīm (Tahran, 1934). *Fārgang-e Amid* (Tahran, 1340) глаголу *āluftan* дает значения: *āšuftan, šūrīda šudan, parīšān šudan* (=быть взволнован-

ным, возбужденным, обезумевшим и пр.). Эти же значения находим в словаре Мо'ин (TAHRAN, 1963, с. 82).

Р. Норм не включил *ālufītan* в свой этимологический словарь (Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893). Этот же автор в другом месте высказывает догадку, что *ālufītan* не более как описка вместо *āšufītan*.

Действительно ли *ālufītan* представляет то, что называют ghostword? Или это слово, хотя и существует, но настолько полно и точно совпадает по значению с *āšufītan*, что они во всех случаях и контекстах взаимозаменяемы? Есть основания думать, что ни то, ни другое не соответствует действительности. В ряде источников и словарей глаголы *āšufītan* и *ālufītan*, их причастия *āšufīta* и *ālufīta* четко различаются, и им даются хотя и близкие, но не тождественные значения.

Так «Полный персидско-арабско-русский словарь» И. Д. Ягелло (1910) дает:

āšufīta влюбленный, помешанный, смущенный, расстроенный, нечеткий, неразборчивый (про письмо);

ālufīta удивленный, изумленный, свирепый, бешеный, сумасшедший; влюбленный; разбитый, немощный, хилый, слабый, бедный; огорченный, печальный, скорбящий; распутник, развратник.

Целиком совпадают с Ягелло показания «Persian-English dictionary» F. Steingass'a:

āšufīta enamoured, mad, confounded, illegible (writing);

ālufīta astonished, furious, insane, mad; broken, infirm, poor, disconsolate; a debauchee.

Таджикско-русский словарь (1954):

olufīta 1. расфранченный, разряженный; 2. 1) щеголь, франт; 2) кутила, гуляка, дебошир, буян⁴. Эти значения до некоторой степени примыкают к переводам *ālufīta* у Ягелло: распутник, развратник.

ošufīta (*ošufītadil*, *ošufītaxotir*, *osuftahol*) взволнованный, возбужденный, встревоженный, смущенный, расстроенный, влюбленный.

Самостоятельность глаголов *āšufītan* и *ālufītan* поддерживается и тем, что каждый из них допускает свою особую этимологию. *Āšufītan* сближается с др.-инд. *kṣubh-* 'приходить в движение, волнение'⁵. Для *ālufītan* профессор М. Mauryhofer указывает (в письме), со ссылкой на Morgenstierne, безупречную с формальной и семантической стороны этимологию: др.-инд. *lubh-* 'быть в смущении, в замешательстве, в беспокойстве', 'быть во власти желания, страсти, любви'. Сюда же слав. *ljubiti*, нем. *lieben*, лат. *lubet*, *libet* 'нравится' и пр.⁶.

В то время как в европейских языках находит отзвук преимущественно одно из значений др.-индийского *lubh-*, именно 'желать', 'лю-

бить’, персидское *āluftan* выявляет всю гамму значений, в том числе ‘быть в замешательстве, в волнении, беспокойстве’ и пр.

Мне представляется, что в это этимологическое гнездо надо включить и осетинское (дигорский диалект) *ilivd* ‘несчастный’ и пр.

В числе значений персидского *ālufta* есть и ‘бедный’, ‘жалкий’, ‘бродяга’, ‘pauper’, ‘afflictus’, ‘homo vagus’, ‘erro’ (Vullers), ‘vagabond’ (Zenker), ‘broken’, ‘infirm’, ‘poor’, ‘disconsolate’ (Steingass), ‘разбитый’, ‘немошный’, ‘хилый’, ‘слабый’, ‘бедный’, ‘печальный’ (Ягелло). Эти значения составляют **специфику** *ālufta* и чужды *āšufta*.

Они присущи и осетинскому *ilivd*. Приведу несколько цитат из произведений дигорского поэта Б. Гурджибекова, который особенно охотно употребляет это слово.

В стихотворении *Mægurgog* («Нищий») поэт говорит о горькой участи нищего:

ewnægæj, ilivd, særigon, fece, bæǵnægæj, xætuj mægurgor

«одинокий, жалкий с непокрытой головой, в лохмотьях, голый бродит нищий».

В стихотворении «*Wazt*» («Любовь») поэт, поняв, что его любовь обманула, восклицает:

nur bafæswardton mæ ilivd

«теперь я узнал, как я несчастен»

и далее:

waržti miždi run išširdton fælivdæj

ka’j mæ zærdi tad iždi mæ mæguri, ilivdæj

«в награду за любовь я нашел болезнь (по вине) обманщицы, она в моем сердце, как расплавленный свинец, я бедный, несчастный».

В стихотворении «*Wasgergi*» («Святой Георгий») говорится, что к *Wasgergi* обращены молитвы всех, кто нуждается в помощи:

«kovæn din, kovæn ædzoхæj,

wæ, wælarvon bazurgin:

ka æ kušti rist k’oxæj,

ka æ k’æsi æd rungîn,

ka æ nadi særi ilivdæj...»

«молимся тебе, молимся все время,

о, крылатый небожитель,

кто за работой с натруженными руками,

кто у себя в хижине больной,

кто на дороге несчастный (сбившийся с пути).

и далее:

*tabu din kænæn næ kuvdæj.
wæ, næ cardi mifs dættæg,
ma næ ma wadzæ ilivdæj
æd warzon ma æd xæstæg.*

«мы славословим тебя своей молитвой,
о, податель надежды в нашей жизни,
так не оставляй же нас беспомощными
вместе с нашими любимыми и родными».

В пьесе «Æduli» («Дурачок») бедняк, который стал жертвой бандитов дворян, называется *ilivd od* «несчастливая душа».

В этой же пьесе героиня, которую против воли выдают за богатого, но придурковатого юношу, называет себя *ilivd* и молит бога:

*wæ, me 'zædixaj, mæ xucaw!
mæxe we 'wazæg, wæ baræ ilivdæj kænun.*

«о, мое божество (мой ангел), мой бог!

отдаю себя под ваше покровительство, под вашу волю, (я) несчастная».

Она же, обращаясь к умершему брату, жалуется, что он оставил ее *ilivdæj*:

*wæ, Naluq, wæ me 'rvadæ,
ku niwwaxtaj mæ ilivdæj
«о, Налук, о, мой брат,
(ты) оставил меня несчастной
(обездоленной, беспомощной)».*

Для уточнения значений слова *ilivd* я обратился к дигорскому писателю Тазрету Бесаеву, который любезно сообщил: «Слово *ilivd* часто встречается у дигорцев в бытовом разговоре. Так говорят о невзрачном, бедно одетом человеке. Подойдут также значения 'убогий', 'обездоленный', 'беспомощный', 'бесприютный', 'жалкий'. Т. Бесаев приводит для иллюстрации несколько фраз из живой дигорской речи:

Æzinae ġazti Qalibegti næwwæg siaxsi fæwwidton: ci qæbær ilivd æma ægudzæg æj. Nur eci ilivdæn kud ravardtoncæ sæ desæ-mesæ dzaæbæx kizgæ?

«вчера на танцах я увидел нового зятя Калибеговых: до чего он жалкий и беспомощный. Как они отдали свою на удивление хорошую девушку за этого несчастного?»

xucaw dæ stong æma ilivdæj fæccærun kænæd

«пусть бог пошлет тебе жизнь голодную и жалкую» (проклятие).

Такие же значения дает для *ilivd* известный дигорский поэт А. Гулуев.

Как видим, в осетинском *ilivd* закрепилось одно из значений, свойственных персидскому *ālufsta*: 'жалкий', 'несчастный' и пр.

Формально *ālufta* восходит к др.-иран. **ā-lufta-*, *ilivd-* к **vi-lufta-*. Ожидали бы скорее **ilivd*; но в дигорском бывают случаи перехода *a, u* → *i* по ассимиляции гласных или по другой причине; ср. *itindzun* ‘расстилать’ из **vi-ṭanǰ-*, *imisun* ‘придумывать’ из **vi-mas-*, *fidbiliz* из *fud-iblis* ‘злой гений’; ср. также *mistæ* из *mus* ‘мышь’. Отметим, что и в латинском наблюдается колебание *libet*||*libet*.

В моем Историко-этимологическом словаре I 543 я предположительно возводил *ilivd* к **vi-lipta-* от *rip-*, *lip-* ‘пачкать’, ‘обманывать’ (осет. *fælevun* : *fælivd* ‘обманывать’). Об этой этимологии придется отказаться как семантически крайне натянутой.

Близость значений между *āluftan* и *āšuftan* объясняется отчасти близостью между исходными *lubh-* и *kšubh-*: в обоих глаголах присутствует идея психического возбуждения. Созвучие *āluftan* и *āšuftan* способствовало, вероятно, их дальнейшей семантической контаминации и сближению.

Глаголы, выражающие эмоции возбуждения, желания, любви, в прототипе имеют нередко магическую семантику, означая, пассивно – **одержимость**, активно – **колдовство**⁷. Глагол *lubh-* относится, по видимому, к этому разряду. Значения ‘несчастный’, ‘жалкий’ в осет. *ilivd* и перс. *ālufta* могли развиваться из идеи **одержимости**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. VULLERS. J. A. Lexicon persico-latinum etymologicum, Bonnae ad Rhenum, 1845, I 39, 48.
2. VULLERS I 48: – ZENKER J. Th. Dictionnaire turc-arabe-persan, Leipzig. 1866. P. 54, 90.
3. HORN P. Neupersische Schriftsprache (Grundriss der Iranischen Philologie I, 2. P. 138): «Ganz unsicher sind *ā-luf-tan*, *ā-luft-īdan*, *ā-luf-ta*, *ā-luf-t*, die mit den entsprechenden Formen von *a-šuf-tan* synonym sein sollen, aber vielleicht nur Verschreibungen derselben sind».
4. Глагола *oluftan* Таджикский словарь не дает.
5. VULLERS I 39; Horn 8.
6. UNLENBECK, Et. Worterbuch d. Altind. Spr. 263.
7. АБАЕВ В. И. К палеонтологии слов, обозначающих «любовь» и «ненависть». – Осетинский язык и фольклор, I, Москва, 1949. С. 579–586.

FROM IRANIAN ONOMASTICS

SUMMARY

1. The personal names of the Achaemenids

Contrary to the common opinion that a number of Achaemenid names, such as *Kuruš*, *Kambujiya*, *Čišpiš* are of non-Iranian origin, they can be explained by means of the Iranian languages; hence, all the Achaemenid names without exception are of Persian origin.

Kuruš is derived from the common Iranian stem **kur-*, which verbally meant «to be born» (the Ossetic *i-gurun* – «to be born» from the Old Iranian **vi-kur-*), and nominally meant «child», «baby», «buck», «hero», etc. (the Kurdish *kur* «boy», «son», the Persian *kurra* «buck», the Ossetic *kur* «bull-calf»).

The name *Kambujiya* is derived from the tribal name *Kamboja*, as it was convincingly shown by J. Charpentier in his time.

The name *Čišpiš*, taking into account some small phonetic variations, corresponds to the ancient Indian *śiśviṣ* and means «growing», «mighty».

2. The Avestan Spitama, Pahlavi Spitaman, Ossetic Sidæmon

According to Ossetic legends, one of the forefathers of the Ossetic people had the name of *Sidæmon*. This name is traced back to the Old Iranian **Spitamana*, Pahlavi *Spitāmān*, the tribal name of Zoroaster. Historically, however, *Sidæmon* of Ossetia and the ethnogonical legend in which he plays part are in no way connected with the Avestan tradition and are totally independent.

Speaking of the ethnic relationship of the clan of *Spitama* from which Zoroaster came, one should bear in mind the Ossetic eponym *Sidæmon*, as well as the Scythian name *Spithamēs* (Phanagoria, IV century B.C.) as the two cases whose ethnic relationship does not leave a shade of doubt.

З. Н. ВАНЕЕВ

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСЕТИИ (к проблеме общественного строя Овского царства¹)

(Госиздат Юго-Осетии, 1956)

В Осетии, как Северной, так и Южной, было распространено следующее предание о происхождении осетин.

Родоначальником осетин является Ос-Багатар. У него было пять сыновей: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. От них произошли роды Сидамоновых, Царазоновых, Кусагоновых, Агузовых и Цахиловых².

Доктор Пфаф сообщает о семи братьях, сыновьях Ос-Багатара. Шестого он называет Тетло, а имени седьмого брата он не мог узнать³. Однако, общераспространенным следует признать вариант о пяти братьях. По словам того же автора, «каждому из этих сыновей отец перед своей смертью завещал известную вещь, например, Кусагону – кус, т.е. чашу, отчего каждый сын и получил свое название⁴.

Каково историческое значение этого предания?

В части, касающейся происхождения всех осетин от Ос-Багатара, предание следует считать продуктом свободного творчества первоначального сказителя.

¹ Овское царство (по грузинским летописям) или Аланское царство (по византийским, арабским и др. источникам) существовало на Северном Кавказе в X–XII вв.

² Имена Сидамон, Царазон, Кусагон имеют осетинское родовое (фамильное) окончание «он». Родовое название в этой форме в отношении мужчин вышло из употребления, в отношении женщин оно сохранилось до сих пор. В сказаниях оно механически перенесено на родоначальников. Надо полагать, что последние носили имена без окончания «он» – Сидам, Цараз, Кусаг и т.д. Существовавшая до сих пор в Грузии фамилия Сидамон-Эристави, очевидно, сохранила в первой части эту фамильную форму.

³ См. Сборник сведений о кавказских горцах, V, II, 58. В Алагирском ущелье живут Тетлоевы, но в других местах, в частности, в Южной Осетии о них ничего неизвестно. В Южной Осетии бытует предание о пяти братьях.

⁴ Там же, с. 74.

Ос-Багатар – титул военного вождя осетин («царя» по грузинской летописи) в средние века. Относить происхождение всех осетин к какому-нибудь из «царей» Осетии – представление, явно лишенное логического смысла, ибо осетины существовали раньше, чем появился у них вождь под именем «Ос-Багатар».

Нетрудно объяснить само происхождение подобного сказания. Осетинским аристократическим фамилиям было свойственно производить свое происхождение от какого-нибудь царя или владетеля. Так, тагаурцы производили свое происхождение от армянского царевича – Тагаура, фамилия Хетагуровых производила себя от родоначальника кабардинских князей – Инала, дигорские бадияты – от выходца из Маджар и т.д.

Очевидно, это делалось с расчетом более убедительно обосновать знатность своего происхождения.

Но если неправильно производить *всех* осетин от Ос-Багатара, то не исключается, как это увидим ниже, постановка вопроса о том, не произошла ли от одного из Ос-Багатаров известная часть осетин.

Реально-историческим в приведенном предании является факт существования древних родов, происшедших от названных пяти братьев. Хотя эти роды давно распались на многочисленные отдельные роды, но как в Северной Осетии, так и в Южной, до сих пор сохранились живые предания о происхождении этих позднейших родов от более древних родов. Так, в Южной Осетии целый ряд фамилий, проживающих по ущелью Б. Лиахвы до с. Сба (Абаевы, Джатиевы, Шавлоховы, Томаевы, Плиевы, Джиджоевы, Гаглоевы, Санакоевы и некоторые другие), составляли ветви древнего рода Агузовых и имели репутацию *уæзданских*, т.е. благородных родов. Жители Урс-туальского сельсовета, расположенного выше сел Сба, Згубир, называли их Агузовыми (Агузатæ). Разумеется, фамилии из рода Агузатæ имелись и в других ущельях (напр., в Кударском). Обширный род Хубуловых (к нему относятся фамилии: Джиоевы, Битиевы, Магкоевы, Гассиевы, Бабаевы, Кокоевы, Карсановы, Остаевы) происходит от рода Кусагоновых. Обширные роды Цхурбаевых (обычно именуются Цховребовыми) и Тедеевых (фамилии – Тедеевы, Биазровы, Лалиевы) причисляли себя к роду Сидамоновых. Менее представлен был в Юго-Осетии род Царазоновых (к этому роду относили, в частности, Дза-soховых, Хабаловых).

Кое-где сохранились в Южной Осетии до сих пор фамильные названия от имен названных древних родоначальников – Сидамонов, Цахилов.

Следует отметить, что многие фамилии в Южной Осетии утратили воспоминание о своей связи с этими древними родами.

В Северной Осетии районом распространения названных древних родов считается Алагирское ущелье. По сообщению д-ра Пфафа жители этого ущелья – аулов Унал, Архон, Лоар, Дей, Дзис и др. причисляли себя к роду Сидамонцев; жители Бад, Мизур, Биз, Нузал и др. большею частью состояли из Царазонцев; жители аулов Дагом, Донисар, Урсдон и др. большею частью принадлежали к роду Кусагонцев⁵.

Надо думать, что в настоящее время и в Северной Осетии многие ныне существующие фамилии не помнят о своем происхождении от того или другого из древних родов народного предания.

Как в Северной Осетии, так и в Южной сохранилась следующая характеристика трех из этих родов: «многочисленность Сидамоновых (Сидамони бирæ), сила, воинственность Агузовых» (Агузаи æхсар), слава Кусагоновых (Кусагони кад). В Южной Осетии мы слышали «слава Хубуловых», что говорит о том, что род Хубуловых принадлежал Кусагонцам⁶.

По одному юго-осетинскому варианту трое из братьев при разделе получили: Сидамон – кусок (целый) золотой ткани (сигзарин тин), Агуз – золотой меч (сигзарин кард), Кусаг – золотой мяч (сигзарин пурти). Оттого род Сидамона как длинный «тин» распространился по всей стране (т.е. стал многочисленным); роду Агуза достался «Ахсар» – отвага, воинственность, сила; роду Кусаг досталась в удел слава.

Хотя районом расселения древних родов нашего предания считается Алагирское ущелье, а также, как следует из вышеизложенного, и Южная Осетия, но они имеются и в других ущельях. Правда, дигорцы, куртатинцы и тагаурцы не причисляли себя к этим древним родам, но в отношении происхождения куртатинцев и тагаурцев существует другой вариант (более демократический). Два брата Курта и Тага были правнуками Сидамона и переселились из Алагирского ущелья в соседнее Куртатинское ущелье. Впоследствии два брата поссорились, и Курта изгнал Тага из Куртатинского ущелья. Тага поселился в соседнем ущелье. От него произошли тагаурские узданские фамилии (тагиатæ)⁷. Таким образом, согласно этому варианту и куртатинцы, и тагаурцы имеют общее происхождение с родами названного предания.

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые южно-осетинские фамилии из рода Агузовых (Гаглоевы, Томаевы) по предани-

⁵ См. Сборник сведений о кавказских горцах. V, II. С. 78.

⁶ См. Юго-Осетинский фольклор. Сталинир, 1940. С. 212.

⁷ См. Адамы кавказских горцев, II. 19. См. также вариант этого предания в «Сборнике сведений о кавказских горцах» в V, II. 81.

ям переселились на юг из с. Кора, в Куртатинском ущелье, что говорит за то, что Агузовы и другие роды преданья распространились кроме Алагирского ущелья и по другим ущельям.

Как сообщал еще Клапрот, осетины в районе Дарьяльского ущелья (сс. Балта, Ларс, Чми) принадлежали к большому осетинскому племени Сидамоновых. Даже в Дигории имеются фамилии, происходящие от этих родов – выходцы из Алагирского ущелья.

Все эти пять родов считались аристократическими.

Как известно, осетинские общества в Тагаурии, Дигории и даже в Куртат имели классово-сословное деление. Господствующее сословие составляли уэзданские или благородные фамилии (æлдарские в Тагаурии и Куртат, бадилятские и др. в Дигории). От них находились в разной степени зависимости фæрсаглæги (лично свободные люди), кавдæсарды (рожденные от вторых жен) и рабы.

Алагирское общество считалось более демократическим. Однако, и здесь было то же самое сословное деление, как в предыдущих осетинских обществах с той существенной разницей, что между уэзданскими и «черными» фамилиями не было никаких реальных отношений зависимости.

Об аристократических родах Алагирского ущелья мы читаем в сборнике адатов:

«Алагирское общество разделяется на два сословия: уэзданлæг и фæрсаглæг. Уэзданлæгское сословие состоит всего из 4 фамилий, а именно: Сидамонтæ, Дцадартцонтæ (точнее – Царазонтæ – З. В.), Агузатæ (точнее – Агузатæ – З. В.) и Кусагонтæ»⁸. В этом сообщении содержатся неточности, а именно: во-первых, аристократических родов в Алагирском обществе было не 4, а, как мы знаем, пять (пропущен род Цахиловых), а если считать Тетловых, то и 6; во-вторых, и в Алагирском обществе кроме фæрсаглæгов и уэзданлæгов были и кавдæсарды и рабы, хотя эти последние никаких повинностей не отбывали уэзданлæгам.

Но в данном случае важно отметить тот факт, что адат древние роды Сидамоновых, Агузовых и др. считает высшим сословием.

Одно сообщение, содержащееся в том же сборнике адатов, подтверждает это. Здесь в главе о тагаурцах мы читаем: «Около времени переселения тагаурцев на плоскость прибыла в их ущелье из-за кавказских гор осетинская уэзданлæгская фамилия Дзантиевых из рода Агузовых. Она поселилась на незанятых никем местах, между границами тагаурцев и куртатинцев, а частью перешла потом на плоскость, где и теперь имеет две деревни (аула). Тагаурские уэзданлæги, признавая их одинакового с

⁸ Адаты кавказских горцев, II. 18.

собою сословия, вступили с ними в родство. По сей причине и по праву иметь кавдæсардов фамилия Дзантиевых составляет 11-ую фамилию тагаурских уæзданлæгов⁹.

Таким образом, род Агузовых, а, следовательно, и остальные четыре рода нашего предания по своей знатности признавались равными тагаурскими æлдарами.

В Южной Осетии фамилии из рода Агузовых преимущественно считались аристократическими. Впрочем, здесь в условиях феодальной Грузии осетинское население как «уæзданское», так и «черное» составляли одну крестьянскую массу, зависимую от феодалов Грузии, хотя и здесь среди населения традиция знатности сохранилась за фамилиями из рода Агузовых и др.

Отметим также, что грузинские феодалы-князья Эристави-Арагвские по преданию происходили из рода Сидамоновых. И в настоящее время в Грузии сохранилась фамилия Сидамон-Эристави.

Наше предание и, в частности, аристократизм происхождения названных родов нашли отражение и в письменных памятниках. Здесь необходимо прежде всего назвать грузинскую поэму «Алгузиани». Автором этой поэмы был известный деятель начала XIX века Иван Ялгузидзе, как это убедительно доказал академик Кекелидзе. Он был по происхождению осетин, получил грузинское образование, но сохранил знание осетинского языка, традиций и быта осетин. Фамилия Ялгузидзе – грузинизированная форма фамилии Агузов (Агузата), из которой происходил автор поэмы.

Героем поэмы он берет своего предка Алгуза, т.е. Агуза. В поэме упоминаются и братья последнего – Сидæмон, Сарагон (т.е. Царазон), Куртагон (т.е. Кусагон), Джархили (т.е. Цахил), но они находятся в тени. Зато своего предка Агуза (или Алгуза поэмы) наш автор выставляет в роли могущественного царя черкесов и других народов Северного Кавказа во всем его блеске, доблести и величии. Он возводит его происхождение к царю и пророку Давиду. Известно, что грузинские багратиды приписывали себе происхождение от царя Давида. Иван Ялгузидзе также сближает происхождение своего предка Агуза с династией багратидов, упоминает Багатара, Сослана, и для вящего возвеличения производит его от царя Давида и от Августа-Кесаря.

В начале автор поэмы сам указывает, что он рассказывает о своей родословной:

«Возьмусь записывать в книги о нашем родословии (о том),
Кто от кого зачался, кто из какой фамилии происходит,

⁹ Алаты кавказских горцев, II. С. 11.

Кто сын какого рода, кто от кого идет
И кто какую оказал отвагу, на земле живя».

Нельзя сказать, чтобы автор исчерпывающим образом выполнил в поэме поставленную им задачу описать «кто из какой фамилии происходит». Все внимание его фиксируется на его предке Агузе и его делах.

Нет нужды останавливаться на содержании самой поэмы: изображаемые в ней события являются плодом фантазии автора и вряд ли представляют какой-нибудь интерес исторического значения. Существенный интерес представляет тот факт, что Агуз (а, следовательно, и его братья) в поэме выставляется владельцем на Северном Кавказе, при чем подразумевается связь его по происхождению с верхами Овского царства X–XII вв. – с осетинскими багратидами.

Такое же отражение наше предание находит в другом письменном памятнике, известном в специальной научной литературе, именно – так называемой надписи в Нузальской церкви.

Нузальская часовня-гробница представляет важный интерес как исторический памятник и должен привлечь чрезвычайное внимание историка Осетии.

Что Нузальская часовня – гробница, об этом указания делались давно. Так, посетивший часовню д-р Пфаф описывает ее таким образом:

«Церковь стоит среди аула Нузала, на кладбище. Она построена из твердого и удивительно хорошо сохранившегося камня, и в весьма элементарном стиле: она похожа на гробницы, ее окружающие, так что на первый взгляд трудно определить, церковь ли это или гробница. Она так мала, что 12 человек с трудом в ней помещаются. В задней части находится простой новый иконостас и за ним принадлежности для церковной службы; по стенам – старинные рисунки с некоторыми надписями; и у входа, выше дверей, крест с грузинской надписью: «Церковь Христова». На левой от входа стене я видел наверху рисунок, весьма испорченный и представляющий, кажется, что-то вроде крылатого ангела на лошади, в борьбе с каким-то чудовищем, от которого видны только ноги.

Внизу, под этим рисунком, можно различить четыре человеческих фигуры или портрета в черкесской одежде. Голова сохранилась в целости только у четвертого, туловище – у второго и четвертого.

В промежутках между этими портретами находятся надписи: из них можно различить между вторым и третьим, около головы, буквы «тон», это было, очевидно, имя «Атон», о котором упоминает Вахушти; между третьим и четвертым можно явно различить имя Сослан. Остальные надписи, кроме трех непонятных букв, отбиты.

Но один ученый кавказовед, позаботившийся о снятии этих надписей гораздо раньше меня, сообщил мне еще одно, в настоящее время тоже уже уничтоженное имя, означавшее «Джадарос»¹⁰.

Судя по всему, возможно было сделать предположение, что под часовней могильник лиц, портреты которых изображены на стене.

В 1941 году археолог Е. Г. Пчелина сделала доклад в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте о Нузальской часовне, в коем высказала предположение, что под часовней, представляющей типичный осетинский дзаппадз (погребальное сооружение), находится могила Давида-Сослана, мужа знаменитой грузинской царицы Тамары, умершего в 1207 году. Свое предположение Пчелина основала на том, что Давид-Сослан происходил из знатного рода Царазоновых, который жил в Нузале, что по осетинскому обычаю тела умерших на чужбине должны были быть похоронены на родовом кладбище, и что поскольку родовым селением Сослана является с. Нузал, здесь под часовней, на стенах которой изображены его предки, должен быть похоронен он.

2-го июня 1946 г. Пчелиной был вскрыт пол часовни и при снятии земли ниже пола на 25 см был обнаружен край плиты гробницы, а затем под плитами прекрасно выточенный каменный гроб. Работы были приостановлены. На место прибыли ответственные работники СОАР, научные сотрудники Северо-Осетинского научно-исследовательского института и музея краеведения, и в их присутствии гробница была вскрыта. На дне каменного ящика оказался хорошо сохранившийся скелет мужчины лет 35, высокого роста, мощного телосложения. Хорошо сохранился череп с прекрасными белыми зубами. Правая рука скелета покоилась на короткой сабле.

Скелет был перевезен в г. Орджоникидзе для научного изучения и закрепления костей.

Открытие гробницы, естественно, вызвало большой интерес. Сразу же последовало интервью сотрудника газеты «Заря Востока» с вице-президентом АН ГССР С. Н. Джанашиа. Академик Джанашиа указал, что «Давид-Сослан принадлежит к боковой ветви грузинской царской династии Багратиони, утвердившейся в Осетии в XI в. и известной под именем Багратион-Эпремидзе», что никаких исторических данных о том, что этот владетельный дом происходил из с. Нузал нет и строить догадки в этом направлении рискованно, что сообщение о том, что обнаруженный скелет принадлежит молодому, лет 35 мужчине, усиливает сомнение. Если Сослану в год смерти (1207 г.) было только 35 лет, то в год брака с Тамарой

¹⁰ Там же, 33-34.

(1189 г.) ему могло быть не более 16-17 лет, что совершенно невероятно. Наконец, по мнению академика Джанашиа, бедность погребального инвентаря говорит против предположения, что здесь мы имеем погребение Давида-Сослана¹¹.

Возражения, выставленные академиком Джанашиа против мнения Пчелиной относительно лица, погребенного в гробнице, представляются довольно вескими. Тем не менее остается вопрос, кому принадлежит обнаруженный в гробнице скелет. Ответ на этот вопрос приходится искать на основании того материала, который дается самим памятником и, в частности, известною надписью в Нузальской часовне.

Сам памятник – христианская часовня, свидетельствует о том, что она сооружена еще тогда, когда христианство еще было в силе в Осетии. Здесь нужно вспомнить эпоху царицы Тамары, которой народное предание приписывает постройку церкви в Осетии. Портреты, бывшие на стене часовни Атона, Джадарона, Давида-Сослана и др. свидетельствуют о том, что памятник-часовня сооружен не раньше XIII в. Наконец, они же дают основание для предположения, что лицо, погребенное в гробнице, принадлежит к верхам осетинского общества эпохи не раньше XIII в. и находится в генеалогической или родственной связи с лицами, портреты которых имеются на стене, т.е. с династией осетинских Багратидов.

Приведенное заключение подтверждается и знаменитой надписью в Нузальской часовне.

Нузальская надпись еще в XVIII в. приведена в ненапечатанном варианте географии Грузии Вахушти¹².

Текст надписи гласит (в переводе М. Джанашвили):

¹¹ Газ. «Заря Востока» от 21 июня 1946 г. № 123 (6757). Относительно возраста мужчины, которому принадлежит обнаруженный скелет, по словам Е. Г. Пчелиной, в газеты попали неточные сведения: мужчине было не 35 лет, а 43-45.

Что касается происхождения Давида-Сослана из рода Царазоновых, то это сведение почерпнуто из местных нузальских преданий (в Нузале живут Царазоновы) и противоречит сведениям грузинских источников, согласно которым Давид-Сослан происходил из боковой ветви грузинской династии багратидов (т. н. ефремиани). Все же, это местное предание о происхождении Давида-Сослана из рода Царазоновых, во всяком случае, служит указанием на аристократическое происхождение этого рода (одного из родов разбираемого нами предания) и на какие-то родственные связи его с династией багратидов.

¹² См. Изв. груз. летописей и историков о Сев. Кавказе и России. Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, в. 22, 1897. С. 43. Впервые она была опубликована на французском языке акад. Броссе в Journal Asiatique. 1830. С. 305.

«Нас было девять братьев – Чарджонидзе-Чархилановых, осетин: Багатар, Давид-Сослан, с четырьмя царствами боровшиеся – Пидарос, Джадарос, Сокур и Георгий, грозно встречавшие врага; трое из наших братьев – Исаак, Романоз и Басили стали верными рабами Христа. Мы охраняем узкие дороги, проходящие из четырех углов. В Касарах я имею замок и таможенную заставу и здесь охраняю двери Хиди (хиди по-грузински мост); веруя в загробную жизнь, в сем мире прочно стою; золотосной земли и серебряной, подобно воде, много имею, Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю; он догнал меня, изменил клятвенно и грех мой принял на себя. Багатар отдан был течению воды, войско же овсетин было истреблено. Кто из вас увидит этот стих, малостью пусть скажет помянутие»¹³.

Пфаф, посетивший часовню в 60-х годах (после реставрации часовни в 1862 г.), не видел этой надписи и даже выразил сомнение в самом существовании надписи, так как, по его словам, «подобная обширная надпись не могла поместиться на такой узкой полосе стены, как та, на которую нам указали, тем более, что буквы, которыми мнимые остатки этой надписи написаны, довольно крупного размера. Из всего этого мы заключаем, – продолжает Пфаф, – что Нузальская надпись никогда не существовала и не могла даже существовать, потому что содержание ее противоречит всем историческим данным»¹⁴.

Соображение Пфафа, что надпись не могла поместиться на стене часовни, не является основанием для отрицания самого документа. Надпись могла существовать если не на стене, то где-то на бумаге. Допустимо предположение, что сохранившееся среди местного населения известие о похищении священником Смаргановым какого-то документа из Нузальской часовни относится именно к надписи.

Как бы то ни было, нузальская надпись хотя бы только на бумаге существовала в XVIII в., так как она была известна географу Вахушти.

Но независимо от того, существовала ли действительно надпись в Нузальской часовне или она сочинена позже неизвестным автором, она все же не лишена исторического интереса, поскольку надпись так или иначе приурочена к Нузальскому памятнику. Поэтому даже в том случае, если надпись сочинена позже, ее вместе с Нузальской часовней следует рассматривать как один комплекс исторических памятников. Правда, по своему содержанию надпись действительно не представляет собой исто-

¹³ См. там же.

¹⁴ См. Сб. сведений о кавказских горцах, V, II. С. 61.

рического документа научного значения, точно свидетельствующего о тех или других исторических фактах. Содержание надписи берется из грузинских летописей и осетинских народных преданий. Но видно, что автор надписи плохо был знаком с тем и другим источником и имел путаное представление о лицах, о которых говорится в надписи. В надписи Ос-Багатар, Джадарос, Давид-Сослан – братья, что противоречит сведениям грузинских летописей. Эти неточности и остальное содержание надписи говорят о том, что мы имеем здесь неполноценный исторический документа, не совсем грамотную литературную обработку исторического и фольклорного материала. И тем не менее надпись все же, повторяем, не лишена некоторого исторического значения, так как в том или другом порядке связана с нузальским памятником.

Нузальская надпись ведет рассказ от имени Ос-Багатара. «Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю; он догнал меня, изменил клятвенно, и грех мой принял на себя. Багатар отдан был течению воды, войско же овсетин было истреблено...»

Из этого естественно сделать заключение, что в могильнике похоронен Ос-Багатар. Это согласуется и с местным осетинским преданием. Но «багатар» – титул осетинского вождя и в грузинских летописях он упоминается в разное время. Спрашивается, какой из Ос-Багатаров погребен здесь? В надписи Ос-Багатар говорит о похищении им сестры грузинского царя, о борьбе с последним и гибели и самого и его войска. Событие это по грузинской летописи относится к V веку нашей эры и связано с походом Вахтанга Горгасала в Осетию. Но, разумеется, Нузальский памятник не может быть отнесен к столь древнему времени – он сооружен не раньше XIII века. Отсутствие у автора надписи хронологической перспективы лучше всего свидетельствует о том, что надпись не что иное, как не совсем грамотная литературная обработка летописных известий. Все же ценность надписи в том, что она подтверждает народное предание о погребении в Нузальской церкви Ос-Багатара и, в соответствии с портретами на стене часовни, – генеалогическую (или вообще родственную) связь погребенного в гробнице с династией осетинских багратидов.

Лицо, погребенное в Нузале, жило не ранее XIII в. и, следовательно, здесь речь может идти об одном из последних Ос-Багатаров, живших в эту эпоху. Возникает предположение, что в гробнице погребен последний известный в грузинской летописи Ос-Багатар, живший в конце XIII в. и воевавший в Карталинии. Но может быть это и другой вождь, неизвестный в истории.

В данном случае для нашей задачи особенно существенного значения не имеет ответ на вопрос, кто именно был похоронен в Нузальской гробнице. Достаточно констатировать, что погребенное здесь лицо принадлежало к верхам осетинского общества, вернее – он был одним из осетинских вождей периода не ранее XIII века.

Из этого предположения можно было бы сделать заключение, что резиденцией Ос-Багатара или столицей овского царства был Нузал. Насколько это согласуется с имеющимися историческими данными? Есть известие, что еще в XIII веке главным городом Осетии был Дедяков, взятый в 1277 году по приказу золотоордынского хана русскими князьями. По имеющимся сведениям Дедяков находился в пределах между Севенца, т.е. Сунжей, и Тереком, в районе железных ворот, т.е. Дарьяла. Остается предположение, что после взятия Дедякова осетины окончательно ушли в горы, и Ос-Багатары перенесли свой центр вглубь гор – в Нузал. Такое предположение хронологически соответствует времени последнего Ос-Багатара, жившего в конце XIII и в начале XIV вв.

Но здесь не исключается и другое предположение, что в Осетии в то время было несколько местных центров, в том числе и Дедяков и Нузал. Это предположение имеет основанием факт распада к тому времени средневекового овского царства на отдельные части.

После сделанного экскурса о Нузальской часовне важно остановиться на связи Нузальской надписи с народным преданием о пяти братьях. Надпись производит Ос-Багатара и других перечисленных в ней лиц от Чарджонидзе-Чархилановых, в которых нетрудно узнать фамилии, происшедшие от двух из 5-ти братьев нашего предания – Царазона и Цахила. Это подтверждается вариантом надписи, приводимой в статье Головина «Топографические и статистические заметки об Осетии»: вместо «Чарджуидзе-Джархилан» значится «Чараджоновы и Сахиловы»¹⁵. В этих двух последних названиях мы узнаем имена двух из пяти родов – Царазоновых и Цахиловых...

Таким образом, нузальская надпись исторически известных лиц из династии осетинских багратидов производит от Царазоновых и Цахиловых, в чем нельзя не видеть отражения местных фольклорных преданий.

В связи с этим возникает вопрос – какова давность древних родов, о которых говорит народное предание?

Автор «Материалов для древней истории осетин» д-р Пфаф по поводу значения этого предания высказывается следующим образом:

¹⁵ Кавказский календарь, 1854 г.

«Осетины валаджирские (т.е. алагирские) издревле разделились на 7 главных колен.

Происхождение этих колен теряется в глубочайшей древности: оно относится еще к тому времени, когда древние нарты смешались с кавказскими семитами, разделившись здесь, вероятно, на 7 колен. Колено Сидамонцев упоминается еще в VI веке при императоре Юстиниане, следовательно, немислимо, чтобы Сидамонцы могли происходить от Ос-Багатара, жившего в начале XIV века. Освобождая осетин из-под ига грузин¹⁶, Ос-Багатар вместе с тем восстановил название 7 колен – и вот смысл вышеприведенного сказания»¹⁷.

Вся эта концепция является произвольно взятой. В частности, упоминание Сидамонцев в эпоху Юстиниана в родословной Ксанских эриставов имеет легендарный характер и на нем основывать древность рода Сидамоновых не приходится. Все же существование этих родов следует отнести к древнему времени.

По некоторым фольклорным преданиям роды, происшедшие от 5-ти братьев, не обладают большой древностью. Так, в одном юго-осетинском сказании Миггæгти тох – борьба фамилий¹⁸ мы читаем: «Родоначальниками осетин были пять братьев: Агуз, Сидамон, Царазон, Кусаг и Цахил. У Агуза один из сыновей Агзариса был лучше своих сверстников. У него было три сына: Тома, Абай и Гагло. Гагло не в состоянии был уплатить плату за кровь и два его сына Туга и Кортиа из своей отчизны – Кора (в Куртатинском ущелье) выселились в Кусджытæ...»

От трех названных в приведенном сказании братьев – внуков Агуза произошли роды Томаевы, Абаевы и Гаглоевы. Судя по родословным этих фамилий, древность их не превышает четырех столетий, т.е. родоначальники их жили в XVI ст., а сам Агуз жил в XV столетии.

Однако сведения данного сказания явно противоречат действительным фактам. Дело в том, что от Агуза произошли не только названные три сына – Тома, Абай и Гагло, но несколько десятков других фамилий, ныне существующих как в Северной, так и в Южной Осетии. В одном ущелье по Б. Лиахве кроме фамилий Гаглоевых, Томаевых и Абаевых есть еще более десятка фамилий из рода Агузовых. Еще больше их окажется в других ущельях Северной и Южной Осетии. Родоначальники этих фамилий, очевидно, жили тоже тогда, когда жили Тома, Абай и Гаг-

¹⁶ Здесь автор упустил из виду, что осетины могли находиться под игом не грузин, а феодалов Грузии.

¹⁷ Сборник сведений о кавказских горцах, V. 59.

¹⁸ Юго-осетинский фольклор, Сталинир, 1940 г. С. 216.

лой в XVI столетии. Таким образом, в начале XVI в. был целый род Агузовых в составе нескольких десятков хозяйств-семейств. Такой род мог образоваться в течение, примерно, 2-3 столетий, и, следовательно, время жизни Агуза относится к более раннему времени, чем это можно принять по приведенному выше сказанию.

Из сопоставления этих данных с вышеприведенными сведениями фольклора о родословной Агузовых можно было бы сделать предположение, что пять братьев нашего предания являются сыновьями последнего Ос-Багатара, жившего в конце XIII века, и, таким образом, примирить наше предание с письменным историческим источником. В таком случае начало существования родов Сидамоновых и др. можно было бы отнести к XIII–XV вв.

Однако такое предположение опровергается элементарным соображением. Подавляющее большинство населения Алагиро-Мамисонского ущелья и Юго-Осетии принадлежит к этим древним родам и немислимо, чтобы оно произошло от одного человека, жившего в XIII веке, в то время как в XIII в. было здесь и другое осетинское население, которое должно было дать соответственно еще большее количество потомства. Следовательно, названные роды относятся к гораздо более раннему времени.

О древности рода Сидамоновых и остальных четырех родов с определенностью можно сказать одно – что они существовали до времени расселения современных осетин в горах Северной Осетии и Южной Осетии, когда было положено основание ныне существующим здесь осетинским селениям. Эти древние роды сформировались и жили в предшествующий период. Сколько времени и в каких местах они жили, когда произошло их расселение по горным ущельям – вопрос этот остается открытым. С некоторою вероятностью можно сделать предположение, что образование многих осетинских аулов в горах относится к эпохе после монголо-татарских нашествий, когда под внешними ударами произошел отлив населения с плоскости в горы и даже в Грузию. В данной связи представляют интерес следующие сведения, сообщаемые д-ром Пфафом: «Местные жители, по крайней мере в Куртатинском ущелье, рассказывают, что в этих местах прежде, но уже очень давно, жило другое осетинское племя, по имени Бурдурта, и что оно по неизвестной причине выселилось за Казбек, в направлении к Трусовскому ущелью. По некоторым данным можно заключить, что нынешние жители переселились в эти места не раньше XV или XVI столетий...»¹⁹.

¹⁹ Сборник сведений о кавказских горцах, V, II, 79.

В связи с монголо-татарским нашествием, несомненно, произошел катастрофический сдвиг в расселении осетин: окончательный уход их в горы и расселение по разным ущельям Северной и Южной Осетии. Поэтому приведенное сообщение д-ра Пфафа следует считать близким к истине.

Прежнее осетинское население могло уйти из гор в направлении Грузии и раньше под натиском разных племен.

Здесь опять-таки важно отметить самый факт установления генеалогической (или родственной) связи между династией осетинских багратидов и пятью родами народного предания.

Весь приведенный выше материал говорит о том, что в осетинском обществе как на севере, так и на юге пять названных родов считались аристократическими (узданскими), хотя никаких реальных прав господства над другими родами они не имели.

При этом, однако, существенный интерес представляет тот факт, что подавляющее большинство населения как Алагирского и Мамисонского ущелий, так и Южной Осетии, считаются потомками этих древних родов. Таким образом, здесь создалось положение, когда огромное большинство населения составляет как бы привилегированное сословие, а меньшинство – «черное», низестоящее по своему социальному положению, в то время как в развитом классовом обществе мы видим господствующее меньшинство и огромное большинство зависимых масс. При этом важно отметить и то, что это **«аристократическое» большинство непосредственно занято личным трудом в производстве.**

Здесь мы имеем вполне закономерное явление с точки зрения генезиса и развития классового общества.

«Рабовладельцы и рабы – первое крупное деление на классы...»²⁰

В период возникновения классов-сословий в патриархально-родовом обществе мы имеем, с одной стороны, свободных членов родовых общин, а с другой стороны – «черных» людей, рабов... При этом на этой стадии развития общества свободные составляют большинство, а рабы – меньшинство. Вместе с тем пока имеется рабство патриархальное. Свободные общинники сами непосредственно заняты в производстве, их труд лежит в основе общественного производства.

Это мы наблюдаем на ранней стадии истории греков, римлян, германцев, славян и других народов. Грузинские **азнаури** вначале означали людей свободных, противопоставлявшихся несвободным людям. Только в дальнейшем развитии классовобразования азнаури превращаются в привилегированное меньшинство, в класс феодалов.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, 438.

Такую же эволюцию патриархально-родового общества мы наблюдаем в Осетии. В Алагиро-Мамисонских и южно-осетинских обществах, которые недаром считались всегда демократическими ввиду слабо выраженного классово-сословного расслоения, имелось огромное уæзданское большинство и меньшинство «черных» людей.

Дальнейший этап развития осетинского общества представляют общества – отчасти Куртатинское, а в особенности Тагаурское и Дигорское. В последних мы видим более развитую классово-сословную структуру. Здесь имелось строго ограниченное количество алдарских родов (согласно сведениям сборника адатов в Куртат – 9, в Тагаурии – 10 и в Дигории – 3 бадиляты, царгæсаты, гагуаты), в зависимости от которых находилась остальная масса населения (фæрсаги, кæвдæсарды, рабы). Зависимость последних выражалась в отбывании тех или иных повинностей. Впрочем, развитого классового общества в форме государства еще нет, и за господствующими классами их привилегии прочно не закреплены, массы отстаивают свою свободу и равноправие с уæзданами.

Любопытно отметить, что в Куртатинском обществе (считавшемся сословным) при русской власти из 3701 души мужского пола 3652 души подавали в Терско-Кубанскую сословную комиссию просьбу о признании их принадлежащими к высшему сословию²¹. Факт этот показывает, что даже в этом обществе почти вся масса населения считала себя уæзданским сословием, т.е. строй этого общества находился на ранней стадии развития, когда масса населения состояла из свободных общинников, а меньшинство – из рабов и кæвдæсардов. При этом свободные заняты были в производстве.

Исследование народного предания о происхождении осетин от пяти братьев, сыновей Ос-Багатара, позволяет нам сделать следующие общего характера выводы, в большей или меньшей степени приближающиеся к истине.

1. Огромное большинство осетинских родов, живших в недавнее предреволюционное время в Алагиро-Мамисонском ущелье, в Южной Осетии, отчасти и в других ущельях, или выселившихся из этих ущелий родов, составляли ветви древних родов – Сидамоновых, Агузовых, Царазоновых, Кусагоновых и Цахиловых. Эти роды пользовались репутацией благородных (по-осетински – **уæздан**) родов.

2. Названные древние роды существовали в период, предшествовавший времени расселения осетин в упомянутых ущельях и основания в них существовавших в недавнее время селений.

²¹ См. Материалы по истории Осетии, III, Дзауджикау, 1950. С. 199-200.

3. Эти древние роды имели генеалогическую или родственную связь с родовой аристократией эпохи Овского царства и с самой династией осетинских багратидов.

4. Сами они в период существования их представляли родовую аристократию патриархально-родового общества осетин в стадии его разложения и возникновения в нем классов, когда благородные или свободные люди составляют еще большинство населения и противопоставляются несвободным или рабам, а также кæвдæсардам (буквально – рожденным в яслях, т.е. рожденным от вторых и следующих жен при наличии института многоженства), также считавшимся «черными» людьми.

«Благородные» или свободные общинники сами были заняты в производстве, хотя «черные» люди (рабы, кæвдæсарды) несли тяжесть хозяйственных работ и, следовательно, подвергались эксплуатации со стороны первых.

В пору существования этих древних родов (как родов в собственном смысле этого слова) в Осетии сохранились ярко выраженные пережитки патриархально-родового строя. Об этом, между прочим, можно судить по сохранившейся народной поговорке, приведенной выше, приписывающей этим родам то или другое качество, достойное пожелания: многочисленность (Сидамоновых) – качество, которое давало роду в родовом обществе могущество; отвагу, воинственность (Агузовых) – столь же завидное качество в условиях родового строя и, наконец, третье качество – слава (Кусагоновых) – соответствовало характерному для осетинских родов славолюбию.

Рабство в этих условиях имело первобытную форму, характерную и для последующего осетинского быта. Это вид восточного домашнего рабства, которое, по словам Энгельса, прямым образом не составляло основы производства²². При семейных разделах рабам отводилась земля худшего качества, и они давали начало «черным» родам. Это говорит о том, что первобытное рабство в Осети имело тенденцию развиваться в направлении не рабовладельческой формации, а феодальной. Впрочем, общинно-родовые начала были настолько устойчивы, что процесс феодализации далеко не был завершен. Мало того, со временем с численным ростом «черных» родов и их усилением, привилегированное положение «благородных» родов приобретало более морально-идеологический, чем реально-правовой характер.

5. Так как по вышеприведенным данным названные древние роды имели связь с «Овским царством» грузинских летописей, то вышесказан-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV. С. 45.

ное проливает некоторый свет на общественный строй этого царства. Основное при этом заключается в том, что «благородные» или свободные общинники составляли в нем большинство населения и были заняты в производстве. При наличии рабства не рабский труд, а труд этих свободных составлял основу общественного производства.

6. Но в то же время классовое расслоение уже возникло и среди «благородных» родов. Были экономически и физически более сильные семьи и родовые группы. Они занимали более влиятельное или даже господствующее положение среди массы «благородных» или свободных, т.е. зародился процесс феодализации, выделился класс æлдаров. Из этого слоя феодализирующейся родовой аристократии выделились и овские цари – багатары, преимущественно племенные военные вожди. Эти багатары имели династические брачные связи с грузинскими багратидами. В результате этих связей в XI в. в Осетии основалась осетинская ветвь багратидов, по грузинским источникам происходившая от Деметре, сына грузинского царя Георгия I и дочери овского царя Альды-аланки.

С другой стороны, экономически слабые люди или даже целые роды из числа свободных попадали в некоторую зависимость от родовой аристократии (такие группы в Осетии впоследствии назывались «фæрсагами»).

О степени этой зависимости и вообще о характере классовых отношений в Овском царстве нет конкретных данных.

7. В отношении государственной формы Овское царство представляло раннюю форму политического образования с сильно выраженными чертами родоплеменного строя (племенного союза). При наличии зародившихся феодализационных отношений, не представляя собой прочной централизованной политической организации, Овское царство не достигает устойчивого положения, распадается на отдельные части и под ударами внешних врагов (монголов) окончательно прекращает свое существование.

VANEEV Z. N.

THE PUBLIC LEGEND ABOUT THE ORIGIN OF OSSETIANS

SUMMARY

The study of the public legend from the five brothers, the sons of Os-Bagatar, about the origin of Ossetians allows us to make the following general findings, which are approaching to truth in greater or smaller degree.

The enormous majority of ossetian kins who lived in Alagir-Mamison gorge, in the South Ossetia, somewhat in the other gorges at recent prerevolutionary times or evicted from these gorges, formed the branches of the ancient kins – Sidamons. Aguzons, Carazons, Kusagons and Tshilons. These kins had the reputation of «nobles» (wazdan – by ossetian).

The mentioned ancient kins existed at period, preceded the time of settling of Ossetians in gorges and the remnants of their villages remained still there at recent times.

These ancient kins had genealogical or bloody relationship with the aristocracy of the Ovs' kingdom and with the dynasty of Ossetian Bagratids too.

At the period of their existence these ancient kins by themselves presented the aristocracy of the tribal ossetian society at the stage of its decomposition and the appearance of the classes in it, when the noble or free people formed the majority of the population and was opposed to unfree ones and slaves, as well as to kavdasards (literally – given the birth in cribs i.e. given the birth from the second and the next wives in condition of the institute of polygamy). who considered to be the «black» people».

The nobles or freemen themselves were occupied in production though the «black» people (slaves, kavdasards) carried the main economic work and. consequently, were subjected to exploitation from the part of the first.

At the time of existence of these ancient kins the brightly expressed survivals of tribal system remained in Ossetia. This, by the way, may be discovered in public saying, brought above, which pointed out the characteristic features of every kin: the numerosity of Sidamons – a quality, which gave the kin power, courage of Aguzons – very enviable quality in ancient societies and, finally, the third quality – a glory of Kusagons which corresponded to the typical feature of Ossetians – aspiration to glory.

The slavery in these conditions had a primitive form, which also was typical for the following Ossetian mode of life. This was the type of eastern home slavery which, according to Engels did not form directly the bases of production²³. In case of kins' disintegration the slaves were given the worst land and so they gave the birth to the «black» kins. This speaks of that that the primitive slavery in Ossetia had a tendency to develop toward the feudal formation not the slavery one. However, the tribal system was so firm that the process of feudal ization was far from being completed. Moreover while passing time, with the numerical growth of the «black» kins and their strengthening the privileged position of the noble kins gained more moral and ideological nature than real-legal one.

On the other hand the economic weak people or even the whole kins fell into a certain dependency from kins' aristocracy (such groups in Ossetia subsequently were identified as farsags).

There is no concrete information about the degree of this dependence and about the nature of the class relations in general in Ovs' kingdom.

²³ MARKS K., ENGELS F. Sochinenia. T. XIV. P. 45.

In respect of state form Ovs' kingdom represented the early form of political formation with strongly expressed features of tribal alliance. While having had early feudal relations and not being the strong political organization Ovs' kingdom did not reach the firm position, disintegrated on separate parts and definitively stopped its existence under the blow of external enemies (the mongols).

Играр АЛИЕВ

САРМАТО-АЛАНЫ НА ПУТИ В ИРАН¹

(в кн. *История Иранского государства и культуры. М., 1971*)

Одной из больших проблем древней истории Передней Азии, давно привлекающей внимание иранистов и археологов, является проблема времени расселения и путей проникновения ираноязычных племен на территорию Ирана. Исследование этой проблемы в свою очередь невозможно без уяснения сложного и пока еще окончательно не решенного вопроса о локализации области первоначального обитания упомянутых этнических элементов.

Постепенно накапливается все больше материалов, как археологических, так и языковых, позволяющих полагать, что родина ираноязычных народов находилась в Юго-Восточной Европе². По мнению ряда видных исследователей, именно отсюда в разное время и в различных направлениях двигались носители иранских языков³. По-видимому, можно говорить о том, что Иран, начиная с рубежа II–I тыс. до н. э., а возможно и ранее, имел контакты не только с Кавказом и южнорусскими степями, но и с областями Центральной Европы⁴.

В вопросе о том, какими путями приходили в Иран ираноязычные племена, до сего времени нет единого мнения. Однако следует отметить, что в новейшей специальной литературе приводится немало доказательств того, что миграции шли и по кавказскому пути⁵. Есть основания полагать, что путь через Дербентский проход был освоен степняками южнорусских областей – каковыми в ту пору могли быть только иранцы – еще на рубеже II–I тыс. до н. э., а быть может, и несколько ранее⁶.

Именно в то время, когда в южнорусских степях и в отдельных районах Северного Кавказа господствовали подвижные коневодческие ираноязычные племена, в областях Ирана, как об этом свидетельствуют материалы Хурвина, Марлика, Луристана и др., появляются новые группы иммигрантов: коневоды и всадники – носители иранского этноса. О последнем с несомненностью свидетельствует иранская ономастика⁷.

Ряд авторитетных исследователей совершенно справедливо указывают на то, что в упомянутых комплексах не обнаруживается влияний со стороны Средней Азии⁸, но прослеживаются характерные особенности, позволяющие связывать эти комплексы с культурами Закавказья и Армянского нагорья, а частично и с северокавказскими и степными южно-русскими⁹. Близость эта особенно наглядно прослеживается в одежде, вооружении, предметах конской упряжки, в традициях всадничества и конских погребений и т. д.¹⁰.

Все это свидетельствует в пользу кавказского пути проникновения первых ираноязычных племен в Иран¹¹. Кавказским путем шли, как полагают, западноиранские племена – мидяне, сагартийцы, персы и др.¹², а затем, о чем свидетельствуют уже бесспорные письменные свидетельства, восточноиранские племена¹³, причем не только в VIII–VII вв. до н. э., но и позднее. В связи с последним обстоятельством нельзя не отметить, что хорошо известные и бесспорные материалы о распространении сармато-алан, как ранее и скифов, на юг через Кавказские горы, которые вовсе не являлись непреодолимой преградой¹⁴, могут иметь немаловажное значение, по крайней мере как параллель при решении вопроса о путях проникновения в Иран в более раннее время иранских племен, предков западноиранских народов – мидян, персов и др.

События, о которых свидетельствуют рассматриваемые ниже материалы, касающиеся походов сармато-алан в I–II вв. н. э., хотя и относятся к истории Закавказья, и в частности Азербайджана, но тем не менее имеют прямое отношение и к Ирану, куда вслед за кавказскими областями прямо отсюда шли эти восточноиранские племена.

Античные авторы сообщают о вторжениях в первые два века нашей эры племен сармато-аланского круга в Иран¹⁵. Возможно, сарматы¹⁶ и прежде ходили походами в области Ирана¹⁷, однако данные об этом довольно гипотетичны. Что же касается алан¹⁸, то сведения о них более многочисленны и уже теперь хорошо увязываются с имеющимися данными археологии.

События интересующего нас времени должны рассматриваться не только как фактор политической истории Ирана. Они не могли не сыграть определенной роли и в этногенезе населения северо-западных районов Ирана¹⁹.

Можно предполагать, что аланы должны быть причастны к этногенезу насельников Курдистана и Атропатены. В Мукринском Курдистане и сейчас имеются округ и племя по имени «алан»²⁰.

Иранский язык Атропатены, как полагают, был близок иранскому языку Иберии²¹, а на ее территории, как это теперь хорошо известно, уже

на рубеже нашей эры значительную роль играли сармато-аланы²². Все эти вопросы, конечно, нуждаются в дальнейшей разработке.

Имеющийся материал позволяет полагать, что и в I–II вв. Азербайджан являлся исходной территорией сармато-алан при их вторжении в Иран. В пользу этого говорят не только письменные источники, но и данные археологии.

В III–II вв. до н. э. на территории Предкавказья, а затем и Северного Кавказа появляются новые погребальные памятники, которые, безусловно, были оставлены проникавшими в эти области племенами сармато-аланского круга²³. Проникновение сарматов, а несколько позднее и алан в указанные районы продолжалось и в последующие века²⁴. С I в. н. э. аланы едва ли не господствующее племя края²⁵. Именно с этого времени римляне знали алан «как народ прикавказский»^{25a}.

Письменные источники сообщают о походах алан в страны Закавказья и прилегающие области в I–III вв.²⁶. Важно, что эти сообщения подтверждаются данными археологии, а также иными материалами, свидетельствующими о пребывании на названной территории алан.

С I в. н. э. аланы начинают просачиваться на земли Картлийского (Иберийского) царства²⁷, на что указывают данные письменных источников²⁸, ономастики²⁹ и археологии³⁰. Очень важно отметить, что в Грузии I–III вв.³¹, так же как в Азербайджане (см. ниже) и других районах Кавказа³², археологически засвидетельствованы племенные группы с деформированными черепами, каковыми в ту пору в областях Кавказского перешейка и землях, прилегающих к ним с севера, могли быть только сармато-аланы, у которых (точнее, алан) этот обычай становится этническим признаком³³.

Археологические материалы свидетельствуют о проникновении в первые века нашего летосчисления племен сарматского происхождения и на территорию Дагестана³⁴, южные районы которого, по-видимому, входили в состав Мазкутского царства³⁵. В Дагестане для этого периода археологически засвидетельствованы катакомбные захоронения³⁶ и племена с деформированными черепами³⁷. Письменные же источники сообщают о пребывании в этой стране алан³⁸.

Племена массагето-аланского круга уже в I в. н. э. проникали через Дербентский проход на территорию прикаспийской полосы Азербайджана. Мазкуты, упоминаемые армянскими³⁹, а позднее и арабскими⁴⁰ авторами как народ, обитающий у западного побережья Каспия, несомненно, тождественны массагетам⁴¹, локализуемым античными источниками в закаспийских и западноприкаспийских областях. Массагеты-мазкуты засвидетельствованы по соседству с албанами, где они обитали по крайней

мере с рубежа нашей эры, ибо создали здесь «свое государство, упоминаемое в I в. н. э. в связи с парфяно-римскими отношениями»⁴². Уже ранние армянские источники упоминают царство мазкутов, как и более поздние авторы⁴³.

Данные письменных источников позволяют считать, что проникновение алан и в северо-западные области Азербайджана относится также к I в. н. э. и связано с их известным походом в страны Закавказья и далее на юг в 72 г. Аланы, будучи в союзе с иберийским⁴⁴ царем⁴⁵, прошли через Дарьяльский проход и напали «огромной массой на ничего не подозревавших мидян... дошли до Армении, все опустошая»⁴⁶. Для нашей темы наиболее важным является то, что, согласно «Картлис цховреба», после разорения армянских земель аланы и союзные с ними иберы возвратились на север и «стали лагерем в Камбечовани на р. Иори и здесь начали дележ пленных и добычи»⁴⁷.

Таким образом, по данным письменных источников⁴⁸, аланы в 70-х годах I в. появились в Камбечовани – Камбисене античных авторов. Интересно, что Камбисена, как и Сакасена, по-видимому, еще со времен скифских походов стала превращаться в новую метрополию ираноязычных племен, о чем говорит и само наименование этой страны⁴⁹. Сообщение грузинского источника подтверждается и другими, совершенно бесспорными материалами. В зоне Мингечаура, которая непосредственно граничила с юго-восточной Камбисеной⁵⁰ или даже являла собой часть названий области, начиная именно с I в. нашего летоисчисления, как об этом свидетельствуют археологические данные, значительной массой появляются племена с деформированными черепами⁶¹ – носители культуры катакомбных погребений⁵². Важно отметить, что здесь вместе с носителями деформированных черепов появляются и первые катакомбы – погребальные сооружения, чуждые ранее местному населению.

Как уже отмечалось выше, аланская этническая принадлежность катакомбных захоронений сарматского времени на Северном Кавказе не может вызывать сомнения⁵³. Нет также никаких оснований считать мингечаурские катакомбы погребениями местных племен. Уже одно то обстоятельство, что в I в. н. э., в период аланских походов, в зоне Мингечаура появляются неизвестные здесь ранее погребальные сооружения, новые погребальные обряды и частично инвентарь, чуждые старым местным культурам, но тождественные тем, которые приносили с собой в завоеванные области аланы с I в. н. э. и позднее, позволяет уверенно говорить о вторжении в северо-западные районы Азербайджана нового этнического массива – алан.

И в самом деле, мингечаурские катакомбы⁵⁴ по конструкции, форме и размерам в общем и целом, а иногда в деталях укладываются в серию сармато-аланских или, быть может, вернее, аланских катакомб поздней античности и раннего средневековья. Входные ямы – дромосы, сегментовидной формы отверстия – лазы, прикрытые камнем или кирпичом, эллипсоидной, а иногда удлиненно-прямоугольной формы, с закругленными углами камеры с куполообразно вырубленными потолками и т. д. – это типично аланские катакомбы, широко распространенные на Северном Кавказе⁵⁵ и известные в Мингечауре.

Что касается оборудования погребальных помещений, то в мингечаурских катакомбах наблюдается обычай устилать пол камеры травой, досками, обожженным и сырым кирпичом и т. д. Этот обычай хорошо известен у алан⁵⁶, у которых нередко применялись и гробы⁵⁷. Существенной чертой сармато-аланского погребального обряда являлись угольная⁵⁸, меловая⁵⁹, глиняная и другие подстилки⁶⁰. Меловая и угольная подстилки в силу каких-то неизвестных нам причин в мингечаурских погребениях отсутствуют, но прослеживаются их реминисценции – угли и кусочки мела, побелка погребальной камеры и т. д. Обычай же подстилать под покойников траву, деревянную и глиняную подстилки хорошо представлены в мингечаурских катакомбах.

Говоря о положении, позе и ориентировке погребенных, следует отметить, что все покойники в катакомбных могилах Мингечаура ориентированы по длинной оси камеры, лежат головами вправо от входа, как в середине могилы, так и ближе к обеим продольным – входной и внутренней – стенам камеры. И здесь можно отметить определенную зависимость от савромато-сарматской традиции. Известно, что, хотя ориентировка покойников в савромато-сарматских погребениях сильно варьирует в зависимости от территории и времени, к которому относятся соответствующие захоронения⁶¹, но в общем и целом уже со II в., как свидетельствуют материалы раскопок в Поволжье^{61a}, на Дону⁶² и в Прикубанье⁶³, северная ориентировка⁶⁴ с отклонениями на восток и запад (что, быть может, зависело от времени года⁶⁵) вытесняет более раннюю – южную⁶⁶.

Примерно на рубеже II–III вв. северная ориентировка начинает преобладать и в отдельных северокавказских погребальных комплексах⁶⁷, хотя все еще встречаются и захоронения с южной ориентировкой⁶⁸. Такова же эволюция ориентировки погребенных в Мингечаурском некрополе. В позднекатакомбных захоронениях Мингечаура (приблизительно с IV в. н. э.) южная ориентировка почти исчезает из погребальной практики, а северная (с отклонениями на восток и запад) становится господствующей.

Нередко встречаемые в позднекатакомбных погребениях Мингечаура случаи, когда скелеты лежат вытянуто на спине с различными положениями рук, могут породить иллюзии христианского характера захоронений. Однако это не так, ибо положение покойника в вытянутом положении на спине – это типично сармато-аланский погребальный обычай, засвидетельствованный не только в исконно сарматских областях⁶⁹, но широко известный с рубежа нашей эры, а в отдельных случаях и в более раннее время в районах распространения именно сармато-алан на Нижнем Дону⁷⁰, в Приазовье⁷¹, на Северном Кавказе⁷² и т. д. Руки при этом положении костяков нередко уложены вдоль тела, часто кисти рук покоятся на тазовых костях, отмечаются и случаи, когда одна рука положена на таз (или область живота), а другая поднята по направлению к лицу. Все эти случаи, зафиксированные не только в Мингечауре, но и на обширных пространствах расселения сармато-аланских племен, являют собой исконно сарматскую погребальную традицию⁷³. В некоторых случаях ноги костяков, лежащих вытянуто на спине, скрещены. В интересующее нас время, так же как и позднее, обычай этот известен у сармато-аланских племен⁷⁴.

Особенно важно отметить, что четко проявляющиеся черты сармато-аланских погребальных обрядов (северная, с отклонениями к востоку и западу ориентация костяков в захоронениях, расположение рук вдоль туловища или на тазовых костях и т. д. при вытянутом положении скелета, и другие элементы) появляются в Мингечауре одновременно или почти одновременно с тем, когда указанные черты погребального ритуала, сформировавшиеся в сармато-аланской среде на предшествующем этапе, стали широко распространяться вместе с их носителями в областях Нижнего Дона, на Северном Кавказе и в других районах.

Указанные обстоятельства, как представляется, надежно свидетельствуют в пользу сармато-аланского происхождения погребальных обрядов поздних катакомбников Мингечаура. Мысль о независимости, гетерогенном происхождении одинаково направленных изменений в погребальном ритуале мингечаурских катакомбников, с одной стороны, и у сармато-аланских племен – с другой, никак не может быть допущена, ибо речь в данном случае идет не об отдельных случайных совпадениях, а о всей системе обрядов на определенной территории, в связи с какими-то обстоятельствами вытеснивших старые ритуалы. Объяснить сходные формы погребального ритуала, существовавшие в позднесарматское время на территории Мингечаура и в обширных районах обитания сармато-аланских племен в Поволжье, на Северном Кавказе и т. д., чем-либо иным, кроме как продолжающимися контактами между «колонией» и

«метрополией», невозможно. Другое дело, что мы плохо представляем себе конкретные пути, по которым осуществлялась эта связь, но что она существовала – в этом сомнения быть не может.

На принадлежность мингечаурских катакомбников к племенам сармато-аланского круга указывают и другие детали погребального обряда, засвидетельствованные в наших катакомбах.

Покойников хоронили в одеяниях, с украшениями, оружием и т. д. На погребенных в мингечаурских катакомбах, как и в аланских катакомбах Северного Кавказа⁷⁵, иногда удается проследить остатки покрывала – савана.

Типичной чертой сармато-аланских захоронений⁷⁶, засвидетельствованной в мингечаурских катакомбах, является наличие в погребальной камере заупокойной пищи – обычно обезглавленных тушек овец. Для мингечаурских катакомб, как и для сармато-аланских погребений⁷⁷, нередки случаи, когда в могиле имеются лишь только отдельные части животных, например, ноги и лопатки и т. д. (иногда в миске⁷⁸), рядом с которыми (как у сармато-алан⁷⁹), как правило, железный нож. Следует отметить, что в Мингечауре обычай класть в могилы заупокойную пищу исчезает в позднекатакомбный период – начиная с IV–V вв.

Нельзя не упомянуть о том, что в мингечаурских катакомбах среди ритуальных предметов кроме кусочков угля, мела, меловых бус и т. д. обнаружены песчаник, шлак, галька или булыжник, куски серы и т. д., что также может указывать на сармато-аланский погребальный обряд как на источник мингечаурского погребального ритуала.

В катакомбах Мингечаура мы встречаемся и с такими типично сармато-аланскими по своему характеру особенностями, как, например, положение в погребальную камеру грецких орехов⁸⁰, панцирей черепах⁸¹, захоронение собак⁸² и т. д.

Особенно важно отметить, что в интересующее нас время на территории Мингечаурского катакомбного некрополя засвидетельствованы погребения коней. Интересно, что в одной из мингечаурских катакомб позднего времени вместе с покойником захоронен только череп лошади⁸³. Вполне вероятно, что часть конских захоронений Мингечаура на деле представляет собой погребальные тризны, хорошо известные сарматским, а позднее и аланским племенам бассейна Дона⁸⁴.

Если нельзя сказать, что набор и размещение погребального инвентаря в мингечаурских катакомбах имеет всецело сармато-аланский характер, то несомненно, что сармато-аланское влияние, нередко довольно явное, сохранялось здесь очень долго.

Несмотря на некоторые отличия, существовавшие в погребальном ритуале отдельных групп⁸⁵ катакомбников Мингечаура, все они объеди-

няются меж собой, а вместе взятые – и с аланами, по существу, единым обрядом – катакомбным. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что в катакомбном некрополе Мингечаура засвидетельствован еще один вариант сармато-аланского погребального обряда эпохи поздней античности и раннего средневековья.

Среди инвентаря мингечаурских катакомбных погребений есть немало явно сармато-аланских вещей. К таковым в первую очередь относятся типично сарматские поясные пряжки – круглые, полукруглые, овальные и четырехугольные, с подвижным накидным язычком, с пластинчатой обоймой-щитком и без нее⁸⁶. Поясные наборы из мингечаурских катакомб, в особенности бляшки, имеют прямые аналогии в материалах могильников сармато-аланского времени.

Широкое распространение в катакомбную пору колокольчиков, использовавшихся в качестве подвесок, быть может, следует объяснить влиянием алан. Хорошо известно, что украшать платья и конский убор колокольчиками и бубенчиками, издававшими звон, имевший, очевидно, апотропеическое значение, – явление, весьма распространенное в аланской среде и вообще в аланскую эпоху⁸⁷.

Среди характерного материала необходимо отметить наличие в мингечаурских катакомбах значительного количества бус с росписью типа бус, обнаруженных в Осетии и называемых «аланскими»⁸⁸. В одной из катакомб (№ 21) обнаружена большая круглая халцедоновая бусина, совершенно тождественная тем, которые встречаются в аланских могилах⁸⁹.

В Мингечауре в большом количестве встречаются лучковые и иные фибулы, широко распространенные в позднесарматское время на юге нашей страны, особенно в Поволжье и на Северном Кавказе⁹⁰.

В Мингечауре первых веков нашего летосчисления обнаружено некоторое количество явно сармато-аланского оружия; кроме мечей с кольцевым навершием встречаются также небольшие ножи и кинжалы с таким же навершием. Интересно отметить, что в одной из катакомб (№ 16) обнаружены остатки кольчужной брони. Кольчужные доспехи, появившиеся в Восточной Европе уже в сарматское время⁹¹, по-видимому, вместе с сармато-аланами стали распространяться и в других областях.

Явный упадок керамического производства в Мингечауре, проявившийся уже в раннекатакомбный период и продолжавшийся позднее, я склонен объяснять особенностью быта проникавших сюда сармато-аланских племен. В быту кочевника весьма важную роль играла деревянная посуда и различные кожаные изделия, заменяющие плохо транспортбельную глиняную посуду. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Мингечаурском катакомбном некрополе в интересующее нас время

часто встречаются деревянная посуда, бурдюки, котомки и другие кожаные изделия, значительно вытеснившие гончарные.

Таким образом, приведенный выше материал позволяет со всей очевидностью заключить, что в бурную эпоху передвижений значительных групп ираноязычных племен на рубеже и в первые века нашего летосчисления в областях прикаспийской полосы и в северо-западной зоне Азербайджана, так же как и в отдельных районах соседних Дагестана и Грузии, пребывали племена сармато-массагето-аланского происхождения. Неудивительно поэтому, что уже Птолемей под Азиатской Сарматией разумел всю территорию Прикаспия – от устья Волги до устья Куры⁹². Именно эти племена из упомянутых областей совершали свои набеги в Иран.

Следует, наконец, указать и на то, что в последнее время сведения письменных источников о вторжениях сармато-аланских племен в Мидию – Атропатену и Парфию становится возможным увязать с данными археологических исследований на территории самого Ирана.

Недавно в Дайламане японскими археологами⁹³ были открыты относящиеся к интересующему нас времени⁹⁴ катакомбные погребения с целым рядом характерных памятников материальной культуры, принадлежность которых сармато-аланам едва ли может вызывать сомнения⁹⁵.

Все сказанное выше позволяет полагать, что события эпохи сармато-аланских вторжений в Иране были, несомненно, тесно связаны с закавказскими и являлись их прямым продолжением. Дальнейшие изыскания должны внести большую ясность в исследования этих вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я признателен Э. А. Грантовскому, прочитавшему эту статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний, учтенных мною при ее доработке.

² Точка зрения о «степной прародине» арийских народов была основательно аргументирована в конце XIX – начале XX в. (см.: O. SCHRADER. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena. 1883; ЕГО ЖЕ, Die Indogermanen. Leipzig, 1935; Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde von O. Schrader, 2. Aufl, hrsg. von A. Nehring, Berlin, 1919, см.: Urheimat).

Из более поздних работ немало данных в пользу пребывания ариев до середины II тыс. до н. э. в северопричерноморских областях приводится, например, у В. Порцига (В. В. ПОРЦИГ. Членение индоевропейской языковой области, М., 1964). На восточноевропейской локализации прародины ариев в последнее время особенно настаивает выда-

ющийся советский иранист В. И. Абаев (В. И. АБАЕВ. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965).

³ Иранцы или часть их (по мнению некоторых ученых, вместе с индийцами) двинулись не только на восток, к Средней Азии (см., например: HAUSCHILD R. Über die frühesten Arier im Alten Orient, Berlin, 1962), но и на запад, юго-запад и юг – до Центральной Европы, Балкан, Малой Азии и Кавказа. Близкие черты в культурах Северного Причерноморья, Венгрии и Кавказа отмечены Я. Харматта (HARMATTA J. Le problème cimmérien, – «Archaeologiai Ertesítő», 8–9, 1948; ср. также: GALLUS S., HORVATH T. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie, Dissertationes Pannonicae, II, Budapest, 1939). Можно говорить и о контакте иранцев с фракийцами, следствием чего, очевидно, и являются отмеченные лингвистами иранские элементы во фракийском [см.: ДЕЧЕВ Д. Характеристика на тракийския език, София, 1952, ЕГО ЖЕ, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957; см. также рецензию В. И. Абаева на первую из этих работ (ВДИ, 1952, № 2. С. 86–90)], а также иранцев с эллинами (см.: ГЕОРГИЕВ В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 100 ср. также: PISANI V. Studi sulla preistoria delle lingue indeuropee, – «Memoire della R. Accademia dei Lincei», ser. 6, vol. 4, Roma, 1933). Наконец, можно предполагать проникновение иранцев через Балканы в Малую Азию (см.: ЛЕСКОВ А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1966. С. 3).

⁴ См.: POWELL T. G. E. Celtic Origins // «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 78, 1948; ср. также: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии; М., 1970. С. 39.

⁵ Странниками этой точки зрения являются: PÖSCHE Th., Die Arier; ein Beitrag zur historischen Anthropologie, Jena, 1878; HÜSING G. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa, – «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd 60, 1930; KÖNIG F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser, Leipzig, 1934; GHIRSHMAN R. Persia from the Origins to Alexander the Great, London, 1964 (в этой работе в отличие от прежних французский ученый полагает, что иранцы в Иран могли проникнуть разными путями; правда, и здесь Гиршман продолжает считать, что мидяне и персы шли именно через Кавказ); SULIMIRSKI T. Scythian Antiquities in Western Asia, – «Artibus Asiae», vol. XVII, 3/4, 1954; ПОРЦИГ В. Членение индоевропейской языковой области; HAUSCHILD R. Über die frühesten Arier... (по его мнению, только мидяне и персы прошли через Кавказ, а до них – арии во II тыс. до н. э.). Среди наших исследователей этой точки зрения придерживаются В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, автор данной статьи и некоторые другие.

⁶ МЕЛЕНТЬЕВ А. И. Две узды из Мингечаура // СА, 1968, № 1. С. 229.

⁷ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история..., passim.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ На этом особенно настаивает Р. Гиршман.

¹⁰ SULIMIRSKI T. Scythian Antiquities; КРУПНОВ Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА СССР, 68, 1958. С. 189; ЕГО ЖЕ; Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 126; КУФТИН Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. С. 59 и сл.; R. GHIRSHMAN, Persia. С. 26 и сл., 41 и сл.

¹¹ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история... С. 340 и др. Не следует, конечно, забывать, что проблема эта далека от окончательного, решения и что в науке существует и другое мнение – точка зрения о среднеазиатском происхождении западноиранских племен, в числе сторонников которой имеются крупные авторитеты; см. об этом там же. С. 341 и сл.

¹² См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история... С. 340 и др.

¹³ ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии. М.–Л., 1956. С. 208 и сл.; ИГРАР АЛИЕВ. История Мидии, Баку, 1960. С. 218 и сл.

¹⁴ См.: GHIRSHMAN R. La civilisation achéménide et l'Urartu, – «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. 1; М., 1962. С. 314.

¹⁵ См.: ФЛАВИЙ ИОСИФ. О войне иудейской, VII, 7, 4; КАССИЙ ДИОН. Римская история, LXIX, 15; см. также: МОММЗЕН Т. История Рима, М., 1949. С. 356–357, 365; DEBEVOISE N. S. Political History of Parthia. Chicago, 1938. С. 20 и сл.

¹⁶ Ранняя история сарматов связана с савроматами, однако отождествлять их нельзя (см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 3 и др.). Теперь уже не может быть никакого сомнения в ираноязычности савромато-сарматских племен. Полагают, что сарматы упоминаются в Авесте (см.: MARQUART J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1905. С. 78) под названием Saīrīma и противопоставляются Arya и Tuṛa и что впоследствии интересующее нас имя перешло в иранскую эпическую традицию в форме Salm (см.: ТОЛСТОВ С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 222). Об этимологии имени «савроматы» см.: АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1948. С. 37.

¹⁷ См.: ВИНОГРАДОВ В. Б. О скифских походах через Кавказ // «Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института», т. IX, 1964. С. 42–44.

¹⁸ Ими «алан», как известно, восходит к общему этнониму ариев и иранцев – *arya*, откуда др.-иран. *āryana* («арийский»), безупречным с фонетической стороны осетинским оформлением которого является *allon* (АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.–Л., 1958. С. 47).

¹⁹ Хотя основную роль в формировании ираноязычного населения Ирана сыграли западноиранские племена, проникавшие сюда начиная с конца II тыс. до н. э., нельзя, однако, не отметить, что в этом процессе далеко не последняя роль принадлежала и восточноиранским племенам – скифам и др. Сарматы были каким-то образом тесно связаны с мидянами (см.: ДИОДОР, II, 43; ПЛИНИЙ, VI, 19. У последнего сарматы названы *medorum suboles*). О северных связях мидян говорит, как кажется, и их родство с сигиннами, обитавшими в нынешней Чехословакии (см.: АБАЕВ В. И. Скифо-европейские изоглоссы. С. 50).

²⁰ См.: ВИЛЬЧЕВСКИЙ О. Курды, М.–Л., 1961. С. 136, прим. 62.

²¹ См.: HENNING W. B. *Mitteliranisch* // «Handbuch der Orientalistik, I», Bd IV, Abschnitt 1, Leiden – Köln, 1958. С. 38.

²² См.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 355 и сл.

²³ Л. Г. НЕЧАЕВА, Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // «Исследования по археологии СССР», Л., 1961; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный. 1963; ЕГО ЖЕ, Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III–I вв. до н. э. // СА, 1963, № 1. С. 48 и сл.; МУНЧАЕВ Р. М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА, 1965, № 2. С. 174 и сл.; АБРАМОВА М. П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА, 1968, № 3. С. 114 и сл.

²⁴ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР, 106, 1962; ГАГЛОЕВ Ю. С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // ИЮОНИИ, XIII, 1964.

²⁵ См.: ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 105 и сл.

^{25a} КУЛАКОВСКИЙ Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899. С. 9.

²⁶ Об этом сообщают Иосиф Флавий («О войне иудейской», VII, 7, 4), Моисей Хоренский (II, 50), Дион Кассий (LXIX, 15) и другие авторы. См. также: МОММЗЕН Т. История Рима. С. 356–357, 365; ТРЕВЕР К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959. С. 125 и сл., 130 и сл.; МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. С. 344 и сл., 357 и сл.; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 165, и сл.

²⁷ МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. С. 344 и сл.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 356; АБАЕВ В. И. Вокруг армазской билингвы // САН ГрузССР, 1944, № 8.

³⁰ См.: ЛОМТАТИДЗЕ Г. А. Некрополь II века в Клдеети. Тбилиси, 1957.

³¹ АБДУШЕЛИШВИЛИ М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 49; ЕГО ЖЕ, К палеоантропологии самтаврского могильника. Тбилиси, 1954. С. 15.

³² См. хотя бы: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА, 1956, XXVI. С. 254.

³³ СМЕРНОВ К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // ДСИФ МГУ, 1947, № 5. С. 82.

³⁴ КРУПИНОВ Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА СССР, № 23, 1951; СМЕРНОВ К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА СССР. № 23. 1951. С. 226 и сл.; ЕГО ЖЕ, Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД, II, 1961. С. 167 и сл.; КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД, I, 1959. С. 145, 154 и сл.

³⁵ О Мазкутском царстве см.: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония» надписи Каба-и-Зардушт // ВДИ, 1967, № 4. С. 55; МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербенда, М., 1963. С. 108 и сл.

³⁶ КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники. С. 148 и сл.

³⁷ Там же. С. 148, 151.

³⁸ См.: МАРЦЕЛЛИН АММИАН. XXIII, 5, 16. Аланы, о которых говорит этот автор, могли обитать только на территории Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

³⁹ Наиболее раннее упоминание мазкутов имеется у Бузанда Фавста («История Армении», Ереван, 1953, кн. III, гл. 5–7).

⁴⁰ См. у Минорского В. Ф. («История Ширвана и Дербенда» . С. 64) и др.

⁴¹ У нас нет никаких оснований считать, как это делает К. В. Тревер («Очерки по истории и культуре Кавказской Албании». С. 193–194; ср. по этому поводу: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 54–55), что мазкуты и массагеты – разные племена.

⁴² ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 56.

⁴³ Там же. С. 55–57; МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 110 и сл., и др.

⁴⁴ Путаница возникла оттого, что в источнике речь шла о царе «гирканцев». Позднее было разъяснено, что у античных авторов названием Нугсалиа обозначалась и Иберия (арм. Virkan); см.: ТРЕВЕР К. В. Очерки... С. 126; МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 348.

⁴⁵ См.: ФЛАВИЙ ИОСИФ. О войне иудейской, V, 7, 4.

⁴⁶ Там же. Приблизительно то же сообщают «Картлис цховреба» (см.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 346 и сл.) и Моисей Хоренский (II, 50).

⁴⁷ См.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 346, 348. Ср. также у Моисея Хоренского (II, 50: «Народ аланский... переходит великую реку Куру и лагерем располагается на северном берегу реки»).

⁴⁸ Ср. о них также: ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 133. Последний по времени и наиболее глубокий анализ «Картлис цховреба» проделан в исследовании Меликишвили Г. А. («К истории древней Грузии». С. 33 и сл.).

⁴⁹ Этому вопросу я посвятил специальную статью, которая еще не опубликована.

⁵⁰ См. составленные Еремян С. Т. карты: «Атлас Армянской ССР», Ереван–Москва, 1961. С. 103–104.

⁵¹ КАСИМОВА Р. М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура, Баку, 1960. С. 42 и сл.

⁵² АСЛАНОВ Г. М. Материальная культура Мингечаура I–VII вв. (автореф.), Баку, 1963. С. 4 и сл.

⁵³ Ср.: НЕЧАЕВА Л. Г. Об этнической принадлежности...

⁵⁴ По вопросам, связанным с материалами катакомбных погребений Мингечаура, значительная часть которых не опубликована, я широко пользовался консультациями

одного из основных раскопщиков их, Г. М. Асланова, за что приношу моему коллеге свою глубокую благодарность.

⁵⁵ Ср.: АБРАМОВА М. П. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА, 1970, 124. С. 88 и сл.

⁵⁶ КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник // «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии», Орджоникидзе, 1961. С. 82; ЕГО ЖЕ, Аланские племена... С. 29.

⁵⁷ См.: ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947, № 3. С. 106; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 27, 28.

⁵⁸ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник. С. 105; ЕГО ЖЕ. Аланские племена... С. 15, 18, 19, 24, 26; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259; ПЛЕТНЕВА С. А. От кочевий к городам // МИА СССР, 142, 1967. С. 79.

⁵⁹ См.: КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники... С. 145, 149; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 16–17; ЕГО ЖЕ. Аланы и раннесредневековый Дагестан // МАД, II. С. 266; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259.

⁶⁰ См.: СЕМЕНОВ Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК, XLVI, 1952. С. 112, 117; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан. С. 266; ПИКУЛЬ М. И. Хабданский могильник // МАД, II. С. 147, 160–161; АЛЕКСЕЕВА Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК, 60, 1952. С. 75–77.

⁶¹ Для более раннего периода см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91 и сл.

^{61a} См. прим. 64.

⁶² ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник и вопрос о его этнической принадлежности // «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968. С. 142; см. также: ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА СССР, № 98, 1961. С. 92, 93.

⁶³ МАРЧЕНКО Н. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА СССР, № 57, 1956. С. 122–423.

⁶⁴ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата у савроматов. С. 105; см. также: ВИНГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 51, 83; СМИРНОВ К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, XXXIV, 1950. С. 111, 113; СИНИЦЫН И. В. Археологические исследования Завольжского отряда // МИА СССР, № 60, 1959. С. 202; ЕГО ЖЕ, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов. 1947. С. 22; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник // МИА СССР, № 60, 1965. С. 492.

⁶⁵ См.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91; см. также: АВДУСИН Д. А. Археологические разведки и раскопки. М. 1969. С. 492.

⁶⁶ СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91–92; АБРАМОВА М. П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА, 1959, № 1. С. 54–55; ЕЕ ЖЕ. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. // СА, 1961, № 1. С. 103; МУНЧАЕВ Р. М. Новые сармат-

ские памятники... С. 176–177; СИНИЦЫН И. В. Археологические исследования... С. 198–199, 201; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 429, 456–458.

⁶⁷ ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 51, 83; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259, 268, 271; КРУПНОВ Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА СССР, 23, 1951. С. 222 и сл.; ПУТИНЦЕВА Н. Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД, II. С. 250; ПИКУЛЬ М. И. Хабданский могильник. С. 147.

⁶⁸ См.: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан. С. 237; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 20, 22, 24.

⁶⁹ Вытянутое положение покойника и южная ориентировка решительно преобладают в сарматских погребениях Поволжья с сусловского периода, т. е. с конца II в. до н. э. (см.: ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 105; см. также: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 92).

⁷⁰ ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 140 (табл.).

⁷¹ АБРАМОВА М. П. Сарматские погребения... С. 103; ВЯЗЬМИТИНА М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // «Вопросы скифо-сарматской археологии». С. 221; ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса. С. 93.

⁷² ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 61. Известен этот обычай и в Дагестане; см.: СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 258, 259.

⁷³ См.: ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса. С. 91; ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 40; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 64; КАПОШИНА С. И. Сарматы на Нижнем Дону // «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968. С. 167.

⁷⁴ См.: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан. С. 237.

⁷⁵ КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник. С. 74, и др. О саванах у савроматов см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 94.

⁷⁶ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 104; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 422, 424, 430, 458, 494; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁷⁷ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 104, 105; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 430, 458, 494.

⁷⁸ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 105; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁷⁹ ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 494; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁸⁰ УВАРОВА П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. С. 84; СЕМЕНОВ Л. П. Археологические и этнографические разыскания в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 82–83; Б. А. КУЗНЕЦОВ, Аланские племена... С. 28.

⁸¹ СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 267; ШИЛОВ В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // «Известия Ростовского областного музея краеведения», I, 1959. С. 19.

⁸² СМЕРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 102; ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 138.

⁸³ Известно, что у сарматов голова коня, подобно голове барана, составляла особую жертвенную часть животного (см.: СМЕРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 101).

⁸⁴ КАПОШИНА С. И. Сарматы на Нижнем Дону. С. 167; ПЛЕТНЕВА С. А. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья // «Исследования по археологии СССР», Л., 1961. С. 181 и сл.

⁸⁵ Мы видим, что в одних случаях покойников хоронили на деревянных подстилках, в других – на глине; то скорченно, то вытянуто на спине и т. д.

⁸⁶ В ближайшее время материал этот будет издан мною и Г. М. Аслановым.

⁸⁷ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. К вопросу о позднеаланской культуре // СА, 1959, № 2. С. 108.

⁸⁸ См.: ТРЕВЕР К. В. Очерки... С. 164.

⁸⁹ См.: ШУЛЬЦ П. Н. Исследования Неаполя Скифского // «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957. С. 75–76, рис. 8а; КАРАСЕВ А. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК, XXXVII, 1951. С. 170, рис. 56, 1.

⁹⁰ См.: МАК, VIII, табл. IV, 4, 5; КАЛИТИНСКИЙ А. П. О некоторых формах фибул из Южной России, – «Seminarium Kandakovianum», Prague, 1927; АМБРОЗ А. К., Фибулы юга Европейской части СССР // САИ, Д1–30, 1966. С. 47 и сл.

⁹¹ МЕДВЕДЕВ А. Ф. К истории кольчуги в древней Руси // КСИИМК, XLIX, 1953. С. 27.

⁹² См. об этом: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 57. Ср. также данные: «Армянская география VII в.», пер. Патканова К. П. СПб., 1877. С. 33.

⁹³ NAMIO EGAMI and SHINJI FUKAI, SEICHI MASUDA. Dailaman, II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. The University of Tokyo. 1966; TOSHINIKO SONO and SHINJI FUKAI. Dailaman. III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti. 1964. The Institute for Oriental Culture, the University of Tokyo. 1968. На обе работы указал мне Ю. А. Заднепровский, за что выражаю ему свою признательность.

⁹⁴ См.: ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А. Сармато-аланы в Северном Иране в первых веках н. э. (тезисы) // «IV сессия по Древнему Востоку». М., 1968. С. 79–80; см.: ЕГО ЖЕ, [рец.], Namio Egami... // СА, 1969, № 1. С. 306.

⁹⁵ См. там же.

THE SARMATIANS-ALANS ON THEIR WAY TO IRAN

SUMMARY

One of the major problems in the ancient history of Western Asia is establishing the time when migration and settling of Iranian-speaking tribes started and the way they penetrated into the territory of Iran.

Lately an increasing number of scholars have been regarding South-East Europe as the homeland of Iranian-speaking peoples. It was from there, they claim, that Iranian-speaking tribes started migrating at different periods and in different directions. There are reasons to believe that Westiranian-speaking tribes came to Iran via the Caucasus as far back as the turn of the first or second millennium B. C. East-Iranian tribes, including the Sarmatian-Alans, later on followed the same way.

The article largely deals with materials concerning raids of the Sarmatian-Alans to Transcaucasia in the I–II centuries A. D. and testifying to their settling down in a number of places there, namely in Azerbaijan. The article corroborates the idea that the materials in the well-known Mingechaur catacombs dating back to the first centuries A. D. are of Sarmatian-Alan origin.

Events connected with the migration of this group of the Sarmatian-Alan tribes took place in the main on the territory of Transcaucasia, but are also directly related to Iran, where they penetrated as well. Their raids were an important factor in the later political history of Iran, which was reflected to written sources. Apart from that invasions of those tribes apparently played a significant role in the ethnogeny of the population in North-Western regions of Iran. Lately it has become possible to link the information on the invasion of Iran by the Sarmatian-Alans contained in written sources with archaeological findings in Iran proper. Here burial catacombs have recently been found near the Caspian shore, dating back to the first centuries A. D. These are very close to the contemporary Sarmatian-Alan monuments of the northern Caucasus and Transcaucasia. Invasions of Iran by the Sarmatian-Alans were closely related to their migration to Transcaucasia and were its direct continuation.

Ronald KIM

**ON THE HISTORICAL PHONOLOGY OF OSSETIC:
THE ORIGIN OF THE OBLIQUE CASE SUFFIX**

(University of Pennsylvania)

I. The problem: Proto-Ossetic oblique *-i

Ossetic is spoken by approximately half a million inhabitants of the autonomous Republic of North Ossetia-Alania in the Russian Federation and the former autonomous region of South Ossetia in Georgia, as well as adjoining regions of the central Caucasus and emigrant communities in cities such as Moscow, St. Petersburg, and Tbilisi¹. The language belongs to the Iranian branch of the Indo-European family and is the sole surviving descendant of the Northeast Iranian dialects of the ancient Scythians and Sarmatians and medieval Alans, who dominated the Eurasian steppe between the Danube delta and Central Asia from the first millennium B.C. until the early Middle Ages. Despite having undergone numerous idiosyncratic developments – and influence from neighboring Caucasian and Turkic languages – Ossetic preserves many startling archaisms in its phonology and morphology, due in part to its isolation from the rest of the Iranian-speaking world for some thousand years.

Among the modern Iranian languages, Ossetic is distinguished by its complex system of nominal case inflection, exemplified by the following paradigms for *bæx* “horse” in the two major dialects, Digor (D) and Iron (I)²:

	Digor	pl.	Iron	pl.
nominative	<i>bæx</i>	<i>bæx-tæ</i>	<i>bæx</i>	<i>bæx -tæ</i>
genitive	<i>bæx-i</i>	<i>bæx-t-i</i>	<i>bæx-y</i>	<i>bæx-t-y</i>
dative	<i>bæx-æn</i>	<i>bæx-t-æn</i>	<i>bæx-æn</i>	<i>bæx-t-æn</i>
allative	<i>bæx-mæ</i>	<i>bæx-tæ-mæ</i>	<i>bæx-mæ</i>	<i>bæx-tæ-m</i>
ablative	<i>bæx-æj</i>	<i>bæx-t-æj</i>	<i>bæx-æj</i>	<i>bæx-t-æj</i>
inessive	<i>bæx-i</i>	<i>bæx-t-i</i>	<i>bæx-y</i>	<i>bæx-t-y</i>
adessive	<i>bæx-bæl</i>	<i>bæx-tæ-bæl</i>	<i>bæx-yl</i>	<i>bæx-t-yl</i>
comitative	<i>(bæxi xæccæ)</i>	<i>(bæxti xæccæ)</i>	<i>bæx-imæ</i>	<i>bæx-t-imæ</i>
equative	<i>bæx-au</i>	<i>bæx-t-æu</i>	<i>bæx-au</i>	<i>bæx-t-au</i>

The “genitive” is also used to mark definite (direct) objects and is found in a variety of other argument and locative roles, as a result of which it is often referred to as the oblique. The comitative, expressing accompaniment (“with a horse”), is found only in Iron; in its place, Digor uses gen. *-i* followed by the postposition *xæccæ*³.

Although a century has passed since the appearance of Miller’s pioneering historical grammar of Ossetic in 1903, disagreement persists as to the origin of several of these case markers. To be sure, all scholars derive adess. D *-bæł* (reduced to *-yl* in Iron) from postposed PIr. **upari* “on, above, at” (Av. *upairi*, OP *upariy*, Skt. *upāri*; MILLER 1903: 46–47, BAILEY 1945: 6, THORDARSON 1989a: 471); and WEBER (1980: 133) is probably correct to compare dat. D, I *-æn* with similar medieval and modern Northeast Iranian endings, namely Khotanese *a*-stem instr. sg. *-ina*, *-āna* or obl. sg. Yidgha *-en*, Munjī *-an*, abl./gen. sg. Waxī *-ən* < **-anā*⁴. Yet there is no consensus at present on the prehistory of abl. D, I *-æj* or the central element in Ossetic case inflection, gen./iness. D *-i*, I *-y*.

MILLER (1903: 43–44) derives D *-i*, I *-y* < POss. **-i* from PIr. **-iya-* < PIE **-iyo-*, well attested in Indo-Iranian, Anatolian, Greek, and other IE branches as a denominal suffix forming relational adjectives⁵. On the other hand, he connects abl. *-æj* with PIr. *o*-stem gen. **-ahya* (44; so also WEBER 1980: 130), which presupposes merger of abl. with gen. in thematic nouns on the analogy of other stem classes, and subsequent replacement of the reflex of **-ahya* by that of **-iya-* in genitival function. Although Miller’s etymology of **-i* is phonologically plausible, it is questionable whether an adjectival formation could have become *the* default oblique marker and the basis for a whole new series of secondary cases⁶; one would prefer to derive it instead from one or more case endings of the PIr. ancestor of Ossetic.

More recently, BIELMEIER (1982: 59, 66–67) takes the Ossetic gen./iness. from the PIr. gen. sg. **-ah* of consonant-stems. This hypothesis, however, is directly contradicted by the zero-ending of most nouns in both dialects, which can hardly reflect anything other than PIr. *a*-stem nom. sg. **-ah*. Similarly, THORDARSON (1989a: 459, 470) sees in this ending a merger of gen. sg. **-ah* and loc. sg. **-yā* of PIr. root nouns, whereas abl. *-æj* goes back to *ā*-stem gen./abl. **-āyāh* (or a conflation of **-āyāh* and instr. **-ayā*; 1989a: 459, 471).

That the archaic PIr. root-noun or consonant-stem inflection would have ousted that of the rapidly expanding *a*- and *ā*-stems in the prehistory of Ossetic is *a priori* improbable. A more serious defect of these explanations, however, is their arbitrary appeal to, and selection from, the rich variety of PIr. declensions and case endings⁷. Although the extension of an original, say, genitive or instrumental ending to a general “oblique” does find parallels in the historical

development of other IE languages⁸. Bielmeier and Thordarson fail to explain why these particular cases of particular stem classes were generalized to all nouns. Moreover, they do not specify what happened to the rest of the Old Iranian case system. Did the other case endings simply disappear without a trace? Through what stages did pre-Ossetic pass between the reconstructed PIr. system of eight cases and the very different modern Ossetic agglutinative system of eight cases (nine in Iron)?

As TESTEN (1996: 370-72) rightly emphasizes, one must take into account the diachronic evolution of the morphology of the language as a whole. In his brief discussion of the prehistory of Ossetic nominal inflection, Testen argues that the reconstructed PIE, PInIr., and PIr. inflectional system of eight cases was drastically reduced in pre-POss. to two cases, unmarked nominative or “direct” *-Ø and oblique *-i, a situation preserved in contemporary Yagh-nōbī (see section 2)⁹. The subsequent buildup of “secondary” cases through grammaticalization of postpositions left the bare obl. *-i confined to the functions of definite direct object, genitive, and inessive (locative).

This hypothesis accounts for the primary role of the genitive/inessive within the Ossetic case system and the relatively wide variety of theta- and locational roles which it can express. In support of this view, Testen refers to the clitic forms of personal pronouns, in which the former pre-POss. general oblique clitic survives in the unmarked, unaffixed gen./abl./iness. 1sg. *mæ*, 2sg. *dæ*, 1 pl. *næ*, 2pl. *uæ*, 3 pl. *sæ*¹⁰. As for the abl., Testen prefers to derive *-æj* from postposed PIr. **hača* (1996: 370 n. 18), comparing the OP abl. construction *hačā-ma* “from me” (with secondary enclitic *-ma* vs. tonic Av. *mat*, Ved. *mát*; 1996: 362 n. 8)¹¹.

In the following, I approach the question of the origin of pre-POss. obl. *-i by comparing the prehistory of oblique case endings in the closest attested East Iranian relatives of Ossetic. Specifically, Sims-Williams’s (1982) analysis of the origin of obl. *-ī* in Sogdian – the lingua franca of trade along the Silk Road in medieval Central Asia before the Islamic conquest, and a vehicle of Buddhist, Manichaean, and Nestorian Christian literature – suggests that a similar sequence of phonological developments may have produced obl. *-i in Ossetic as well (see section 2). The resemblance between the stress patterns reconstructed for Proto-Ossetic and Sogdian suggests that the two languages shared in the same prehistoric stress shift or reassignment (see section 3). The relative chronology of the pre-POss. stress shift and other sound changes, based mostly on internal reconstruction, leads to the conclusion that the oblique ending is a common innovation of Ossetic and Sogdian (see section 4). The ensuing implications for medieval and modern Northeast Iranian dialectology are briefly discussed in section 5.

2. Sogdian *-ī* and Yaghnōbī *-i*

In his pioneering study of East Iranian nominal inflection, TEDESCO (1926: 102; cf. 1923: 314) proposed that the synchronic facts of Sogdian reveal the earlier operation of a “Rhythmic Law” (*Rhythmusgesetz*), which divided all nouns, adjectives, and verbs into two types of stems, “light” and “heavy”: the former preserve distinct reflexes of numerous OIr. inflectional endings which have been merged or lost in the latter. Citing as a parallel the distribution of stress in Iron Ossetic (on which see section 3 below), GERSHEVITCH (1948: 62–63) proposed that the Rhythmic Law was connected to the placement of stress in pre-Sogdian: “words kept or lost their vocalic endings according as the endings were stressed or unstressed”.

SIMS-WILLIAMS (1984) has refined the statement of the Rhythmic Law as follows: Syllables containing a long vowel or diphthong, including /Vr/ and /Vm/, are “heavy”, while all other syllables are “light”¹². At some point in the prehistory of Sogdian, surface stress came to lie on the first heavy syllable in the (phonological) word; if there were no heavy syllables, stress fell on the final syllable. Stems containing at least one heavy syllable are referred to as “heavy”; those which consist solely of light syllables are “light”.

This shift, a purely phonological phenomenon, was followed by a number of stress-conditioned developments which profoundly affected the inflectional morphology and morphosyntax of the language. Consider the parallel declensions of two masculine *a*-stems, light *ram-* “people” and heavy *mēθ* “city”, and two feminine *ā*-stems, light *wan-* “tree” and heavy *žwān* “life”¹³. Note that the Sogdian plural is regularly formed with the originally collective suffix **-tā* and so takes singular *ā*-stem endings¹⁴.

light masc.	<i>ram-</i> “people”		pl.	
nom.	<i>ram-í</i>	< *ram-áh	<i>ram-tá</i>	< OIr. *ram(V)-tá
acc.	<i>ram-ú</i>	< *ram-ám	<i>ram-tá</i>	< OIr. *ram(V)-tám
gen.dat.	<i>ram-é</i>	< *ram-ahyá	<i>ram-tyá</i>	< OIr. *ram(V)-tayáh
loc.	<i>ram-yá</i>	< *ram-ayá	<i>ram-tyá</i>	< OIr. *ram(V)-tayá
abl.-inst.	<i>ram-á</i>	< *ram-ád	<i>ram-tyá</i>	< OIr. *ram(V)-tayá(h)
voc.	<i>ram-á</i>	< *ram-á	<i>ram-té*</i>	< OIr. *ram(V)-tái
heavy masc.	<i>mēθ</i> “day”		pl.	
nom.	<i>mēθ</i>	< *máiθ-ah	<i>mēθ-t</i>	< OIr. *máiθ(V)-tā
acc.	<i>mēθ</i>	< *máiθ-am	<i>mēθ-t</i>	< OIr. *máiθ(V)-tām
gen.dat.	<i>mēθ-ī</i>	< *máiθ-ahya	<i>mēθ-tī</i>	< OIr. *máiθ(V)-tayāh
loc.	<i>mēθ-ī</i>	< *máiθ-ayā	<i>mēθ-tī</i>	< OIr. *máiθ(V)-tayā

abl.-inst.	<i>mēθ</i>	< *máiθ-ād	<i>mēθ-tī</i>	< OIr. *máiθ(V)-tayā(h)
voc.	<i>mēθ</i>	< *máiθ-a	<i>mēθ-t</i>	< OIr. *máiθ(V)-tai
light fem.	<i>wan-</i> “tree”		pl.	
nom.	<i>wan-á</i>	< *wan-ǎ	<i>wan-tá</i>	< OIr. *wan(V)-tǎ
acc.	<i>wan-á</i>	< *wan-ǎm	<i>wan-tá</i>	< OIr. *wan(V)-tǎm
gen.dat.	<i>wan-yá</i>	< *wan-ayǎh	<i>wan-tyá</i>	< OIr. *wan(V)-tayǎh
loc.	<i>wan-yá</i>	< *wan-ayǎ	<i>wan-tyá</i>	< OIr. *wan(V)-tayǎ
abl.-instr.	<i>wan-yá</i>	< *wan-ayǎ(h)	<i>wan-tyá</i>	< OIr. *wan(V)-tayǎ(h)
voc.	<i>wan-é*</i>	< *wan-ái	<i>wan-té*</i>	< OIr. *wan(V)-tái
heavy fem.	<i>žwān</i> “life”		pl.	
nom.	<i>žwān</i>	< *jīwǎn-ā	<i>žwān-t</i>	< OIr. *jīwǎn(V)-tā
acc.	<i>žwān</i>	< *jīwǎn-ām	<i>žwān-t</i>	< OIr. *jīwǎn(V)-tām
gen.dat.	<i>žwān-tī</i>	< *jīwǎn-ayǎh	<i>žwān-tī</i>	< OIr. *jīwǎn(V)-tayǎh
loc.	<i>žwān-tī</i>	< *jīwǎn-ayǎ	<i>žwān-tī</i>	< OIr. *jīwǎn(V)-tayǎ
abl.-inst.	<i>žwqn-tī</i>	< *iīwqn-ayǎ(h)	<i>žwān-tī</i>	< OIr. *iīwqn(V)-tayǎ(h)
voc.	<i>žwān</i>	< *jīwǎn-ai	<i>žwān-t</i>	< OIr. *jīwǎn(V)-tai

It is clear from these paradigms that unstressed word-final short vowels were apocopated, and many short vowels in initial and medial syllables were lost as well¹⁵. Among the other stress-conditioned changes that postdated the Rhythmic Law, e.g., *-āk* < *ǎkā with light stems vs. *-ā* < *’-ǎkā with heavy stems (e.g., *psāk* “wreath” < *pusǎkā vs. *xānā* “house” < *xǎnākā, *βαγγῆκ* “divinity” < *bagyǎkā vs. *xwǎtyā* “weakness” < *xwǎtyākā; SIMS-WILLIAMS 1981b: 12–14), by far the most significant and widespread is that of unstressed *ya, *yā > ī. Cf. light (ə)kt-yǎ “deed, action” < *kṛti-yǎ (← PIr. *kṛti- to the root *kar- “do”) vs. heavy (ə)kǎn-tī “sin” < *kṛtǎna-yǎ, or proclitic demonstrative pronoun (used as definite article) B ’wy [awī], M wyy [wī], C y- [ī] < *awya vs. orthotonic (a)wyá < *awyá (GERSHEVITCH 1954: §§ 202, 605 [medial], §§ 1439–40 [final], SIMS-WILLIAMS 1981b: 14–17, 1982: 72, 1984: 204–5)¹⁶.

This last sound change provides the key to the origin of Sogdian oblique *-i*. The contrasting reflexes of the PIr. nominal case endings may be derived from the following relative chronology of pre-Sogdian sound changes:

- (1) *Auslautgesetze*: *ah > *-i, *-am > *-u, *-ā(h) > *-a;
- (2) syncope of (certain) unstressed vowels;
- (3) unstressed *-yǎ > *-ī, *-wǎ > *-ū;
- (4) loss of “suffixal” *k after unstressed *ǎ in sequences of *-ǎk V, with contraction of vowels across the resulting hiatus;

- (5) apocope of unstressed word-final short vowels, syncope of unstressed word-initial and -medial short vowels, shortening of posttonic long vowels (and loss word-medially; cf. GERSHEVITCH 1954: §889, SIMS-WILLIAMS 1984: 203–4), and variable introduction of prothetic and epenthetic vowels¹⁷.

Thus *-ī* after heavy stems continues PIr. endings of the form **-ayā(h)* via the sequence of developments **'-ayā > *'-yā (2) > -ī (3)*. This ending, then, was originally proper to the loc. of the masc. sg. (< PIr. *a*-stem **-ayā*) and the gen./dat., loc, and abl./instr. of the fem. sg. and all regular *t*-plurals (< PIr. *a*-stem **-ayāh*, **-ayā*)¹⁸.

Phonological developments in unstressed final syllables thereby resulted in a complex and synchronically opaque distribution of *-Ø* vs. *-ī* in heavy stems, illustrated above by the paradigms of masculine *mēθ* and feminine *žwān*. This distribution has been almost fully preserved in the archaic Christian ms. C2, as demonstrated by SIMS-WILLIAMS (1982: 72–73). Not surprisingly, most (later) Sogdian texts have simplified this state of affairs to a two-case agglutinative system opposing nominative *-Ø* to generalized oblique *-ī*:

	sg.-	pl.
nom.	<i>mēθ</i>	<i>mēθ-t</i>
obl.	<i>mēθ-ī</i>	<i>mēθ-tī</i>

Although other phonological developments did on occasion cause declensional shifts from one class to the other (e.g., S *knδth* [kañθ-t] > *kθt* [kaθ-t] → C *qθt'* [kaθ-tá] “cities”, where the loss of the postvocalic nasal resulted in a light stem; SIMS-WILLIAMS 1989b: 182), later borrowings and new creations were for the most part inflected according to the heavy paradigm, including nouns and adjectives composed entirely of light syllables, e.g., *kaβnak* “little”, *moγpat* “chief magus” (SIMS-WILLIAMS 1984: 208, 213).

In Late Sogdian documents, one can observe a definite trend toward generalization of the “light” nom. endings (masc. *-i*, fem, *-a*) and “heavy” obl. [*-ī*] (*-y*, *-y*), as in the following forms of “god” from the Christian ms. C5: *βαγi* “god”, obl. *βαγi-ī*; pl. *βαγ-ta*, obl. *βαγ-ta-ī* (SIMS-WILLIAMS 1982: 69–70, 1989b: 184–85; for further exx. cf. SIMS-WILLIAMS 1981b: 14). Such a two-case system is attested in contemporary Yaghnōbī, the lone surviving (near-) descendant of Sogdian, spoken today by about 2,500 people in the Yaghnōb valley in Tajikstan: cf. *kat* “house”, obl. *kāt-i*; pl. *kat-t*, obl. *kāt-t-i* (XROMOV 1972: 18–19, BIELMEIER 1989b: 483)¹⁹.

Sims-Williams’s account of Sogdian historical phonology thus accounts neatly for the attested paradigms of light and heavy nominal stems, in particular the heavy-stem ending *-ī* which was increasingly generalized as an oblique marker in later Sogdian. Given that Sogdian and Ossetic share a number of lexical and morphological isoglosses (cf. BAILEY 1945, 1946), one might ask whether a stress pattern in prehistoric Ossetic similar to the Rhythmic Law could likewise have played a role in the evolution of pre-POss. obl. **-i* > POss. gen./iness. **-i* > D *-i*, I *-y*. Before addressing this question, let us first reconstruct the stress system of Proto-Ossetic, based on the evidence of the modern dialects.

3. Reconstructing Proto-Ossetic Stress

In general, the placement of stress in Ossetic is conditioned by the distinction between “weak” and “strong” vowels, whose distribution is given below:

	weak	strong
Digor	æ i u	a e o (ī) ²⁰
Iron	æ y	a i u e o

In Iron, surface stress is restricted to the first two syllables of the prosodic unit or “accentual complex”, i.e., phonological word²¹. If the first syllable contains a strong vowel, it receives the stress; if the vowel of the first syllable is weak, stress falls on the second syllable²². In the following example, the initial syllabic of *kúrync* “they ask” is stressed since it contains the strong vowel *u*, whereas *nyr-tá-syn-æj* and *sæ-čýžž-y* have weak vowels in their initial syllables (*v* and *æ*, respectively) and so exhibit second-syllable stress.

<i>nyr</i>	<i>tá</i>	<i>syn</i>	<i>æj</i>		<i>kúrync</i>		<i>sæ</i>	<i>čýžž-y</i>
now	again	3pl.	3sg.		they ask		their	daughter
		dat.	gen.					gen.

“Now again they ask them for her, their daughter”²³.

By comparison, the accentual system of Digor appears to be significantly more complex, with the position of stress conditioned by the openness or closedness of syllables as well as the distinction between strong and weak vowels. The basic pattern, however, is fairly clear. Surface stress is restricted to the first three syllables of the phonological word (BAILEY 1950: 59ff., ISAEV 1966: 26); within that limitation, the last strong vowel receives the stress, as in *raxastón* “I brought out”, *fælváræ* “the year before last”, *xebærágæ* “alone, in

private” (but note *raxastá* ~ *raxásta* “s/he brought out”; examples from ISAEV 1966: 27). If all the vowels are weak, stress generally falls as far to the right as allowed, e.g., *næ tikís* “our car”, *æer-min-céydaæ* “play for me”, although final -æ may be stressed only in disyllabic words, e.g., *fidcé* “father”.

Despite their differences, the stress patterns of the two dialects must descend from a common ancestor. The restriction of stress to the first two syllables of the prosodic unit in Iron, and to the first three syllables in Digor, can easily be an innovation, similar to, e.g., the limitation of stress to the final three syllables in Latin or ancient Greek. Given the numerous intricacies and variation within Digor, I tentatively assume that POss. stressed the first strong vowel of the word, as in Iron, but that in the absence of strong vowels, stress fell on the final syllable²⁴. These rules have been preserved in Iron, which has however imposed a constraint limiting stress to the first two syllables. Digor has likewise restricted the domain of stress realization, although to a lesser extent than Iron, and come to stress the rightmost rather than leftmost strong vowel; the fluctuation of forms such as *raxásta* (alongside *raxastá*) could be interpreted as an archaism, rather than retraction from an open final syllable.

According to the reconstruction just proposed, then, the rules for the placement of stress in POss. are exactly those which operated in the prehistory of Sogdian, except for the specification of marked syllable heads: strong vowels in POss. vs. heavy syllables in pre-Sogdian. In the following section, we present evidence that this pre-POss. stress shift and the Sogdian Rhythmic Law are manifestations of a single historical process, i.e., a common innovation shared by (most dialects of) pre-Sogdian and pre-Proto-Ossetic.

4. Stress and the Prehistory of Ossetic Vocalism

As is well known, “[i]n the development of the OIran. vowels Ossetic shows a striking conservatism” (THORDARSON 1989a: 459). The principal vowel correspondences from PIr. through POss. to Digor and Iron are summarized in the following table²⁵:

PIr.	pre-POss.	POss.	Digor	Iron
*a	*aCC]σ *aC]σ	*a *æ	a æ	a æ
*ā	*aNC]σ, *āN	*a *o	a o	a o
*i, *ī		*i	i	y
*u, *ū		*u	u	y
*ai		*e	e	i
*au		*o	o	u

Among the six vowel phonemes reconstructible for POss., the weak vowels *æ, *i, and *u descend from short PIr. *a, *i, *u, respectively, whereas strong POss. *a, *e, *o continue PIr. *ā and the diphthongs *ai, *au. The only exceptions to this generalization are PIr. *ī and *ū – for which examples are extremely rare – and the lengthening of *a > *ā (or, depending on the relative chronology, backing of *æ > *a; see section 4.2 (9)) in doubly closed syllables²⁶. The relationship between the PIr. and POss. vowel systems may hence be depicted as follows:

	PIr.			POss.	
	i		u	i	
ai	a		au	æ	o
	ā			a	

We thus find that the sources of the strong vowels in (Proto-)Ossetic agree to a large degree with those of heavy syllables in Sogdian, namely long vowels and diphthongs. This is unlikely to be mere coincidence: rather, it appears that the assignment of stress according to heavy/strong vs. light/weak syllables, at least in its essentials, was a common innovation shared by these two closely related East Iranian languages. Minor discrepancies, such as the weak treatment of PIr. *ī, *ū > POss. *i, *u or the heavy value of pre-Sogdian sequences of tautosyllabic vowel + sonorant, are only to be expected, given the vast geographic area over which the stress shift in question took place, and may easily be accommodated under the model of a dialect continuum (cf. section 5).

To test this hypothesis, we next reconstruct a relative chronology of the Ossetic stress shift and related sound changes, much as Sims-Williams has done for the Rhythmic Law in Sogdian (see section 2). For Ossetic, the relevant changes include umlaut, syncope, and other conditioned vocalic and consonantal developments, as well as the reflexes of word-final sequences (*Auslautgesetz*), which as in many other IE languages often deviate from their outcome in other positions.

4.1. Excursus: Medieval Sources for Proto-Ossetic Phonology

Before turning to comparative and internal reconstruction, let us examine the meager sources for medieval Ossetic and assess their value for Ossetic historical phonology. The one epigraphic monument discovered to date, the Greek-letter inscription from the river Zelenčuk in the western Caucasus, has been dated to the 10th–12th c. A.D.; cf. ZGUSTA 1987, whose excellent and

thorough discussion of previous treatments concludes with a summary and translation (59–61). I reproduce his edition of the text here, with a transliteration into Roman characters:

ΣΑΧΗΡΗ ΦΟΥΡΤ ΧΟΒΣ	<i>Saxiri furt Xovs,</i>
ΗΣΤΟΡΗ ΦΟΥΡΤ ΠΑΚΑΘΑΡ	<i>Istori furt Bæqætær,</i>
ΠΑΚΑΘΑ(Ρ)Η ΦΟΥΡΤ ΑΝΠΑΛΑΝ	<i>Bæqætari furt Æmbalan,</i>
Α(Ν)ΠΑΛΑΝΗ ΦΟΥΡΤ ΛΑΚ	<i>Æmbalani furl Lag;</i>
ΑΝΗ ΤΖΗΡΘΕ	<i>ani čirt²⁷.</i>

“X. son of S., B. son of I., Æ. son of B., L. son of Æ.; (this is) their monument.”

Although mostly composed of proper names, this inscription contains several features of interest. The gen. sg. ending is already *-i* (-H), found with the names of the fathers of the four men buried at the site, followed by ΦΟΥΡΤ “son” and the names of the deceased. That POss. *i and *u have not yet fallen together is shown by the spelling of ΦΟΥΡΤ (*furt*): cf. D *-i, furt* vs. I *-y, fyr̥t*, where POss. *i and *u have merged as *y*. Zgusta seems to imply that the language of the inscription is thus closer to Digor (1987: 61), but as Digor is here (and in many other respects) merely more archaic than Iron, preservation of the distinction between *i and *u is hardly surprising; cf. TESTEN 1989: 196. Most important – and unexpected – is the preservation of *-E* < **-ah* in ΤΖΗΡΘΕ < PIr. *čīθrah (Av. *čīθra-* “visible, evident; appearance, vision, proclamation”, Khot. *tcira-* “image”, Pers. *čīhr* “face, figure, image”; BARTHOLOMAE 1904: 586–87, ABAEV 1958: 325–26 with refs.) vs. D *cirt*, I *cyrt* “tombstone, grave”. As I can imagine no other possible source for a vowel in this position, the presence of *-E* suggests that the reflex of PIr. word-final **-ah* had not yet disappeared by the time of the inscription; it has been transcribed above as *ī*²⁸.

The other source for medieval Ossetic consists of two lines in the Byzantine court official Ioannes Tzetzes’s *Theogony* (twelfth c.), in what he denotes as “Alanic”. This intriguing text has been the subject of several studies; the two most recent, BIELMEIER 1993 and TESTEN 1994: 312–15, take into account the new reading of HUNGER 1953, based on the Codex Vindo-bonensis of the *Theogony* discovered by Hunger in the Österreichische Nationalbibliothek. The relevant lines are given below, with Tzetzes’s Alanic in italics followed by the reconstructed medieval Ossetic.

- 18 τοῖς ἀλανοῖς προσφθέγγομαι κατὰ τὴν τούτων γλώσσαν.
 19 καλὴ ἡμέρα σου αὐθέντα μου ἀρχόντισσα πόθεν εἶσαι.

- 20 *ταπαγγὰς · μέσφιλι · χσινὰ · κορθὶ · κάντα; καὶ τᾶλλα ·*
 *dæ ban x^wærz, mæ sfili, (æ)xsijnæ, kurθi kændæ (?)
- 20a ἄν δ'ἔχη ἀλάνισσα παπαῖν φίλον: ἀκούσαις ταῦτα ·
- 21 οὐκ αἰχύνεσσι αὐθέντρια μου νὰ γαμῆ τὸ μουνὶν σου παπαῶς ·
- 22 *τὸ φάρνετζ κίντζι · μέσφιλι · καιτζ · φουὰ · σαουγγε ·*
 *du færniʒ(æ), kinʒi mæ sfili, kæjçi fæwa sawgin

The Alans I greet in their language:

“Good day to you, my lord, lady, where are you from?”

“Good day to you (lit. “your day be good”), my lord, lady, where are you from?” and other things:

When an Alan woman takes a priest as her lover? You might hear this:

“Aren’t you ashamed, lordly lady, that a priest is sleeping with you?”

“Are you ashamed, bride of my lord, who will have (‘whose is to be’) a priest?”²⁹

It is clear that the characteristic Ossetic rounding of *a to *o before nasals has not yet occurred in this text: *ταπαγγὰς*, corresponding to modern D *dæ bon x^warz*, I *dæ bon xorz* “your day be good”, contains an *a* in *ban* (παγ) “day” vs. D, I *bon* (BIELMEIER 1989a: 242, THORDARSON 1989a: 460)³⁰. In contrast to Zelenčuk TZHPΘE, there is no trace of word-final *-ah in παγ or γὰς, whereas PIr. *-ā is preserved as -α in χσινὰ “(esteemed) lady, madam” (D *æxsijnæ*, I *æxsin* < POss. *(æ)xsijnæ < *xšinya ← PIr. *xšaiθnī; cf. n. 20)³¹.

The scanty evidence of the Zelencuk inscription and the *Theogony* thus confirms that the reflexes of PIr. masc. *a*-stem nom. sg. *-ah and fem. *ā*-stem nom. sg. *-ā remained distinct in medieval (pre-)POss., as indeed they do in present-day Digor: *-ah > D. I -Ø, whereas *-ā > I -Ø but D -æ³².

PIr.	pre-POss.	POss.	Digor	Iron
*-ah	*-i	-Ø	-Ø	-Ø
*-ā	*-a	*æ	-æ	-Ø

The final -E of Zelenčuk TZHPΘE suggests that the early Oss. continuation of PIr. *-ah was some sort of front vowel (although it could of course very well stand for [ə], cf. n. 28). I argue below on the basis of data from contemporary Ossetic that the reflex of word-final *-ah was high front *-i, as in pre-Sogdian (cf. section 2, n. 15).

4.2. The Relative Chronology of Pre-Ossetic Sound Changes

Given the paucity of textual evidence, the only way to determine whether the POss. stress distribution postulated in section 3 might have evolved at a sufficiently early date to be a common innovation of Ossetic and Sogdian is to construct a relative chronology of relevant sound changes. Owing to the overall conservatism and transparency of Ossetic historical phonology, scholars have succeeded in determining most of the major sound changes which the language has undergone since Old Iranian times; many had already been established by the time of Miller's grammar (1903: 14–39). A number of these changes find a close match in the historical phonology of Sogdian, e.g., intervocalic voicing, coloring of vowels by a following *i, *y or *u, *w (*i-* or *u-*umlaut), and syncope of unstressed vowels³³. The method of internal reconstruction now allows us to place these developments in relation to one another, as follows.

1) Generalization of Collective *-tā as Plural Suffix

The usefulness of the plural for purposes of relative chronology is complicated by its idiosyncratic phonological evolution. Cf. the comments of BAILEY (1945: 25):

...the *-t-* is treated as if initial, remaining therefore *-t-* between vowels and after nasals, whereas Old Iranian intervocalic *-t-* passed to *-d-*. The *-tæ* can then be identified with Old Iran. *-tā* in semi-independence in a compound, which has resulted in the change of **-tā > *-ta > *-tæ*, while as an independent monosyllable **tā* became *ta* as **mā* became *ma* with *-a*, and in the final syllable of a word *-ā* became Digor *-æ*, and was lost in Iron: *madæ, mad* 'mother'³⁴.

Thus, although it is likely that **-tā* did not become the productive plural suffix until after voicing of intervocalic PIr. *p, *t, *č, *k had ceased to operate,³⁵ its phonological "semi-independence" with respect to other sound changes makes any chronological inferences necessarily tentative.

If **-tā* was suffixed to the stem, the plurals of masc. (*a*-stem) and fem. (*ā*-stem) nouns would have ended in **-a-tā* and **-ā-tā*, respectively. On the other hand, if **-tā* was added to the nom. sg., the respective preforms would have been masc. **-i-tā* and fem. **-ā-tā* (or **-i-ta*, **-a-ta*; cf. (2b)). For evidence in favor of the latter hypothesis, see (2a) below.

2a) Word-final *-ah > *-i

The first piece of evidence for positing high front *-i as the sound-change development of *-ah is the appearance of *l* in the pl. of old *r*-stem relationship nouns, which must have added collective *-tā to the OIr. nom. pl. in *-ah:³⁶

D *fiddæltæ*, I *fydæltæ* “fathers” < POSS. *fidæltæ < *fidali-ta < *fidari-tā
← *pitari < Plr. *pitarah (to D *fidæ*, I *fyd* < POSS. *fidæ < Plr.
*pitā);

D *maddæltæ*, I *madæltæ* “mothers” < POSS. *madæltæ < *mādali-ta <
*mādari-tā ← *mātari < Plr. *mātarah (to D *madæ*, I *mad* < POSS.
*madæ < Plr. *mātā);

D *ærvaddæltæ*, I *ærvadæltæ* “relatives, brothers” < POSS. *ærvadæltæ <
*brādali-ta < *brādari-tā ← *brātari < Plr. *brātarah (to D *ærvadæ*,
I *ærvad* < POSS. *ærvadæ < Plr. *brātā)³⁷.

Since Plr. *r otherwise becomes *l only before *i (and *y in *ry > *l; see (4)), these relic plural formations presuppose a development of Plr. *-ah > *-i and subsequent loss by the POSS. stage. Cf. once again Zelenčuk TZHPΘE < Plr. *čiθrah, where E presumably denotes a front vowel³⁸.

This *-i < *-ah actually survives in plurals to two classes of nominals: 1) those whose stems end in two consonants (with some exceptions, mostly clusters of sonorant + stop), e.g., D *ærs-i-tæ*, I *ærs-y-tæ* to sg. *ars* “bear”; D *mist-i-tæ*, I *myst-y-tæ* to sg. D *mistæ*, I *myst* “mouse”; and 2) nominals in *-a-kah, *-u-kah (i.e., *-ka- extensions of old *a*- and *u*-stems; POSS. *-æg. *-ug > D -æg, -ug, I -æg, -yg); cf. MILLER 1903: 41, AXVLEDIANI 1963: 80–82, ABAEV 1964: 12–15, BAGAEV 1965: 131–35, 192, ISAEV 1966: 35–36, THORDARSON 1989a: 469, TESTEN 1997: 720. As one might expect, examples of the latter type are numerous: cf. D *kosg-u-tæ*, I *kusž-y-tæ* to D *kosæg*, I *kusæg* “worker”; D *kærdæg-u-tæ*, I *kærdæž-y-tæ* to D, I *kærdæg* “grass”; D *mæsg-u-tæ*, I *mæsg^w-y-tæ* to D *mæslug*, I *mæsyg* “tower”; D *γæzdug-u-tæ*, I *qæzdyž-y-tæ* to D *γæzdug*, I *qæzdyg* “happy, prosperous”³⁹. The D -i-, I -y- of these pl. forms cannot be simply dismissed as an epenthetic vowel: Although Ossetic provides many examples of prothetic æ- before initial clusters of metathesized fricative + *s or *r + obstruent (MILLER 1903: 36, THORDARSON 1989a: 465), e.g., D, I *æfsad* “army” < Plr. *spāda-, D, I *ærvadæ* < Plr. *brātā, D, I *ærtæ* “three” < Plr. *θayah (or sim.; cf. n. 48 [end]), prothesis and epenthesis are otherwise limited and variable synchronic phenomena, cf. ABAEV 1964: 4, BAGAEV 1965: 39–41, THORDARSON 1989a: 465.

The only remaining possibility, then, is that early Ossetic formed plurals by directly suffixing coll. *-tā (or *-ta; cf. (2b) below) to the nom. sg., rather

than the OIr. nominal stem: hence masc. *a*-stem sg. *-i, pl. *-i-tā (*-i-ta). For a close parallel, cf. Sogdian contracted *aka-stem dir. pl. -ēt < *-a'i-tā ← nom. sg. *-aki + coll. *-tā, e.g., S *z'tk* “son”, i.e., [zātē] < *zāta'i < *zātakah, pl. *z't'yt* [zātēt] (TEDESCO 1926: 110–17, 116–17 n. 2 [preform], BENVENISTE 1929: 80, SIMS-WILLIAMS 1989b: 183, 190). This pre-POss. pl. *-i-tā (*-i-ta) may have spread to fern, *ā*-stem nouns in *-ā (*-a), replacing expected *-ā-tā (*-ā-ta), e.g., D *mist-i-tæ*, I *myst-y-tæ* (see above) or D *kinz-i-tæ*, I *čynz-y-tæ* to D *kinzæ*, I *čynz* “bride, daughter-in-law”; similarly in Sogdian, *ākā-stem dir. pl. -ēt may have been taken over from the *aka-stems. It is also possible, however, that both languages have generalized *-I < masc. nom. sg. *-ah as a “linking vowel” before the pl. suffix: thus pre-Sogd. *ākā-stem pl. *-āk-i-tā > *-ā'itā > -ēt (SIMS-WILLIAMS, personal communication)⁴⁰.

2b) Shortening of Word-final Long Vowels in Polysyllables: *-ā > *-a

This probably early change, the exact relative chronology of which cannot be determined, may more accurately be stated as a loss of phonemic length contrast in word-final position: both PIr. *-ā and *-a become pre-POss. *-a, whence POss. *-æ. Word-final *-ā is of course continued by old feminine *ā*-stems in POss. *-æ > D -æ, I -Ø, as well as POss. pl. *tæ (cf. [1] above). PIr. *-a, on the other hand, is reflected in the endings of the imperative and optative sg., e.g., iptv. 2sg. D *kæn-æ*, I *kæn* “do!” < POss. *kæn-æ < PIr. *-a, D opt. sg. 2 *kænisæ*, 3 -*idæ* “you, s/he may do” [I *kæn-is*, -*id*] < POss. *-sæ, *-dæ < PIr. mp. *-ša, *-ta⁴¹.

3) *ri > *li, *ry > *l

See (2a) above on *r*-stem pl. *pitarah → *fidari-tā > *fidali-ta > POss. *fidæltæ > I *fydæltæ* “fathers” [D *fiddæltæ*]; sim. I *madæltæ* “mothers”, *ærvadæltæ* “relatives, brothers” [D *maddæltæ*, *ærvaddæltæ*]. That this change had taken place already by early medieval times is confirmed by the name of the Ἀλανοί ‘Alans’ < *aryān- (BIELMEIER 1989a: 241), which survives in the Ossetic etymonym *allon*, attested in the epic of the Narts (ABAEV 1949: 245–46, 1958: 47–48, 545–46)⁴². The shift of *r > *l before *i, and presumably also *ry > *l, must have preceded the syncope of unstressed *i (6); the absence of umlaut in *allon* indicates that *y was lost in the cluster *ry before *a > *ai / Cy (see [4] below; for other examples of non-“epenthesis”, cf. ABAEV 1949: 245).

4) Umlaut Effects: *a > *ai / Ci, Cy, *a > *au / Cu, *u > *i / Ci.⁴³

Examples are numerous:

*a > *ai / Ci⁴⁴

*kanikā > *kainiča > POss. *kinžæ > D *kinzæ*, I *čynž* “bride, daughter-in-law” (Sogd. *knc* “girl”. Av. *kainiiā-* “unmarried girl”, cf. Skt. *kanā-*, *kanyā-*; TESTEN 1994: 300–302)⁴⁵.

*paš(m)-ikā > *faiš(m)iča > *fešča > POss. *festæ > D *fest(æ)*, I *fist* “wool from the spring shearing” (dimin. to *pašman- > D *fans*, I *fæsm* [for *fasm?*] “wool from the autumn shearing”, cf. Pers. *pašm* “wool”; TESTEN 1994: 305)⁴⁶

*a > *ai / _ Cy⁴⁷

Plr. *araθni- “elbow” → *arai(θ)nyā > *arinya > POss. *ærijnæ > D -*ærijnæ* in *cæng-ærijnæ* (lit. “hand-elbow”, cf. *cong* “hand”), I -*ærin* in *ælm-*, *ærm-ærin* “cubit, ell (unit of length)” (Av. *arəθna-* “elbow”, *frā-rāθni-* “cubit”, Ved. *aratnī-*; ABAEV 1958: 29, 300, BENVENISTE 1959:18)

Plr. *madya- “middle” → *madya-kah > *maidaki < POss. *medæg < D *medæg*, I *midæg* “within”

*suxrā zaranyā “red gold” (ABAEV 1979: 190) or *sux(tā) zaranyā “burnt gold” (THORDARSON 1989a: 460) > *suyzarainya > *suyzarinya > POss. *suyzærijnæ > D *suyzærijnæ*, I *syuzærin* “gold”

*a > *au / _ Cu⁴⁸ (with *au > *u next to labial consonant)

Plr. *aruša- > *aurušah > *orši > POss. *ors > D *uors*, I *urs* “white” (Av. *auruša-* “white”, Ved. *arušá-* “reddish”; BARTHOLOMAE 1904: 190–91)

Plr. *madu > POss. *mud > D *mud*, I *myd* “honey”

Plr. *paru > POss. *fur > D *fur*, I *fyr* “much” (D *fuldær*, I *fylldær* “more” < POss. *fuldær, dissimilated from *furdær; THORDARSON 1989a: 465)

Plr. *paću > POss. *fus > D *fus*, I *fys* “sheep” (and possibly *paću-mant- “having cattle” > POss. *fusum > D *fusum*, I *fysym* “host”, cf. Ved. *paśu-má(n)t-*; TESTEN 1994: 308)

*u > *i _ / Ci

*mušikā > *mišiča > *mišča > POss. *mistæ > D *mistæ*, I *myst* “mous(i)e” (dimin. to Plr. *mūš- “mouse”, cf. Pers. *mūš*, Ved. *múš-*)⁴⁹

The evidence of “honey”, “much”, and “sheep” demonstrates that umlaut must have preceded the apocope of word-final short vowels (cf. [8] on *-i > *-Ø); the examples of “bride”, “spring wool”, and “mouse”, in which *i colors

the preceding vowel before being lost, confirm that umlaut must also have taken place prior to the syncope of unstressed word-internal short vowels (6)⁵⁰.

5) Stress Shift

Stress is assigned to the first heavy syllable in the prosodic unit, i.e., the first syllable containing a long vowel or diphthong; otherwise stress falls on the final syllable.

6) Syncope of Unstressed *a, *i, *u in Open Syllables

Cf. the examples of *i*-umlaut in (4), e.g., *kainiča > POss. *kinžæ, *mišiča > POss. *mistæ. As noted in (2a), pl. *-i-ta to nouns in *-i (extended analogically to old feminines in *-a) has in most cases been syncopated to *-ta > POss. *-tæ, being preserved after (most) clusters of two consonants or the common suffixes *-ag-, *-ug-. The loss of the suffixal vowel in plurals to nouns in *-VCag-, *-VCug-, e.g., I *kus ž-y-tæ* “workers” [D *kosg-u-tæ*; cf. n. 39] < POss. *kosgitæ < *kosagi-ta, D *mæsg-u-tæ*, I *mæsg^w-y-tæ* “towers” < POss. *mæsgutæ (cf. n. 39) < *masugi-ta, suggests that syncope operated from left to right; otherwise we should expect POss. *kosægtæ > D “*kosægtæ*”, I “*kusægtæ*”, POss. *mæsugtæ > D “*mæsugtæ*”, I “*mæsygtæ*”.

In addition to the pl. “linking vowel” *-i-, the connecting vowel *-a- (< Plr. *-a- < PIE *-o-) in nominal compounds was also lost; its earlier presence is reflected in the voicing of the initial consonant of the second member of compounds, cf. n. 35. The most important result of syncope was the establishment of a widespread, morphologically conditioned alternation between *æ* and *a* in nominals of the form *-aCC-, on which see (9).

7) Unstressed *ya > *i

Aside from the old case endings, there are two possible examples:

- i) the proposed definite article *i < *ya < Plr. relative pron. *ya- (BAILEY 1945: 15–20; cf. Sogd. *yw*, Khwar. ’*y*, *y*’, Av. *ya-*), e.g., in D. *bælas* “tree” vs. *i bælas* “the tree”, whence I *bælás* vs. *báelas* < *i *báelas* with synchronically morphologized stress shift (ABAEV 1924: 155, 1964: 11, GERSHEVITCH 1948: 61. AXVLEDIANI 1963: 50–51, BAGAEV 1965: 60, THORDARSON 1989a: 466, 468, TESTEN 1997: 729: cf. I *mýsyn* “compose” < *imísun [D *imísun*]):
- ii) the *ežāfe*-construction with *i < *ya (also from Plr. *ya-), e.g., in D *mæ fid-i zæronð*, I *mæ fyd-y zæronð* “my old father”, lit. “my father-who (is) old” (beside usual *zæronð fid/fyd*; BAILEY 1946: 205–6, THORDARSON 1989a: 467, cf. AXVLEDIANI 1969: 49–50 on “inversion”).

Unfortunately, both of these could also continue masc. *yi < PIr. *yah (GAv. *yā*, *yas-cā*, YAv. *yō*; cf. BIELMEIER 1982: 67 on *ežāfe*-*i), rather than neut. *ya < PIr. *yad (YAv. *yaŋ*), so their probative value is thereby reduced. This *-i did not merge with pre-POss. *-i < PIr. *-ah (cf. [2a] above), which is lost in POss. and had probably been reduced to some sort of schwa by this stage; cf. (8) below.

8) Apocope of *-ī < *-i

As argued in section 4.1, word-final pre-POss. *-i < PIr. *-ah, or rather a reduced front vowel *-ī, is preserved in the form TZHPΘE in the Zelenčuk inscription. If one trusts the evidence of the *Theogony*, Tzetzes's *ταπαγγάς* for *[dæ ban x^warz] (D *dæ bon x^warz*, I *dæ bon xorz*) indicates that this vowel had fallen by the twelfth c. A.D.; it is definitely gone in the Jász word list, where we find *daban horz*, *dan*, etc. (cf. n. 30). The apocope of *-ī < *-i may therefore be dated to the beginning of the 2nd millennium.

9) *æ > *a (or *a > *ā) before Tautosyllabic Consonant Clusters

Following apocope of *-ī, *a was lengthened to *ā – or, if the contrast between *a and *ā had already been reinterpreted as one of quality, *æ was backed and “strengthened” to *a – when followed by two tautosyllabic consonants. This sound change affected two groups of forms: nouns of the shape *CæCC (but not *CæCCæ; cf. n. 26), e.g., D, I *avd* “seven” < POss. *avd < *ævd ← PIr. *hafta (cf. n. 41), D, I *zærond* “old” < POss. *zærond < *zærand < *zærend ← PIr. *jar-ant- (ABAEV 1989: 305, cf. Sarmatian PN *Ζαρανδος*; not < *-ānt-, contra THORDARSON 1989a: 464), D *γarm*(m), I *qarm* “warm” < POss. *γarm < *γærm < PIr. *garmah; and preterite participles of the shape *CæCt, *CæCd, e.g., D, I *bast* “bound” < POss. *bast < *bæst < PIr. *basta- < *bnd-ta- (to D *bæddun* [*bættun*], I *bæddyn* [*bættyn*] “bind” < PIr. *band-), D, I *mard* “killed, died” < POss. *mard < *mærd < PIr. *mr̥-ta- (to D *marun*, I *maryn* “kill”, D *mælnun*, I *mælyn* “die”; cf. n. 54).

One important result of this development was the creation of an alternation between *æ* and *a* in nominals of the form *CaCC. When a suffix beginning with a vowel was added to pre-POss. *CæCC, the resulting form was syllabified *CæC.CV- and so did not undergo the change of *æ > *a. In addition to plurals in *-i-tæ, e.g., D, I *ars* “bear”: pl. D *ærs-i-tæ*, I *ærs-y-tæ* (cf. (2a) above), cf. D, I *fonz* “five”: *fænzæm*, D *fænzæjmag* “fifth”. Once this alternation had become established, it would not have been difficult for it to spread to other cases of derivation or compounding, e.g.,

D, I *mary* “bird”: pl. *mærytæ*;

D *ænbal*, I *æmbal* “companion, comrade”: pl. D *ænbælttæ*, I *æmbælttæ*;⁵²
 D, I *fars* “side”: *færssag* “side” (adj.), “accessory”;
 D, I *avd* “seven”: *ævdsæron* “seven-headed”, *ævddæs* “seventeen”;
 D, I *rast* “straight”: *ræst-vændag* “whose way is straight”.

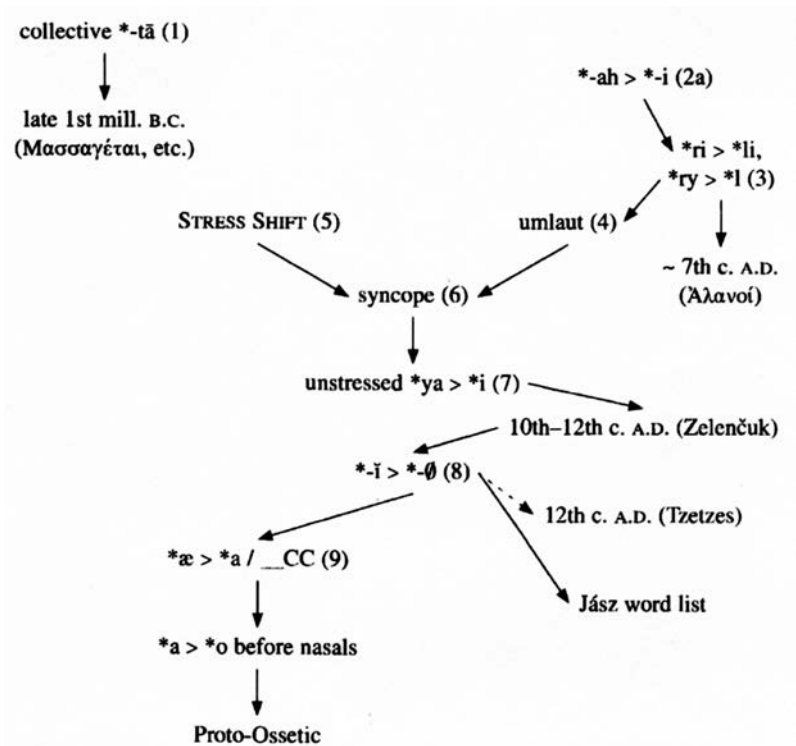
In both dialects of contemporary Ossetic, the alternation of *a* (*o* before nasals) with *æ* has become morphologized: it is now associated with plurals, various derivatives, and certain compounds of nouns in *CaCC, *CoNC.⁵³ This pattern has not surprisingly spread to nouns with *a*, *o* < pre-POss. *ā, e.g., D, I *xæzar* “house”, pl. *xæzærttæ*; D, I *don* “river”, pl. D *dænttæ*, I *dættæ*. Not all such nouns have been affected, however: a number of common, mostly monosyllabic stems have preserved their pls. in *a* or *o*, e.g., I *sag* “deer”, pl. *sagtæ*, *bon* “day”, pl. *bontæ* (ABAEV 1964: 16–17, although these could be due to analogical pressure from the sg.), *xæzar-on* “resident of the house”, pl. *xæzar-ontæ* and other nouns in *-on* (THORDARSON 1990: 260); cf. also *arv* “heaven”, *arvon* ~ *ærvon* “heavenly” and *art* “fire”, *art-ag* “fuel” (262, 263)⁵⁴.

Within nominal declension, the operation of *æ > *a / __ CC# would have produced alternations between *CaCC in the nom. and *CæCCV- elsewhere, e.g., gen./iness. *CæCCi, dat. *CæCCæn (whence by analogy all. *CæCCmæ?). As one might expect, this intraparadigmatic alternation has generally been leveled out: the oblique stem *CæCC- survives only in a few fossilized adverbials, e.g., I *færsyl* “on the side”, *ræstæj* “without fault”, originally adess. to *fars* “side” and abl. to *rast* “right, correct”, respectively (gen./iness. *fars-y*, *rast-y*; cf. ABAEV 1964: 5, THORDARSON 1989a: 460)⁵⁵.

The chronological relationships which emerge from this discussion may be represented in the diagram (see p. 19).

As a result of these changes, masc. (*a*-stem) loc. sg. *-ayā and fem. and pl. (*ā*-stem) instr. *-ayā and gen./abl. *-ayāh (probably also dat. *-ayāi and loc. *-ayām) would have developed to *-C-aya (2b) > *-C-ya (6) > *-C-i (7); this *-i was subsequently generalized as the oblique ending for all nouns, like Late Sogdian *-ī* and Yaghnōbī *-i*, and survives in the contemporary gen. and iness. ending D *-i*, I *-y*.

If we now compare the relative chronology arrived at here for Ossetic with that given in section 2 for Sogdian, we find that the two languages correspond to a large extent. Although the change of *ri > *li, *ry > *l is of course peculiar to Alanic/Ossetic, the developments shared by the two languages have taken place in the same order: in particular, the Sogdian Rhythmic Law-Ossetic stress shift must have preceded the syncope of unstressed short vowels, which in turn preceded the change of unstressed *-yā > *-i⁵⁶. This parallelism thus attests to an even stronger historical affinity between Ossetic and its nearest East Iranian relatives than heretofore believed.



5. Implications for Northeast Iranian Dialectology

The present study is hardly the first to posit a close relationship between Ossetic and Sogdian. Over half a century ago, BAILEY (1945, 1946) examined a number of lexical isoglosses which appear to connect Ossetic with Sogdian and other Eastern Middle Iranian languages. These vocabulary items are joined by at least one major morphological innovation peculiar to Ossetic, Sogdian, and Yaghnōbī: the formation of the pl. with the originally collective suffix **-tā*, already attested in ancient Greek records of the names of Scythian and Sarmatian tribes living on the steppes north of the Black Sea, e.g., *Μασσαγέ-ται* and *Σαρμά-ται* (BAILEY 1945: 24–26, SIMS-WILLIAMS, 1989a: 170)⁵⁷.

Considering that frequent migration was a salient characteristic of peoples of the Eurasian steppe, one might most logically treat the Northeast Iranian steppe dialects of the first millennium B.C. and early centuries A.D. as a dialect continuum, stretching from western Ukraine eastwards to what is now Chinese Turkestan (Xinjiang). In addition to the Ossetic-Sogdian correspondences presented by Bailey, there is evidence that an early form of Northeast Iranian closely akin to Ossetic was spoken at the eastern edge of this realm. Among the

numerous Iranian loanwords in the Tocharian languages, spoken in the Tarim Basin in the first millennium A.D., several exhibit striking similarities to pre-Proto-Ossetic, namely TB *peret*, TA *porat* “ax” < PT **peretə*, cf. D, I *færæt*; TB *witsáko* “root” < PT **wet^səko*, cf. D *yedagæ*, I *widag* < POss. **w^(y)edagas*, and TB *ekšinek** “dove” (adj. *ekšinekamñe*), cf. D *æxsijnæg*, I *æxsinæg* “wild dove, pigeon” < **axšainyaka-* “dark-colored (gray?)”⁵⁸. These borrowings may be approximately dated to the second half of the first millennium B.C. (KIM 1999: 126, 129–32) and reveal contact in eastern Central Asia during this period between speakers of pre-Proto-Tocharian and an Iranian language closely resembling pre-POss. Much later, in the seventh c. A.D., the Alans, believed to be the (linguistic) ancestors of today’s Ossetes, are found back on the western steppes and in the Balkans.

Within such an enormous geographical area, linguistic innovations would have begun in one place and diffused to neighboring regions, but only rarely spread across the entire steppe. The continuing accumulation of locally specific changes gradually differentiated this originally more uniform chain of NEIran. dialects into an early form of Ossetic, the various, mostly unattested or indirectly recorded dialects of Sogdian and, far to the east in Xinjiang, Khotanese and Tumshuqese Saka. This explains why Ossetic has more features in common with Sogdian than with Saka: the latter lies at the opposite end of the steppe from Ukraine and southern Russia, whereas the Sogdian-speaking regions of Central Asia remained in closer contact with the ancestors of the Ossetes through migration and trade. A schematic representation of Northeast Iranian dialects and their diachronic development from antiquity to the present might look like this:

500 B.C.	Scythian		
0	Sarmatian		
		SOGDIAN	
A.D. 500	Alanic		
1000	Zelenčuk, Tzetzes	Late Sogdian	Saka (Khotanese, (Tumshuqese)
1500	Jász		
2000	Ossetic		Yaghnōbī

The account of pre-POss. obl. *-i offered here presupposes that the early Ossetic accent shift described above, and other related changes affecting unstressed vowels (e.g., *-ya > *-i), were shared by neighboring, westerly dialects of Sogdian, in which the accent shift is familiar as the Rhythmic Law and likewise leads, via additional developments, to a unitary obl. ending *-ī* in heavy-stem nouns. Notably, the Sogdian dialect ancestral to modern Yaghnōbī appears to have escaped the effects of the Rhythmic Law (cf. n. 19); thus the accent shift in question came to encompass much, but not all, of the Osseto-Sogdian dialect area.

The derivation of oblique pre-Proto-Ossetic *-i and Sogdian *-ī* from Old Iranian nominal case endings of the form *-ayā(h) may thus be added to the list of isoglosses shared by the two languages. That the ancestor of Yaghnōbī never underwent the typically Sogdian redistribution of stress is problematic only if one adheres to a rigid *Stammbaum* model for the historical evolution of East Iranian, or of Iranian in general⁵⁹. The evidence listed above for a large-scale dialect continuum spanning the Eurasian steppes underscores the inadequacy of such an approach in this case, and instead favors a more nuanced “wave-model” dialectological approach to the innovations characterizing, and historical interrelationships among, the attested medieval and modern Northeast Iranian languages⁶⁰.

REFERENCES

Abbreviations: *BSOAS* = *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, *IF* = *Indogermanische Forschungen*; *TPS* = *Transactions of the Philological Society*; *ZfI* = *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*.

- ABAEV, V. I. 1924. Ob udarenii v osetinskom jazyke. *Doklady Rossijskoj Akademii Nauk B*, Oct.–Dec. 1924: 152–55.
- _____. 1939. Ritmika osetinskoj reči (Satzakzent). In *Iz osetinskogo èposa*, 96–134. Moscow/Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (Rpt. in ABAEV 1949: 529–60.)
- _____. 1949. *Osetinskij jazyk i fol'klor*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- _____. 1958–89. *Istoriko-ètimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*. *Tom I: A–K'* (1958). Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. *Tom II: L–R* (1973). *Tom III: S–T'* (1979). *Tom IV: U–Z* (1989). Leningrad: «Nauka» (Leningradskoe otdelenie)
- _____. 1964. *A Grammatical Sketch of Ossetic*, ed. Herbert H. Paper, tr. Steven P. Hill. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- _____. 1965. *Skifo-evropejskie izoglossy na styke Vostoka i Zapada*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

- ARENDS, JACQUES, Pieter MUYSKEN, and Norval SMITH, eds. 1995. *Pidgins and Creoles: An Introduction*. Amsterdam: Benjamins.
- AXVLEDIANI, G. S. 1963. *Grammatika osetinskogo jazyka. Tom I: Fonetika i morfologija*. Ordžonikidze: Naučno-Issledovatel'skij Institut pri Sovete Ministrov Severo-Osetinskij ASSR.
- _____. 1969. –. *Tom II: Sintaksis*. –.
- BAGAEV, Nikolai K. 1965. *Sovremennij osetinskij jazyk: Čast' I (Fonetika i Morfologija)*. Ordžonikidze: Severo-Osetinskoe Knižnoe Izdatel'stvo.
- BAILEY, Harold W. 1945. Asica. *TPS* 1945: 1–38.
- _____. 1946. Supplementary note to Asica. *TPS* 1946: 202–6.
- _____. 1950. L'accento in osseto digoron. *Ricerche Linguistiche* 1.1: 58–66.
- _____. 1956. Armeno-Indoiranica. *TPS* 1956: 88–126.
- _____. 1957. Adversaria Indoiranica. *BSOAS* 19.1: 49–57.
- _____. 1959. Iranian *arya-* and *daha-*. *TPS* 1959: 71–115.
- BARTHOLOMAE, Christian. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Trübner.
- BENVENISTE, Émile. 1929. *Essai de grammaire sogdienne. Deuxième partie: morphologie, syntaxe et glossaire*. Paris: Librairie Orientaliste, Geuthner.
- _____. 1959. *Études sur la langue ossète*. Paris: Klincksieck.
- BIELMEIER, Roland. 1977. *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- _____. 1981. Präverbien im Ossetischen. In *Monumentum Georg Morgenstierne*, vol. I, pp. 27–46. Leiden: Brill.
- _____. 1982. Zur Entwicklung der ossetischen Deklination. *IF* 87: 58–69.
- _____. 1989a. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch, und Altossetisch. In Schmitt (ed.) 1989: 236–45.
- _____. 1989b. Yaghñōbī. In Schmitt (ed.) 1989: 480–88.
- _____. 1993. Das Alanische bei Tzetzes. In *Medioiranica: Proceedings of the International Colloquium Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 21st to the 23rd of May 1990*, ed. Wojciech Skalmowski and Alois van Tongerloo, 1–28. Leuven: Peeters.
- BRAUNE, Theodor Wilhelm. 1975. *Althochdeutsche Grammatik*. 13th ed., ed. Hans Eggers. Tübingen: Niemeyer.
- DEBRUNNER, Albert. 1954. *Altindische Grammatik von Jacob Wackernagel. Band II, 2: Die Nominal suffixe*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- EMMERICK, Ronald E. 1968. *Saka Grammatical Studies*. London: Oxford Univ. Press.
- _____. 1989. Khotanese and Tumshuqese. In Schmitt (ed.) 1989: 204–29.
- FRITZ, Sonja. 1986. Ein frühes ossetisches Sprachdenkmal. *Die Sprache* 32.2: 247–56.
- GERSHEVITCH, Ilya. 1948. Iranian notes. *TPS* 1948: 61–68.
- _____. 1954. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Blackwell.
- _____. 1960. Review of Németh 1959. *BSOAS* 23: 595–96.
- _____. 1988. Word-final 'a'-vowels in Old Persian. *East and West* 38: 65–80.

- _____. 1998. Fossilized imperatival morphemes in Ossetic. In *Studia Iranica et Alanica: Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovich Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*, 141–59. Rome: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente.
- GODEL, Robert. 1975. *An Introduction to the Study of Classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert.
- HAYES, Bruce. 1995. *Metrical Stress Theory: Principles and Case Studies*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- HENNING, W. B. 1942. The disintegration of the Avestic studies. *TPS* 1942 [1944J]: 40–56.
- HOFFMANN, Karl. 1958. Altiranisch. In *Handbuch der Orientalistik 1/4: Iranistik. Erster Abschnitt: Linguistik*, 1–19. Leiden: Brill. (Rpt. in *Aufsätze zur Indoiranistik I*, ed. Johanna Narten, 58–76. Wiesbaden: Reichert.)
- _____. 1976. Zur altpersischen Schrift. In *Aufsätze zur Indoiranistik II*, ed. Johanna Narten, 620–45. Wiesbaden: Reichert.
- _____ and Bernhard FORSSMAN. 1996. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft.
- HUNGER, H. 1953. Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. *Byzantinische Zeitschrift* 46: 302–7.
- ISAEV, M. I. 1954. O vokalizme osetinskogo jazyka. *Trudy Instituta Jazykoznanija AN SSSR* 3: 227–49.
- _____. 1966. *Digorskij dialekt osetinskogo jazyka*. Moscow: Nauka.
- _____. 1980. Ešče raz o termine *æfsin*(*æ*). In *Iranskoe Jazykoznanie, Ežegodnik 1980*, 186–89. Moscow: «Nauka», Glavnaja Redakcija Vostočnoj Literatury.
- IVIĆ, Pavle. 1958. *Die serbokroatischen Dialekte: ihre Struktur und Entwicklung*. The Hague: Mouton.
- KENT, Roland G. 1950. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society.
- KIM, Ronald. 1999. Observations on the absolute and relative chronology of Tocharian loanwords and sound changes. *Tocharian and Indo-European Studies* 8: 111–38.
- KLINGENSCHMITT, Gert. 1972. Die mittelpersischen Pronomina ’yn und h’n, neupersisch īn und ān. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 30: 93–109.
- KNOBLOCH, Johann. 1991. *Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartepik, 1: Der Sonnenheld; 2: Religiöse Volkskunde der Osseten (Stichwörter zur Volkskunde und Religionsgeschichte aus V. I. Abaevs Historisch-etymologischem Wörterbuch der ossetischen Sprache)*. Heidelberg: Winter.
- LEJEUNE, Michel. 1972. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Klincksieck.
- MACDONELL, Arthur Anthony. 1910. *Vedic Grammar*. Strassburg: Trübner.
- MACKENZIE, D, N. 1972. The Khwarezmian glossary – V. *BSOAS* 35.1: 56–73.
- MAYRHOFER, Manfred. 1980. Zu iranischen Reflexen des *vṛkṛ*-Typus. In *Recherches de Linguistique: Hommages à Maurice Leroy*, ed. Jean Bingen, André Coupez, Francine Mawet, 130–52. Brussels: Éditions de l’Université de Bruxelles.

- _____. 1986. *Indogermanische Grammatik, vol. I, 2. Halbband: Lautlehre (Segmentale Phonologie des Indogermanischen)*. Heidelberg: Winter.
- MILLET, Antoine. 1936. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, 2nd ed. Vienna: Imprimerie des Pp. Mékhtharistes.
- MELCHERT, H. Craig. 1990. Adjectives in *-iyo- in Anatolian. *Historische Sprachforschung* 103: 198–207.
- _____. 1994. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam: Rodopi.
- MILLER, Wsewolod. 1903. Die Sprache der Osseten. In *Grundriß der iranischen Philologie*, ed. Wilhelm Geiger and Ernst Kuhn. Strassburg: Trübner.
- MORGENSTIERNE, Georg. 1962. Iranian feminines in *či*. In *Indological Studies of Honor of W. Norman Brown*, ed. Ernest Bender, 160–64. New Haven: American Oriental Society. (Rpt. with addendum in Morgenstierne 1973c: 102–7.)
- _____. 1973a. Final *-a* and *-ā* in Iranian. In Morgenstierne 1973c: 108–9.
- _____. 1973b. *Indo-Iranian Frontier Languages*, vol. 2: *Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi*, 2nd ed. Oslo: Universitetsforlaget.
- _____. 1973c. *Irano-Dardica*. Wiesbaden: Reichert.
- NÉMETH, J. 1959. *Eine Wörterliste der Jassen, der ungarländischen Alanen*. Berlin: Akademie-Verlag.
- ORANSKIJ, I. M. 1975. *Die neuiranischen Sprachen der Sowjetunion*, tr. Werner Winter. The Hague: Mouton.
- PAXALINA, T. N. 1975. *Vaxanskij jazyk*. Moscow: «Nauka».
- RENOU, Louis. 1952. *Grammaire de la langue védique*. Lyon: IAC.
- SCHMITT, Rüdiger, ed. 1989. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Reichert.
- SIMS-WILLIAMS, Nicholas. 1979. On the plural and dual in Sogdian. *BSOAS* 42: 337–46.
- _____. 1981a. Notes on Manichaean Middle Persian morphology. *Studia Iranica* 10.2: 165–76.
- _____. 1981b. Some Sogdian denominal abstract suffixes. *Acta Orientalia* 42: 11–19.
- _____. 1982. The double system of nominal inflexion in Sogdian. *TPS* 1982: 67–76.
- _____. 1984. The Sogdian “rhythmic law”. In *Middle Iranian Studies: Proceedings of the International Symposium Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th of May 1982*, ed. Wojciech Skalmowski and Alois van Tongerloo, 203–15. Leuven: Peeters.
- _____. 1985. *The Christian Sogdian Manuscript C2*. Berlin: Akademie-Verlag.
- _____. 1989a. Eastern Middle Iranian. In Schmitt (ed.) 1989: 165–72.
- _____. 1989b. Sogdian. In Schmitt (ed.) 1989: 173–92.
- SKJAERVØ, Prods O. 1983. Case in Inscriptional Middle Persian. Inscriptional Parthian and the Pahlavi Psalter. *Studia Iranica* 12.1–2: 47–62, 151–81.
- SUNDERMANN, Werner. 1989. Mittelpersisch. In Schmitt (ed.) 1989: 138–64.
- TEDESCO, Paul. 1923. *a*-Stämme und *aya*-Stämme im Iranischen. *ZII* 2: 281–315.
- _____. 1926. Ostiranische Nominalflexion. *ZII* 4: 94–166.
- _____. 1954. Review of Gershevitch 1954. *Language* 30.4: 485–88.

- TESTEN, David. 1989. Review of Zgusta 1987. *Language* 65.1: 195–96.
- _____. 1994. A feminine/diminutive suffix in early Ossetian. In *NSL 7: Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*, ed. Howard I. Aronson, 299–318. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- _____. 1996. On the development of the clitic pronominals in Ossetian. In *NSL 8: Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*, ed. Howard I. Aronson, 359–74. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- _____. 1997. Ossetic phonology. In *Phonologies of Asia and Africa*, ed. Alan S. Kaye, 707–31 (ch. 35). Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns.
- THORDARSON, Fridrik. 1981. Preverbs in Ossetic. In *Monumentum Georg Morgenstierne*, Vol. II, 251–61. Leiden: Brill.
- _____. 1989a. Ossetic. In Schmitt (ed.) 1989: 456–79.
- _____. 1989b. Sibilanten und Affrikaten im Ossetischen. *Georgica* 12: 14–17.
- _____. 1990. Old Ossetic accentuation. In *Iranica Varia: Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater*, 256–66. Leiden: E. J. Brill.
- VOGT, Hans. 1944. Le système des cas en ossète. *Acta Linguistica Hafniensia* 4: 17–41.
- WEBER, Dieter. 1980. Beiträge zur historischen Grammatik des Ossetischen. *IF* 85: 126–37.
- _____. 1991. Lautgeschichte und Chronologie: zu den Ordinalzahlen des Ossetischen. In *Studia Etymologica Indoeuropaea Memoriae A. J. Van Windekens (1915–1989) Dedicata*, ed. Lambert Isebaert, 305–11. Leuven: Peeters.
- WHITNEY, William Dwight. 1924. *Sanskrit Grammar, Including Both the Classical Language and the Older Dialects of Veda and Brāhman*. 5th ed. Leipzig: Breitkopf und Härtel.
- WINTER, Werner. 1971. Baktrische Lehnwörter im Tocharischen. In *Donum Indogermanicum: Festgabe für Anton Scherer*, ed. Robert Schmitt-Brandt, 217–23. Heidelberg: Winter. (Rpt. in *Studia Tocharica: Selected Writings/Ausgewählte Beiträge*, 39–46. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1984.)
- XROMOV, A. L. 1972. *Jagnobskij jazyk*. Moscow: «Nauka», Glavnaja Redakcija Vostočnoj Literatury.
- ZGUSTA, Ladislav. 1955. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*. Prague: Nakladatelství Československé Akademie Věd.
- _____. 1987. *The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

NOTES

A preliminary version of this paper was presented at the 23rd Penn Linguistics Colloquium at the University of Pennsylvania, 27-28 Feb. 1999, and published under the title “The Origin of the Pre-Ossetic Oblique Case Suffix and Its Implications”, in vol. 6.1 of the *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Thanks to David Testen for introducing me to the study of Ossetic, to him and Nicholas Sims-Williams for their many helpful and enlightening comments on earlier drafts, and to Thomas McFadden and Justin Mott for looking over footnotes 33 and 45, respectively. I of course remain entirely responsible for all views and errors contained herein.

Where relevant, B, M, and C denote Sogdian spellings in Buddhist (i.e., Sogdian). Manichaean. and Christian (Syriac) script, respectively. Abbreviations: C = consonant. T = obstruent, R = sonorant, V = vowel, V̄ = long vowel, V̆ = short vowel, sg. = singular, du(al), pl(ural); masc(uline), fem(inine), neut(er); pron. – pronominal, pronoun; adj. = adjectival, ad-jective; nom(inative), acc(usative), instr(umental), dat(ive), abl(ative), gen(itive), loc(ative), voc(ative), obl(ique), all(ative), iness(ive), adess(ive); pres(ent), imp(er)f(ect), pret(erite), act(ive), mid(dle), m(edio)p(assive), i(m)p(era)t(i)v(e), opt(ative), p(ar)t(i)c(i)p(le); A(tharva) V(eda), Att(ic), Av(estan), D(igor). G(āθā), Gr(cek), Hom(eric), I(ron), l(ndo-)E(uropean), lon(ic), Ir(anian), Khot(anese), M(iddle), O(ld), Oss(etic), P(ersian), Pers = Modern Persian, P(roto-), P(roto-)In(do-)Ir(anian), P(roto-)Sl(avic), R(ig) V(eda), Russ(ian), S(ans)k(ri)t, S(erbo-)C(roatian), Sogd(ian), T(ocharian) A, B, Ved(ic), Y(ounger).

¹ According to the 1979 Soviet census, ca. 480,000 (THORDARSON 1989a: 456); cf. also the numbers in TESTEN 1997: 707–8. The February 1996 *National Geographic* gives an estimate of 509,000 (“In Focus: The Fractured Caucasus”, p. 130).

² Iron, generally the more innovative of the two, is spoken by a large majority of Ossetes and provides the basis for the modern literary language.

³ For details on the use of the cases, cf. VOGT 1944, AXVLEDIANI 1963: 94–100, ABAEV 1964: 17–19, BAGAEV 1965: 141–43, 148–61, ISAEV 1966: 38–43.

⁴ Cf. EMMERICK 1968: 257–59. On the usage of the Waxī ending, cf. PAXALINA 1975: 43–45. The Khotanese and Pāmīr forms were first connected by TEDESCO (1926: 156, 160–61), who compared them with Ved. *a*-stem instr. *-ena*, now considered an Indo-Aryan innovation. Based on the gender differentiation of Munjī masc. *-an*, fem. *-in*, MORGENSTIERNE (1973b: 123) suggests that the Pāmīr endings continue masc. **-ana* and analogical fem. (originally *ī*-stem) **-īna*. – For another possibility, cf. BIELMEIER (1982: 63), who takes Oss. *-æñ* from PIr. gerunds in **-ana-*.

WEBER (1980: 130–31) also proposes that the pronominal allative, e.g., **amæ* “to this (one)” < PIr. dat. **ahmāi*. was reanalyzed as **a-mæ* with the stem **a-* of the nominative and genitive (cf. n. 9), and the new ending **-mæ* was generalized to nominal inflection; similarly, although less explicitly, BIELMEIER 1982: 63.

⁵ Cf. OP *Mačiya*- “in, of Maka”, *Ākaufačiya*- “inhabitant of Ākaufaka (Kohistan)”, with *-iya-* after short syllable vs. the expected Sievers’s Law reflexes of **-yo-*, e.g., *mṛš(i)yu-* < **mṛt-yu-* “death”, *martiya-* “human” < **mart-iy-* (Ved. *mṛtyú-*, *máriya-*; MAYRHOFER 1986: 161 n. 267). On the (largely non-Hittite) evidence for **-iyo-* in Anatolian, cf. MELCHERT 1990. As MAYRHOFER (1986: 161 n. 267, 165–66) observes, the basic meaning of this always disyllabic suffix (“in etwas befindlich, bei etwas”) favors a connection with the loc. ending **-i*, which is likewise always syllabic: **-i(y)o-* < loc. **-i-* + **-o-*, rather than (pre-)PIE **-iHo-*. MILLER (1903: 45–46) is agnostic as to the origin of iness. **-i*.

⁶ Elsewhere in Indo-European, adjectives have occasionally been reinterpreted as case endings: cf. Arm. gen./dat./abl. pl. *-c’*, generally derived from adjectival **(i)sko-* (Gr. *-ισκος*, Goth. *-isks*, OE *-isc*; cf. Luv. *-izza-*, Lyc. *-is(e)-* < **-i(s)ko-*; MELCHERT 1994: 234, 288 with refs.), e.g., *mardoc’* “of/to/from men” < ** “of men”* < **mṛtoško-* (for **mṛt-isko-*) “human, pertaining to man” to *mard* “human” < **mṛtó-* “mortal, human” (MEILLET 1936: 71–72, Godel 1975: 106). (The opposite reanalysis may underlie the Oss. adj. suffix *-on*, if from **-ānam* ← PIr. *a-* stem gen. pl. **-ānām*; cf. n. 15.) Nowhere, however, does a former adjectival suffix come to occupy so central a place in the case system as Miller alleges for pre-POss. **-i* < PIr. **-iya-*.

⁷ This methodological shortcoming is known to scholars of creole genesis as the “Cafeteria Principle”, i.e., the practice of attributing the origin of individual features of a given, say, English-based Caribbean creole to any possible English dialectal superstrate, or to any number of imaginable West African substrate languages (Arends et al. 1995: 100, 328).

⁸ Within Iranian, cf. obl. sg. Yidgha *-en*, Munjī *-an*, abl./gen. sg. Waxī *-ən* < instr. sg. **-anā* (see above and n. 4) or obl. pl. Yidgha *-əf*, Munjī *-af*, Waxī *-əv* < instr. pl. **-abiš* or **-aibiš* (TEDESCO 1926: 156–61, MORGENSTIERNE 1973b: 123, WEBER 1980: 132–33). Note also the MP obl. pl. *-ān* < gen. pl. **-ānām*, which marks agents, indirect objects, objects of prepositions, nouns in genitival relationship, and optionally direct objects (SUNDERMANN 1989: 154–55; cf. Skjærvø 1983). Elsewhere in IE, the transitional Torlak dialects of Serbo-Croatian spoken in the area of Prizren, Kosovo contrast two cases in the plural, “eine nominativische (zugleich auch *casus generalis*) und eine dativische (auf *-am*)” (cf. standard SC dat./instr./loc. pl. *-ma* < PSI. dat./instr. du. **-ma*, kajkavian pl. dat. *-m*, instr. *-mi*, loc. *-h* < PSI. **-mū*, **-mi*, **-xū*; Ivić 1958: 35). Cf. also the Romanian obl. (i.e., gen./dat.) pl. article *-lor* < Latin gen. pl. *illōrum* vs. nom./acc. *-i*, *-le* < Lat. nom. pl. *illī*, *illae*.

⁹ At least in nominal declension; pronouns appear to have maintained a three-way case opposition, preserved especially in Digor, e.g., D *ual* “so many”, gen. *ual-e-i*, all. *ual-e-mæ*, adess. *ual-e-bæl* vs. dat. *ual-em-æn*. abl. *ual-em-əj*. iness. *ual-em-i* (MILLER 1903: 53–54, ISAEV 1966: 57–62, WEBER 1980: 130–31, BIELMEIER 1982: 60–61, THORDARSON 1989a: 472–73). The distinctive pronominal suffix *-e-* (which disappears after vowels, e.g., D, I *a* “this” [I also *aj*], gen. *a-j*. all. *a-mæ*, adess. *a-bæl* [I *a-uyl*] vs. dat. *a-m-æn*, abl. *a-m-əj*, iness. *a-m-i* [I *am* “here”]), is almost certainly to be connected with the **-ai-* of PIr. pronominal pl. gen. **-ai-šām*, dat. **-ai-byah*, loc. **-ai-šu* (cf. GAV. *yaēšqam*, *yaēibiiō*, *yaēšū* to relative *ya-*); the stem in *-m-* must likewise continue PIr. pronominal case forms in **-hm-*, i.e., dat. **-hmāi*, abl.

*-hmāt, loc. *-hmi (cf. Av. *kahmāi*, *kahmāē*, *kahmi* to *ka-* “who?”), although I cannot follow WEBER (1980: 130–31) in deriving D *amæ*, *amæj*, *ami* directly from *ahmāi, *ahmahya (← *ahmāt with gen. *-ahya), *ahmi.

On the pronominal declension of numerals in Digor (e.g., *duuæ* “two”, gen. *duu-e-i*, dat. *duu-em-æn*, *be(u)ræ* “much”, pl. *ber-e-tæ* “many”), see n. 18. BAILEY (1956: 125–26) has noted the collective use of pronominal *-e-*, e.g., in *Uoræzmæg-e-tæ* “U. and the others, U. and his companions/kin” (Iron *Uyryzmæg-tæ*, with regular nominal *-tæ*).

¹⁰ The sg. forms most likely continue PIr. dat. *mai, *tai (GAv. *mōi*, *tōi*, YAv. *mē*, *tē*, OP *-maiṣy*), as acc. *mā, *θwā (Av. *mā*, *θβā*, OP *-mā*) would probably have given “ma”, “da”; cf. prohibitive neg. *ma* < PIr. *mā. The vowel *æ* may have spread to dat. pl. *nah, *wah (GAv. *nā*, *vā*, YAv. *nō*, *vō*; or acc. *nāh, *wāh [GAv. *nā*, *vā*]) – if these did not develop to *næ*, *uæ* by sound change – and *hi(n)š, the old acc. pl. of PIr. *ši- ~ *hi- < *si- (TESTEN 1496: 369). On the origin of 3sg. gen. D *æ(j)*, I *æj*, *jæ* and 3sg./pl. abl./iness. D *zi*, I *zy*, see TESTEN 1996: 363–68.

¹¹ This was already proposed by MILLER (1903: 44 with refs.), who however decided in favor of *o*-stem gen. sg. *-ahya as the source of *-æj*. I find unlikely Weber’s (1980: 136–37) attempt to derive the *-c-* of dat. D *mæxecæn*, I *mæxicæn*, abl. D *mæxecæj*, I *mæxicæj* of the reflexive pronoun, as well as 3sg./pl. abl./iness. D *zi*, I *zy*, from PIr. *hača; on the latter cf. TESTEN 1996: 366–68.

¹² Sequences of vowel + *r* count as heavy except when followed by a glide, and sequences of vowel + nasal count as heavy except when followed by a glide or *r* (on light stems such as *mry-* “bird”, *kyrm-* “snake”, *pwrn-* “full”, phonetically probably [mṛ̥γ-] or [mæ̃ṛ̥γ-], [kĩm-j], [pũn-], cf. GERSHEVITCH 1954: §§137, 485, SIMS-WILLIAMS 1984: 210). This pattern reflects the crosslinguistically typical sonority hierarchy of Sogdian sonorants: glides (/y/, /w/) > liquids (/r/) > nasals (/n/, /m/). Based on this distribution, SIMS-WILLIAMS (1984: 209–13) proposes that Sogdian had diphthongs of the type /Vr/ and /Vṛ̃/, respectively (phonetically something like [Væ̃] and [Vṛ̃] or [Vṛ̃]). As he observes (210), Avestan orthography inserts an anaptyctic *ə* after *r* except when followed by *y or *w (cf. HOFFMANN and FORSSMAN 1996: 51), thus matching the Sogdian distribution of heavy and light stems, e.g., *mar^əγā-* “forest” (Sogd. [mæ̃ṛ̥γ]) vs. *zaurvan-* “old age” (Sogd. fem, [zarw-]; 209 n. 23 with refs.). Simply put, *all* tauto-syllabic diphthongs consisting of vowel + sonorant counted as heavy in pre-Sogdian. so that the difference in placement of accent and subsequent evolution of, e.g., *már-γa, *pán-ja “five” vs. *za-rwá, *na-mrí “mild, meek (masc. nom. sg.)” is determined entirely by syllable structure, i.e., by the sonority hierarchy of the language.

Especially in Late Sogdian, rhotic and nasal diphthongs frequently lose their second component, which gives rise to hypercorrect spellings and even confusion between *r* and *n*: *w’crn* > *w’cn*, hypercorrect *w’rcn* “market”, *knθ* > *qθ* “city” (whence light *qθ-*, e.g. in C pl. *qθt’* [kaθ-tá]; see below), *xrš* ~ *xnš* “pull” (see below; GERSHEVITCH 1954: §§144–51, 333–46, 354–61). Cf. the parallel of English postvocalic /r/, e.g., *more* [moə] ~ [moə̃] (GERSHEVITCH 1954: §359, SIMS-WILLIAMS 1984: 210).

¹³ Not all of the forms given below actually appear; where unattested, they have been created on the pattern of other nouns of these classes. The light voc. endings *-e* (fem. sg.), *-te* (pl.) happen not to be attested with light stems, but are found with heavy stems (SIMS-WILLIAMS 1979: 338–39; cf. C pl. voc. *-ty* [-te] vs. obl. *-ty* [-ti]).

I follow SIMS-WILLIAMS (1982, 1989b) in denoting light stems with a following hyphen, hence light *ram-* vs. heavy *mēθ*; cf. also the forms in n. 12. On the fem. case endings, see n. 18; on the vowel preceding pl. **-tā*, see n. 40.

¹⁴ The most important exceptions are certain plurals in *-yšt* [-išt], obl. *-yšt-y* [-išt-i] to light stems denoting animate beings, e.g., *wyrk-yšt* “wolves”, *kwt-yšt* “dogs”, *βγ-yšt* “gods” (cf. Waxī *-išt*; TEDESCO 1926: 159 n. 2, SIMS-WILLIAMS 1979: 345 n. 71). Tedesco’s historical explanation (1926: 152–53) is ruled out by the heavy endings, which require stress on the suffix and hence pre-Sogd. long **-ī-*. SIMS-WILLIAMS (1979: 336–37, 344–46) is surely correct to analyze *-yšt* as OIr. nom. sg. **-īš* (sparsely attested in Avestan, cf. MAYRHOFER 1980: 134–39) + pl. **-tā-* (cf. *δρῦωšk-* “pupil, disciple” < nom. **driguš* + **-ka-*): thus *wyrkyšt* < **wṛkīš+tā*, *kwtyšt* < **kutīš+tā* to generalized *ī*-stem feminines *wyrk-*, *kwt-* (cf. Ved. *ṽṛkīh* “she-wolf” [on Old Norse *ylgr* cf. MAYRHOFER 1980: 131–32 n. 12], D *kuj*, I *k^yγž* “dog” [< **“bitch”*] < POss. **kud^y* < **kutī-*, Av. *sūnī-š* id.; SIMS-WILLIAMS 1979: 343–44, MAYRHOFER 1980: 137 with refs.).

For the rare pl. type of B *'kwtyh* [kut^yā] < **-yāh* (Ved. *devyāh*), C *qwtyy* [kut^yī] < **-yah* (Ved. *ṽṛkīyah*) and/or **-ayah* (*i*-stem, Av. *-aiiō*, Ved. *-ayah*), cf. SIMS-WILLIAMS 1979: 342–44, citing Gershevitch. – Note also archaic *-’[-a]* (e.g., *βγ’* [βγ-á] “gods” in the Ancient Letters) < PIr. **-ā* (< PIE coll. **-eh₂*, cf. GAv. *-ā*. Knot, *-a*; TEDESCO 1926: 109–10, 127, 131–32, HOFFMANN 1958: 13, EMMERICK 1968: 264, SIMS-WILLIAMS 1979:337, HOFFMANN and FORSSMAN 1996: 120) and gen. pl. B, M – *'n(w)* [-ān(u)] < **-ānam*, found in fossilized expressions such *βγ'n βγtm* [βγān βγtam] “most divine of gods, *devātideva*” (TEDESCO 1926: 97 [with art. *wyšn*], 110, SIMS-WILLIAMS 1979: 337; cf. n. 15 below).

On the derivation of Sogd. *-t'*, *-t* [-ta. t] from **-tā*, cf. TEDESCO 1926: 151, BENVENISTE 1929: 79, BAILEY 1945: 25; for earlier views, cf. MILLER 1903: 41–42. – On the treatment of **ī* in *žwān* < **jīwān-ā*, cf. n. 26.

¹⁵ As SIMS-WILLIAMS (1984: 204–5) emphasizes, proof that stress is the conditioning factor in these developments comes from 1) unstressed (clitic) forms of light stems, e.g., voc. *βαγ* “god!” < unstressed **baga* vs. voc. *βαγά* < **bagá*, copula *ast* < unstressed **astí* vs. (*a*)*stí* < **astí*, *δas* “ten” < unstressed **dasa* vs. *δasá* < **dasá*, postposition *-č* “from” < **-ača* < PIr. **(h)ača*, enclitic pron. 2sg. *-f* < **-fa* < PIr. **-θwā*; 2) aphaeresis of unstressed initial vowels in light stems, e.g., [stí] (C *sty*) < [astí] (B, M *'sty*) “is”, [nyu] (C *nyw*) < [anyú] (B, M *'nyw*) “other” (masc. acc. sg.); and 3) “prothetic aleph” (i.e., schwa) before initial consonant clusters which have arisen by syncope of an unstressed short vowel, e.g., [əβží] (B *'βzy*) < [βeží] (B *βzy-*, M *βyj-*) “evil” < **bazdyáh* (SIMS-WILLIAMS 1981b: 12).

The various *Auslautgesetzte* for Sogdian stressed endings after light stems may be read off from the paradigms above: **-a*, **-ā* > *-a* (voc. *ramá*, abl. *ramá*, nom. *waná*, *wanlá*), **-ah* > *-*

i (nom. *rami*), *-am > -u (acc. *ramú*). Wordfinal *-ām > *-a, e.g., in light-stem acc. pl. -t' [-tá] (never “-tw” [-tú]), acc. sg. fem. -' [-á] (occasional -w [-ú] is taken over from the masc.), cf. pronominal w' m' < *awām, *imām (SIMS-WILLIAMS 1981b: 15 n. 16, contra GERSHEVITCH 1954: §350, KLINGENSCHMITT 1972: 97–98). Gen. pl. B, M -'n(w) [-ān(u)] < *-ānam (cf. n. 14) has been secondarily shortened from PIr. and PInlr. *-ānām: this shortening, like that in ā-stem case endings (cf. n. 18), may be an East Iranian isogloss, cf. OKhot. -ānu < *-ānam (instead of “-āno” < *-ānām; EMMERICK 1968: 266), Oss. adj. suffix -on (< *-ānam? cf. n. 6).

¹⁶ Similarly, unstressed *wa, *wā becomes ū: (a)đú “two” < unstressed *duwā vs. (a)đwā < *duwā. nū “nine” < unstressed *nawa vs. nwā < *nawā (SIMS-WILLIAMS 1984: 205 n. 7).

Earlier studies assumed that unstressed word-final *-ya > *-θ and so were forced to explain heavy-stem obl. -ī as an extension of light-stem masc. gen. sg. -y (TEDESCO 1926: 123, GERSHEVITCH 1954: §1167). As SIMS-WILLIAMS (1982: 71–72) has observed, however, the vowel pointing of Christian manuscripts indicates that the latter is actually -y, i.e., [-ē], whereas the heavy-stem oblique ending is -y [-ī] (on the use of the points cf. SIMS-WILLIAMS 1979: 338–39 n. 18); Tedesco’s attempt to circumvent this difficulty is not convincing.

¹⁷ The ordering of (3), (4) and (5) was established by SIMS-WILLIAMS (1989b: 182). The *Auslautgesetze* in (1) can have taken place at any point before the contraction in (4), which produced, e.g., masc. *aka-stem nom. sg. -ē < *-a'i < *-akah, acc. -ō < *-a'u < *-akam (preserved in C2; 184); probably *-ā(h) > *-a preceded the reduction of unstressed *-ya > *-ī (3) as well.

¹⁸ Masc. gen. sg. *-ahya probably likewise developed to *-aya > *-ya > -ī. – The preforms for ā-stem gen./dat. *-ayāh, loc. *-ayā, abl./instr. *-aya(h) find their counterparts in GAv. gen. -aiiā, dat. -aiiāi, YAv. loc. -aiia and Khot. gen./dat., abl./instr. -īe < *-ayāh, loc. -īa < *-ayā (ī denotes palatalization of a preceding vowel; contra EMMERICK 1968: 274, 276). The short vowel of these endings is probably an East Iranian dialectal feature (cf. Ved. gen./abl. -āyās, loc. -āyām), perhaps generalized from instr. *-āyā (GAv. Ved. -ayā; contrast OP instr., gen./abl., loc. -āyā, with the opposite leveling); cf. TEDESCO 1926: 140–41, HOFFMANN 1958: 13, HOFFMANN and FORSSMAN 1996: 58. – Note that BAILEY (1945: 25) already supposed that pl. gen. D -ti, I -ty continues PIr. *-tayāh, and thus that Oss. -tæ, like Sogd. -t', -t, derives from *-tā.

The “numerative” or counting form in D -i, I -y found after numerals, e.g., D *cuppar bæx-i*, I *cuppar bæx-y* “four horses” (MILLER 1903: 47, ABAEV 1964: 22, ISAEV 1966: 51–52; cf. Yaghnōbī *panč odám-i* “five people”, XROMOV 1972: 21–22), probably has a different origin; it cannot continue PIr. athematic nom. pl. *-ah > pre-POss. *-i (contra BIELMEIER 1982: 59, 65, THORDARSON 1989a: 468), which should have disappeared in both dialects (cf. sections 1, 4.1, 4.2 (2a)). SIMS-WILLIAMS (1979: 339–42) has convincingly derived the Sogdian numerative of light stems from the PIr. dual (masc. -' [-á] < PIr. *-ā [Av. -ā], fem./neut. -y, -yh, -yy [-é] < PIr. *-ai [Av. -ē], neut. obl. -y' [-yá] < PIr. gen. du. *-ayāh [Av. -ayā]), comparing the Bulgaro-Macedonian *brojna forma* in -a of masc. nouns, e.g., *déset bilét-a* “ten tickets” (< PSI. o-stem masc. nom./acc. du. *-a; cf. Russian and Serbo-Croatian, where -a is confined to

use with 2, 3, 4). Oss. *-i/-y* may likewise continue the dual only if the fem./neut. ending was generalized to all nouns (PIr. **-ā* should have given POss. **-æ > D -æ, I -Ø*) and word-final **-ai > POss. *-i* in polysyllables. At present I prefer to treat numerative *-i/-y* as the ordinary genitive: hence POss. **cuppār bæx-i*, literally “four of horse” (cf. AXVLEDIANI 1963: 96). Cf. the use of the gen. pl. with the numerals 5–20 (25–30. etc.) in Slavic, e.g., Russ. *pʹjatʹ knig* “five books”, lit. “five of books”, SC *dvádesēt dīnārā* “twenty dinars”.

In oblique cases, the quantified noun takes pronominal endings in Digor, e.g., gen. *avd bæx-e-i ~ bæx-i*, dat. *avd bæx-em-æn* “of, to/for (the) seven horses” (MILLER 1903: 49, ISAEV 1966: 50–51; replaced by nominal endings in Iron *avd bæx-y, -æn*); cf. Serbo-Croatian, where the higher numerals (and in the colloquial language, also “2”, “3”, “4”) have become uninflected, e.g. *o sèdam kònjima* (loc. pl.) vs. Russ. *o semí (loc.) konjác* (loc. pl.) “about (the) seven horses”. When used by themselves, Digor numerals also follow pronominal inflection, e.g., dat. *avd-em-æn* “to/for (the) seven”. Cf. the spread of pronominal inflection in Slavic numerals: from “1” and “2” in PSI. to “3” and “4” (Russ. gen. *trëx, četyrëx*, like *dvux*) and higher (Ukrainian *pʹjatʹ* “5”, gen. *pʹjatý* or pron. *pʹjatʹóx*. Slovene *pět*, gen. *pét-ih*, dat. *pét-im*). On the prehistory of Ossetic pronominal inflection, cf. n. 9.

¹⁹ Interestingly, Yaghnōbī appears to descend from a dialect of Sogdian which did not undergo the Rhythmic Law; cf. SIMS-WILLIAMS 1982: 76 n. 7, Bielmeier 1989b: 480 n. 1 with refs. SIMS-WILLIAMS (personal communication) suggests that pre-Yaghnōbī therefore had no stressed nominal endings corresponding to those of light stems in (literary) Sogdian, so that obl. *-i < *-ī < *-yā(h)* arose by sound change in the gen./dat., loc., and abl./instr. of all *ā*-stems (including plurals in **-tā*) and the loc. of all *a*-stems, then spread to the other *a*-stem obl. case functions: but cf. n. 56. (Otherwise TEDESCO [1926: 120–25], who proceeds from the assumption that heavy-stem nouns were originally uninflected; cf. n. 16 above.)

²⁰ ISAEV (1954: 230ff.) has posited a distinctively long vowel /ī/ for Digor, based on minimal pairs such as *dīn* “religion” (← Arabic) vs. *din* “you (dat. sg. clitic)”, *æxsīnæ* “mistress” vs. opt. 1sg. *æxsīnæ* “I would shoot”. Aside from (relatively) recent borrowings, for which I have no phonetic evidence for a contrast with short *i*, *ī* appears only before *n* in sequences of **-ainy- > *-iny-* (cf. n. 44) *> POss. *-ijn- > D īn, I in*. Cf. the following examples:

PIr. **abi-šaiθnī* → **abišai(θ)nyā > *avišinya > POss. *æfsijnæ > D æfsijnæ, I æfsin* “landlady, mother-in-law, housewife, hostess” (cf. Av. *aiβi-šaētan-* “inhabitant (of a house)”; ABAEV 1958: 110, BENVENISTE 1959: 19–20, ISAEV 1980);

PIr. **xšaiθnī* → **xšai(θ)nyā > *xšinya > POss. *(æ)xsijnæ > D æxsijnæ, I æxsin* “lady, mistress”, cf. Tzetzes *χσιβά* (Av. *xšōiθnī-*, fem, of *xšaētan-* “bright, radiant, splendid”; BENVENISTE 1959: 18–20, ABAEV 1989: 236);

PIr. **axšaina-* “dark-colored” → **axšainyakah > *axšinyagi > POss. *æxsijnæg > D æxsinæg, I æxsinæg* “wild dove, pigeon” (cf. n. 58);

PIr. **kainā* → **kainyā (?) > *kinya > POss. *kijnæ > D kijnæ* “reward, revenge” (alongside *kenæ?*; cf. ABAEV 1958: 596).

TESTEN (1997: 724–25) points out that D *ī* appears in environments where one would expect /ij/ on morphological or historical grounds: nouns and adjectives formed with the suffix *-yāka-, e.g., *adgīnag* “sweetness” to *adgin* “sweet” (cf. *bazajrag* “bazaar (adj.)” to *bazar* “bazaar”, *x^wærujnag* “food” to *x^warun* “eat”), or *fi* [I fynʒ] “nose” < *finj < POss. *find^y (cf. D. *insæj*, I *ssæz* “twenty” < POss. *insæd^y < PIr. *winsati). (Similarly, 1 *i* represents underlying tautosyllabic /yj/ in *adžīnag* ← *adžyn*; *xærinag* ← *xæryn*, *bydirag* “steppe (adj.)” ← *bydyr* “steppe”; cf. ABAEV 1964: 5, BAGAEV 1965: 37.) As far as the native vocabulary is concerned, then, D [ī] appears to be phonemically /ij/, and will henceforth be written *ij*.

²¹ Cf. ABAEV 1924: 154–55, 1964: 10–11, AXVLEDIANI 1963: 49–56, BAGAEV 1965: 62–68, ISAEV 1966: 26, THORDARSON 1989a: 466, TESTEN 1997: 728–29. For detailed discussion and examples of the various types of prosodic units in Iron, I refer the reader to ABAEV 1939.

²² First described in ABAEV 1924: 152–53; cf. AXVLEDIANI 1963: 49–51, ABAEV 1964: II, BAGAEV 1965: 57–60, THORDARSON 1989a: 466, TESTEN 1997: 727–28. This pattern may be represented metrically as an iamb constructed at the left edge of the phrase, with strong and weak vowels treated as long and short, respectively: hence either (\bar{v}) or (\check{v} \check{v}) (HAYES 1995: 261). Note that Iron Ossetic belongs to those languages in which coda consonants, including geminates, do not count for syllabic weight, and long (i.e., strong) vowels are permitted in closed syllables (HAYES 1995: 302–3).

²³ ABAEV (1924: 155, 1939: 97) provides a striking accentual minimal pair in which the constituent structure determines the grouping of words into prosodic units: *bæx né | qæwý | máx* “We need a horse”, lit. “horse 1pl.gen.clitic is-needed 1pl.gen.”, vs. *báx | næ qáewý | máx* “We don’t need a horse”, lit. “horse not is-needed 1 pl.gen.”.

²⁴ Interestingly, this system almost exactly matches Abaev’s (1924: 153–54) brief description of Digor stress: “[e]sli valentnogo glasnogo net ni v 1-m, ni vo 2-m sloge, no on est’ v kakom libo iz sledujuščix, digorskoe udarenie možet perejti zavetnyj dlja ironskogo rubež i upast’ na bližajšij ot vtorogo valentnyj slog, 3-j, 4-j i dalee”. However, Abaev does not specify the position of stress in words or accentual complexes containing only weak vowels, and the only example he gives is *fudæbón* “suffering”, with stress on the strong vowel in the third and final syllable.

²⁵ I omit the PIr. long diphthongs *āi, *āu, for which there are no clear examples in Ossetic.

²⁶ This development need not reflect the POss. placement of stress (contra THORDARSON 1990: 259–63), but rather appears to depend solely on the contrast of *aC]_σ and *aCC]_σ (the latter in practice only in word-final position) in pre-POss.: cf. D *γar(m)*, I *qarm* “warm” < POss. *γarm < *γærm vs. D *wærmæ*, I *wærm* “pit” < POss. *wærmæ (TESTEN 1997:721 n. 16). The more complicated formulations of BIELNIEIER (1977: 29–30) and THORDARSON (1989a: 459–60), which depend on morpheme boundaries, are unnecessary in the absence of secure examples of non-final PIr. *(-)aCC- > POss. *(-)aCC-; the only possible case I have found is D *arcæ*, I *arc* “spear”, if from POss. *arcæ < *arštyā (?) ← PIr. *ḡšti- (Av. *aršti-*, Ved. *ḡṣṭi-*;

ABAEV 1958: 60), but the *-æ* in Digor need not be old (cf. n. 32 [end]). The vocalism of Iron *wærm* and similar forms thus reveals the former presence of a word-final **-æ*, preserved in Digor. On grammatical alternations between *a* (*o* before nasal) and *æ* in plurals and compounds, cf. section 4.2 (9).

It is worth noting that at least some cases of pre-Sogdian **ī* have been shortened and/or are treated as light, e.g., *šīr-* “good” < **srīra-* (cf. Khot. *śśāra-*; SIMS-WILLIAMS 1984: 206), *žw-* “live”, *žwān* “life” < **jīwa-*, **jīwāna-* (SIMS-WILLIAMS 1982: 68, cf. section 2 above; cf. Av. *jūua-* vs. OP *jīva-*, HENNING 1942: 50), although the latter may be parallel to secondarily shortened **ā* before **y*, **w*, e.g., *sāyāk* “shade” < **sāyākā-* ← PIr. **sāyā-* (cf. Av. *a-saiia-* vs. *MPsāyag*, Ved. *chāyā*; GERSHEVITCH 1954: §124, SIMS-WILLIAMS 1984: 206).

²⁷ Here and below I assume that (pre-)POss. still possessed palato-alveolar **č*, **ž*, **ž'* for modern *c*, *z*, *z'*, as in early nineteenth-century South Ossetic dialects (preserved today after *n* and in geminates; ABAEV 1049: 496-97, THORDARSON 1989a: 463, 1989b; cf. FRITZ 1986: 251ff.). – BIELMEIER (1977: 13-14) reports that Aleksandr Bjazyrty, in an article in *Soveton Iryston* in 1968, reads the last three words as ΛΑΚΑΝΗ ΤΖΗΡΘΕ, so that the tomb would contain the grave of only one man, namely *Lagan*, rather than four men according to the interpretation given here.

²⁸ The other possibility is that the reflex of **-ah* had already fallen, but *-E* continued to be written by orthographic convention, parallel to the retention of silent word-final *Ъ* in Russian (until 1918) and Bulgarian (until 1945). Given the total lack of evidence for an established medieval Ossetic scribal tradition in the Greek or any other alphabet, it seems more likely that *-E* denotes a real vowel, either [i] or a reduced [ī] (cf. section 4.2 (2a), (8)).

²⁹ For syntactic objections to Bielmeier’s (1993: 16ff.) analysis of the second line, cf. TESTEN 1994: 315 n. 17.

³⁰ Cf. also *daban horz* in the 1422 word list from the Jász (Lat. *Jazōnēs*; cf. Ἰάζυρες, name of a Sarmatian tribe) in Hungary, who were speaking a language very similar to Ossetic as late as the fifteenth century; if their ancestors fled from the Mongol invasion of 1239 (along with the Turkic-speaking Cumans), as generally believed (NÉMETH 1959: 5–6 with refs.), the dialect of Alanic-Ossetic from which the language of the word list is descended had not yet undergone the change of **a* > **o* before nasal: cf. also *dan* “water” vs. Oss. *don* (NÉMETH 1959: 30–31). On the basis of Jász *kuraynu* “millstone” (D *kurojnæ*, I *k^wyroj*), GERSHEVITCH (1960: 595–96) proposes that **a* was also rounded before *yn*, metathesized from **ny*, but it seems more likely that the diphthongs of Jász and Ossetic are parallel developments of an earlier **kuran^ya* (cf. Av. *ainiu-* “other” < PIr. **anya-* or Gr. βαίνω “come” < **bany^e/o-* < **bamy^e/o-* < PIE **g^wm-y^e/o-* and see section 4.2 (4) on *i*-umlaut in pre-POss.), in which case **a* > **o* before any nasal: **n*, **m*, or **n^y*. – As BIELMEIER (1989a: 242) observes, “[d]iese junge lauthistorische Differenz ist somit das klarste zur Verfügung stehende Kriterium zur Trennung des Ossetischen bzw. Altossetischen vom Sarmatisch-Alanischen”.

³¹ The *-i* of κίτριτι “bride, daughter-in-law” (D *kinzæ*, I *čynz* < POss. **kinžæ* < **kainiča* < **kanikā*; cf. section 4.2 (4)) need not denote a raised and fronted pronunciation of **æ* after

the palato-alveolar affricate *ʒ, but instead is probably to be identified with the *ezāfe* *-i preserved in D *mad-i zæronð*, I *mad-y zæronð* “old mother” (BIELMEIER 1993: 7, TESTEN 1994: 314–15; cf. section 4.2 (7)): hence *kinž-i mæ-sfili “bride of my *sfili*”.

Note that the placement of accent does not always conform to the predictions of section 3: cf. χσινῶ, κίντζι vs. D *æxsijnæ*, *kinžé*. Considering that Tzetzes is unlikely to have had complete command of twelfth-century Alanic-Ossetic, and that his purpose here is merely to give an approximate rendering of two lines of (earthy) conversation, it would be unwise to place undue weight on the evidence of these markings.

³² Preserved in the language of the Jász word list as *-a* (NÉMETH 1959: 28–29): *basa* “soup” (D *basæ*, I *has*), *sana* “wine” (D *sænæ*, I *sæn*) vs. *dan* “water” (D, I *don*; cf. n. 30), *bah* “horse” (D, I *bæx*), *fus* “sheep” (D *fus*, I *fys*). BAILEY (1957: 52) proposes that the distinction between pre-POss. *-i < *-ah (for which he compares Khot. *-ā*, *-i*; on the more immediate connection with pre-Sogd. *-i, cf. section 4.2 (2a)) and *-a < *-ā is reflected in nouns in D *u*, I *-y* < POss. *-u < *-wi < *-wah vs. D *-wæ*, I *-u* < POss. *-wæ < *-wa < *-wā, but most of his examples are of non-Iranian origin and/or obscure prehistory: cf. ABAEV 1958: 465 (D *fætk’u*, I *fætk’u* ‘y’ “apple”: “proisxoždenie ne izvestno”), 1979: 161–62 (D *st’alu*, I *st’aly* “star” < POss. **stalu* ← **stali* < **stārya*-?), 196–97 (D *sulu*, I *suly* “whey” ← Turkic), 1973: 267–68 (D *qar(w)æ*, I *qaru* “ability, energy” ← Turkic). D *zær(w)æ* [I *zær*] “old age” does however appear to continue *-wā, cf. Sogd. *zrw̄h* (BAILEY 1945: 35). In any case, PIr. *-yah > *-yi > POss. *-i > D *-i*, I *-y* in D *x’ali*, I *xoly* “carcass, carrion” < **hwārya*- (to **hwar*- “eat”) and D *dæsni*, I *dæsny* “skilled, expert” < **dašinya*- (Av. *dašina*- “right, proper”; THORDARSON 1989a: 459).

The few Iron nominals ending in *-æ* are generally taken to reflect earlier *-aya-, e.g., D, I *zærdæ* “heart” < **zṛdaya*- (cf. Av. *zərədaēm*, Ved. *hṛdayam*; MILLER 1903: 32), D, I *arfæ* “thanks” < **āfraya*- (ABAEV 1958: 64, THORDARSON 1989a: 459). I *dyuuæ*, i.e., *dywæ* [D *duuæ*, i.e., *duwæ*] “two” < PIr. masc. nom./acc. **d(u)wā* may have retained its vowel in phrase-internal position (cf. French *six* [sis], *sept* [set], *huit* [ɥit], *dix* [dis], which did not undergo the late medieval loss of word-final *t*, *s*); for another possibility, see n. 48 (end). Note that so-called “secondary” D *-æ*, e.g., in *sædæ* “100” [I *sæd*], *arcæ* “spear” [I *arc*] (BIELMEIER 1977: 45), does not appear to be a regular phonological development: contra Fortunatov (cited in MILLER 1903: 16), the *-æ* of *sædæ* probably does not continue PIr. *-ām.

³³ Umlaut of vowels by a following *i or *y has been well documented; cf. GERSHEVITCH 1954: §§181–201, 432–34, SIMS-WILLIAMS 1989b: 180–81. For *u*-umlaut, cf. CSogd. spellings of thematized (*a*- and *ā*-stem) forms of Olr. *u*-stem nouns: nom. *mwy-y*, acc. *mwy-w* (muy-í, ú) “magus”, masc. nom. *žwy-y*, fem. nom./acc. *žwy-* [žuy-í. -á] “harsh, cruel” (SIMS-WILLIAMS 1985: 197–98; cf. gen. *wd-y*’ [wuð-yá] “wife” for *wwdy*’*). The consistent spelling of these stems with *w* points to *u*-like vocalism, which must have resulted from *u*-umlaut in, e.g., **mayu*- > **muy*- or **moy*- (classified as “metathesis” by GERSHEVITCH 1954: §406ff., who however notes that “one may consider the cases of ... regressive metathesis as examples of *u* (*w*) producing umlaut before dropping, similar to those where *y* was lost after palatalizing pre-ceding vowels” [§4061]). The absence of *w* in older *u*-stem forms such as nom. *myw* (alongside *mwyw*),

masc. acc. *žyw* may mean that this *u*-coloring or umlaut was automatic (i.e., phonologically predictable) before a following **u*; cf. the non-indication of *i*-umlaut in Old High German, e.g., *furi* (modern *für* “for”) or preterite subjunctives such as 1, 3sg. *nâmi*, *fuori* (modern *nâhme*, *führe* to *nehmen* “take”, *fahren* “go, travel”; BRAUNE and EGGERS 1975: 54–55). – Note that diphthongization of **a* > **au* > **ō* by a following **w*, in contrast to umlaut by **u*, must have preceded the Rhythmic Law: cf. the heavy stems *twx* [tōx] “swift” < **taux-* < **taxw-*, *zwb* [žōf] “jaws” < **zauf-* < **zafw-* (SIMS-WILLIAMS 1984: 209, 1985: 115 with refs.), for which one may of course compare Avestan spellings such as *hauruua-* “whole” < **harwā-*, GA.v. *paouruiia-* “first” < **parwiya-* (HOFFMANN and FORSSMAN 1996: 51–52).

The pre-Sogd. syncope of unstressed vowels *prior* to the Rhythmic Law (SIMS-WILLIAMS 1989b: 181) may have had parallels in pre-POss., although I know of now definitive evidence. The syncope in D, I *ærzæ* “large number, myriad” < **azra-* < P.Ir. **hazahra-* “1000” (Av. *hazaŋəm*) and D *xæfsæ*, I *xæfs* “frog” < **kašpa* < P.Ir. **kasyapa-* (Av. *kasyapa-* “tortoise”), which ABAEV (1958: 187, 1989: 162–63) takes to reflect initial-stressed **háahra-*, **kásiiapa-*, could also result from **hazahrá-*, **kasyapá-*, with final stress by the Rhythmic Law. On the other hand, the divergent development of **abi-* in the verb **abi-θanj-* > **aiβi-* > **ev-* > POss. **evtinžun* > D *ievtinžun*, I *ivtynžyn* “harness, load” (ABAEV 1958: 556, BIELMEIER 1981: 29) vs. nominal **abi-šaiθnī-* > **aβi-* > **æv-* > POss. **æfsijnæ* > D *æfsijnæ*, I *æfsin* “landlady, mother-in-law” (cf. n. 20) might in some way reflect the earlier, inherited placement of stress. Cf. Sogd. B *zr'ync*, M, C *zrync* [zrinč] “save, deliver” < **uz-rínčaya-* with aphaeresis vs. B *wzγ'm* [uzγám] “absolutely” < **úz-gāmam* with initial vowel preserved, or B *prβ'yr*, M *prβyr*, C *prbyr* [parβér] “explain” < **pari-bāraya-* vs. B *pyrδnn* [perδán] “saddle” < **pári-dāna-*, with palatalization in each case of the originally stressed vowel (SIMS-WILLIAMS 1989b: 181, also comparing Manichaean MP proverb 'b- [(ə)b-] < **upa-* vs. 'wbd'r [ubdār] “crucified” < **úpa-dāru-*).

³⁴ Cf. also SIMS-WILLIAMS 1979: 345. Similarly, **b* < P.Ir. **p* has been preserved word-initially in the preverb *ba-* (= German “hinein-”, e.g., D *ba-caeun*, I *ba-caeun* “go in, hineingehen”; cf. also D *bad-un*, I *bad-yn* “be sitting, staying” < **upa-had-*; MILLER 1903: 82, THORDARSON 1981: 258 with refs.) and the Digor adess. suffix *-bael* [I *-yl*, *a-uyl*] < **upari* (originally a postposition, later univerted), whereas elsewhere it has become the fricative *v*, e.g., in D *ærvadae*, I *ærvad* “relative, brother” < **brātā*, D *æxsævae*, I *æxsæv* “night” < **xšapā* (MILLER 1903: 33–34, THORDARSON 1989a: 464).

³⁵ At least as a productive rule, or a surface constraint against intervocalic voiceless stops and affricates. As David Testen reminds me, the initial consonant (excluding sibilants) of the second member of a nominal compound is regularly voiced, resulting in alternations of *f* ~ *v*, *t* ~ *d*, *c* ~ *z*, *k* ~ *g* (*x* ~ *γ*): cf. D, I *ræst-vændag* “whose way is straight” ← *rast* “straight” + *fændag* “way, path” (cf. section 4.2 (9) on weakening of *a* to *æ*), D, I *æ-das* “safe” ← *æ-* “not” + *tas* “danger”, I *æm-zæryn* “roommate” ← *æm-* “with” + *cæryn* “live”, D, I *bæx-zarm* “horse-hide” ← *bæx* “horse” + *carm* “skin, hide”, D *xu-gæs*, I *x^wy-gæs* “swineherd” ← D *xu*, I *x^wy* “pig, swine” + *kæs-* “look, watch”, D *sæ-γæccæ* “with them” ← *sæ* “them” + postpos. *xæccæ* “with”

(AXVLEDIANI 1963: 123, ABAEV 1964: 8, 119, BAGAEV 1965: 49–50. THORDARSON 1989a: 464, 467, TESTEN 1997: 709–11). This voicing dates back to pre-POss., when the affected consonant was intervocalic (before syncope of the connecting vowel *-a-; cf. section 4.2 (6)). It remains largely, although not entirely, productive in the contemporary language: for exceptions, cf. AXVLEDIANI 1963: 123, BAGAEV 1965: 50.

Note that Sogdian, which shares this plural suffix with Ossetic, does not exhibit voicing of intervocalic and post vocalic *p*, *t*, *č*, *k* until the latest texts, e.g., 'b [āb] “water” in the manuscript C14 vs. B, M 'p, C 'p [āp] (SIMS-WILLIAMS 1989b: 178–79).

³⁶ Or to a thematized preform in sg. *-arah, e.g., *pitarah > *fidari? But this is highly unlikely, given the survival of the old *r*-stem nom. sg. down into modern Ossetic: cf. immediately below. For another possibility, see n. 40. – The origin of geminate *dd* in Digor is unclear to me: perhaps *fiddæltæ* ← *fidælttæ, etc. by metathesis?

³⁷ Synchronically, these nouns may be analyzed as taking the pl. suffix *-æltæ*. This extended suffix is optionally found in D *nostæ* “daughter-in-law”, D *uosæ*, I *us* “wife”, i.e., *nostæltæ*, *uostæltæ/ustæltæ* (alongside *nostitæ*, *uostitæ/ustytæ*, MILLER 1903: 41). In certain Digor dialects, particularly those spoken across the border in Kabardino-Balkaria, other nouns may also form their plurals in this manner (e.g., *zurd* “word”, pl. *zurddæltæ* or *zurddtitæ*, AXVLEDIANI 1963: 83, BAGAEV 1965: 135, ISAEV 1966: 36); not surprisingly, all the examples cited by these scholars are to stems ending in a dental consonant, like the original models “father”, “mother”, and “brother”.

BIELMEIER'S (1982: 58–60, 66) claim that D *fidæ*, I *fyd* reflects PIr. *pitā, whereas the residual Iron voc. *fydæl*, attested in nineteenth-century translations of the Bible, goes back to a remade *o*-stem nom. *pitar-i < *pitar-ah, contradicts what one would expect by Kuryłowicz's fourth law of analogy. Amazingly, I *fydæl* appears to be a survival of PIr. voc. *pitar. with *-l* by analogy to pl. *fidali – if it is not merely obl. *fidal(-i) ← *pitar- itself, which has been replaced in other functions by *fid-i > D *fid-i*, I *fyd-y*, with the nom. stem *fid- (cf. MP *brād* < *brātā vs. obl. *brādar*, SIMS-WILLIAMS 1981a: 166–70, SKJÆRVØ 1983: 176–77, SUNDERMANN 1989: 155). For a similar case, cf. Manichaean MP *pyd* “father!”, *pydr-wm* “my father!” < *pitar, *pitar-mai (SIMS-WILLIAMS 1981a: 170). As for D, I *madæl* “female”, D *ærvadæl* “relative”, formally they could continue the old obl. or have been backformed to the plural (so ABAEV 1973: 63 s.v. *madæl*), but their semantics point rather to derived adjectives in *-ya-: *mātar-ya-, *brātar-ya- > POss. *madæl, *ærvadæl (BIELMEIER 1982: 66; cf. *næl* “male” < *nar-ya-).

³⁸ The various Iranian names in Greek inscriptions from the north coast of the Black Sea (MILLER 1903: 5–7, ZGUSTA 1955: 59–172; for additional refs. cf. BIELMEIER 1989a) are of no help in fixing an absolute chronology for this change, since they have almost certainly been influenced by the morphology of Greek: hence the high proportion of forms ending in -OΣ and -HΣ. Moreover, one finds masculine names in -AΣ, -EΙΣ, -HΣ, -OΣ, and -OYΣ, in no apparent relation to the various OIr. stem classes: cf. Φιδας, Πιδος, Πιδεις for *pidā, *fidā “father” or Πιδανος, Φιδανους for *a*-stem *pidāna-, *fidāna- (ZGUSTA 1955: 161–63, BIELMEIER 1989a:

242; the latter names contain the patronymic/ethnic suffix *-āna-, Oss. *-on* [← gen. pl. *-ānām? cf. nn. 6, 15]).

If *-ah did become pre-POss. *-i, it is worth considering the possibility that the ancient tribal names *Μασσαγέ-ται* and *Σαρμά-ται* were collective plurals in *-tā (represented in Greek as *-ται*: MILLER 1903: 42) to masc. *Masag-i and fem. *Sarm-a (or sim.), respectively. – Note that Iranian *a*-stem nouns in *-rah > *-ri, which should have given Oss. *-l*, have apparently restored *r from other case forms.

³⁹ The connecting *-u- in I *mæsg^wytæ* < *mæsgutæ probably results from assimilation of *i to the suffixal vowel, rather than metathesis (cf. TESTEN 1997: 702); *mæslugi-tæ > *mæslugutæ > POss. *mæsg-u-tæ, parallel to *kosægi-tæ > POss. *kosg-i-tæ. Digor has extended this *u to the pl. of all nouns in *-æg*, *-ug*, hence *kosgutæ* for expected “*kosgitæ*” corresponding to I *kus žytæ*.

Preterite participles in *-Cd* form their plurals by simply suffixing *-tæ* or with gemination + D *-itæ*, I *-ytæ*, e.g., *mard* “dead”, pl. *mærdtæ* or D *mardtītæ*, I *mærdtytæ* (ABAEV 1964: 15, BAGAEV 1965: 195, ISAEV 1966: 35). Certain loanwords from Russian into literary Ossetic may also take plurals in *-ytæ* with palatalization of a stem-final velar, e.g., *uročytæ* to *urok* “lesson” (TESTEN 1997: 720 n. 15).

⁴⁰ I cautiously suggest that the suffixation of *-tā to the nom. sg. – or, if *ākā-stem pl. *-ēt* continues *-āk-i-tā, generalized masc. *-i < *-ah – was not confined to contracted stems alone, but also applied to *a*- and *ā*-stems. e.g., nom. pl. *ram-i-tā, *māiθ-i-tā, *wan-i-tā, *jiwān-i-tā. Because this vowel was always unstressed (being neither long nor in a final syllable), it was lost by syncope, producing the forms *ram-tá*, *mēθ-t*, *wan-tá*, *žwān-t* in section 2 above; only in *aka- and *ākā-stems did *-i- indirectly survive in the pl., through loss of *k and contraction of *-āi- > *-ē*-. – The generalization of “linking” *-i- may have been a common innovation of Sogdian and Ossetic, but could easily have occurred independently in the two languages.

In connection with the PIr. *r*-stems discussed at the beginning of this heading, note that POss. *fidæltæ “fathers” < *fidal-i-ta < *fidar-i-tā could have replaced earlier *fidar-tā, with *-tā suffixed to the obl. stem *fidar; sim. for *madæltæ, *ærvadæltæ. The syncopated *-i- in these pls. may thus either be the generalized “linking vowel” (< PIr. *o*-stem nom. sg. *-ah) or continue consonant-stem nom. pl. *-ah, as argued above; cf. BIELMEIER (1982: 65, 66), who however assumes that archaic I voc. *fydæl* < thematized *pitar-ah, on which see n. 37. Thanks to Nicholas Sims-Williams for bringing this point to my attention.

⁴¹ MILLER (1903: 71–72) and GERSHEVITCH (1998: 146–47) derive the opt. endings from thematic *-ai-ša, *-ai-ta and athematic *-ī-ša, *-ī-ta, respectively; both assume “long *ī*” as the Digor stem vowel, but this cannot continue either PIr. *-ai- (> D *e*) or *-ī- (> D *i*). According to ISAEV (1954: 230), the opt. stem vowels in the two dialects are “normal” D *i* and I *i*, hence do not correspond etymologically. Taken in isolation, D *i* could continue athem. * *-ī-*, which merges with *-i- as POss. *i > D *i*, I *y* (cf. D *æxsir*, I *æxsyr* “milk” < PIr. *xšīra-. Skt. *kṣīra-*; MILLER 1903: 18, THORDARSON 1989a: 460, contra GERSHEVITCH 1998: 157 n. 21), whereas I *i* could be from POss. * *-e-* < PIr. them. *-ai-

but this would presuppose the survival of both athematic and thematic inflection into POSS., which seems extremely unlikely.

Word-final *ā and *ā also merged in other Old and Middle Iranian languages, including Avestan (GAv, -ā, YAv. -a [-ā in monosyllables]; HOFFMANN and FORSSMAN 1996: 54), Old and Middle Persian (as *-ā: cf. OP *manā* <m-n-a> “of me” < *mana vs. *mana-cā* <m-n-c-a> “and of me” < *mana-ča [KENT 1950: 17, 47, HOFFMANN 1976: 633 35, contra GERSHEVITCH 1988], Manichaean MP *gw'm* “tell me!” < *gaubā-mai < iptv. 2sg. *gauba [SIMS-WILLIAMS 1981a: 174]), Sogdian (light-stem masc. voc. sg. -' [-a] < *-a like fem. nom. sg. -' [-a] < *-ā, cf. section 2, n. 15; also iptv. 2sg. -' [-a] < *-a, impf. mid. 3sg. -t' [-ta] < mp. *-ta, e.g., *wn-'*, *wn-t'* to *wn-* “do, perform”), and Khotanese (voc. sg. *balys-a* “O Buddha!” < *-a, nom. sg. *kanth-a* “city” < *-ā; cf. iptv. 2sg. -a < *-a, injunctive act./ mid. 3sg. -ta < mp. *-ta: EMMERICK 1968: 211, 254, 271), but apparently not in the forerunners of the Pamir languages: cf. MORGENSTIERNE 1973a. Ossetic has preserved the distinction in monosyllables: cf. negative *næ* < *na vs. prohibitive *ma* < *mā (Ved. *ná, mḡ*; THORDARSON 1990: 258). – In the numerals *avd* “seven” < PIr. *hafta and *dæs* “ten” < PIr. *dasa. *-a could have been syncopated phrase-internally (cf. n. 32 on I *dyuuæ*); this would have to have been earlier than the lowering of *æ > *a / __CC]σ (or lengthening of *a > *ā) in *avd*, cf. section 4.2 (9).

⁴² Thus *Ir* “Ossete” and *Iron* “Ossetic” cannot continue *arya- “Aryan”, *aryāna- (← gen. pl. *aryānām “of the Aryans”; cf. nn. 6, 15), as long believed (cf. MILLER 1903: 17 [§ 4.2], BAILEY 1959: 97 98), ABAEV (1949: 246. 1958: 546) connects *Ir* with various ethnic and place names in neighboring Caucasian languages, but also possible is Bielmeier’s derivation from PIr. *wīra- “man” (Av. *vīra-*, Ved. *vīrá-*; KNOBLOCH 1991: 35), which would have given POSS. *ir (nn. 38 [end]. 41; for loss of *w before *ī, cf. D *insæj* [I ssæj] “twenty” < POSS. *insædʷ < PIr. *winsati) > *jyr (*[jir]) > I *ir*; this would account for the accentuation of *Irón*, underlyingly /jyron/ (with initial *I-* preserved after *Ir*; on the regular loss of POSS. *i- in *Iron*, e.g., in “twenty”, cf. section 4.2, (7) and see AXVLEDIANI 1963: 14-15 for examples).

⁴³ Following earlier scholars, I assume diphthongization or “epenthesis”, followed by monophthongization of *ai, *au > POSS. *e, *o. The exact phonetic details of umlaut in pre-POSS. are of course beyond recovery.

⁴⁴ Of the examples cited here, “bride”, “elbow”, and “gold” were affected by the change of *ai > *i before *(θ)n (MILLER 1903: 18. ABAEV 1958: 498, TESTEN 1996: 370). Cf. the following cases involving PIr. *ai, i.e., *ai which has not arisen by umlaut:

PIr. *faina- → *fainaka- > POSS. *fink > D *finkæ* (with secondary -æ?), I *fynk* “foam” (cf. Ved. *phéna-*, Pers. *fin* “snot”, *finak* “sea foam, spume”; why no voicing of intervocalic *k?);

PIr. *wain- > POSS. *win- > D *win-un*, I *wyn-yn* “see” (cf. GAv. pres. 2sg. *vaēnahī* “you look at”);

PIr. *saina- → *sainaka- > POSS. *sinæg > D *sinæg*, I *synæg* “bosom, lap” (Av. *saēni-* “top, peak”);

Pir. *-aina- (suffix forming adjectives of material) > POss. *-in > D -in, I -yn, e.g., D *Ƴæd-in*. I *qæd-yn* “wooden” to D *Ƴædæ*, I *qæd* “wood”, D *dor-un*, I *dur-yn* to D *dor*, I *dur* “stone, brick, clay” (Av. -*aēna-*, OP -*aina-*, Pers. -*īn*, e.g. in Av. *ərəzat-aēna-* to *ərəzat-əm* “silver”, OP *aθang-aina-* to *aθanga-* “stone”, Pers. *sang-īn* to *sang* id.);

Pir. clitic pron. sg. 1 *mai, 2 *tai → *mai-n, *dai-n (with voicing of *t in unstressed position and dat. ending *-n) > POss. clitic dat. *min, *din > D *min*, *din*, I *myn*, *dyn* (TESTEN 1996: 370).

(On the development of *-ainy- > *-iny- > POss. *-ijn- in “elbow” and “gold”, cf. n. 20.) Similarly, *au > *u before *n, e.g., Pir. *gauna- > POss. *Ƴun > D *Ƴun*, I *q^wyn* “wool, hair”, Pir. *srauni → *sraunyā > POss. *sujnæ > D *sujnæ*, I *sin* “thigh”, and (with [*-afn- >] * aβn- > *-aun-) Pir. *kaβna- → *kaβnaka- > POss. *kunæg > D *kunæg*, I *k^wynæg* “small in quantity or amount”, Pir. *hwafna- → *fafna- > POss. *fun > D *fun*, I *fyn* “sleep, dream”, Pir. *rafna- > POss. *run > D *run*, I *run* “sickness, epidemic”, OIr. *tafnā > POss. *tunæ > D *tunæ*, I *tyn* “cloth, length of cloth worn by a Cherkess woman” (cf. ABAEV 1973: 444–45, 1979: 110 and s.vv., THORDARSON 1989a: 460). Although direct evidence is lacking, it is more likely that *ai, *au were first monophthongized to *e, *o, then raised to *i, *u before *n, rather than that *ai, *au directly became *i, *u before *n and *e, *o elsewhere.

In addition, *a before nasal + consonant may give POss. *i, although the exact conditioning remains unclear: cf. *pančadasa > POss. *finttæs > D *finttæs*, I *fynttæs* “fifteen” (but D. I *fonz* “five” < *panča, I *fenzæm* “fifth” < *pančama-); *wi-θanj- > POss. *itinzun > D *itinzun*, I *ty[ɲ]zyn* “stretch” (cf. MILLER 1903: 18. BAILEY 1945: 5. THORDARSON 1989a: 460).

⁴⁵ TESTEN (1994: 300ff.) argues that this and a number of other Oss. nouns derive from the feminine and diminutive/pejorative suffix *-ičā < *-ikā (with palatalization of *k by preceding *i; cf. OCS *otiči* “father” < *atikas), as do Sogdian and Khwarezmian feminities in -c(?): cf. GERSHEVITCH 1954: §§ 247 n. 4 (citing Henning), TEDESCO 1954: 487–88. In favor of *-ičā, rather than the *-ačī proposed by MORGENSTIERNE (1962: 161–64; cf. BENVENISTE 1929: 84 [-č < *-ki, with -h as an orthographic “indice . . . superflue”], SIMS-WILLIAMS 1981b: 15. 1989b: 185, 190 [*-ačī + *-ā], THORDARSON 1989a: 464 [D (*aengulzæ*, I *aeng^wylz* “finger” < *angurčī)], note that Skt. diminutives in -(a)ka- usually form their feminines in -ikā-: RV *iyatt-ikā-* “so small” (masc. *iyatt-akā-*), *śīt-ikā-* “cool” (to *śītā-* “cold”), AV *kumār-ikā-* “little girl” (MACDONELL 1910: 137 n. 2, WHITNEY 1924: §§1181c, I222i, DEBRUNNER 1954: 145, 316–17: for the shift to “contemptuous” value, cf. RV *āla-kam* “in vain” to *āram*, AV *ālam* “appropriate, adequate”, WHITNEY 1924: 198 [§521]). To be sure, one also finds -akā- and -akī-, especially in the older language (DEBRUNNER 1954: 317), whereas -ikā- steadily becomes more common, finally prevailing in classical Sanskrit; note that *iyatt-ikā-* and *śīt-ikā-* are the only such examples in the RV, and cf. RENOU (1952: 183): “Un -ikā- contre-partie de m. -(a)ka- ne commence véritablement qu’avec l’A(tharva-)S(am [ī]ā), et de manière fort limitée”. Yet direct evidence for an Indo-Aryan or Iranian suffix *-akī- is meager: the two Indo-Iranian branches appear to have carried out independent but parallel grammaticalizations of *-ikā- as

the fem. suffix corresponding to *-aka-, processes which were largely complete by the Middle Indo-Aryan and Middle Iranian periods, respectively.

Early Ossetic, then, probably formed feminines in *-ičā- to adjectives in masc. *-aka-. Such a well-characterized suffix could easily have spread beyond its original locus, e.g., to the pret. ptcp. in *-ta-ka- ← PIr. *-ta-: cf. Sogdian M 'k^{tc}' [əktčā], C q^c' [k(ə)čā] < *k_ṛt-ičā, fem. to M 'k^{ty}' [əktē], C q^{ty}' [k(ə)tē] < *k_ṛt-aka- ← *k_ṛta-ka- "done, performed" (GERSHEVITCH 1954: §§1271–73, 1043–48), and modern East Iranian forms such as Shughnī vic, čīwc < *būt-ičā, *k_ṛt-ičā (or *-ačī? so MORGENSTIERNE 1962: 162), fem. to vuđj "been", čūj "done" < *būt-aka-, *k_ṛt-aka-. As TESTEN (1994: 303) observes,

[O]nce the Old Iranian feminine markers such [as] *-ā, *-ī, etc., disappeared, the new suffix *-č- would have survived as virtually the sole marker which was unambiguously feminine. Adding the *-k- suffix to a substantive thus provided a means for maintaining earlier oppositions, reflected now not in the nature of the vowel but in the nature (palatalized vs. non-palatalized) of the consonant. Under the circumstances, it would not be surprising to find that the palatalized suffix came to be used even in places in which it was not etymologically justified (i.e., where it was not originally preceded by a palatalizing *i).

On Oss. nouns in D -ingæ, I -yng and D -inzæ, I -ynz, at least the latter of which may continue preforms in *-ain-ičā or *-in-ičā, cf. TESTEN 1994: 305–6.

⁴⁶ ABAEV (1958: 476) notes that *fans/fasm* is superior in quality to *festæ/fist* ("boleev vysokogo kačestva, čem *fist*"), the latter thus attests to a pejorative or affectionate meaning for the suffix *-ičā. I cannot account for the lack of umlaut in the entirely parallel *čaš(m)-ikā > *čaš(m)iča > čašča > POss. *čæstæ < D *cæstæ*, I *cæst* "eye" (cf. PIr. *čašman- [Av. *čašman-*, Pers. *čašm*] > POss. *čašm > D *cans*, I *casm* "loop, stitch (of thread), noose, window opening"; TESTEN 1994:305).

⁴⁷ To be distinguished from the synchronically productive morphophonological process in modern Ossetic by which *VRy > VjR. *Ty > TT before certain suffixes which historically began with *y, particularly -ag < *-yāka-: cf. I *dojnag* "river (adj.)" ← *don* "river", *uyryssag* "Russian (adj.)" ← *uyrys* "Russian(s)" (WEBER 1991: 307–8: cf. MILLER 1903: 21 [§12.5], 89, AXVLEDIANI 1963: 115, ABAEV 1964: 9, 85–86, 98–99, BAGAEV 1965: 26–27 [exx. 163–65, 196–97], ISAEV 1966: 23 [exx. 94]). As Weber notes, these sound changes must be relatively recent: cf. old *θy > c(c) in I *dyccæg* "Tuesday" [D *Geuærgi-bon*. lit. "George's day"] < *dwiθya-ka-, D *ærticcæg*, I *ærtycæg* "Wednesday" < *θriθya-ka- (also *æcæg* "true, truly" < PIr. *haθ-ya- to *hant-, pres. ptcp. of *ah- "be" [MILLER 1903: 38, THORDARSON 1989a: 463], and deverbal nouns in -ccag < *-θyāka-) vs. D *dukkag*, I *dykkag* "second", D *ærtikkag*, I *ærtykkag* "third". Similarly, old *ry > l(l), e.g., in *aryāna- > *allon*, vs. *bazajrag* "bazaar (adj.)" to *bazar*: cf. section 4.2 (3). The contrast between older *θy > c(c), *ry > l(l) and productive *Ty > TT. *VRy > VjR finds a close parallel in the Attic-Ionic dialects of ancient Greek, where PGr. *-ty-, *-t^hy- > -σ(σ)- survives only in unanalyzable forms, e.g., PGr. *mēt^hynos > Hom. μέσ(σ)ος, Att.-Ion. μέσος "middle", whereas clusters of *t+y. *t^h+y in which *y begins a sepa-

rate morpheme undergo a subsequent change, e.g., PGr. *mélit-ya (to μέλι, gen. μέλιτος “honey”, with fem. suffix *-ya) > Att. μέλιττα, Ion. μέλισσα “bee”; cf. LEJEUNE 1972: 103ff. – The lack of umlaut or “epenthesis” in *æcæg* demonstrates that the loss of yod in old *θy, as in *ry, preceded *a > *ai / __Cy in section 4.2 (4).

TESTEN (1997: 729–30 n. 27) argues that D *ijnnæ*, I *innæ* “other”, specifically “second in a series”, is actually a contraction of *i annæ, its meaning having developed from “the other/second”. By the above sound laws, however. PIr. *anyah should have given *ainyi > *inyi > POss. *ijni > D “*ijn*”, I “in”, which leaves unexplained both the geminate nasal and final -æ of *ijnnæ/innæ* (to say nothing of *annæ*, cf. ABAEV 1958: 545. who derives both from *anya-).

⁴⁸ Cf. MILLER 1903: 19. THORDARSON 1989a: 460. This process has evidently gone further in D than I: cf. *pašnuka- > POss. *fænuκ > I *fænyk* vs. D *funuk* “ash”, *mar(w)ičuka- > POss. “mælžug > I *mælzyg* vs. D *mulzug* “ant” (BIELMEIER 1977:44; for the latter cf. BENVENISTE 1959: 32, TESTEN 1994: 301). Other examples of *a > *u next to labial include D *dumun*, I *dymyn* “blow” < *dam-, D *cumun*, I *cymyn* “sip, drink” < *čam- (ABAEV 1958: 322 s.v. *cyp-par*; on the origin of the infinitive suffix *-un, cf. BAILEY 1945: 29–30. BENVENISTE 1959: 104–5).

I have not been able to find any incontestable examples of umlaut of *a by a following *w. THORDARSON (1989a. 461) derives D *bor*, I *bur* “yellow” from a preform *barwa- (cf. Av. *baoiriia-* “solid (food)”, *baouruua-* “chewing” < *barwiya-, *barwa-?? BARTHOLOMAE 1904: 946–47), but the etymology of this word is complicated by the existence of similar-sounding color terms in other Iranian and Eurasian languages (e.g., Pers. *būr*, *bōr* “brown, reddish”, Russ. *búryj* “brown”; ABAEV 1958: 271). If TESTEN’S (1994: 309–10) analysis of D *uosæ*, I *us* “married woman, wife” is correct, POss. *wosæ could continue *wotsa < *wodča < *waduča < *wadū-čā, with *-čā merely suffixed to the old nom., rather than *wadw-ičā or the like; in that case, the raising of (*au >) *o > *u seen in *fus/fys*, *mud/ myd*, etc. occurred next to labial *obstruents* only.

The rounding of *a in D *cuppar*, I *cyppar* “four” < POss. *čuppar < *čaθwār could be conditioned by the special development of *θw > *pp (cf. Yiddish *epes* vs. German *etwas* “something”). I posit PIr. neut. *čaθwār (thematized in Av. *catura*; cf. Ved. *catvār-i*) < PIE coll. *k^wetwōr (< pre-PIE *k^wetwór-h₂) as the source of the Oss. forms, rather than non-neut. *čaθwārah < PIE *k^wetwóres, which should have given *-ri > *-li > POss. *-l > D, I -l. (Note that the Oss. forms for “two” and “three”, although traditionally derived from PIr. masc. *d(u)wā and masc./fem. *θrayah [MILLER 1903: 40, 47–48, ABAEV 1973: 425 s.v. ^ertæ, THORDARSON 1989a: 459, 464], could reflect fem./neut. *d(u)wai and neut. *θrī [→ *θrī+ā > *θriyā > *tra > POss. *ærtæ, without palatalization?? or rather → *θrai, with the ending of “2”?]; cf. the Bulgarian use of neuter *ednó* “1”, *dve* “2”. For *-ai > POss. *-æ in monosyllables, cf. n. 10.)

⁴⁹ TESTEN’S suggestion (1994: 406–9) that D *æfsijnæ*, I *æfsin* “landlady, mother-in-law” goes back to *fšum-ikā (Av. *fšūmant-*, Skt. *kṣu-mant-* < PInIr. *pću- < P1F. zero-grade *pk □, cf. Gr. *Κύ-κλωψ* “Cyclops” ← *pku-klop-, originally “cattle-thief”), i.e., *fšum-ikā > *fšimiča

> *fšinča > *fšinja > POss. *(æ)fsijnæ, is unlikely, both because the change of *č > *j is not attested in any of the other *-ičā formations just listed and because, as Testen admits, one would have to assume a survival of both *fšu-mant- and *paću-mant- (> D *fusum*, I *fysym* “host”, see above) into pre-Ossetic. – I cannot account for the absence of umlaut in *anguričā > POss. *ængulzæ > D *ængulzæ*, I *æng^wylz* “finger” (BENVENISTE 1959: 32, TESTEN 1994: 301).

⁵⁰ The relative chronology of umlaut and (2a) is indeterminate: even if *-ah > *-i came first, any umlaut effects of word-final *-i on the preceding stem vowel could easily have been undone by analogy to paradigmatically related forms, e.g., those of other cases.

⁵¹ The corresponding sg. forms, of course, have not undergone syncope: in addition to the examples in (2a), cf. *madyakah > *maidagi > POss. *medæg > D *medæg*, I *midæg* “with-in”, *nawakah > *nawagi > POss. *næwæg > D *næwæg*. I *nog* “new”. For a possible explanation, cf. n. 55.

⁵² The *t* of the pl. ending is geminated after stems ending in a sonorant, but only when *a*, *o* is “weakened” to *æ* (MILLER 1903: 39 [§45.2, 3]). AXVLEDIANI 1963: 82, ABAEV 1964: 9, 16, BAGAEV 1965: 27, 130–31, 192, ISAEV 1966: 23, 34–35, THORDARSON 1989a: 469, TESTEN 1997: 714; contrast I *bon-tæ* “days” below). Similarly, the preterite marker *d* is geminated after a sonorant, e.g., *kaldton* “I spilled” to pret. ptcp. *kald* (MILLER 1903: 39 [§45.7]), ABAEV 1964: 9, 52, 54–55, BAGAEV 1965: 303, ISAEV 1966: 23, TESTEN 1997: 714–15). Phonologically, the dental may be viewed as amphisyllabic, its features spread across the syllable boundary: hence [æm.bælt.tæ], [kalt.ton]. In Iron, plurals and preterites to stems in final *n* have lost the nasal, e.g., *dættæ* “rivers” vs. D *dænttæ* (see below).

⁵³ Cf. AXVLEDIANI 1963: 82, 115, 123, ABAEV 1964: 5, 16, 98, 119, BAGAEV 1965: 35, 130ff., 192, 208–9, ISAEV 1966: 18–19, 34–35, THORDARSON 1989a: 460, 467, 469, 1990: 260–63, TESTEN 1997: 725.

⁵⁴ Deverbal nouns in *-c* < *-ti-, e.g., D *bærcæ*, I *bærc* “measure” to D *barun*, I *baryn* “measure” or D *zæjcæ*, I *zæjc* “posterity” to D *zajun*, I *zajyn* “bear, give birth to” (THORDARSON 1990: 263; cf. ABAEV 1949: 572–73, 1958: 252, 1989: 294), probably do not belong here: the nouns continue POss. *æ < PIr. *a (< PIE *e in the strong stem of an *i*-stem proterokinetic paradigm, e.g., *b^hér-ti- ~ *b^hṛ-téy-), whereas *bar-* has apparently generalized *a* from the pret. stem *barst* (for expected *bard < PIr. *bṛ-ta-; ABAEV 1958: 238) or from other transitive verbs in *a* (< PIr. *ā < PIE *o, originally proper to causatives, e.g., D (*ra-*)*marun*, I (*a-*)*maryn* “kill” < PIr. *mār-aya- [cf. Ved. *mār-áyati*] vs. D *mælnun*, I *mælyn* “die” < PIr. *mṛ-ya- [Av. (*fra-*)*miriiete*, OP impf. *am(a)riyatā*, Pers. *mīr-*; cf. Ved. *mriyáte*]), and *zaj-* continues PIr. pass. *zāya- “be born” < (post-)PIE *ǵnh₁-y^é/o- (Av. *zaiia-*, Ved. *jáyate*). Cf. also I *ærz-æj* “by nature” to *ar-yn* “find, give birth” (ABAEV 1958: 174).

⁵⁵ Note also I *caerd-æg* “agile”, originally derived from *card* “living”, pret. ptcp. of *caer-yn* “live” (cf. THORDARSON 1990: 263: *-æg* “[a]s a rule ... does not cause vowel shift in the preceding syllable”). For another paradigmatically dissociated relic form. cf. *tayd* “rapid” < *tayda- < PIr. *tax-ta-, with old East Iranian voicing of *-xt- (SIMS-WILLIAMS 1989a: 167–68;

cf. PIr. *hafta > Oss. *avd* “seven”), vs. *taxt*, productive pret. ptcp. of *tæx-yn* “fly” (THORDARSON 1989a: 465).

Note that the origin of the *a* ~ *æ* alternation would be simplified somewhat if **æ* > **a* / _CC# preceded syncope: in that case, **æ* would have been followed by a single coda consonant in *all* of the plurals, derivatives, and compounds in question, e.g., **mær.yi.tæ*, **æv.dæ.sæ.ron*, **ræs.tæ.væn.dag* (the latter two with the connecting vowel *-*æ*- < PIr. *-*a*-), and there would be no need to assume generalization from forms which retained the syllable structure *CæC.CV- after syncope, e.g., **ær.si.tæ*. **fæn.zæm*. This ordering would also provide a ready account for the failure of syncope in POss. **kosæg*, **mæasug*, **midæg*, etc.: following apocope of *-*i*, syncope occurred only in *non-final* syllables (cf. section 4.2 (4), (6) and n. 51). The relative chronology and correspondingly more complicated explanations proposed here depend entirely on the validity of Zelenčuk TZHPØE alongside oblique -H as evidence that apocope of *-*i* > *-*i* postdated the change of unstressed **ya* > **i*, which in turn followed syncope.

⁵⁶ In connection with the prehistory of obl. -*i* in Yaghnōbī (cf. n. 19). Sims-Williams has suggested that pre-POss. did not in fact possess a class of nouns with stressed endings, parallel to the Sogdian light stems. To be sure, evidence from present-day Ossetic for originally final stress in POss. words of more than two syllables containing only weak vowels is limited, cf. section 3. Yet both Iron and Digor agree in stressing the second of two weak vowels in disyllabic gen./iness. D *γædī*, I *qædy* to *γædé/qæd* “forest, wood(s), log”, D *særi*, I *særy* t *sær* “head”, and if this placement of stress is old, the relevant preforms in pre-POss. would have been **gad*-(*a*)*yá*, **sar*-(*a*)*yá*. Thus pre-POss. “heavy-stem” *-*i* < unstressed *-*ya* must have been generalized at least to these and other light monosyllabic nominal stems. (The same reasoning also applies to Yaghnōbī, unless pre-Yaghnōbī had uniform initial stress at the time of the reduction of word-final *-*yā*(*h*) > *-*i*.)

⁵⁷ BENVENISTE (1929: 79) had already adduced pl. *-*tā* as an isogloss connecting “le groupe scythique”, i.e., Sogdian, Ossetic, and Yaghnōbī.

⁵⁸ First observed in Winter 1971: 221–22. For the last of these, cf. I *æxsin* “dark gray”, Av. *axšaēna-*, Khot. *āṣṣeiṇa-* “dark-colored” < PIr. **axšaina-*, Khot. *aṣṣāṇaka* “dove” (BAILEY 1945: 6 [citing a D variant *æxsinnængæ* (?)], ABAEV 1958: 220, 221, 1965: 137, EMMERICK 1989: 215 [§ 3.2.3.3.3.4, 20]); on the sound changes involved, see n. 20 above. ABAEV (1965: 137) and WINTER (1971) also compare TB *eñcuwo*, TA *añcu* “iron” with Oss. *ændon* “steel”, but the Tocharian forms more closely resemble Khwarezmian *hnčw* (Schwartz, cited in MACKENZIE 1972: 64). For details and additional references, see R. KIM 1999: 123–29.

⁵⁹ Thus Yaghnōbī most likely continues an isolated dialect of early Sogdian which, besides the Rhythmic Law, escaped several other typical Sogdian innovations, e.g., PIr. **θr* > *š* (cf. Sogd. *šē* “three” vs. Proto-Yaghnōbī **θray* > western *tirāy*, eastern *sarāy*) or loss of the augment and 3pl. *-*ār* (> Yaghnōbī -*ōr*). For further discussion, cf. XROMOV 1972: 119–35. ORANSKIJ 1975: 119–20 with refs.

⁶⁰ After submitting the revised proofs of this article, I came across Alain Christol's "Introduction à l'ossète: Éléments de grammaire comparée", in *LALIES: Actes des sessions de linguistique et de littérature* 8 (1986): 7–50, and gained access to a copy of Dr. Johnny Cheung's newly published doctoral thesis. *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism* (Wiesbaden: Reichert, 2002). Despite significant points of disagreement (cf. CHRISTOL, 31–35, on the origin of the case endings), I am pleased to learn that both scholars agree with many of the phonological developments proposed above, and I look forward to incorporating their contributions into my future research on Ossetic.

L. GAÁL

URSPRUNG DES OSSETISCHEN VERBALPRÄFIXES *ra-*

(*Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae*, 1960, XI, 1-3)

Nach den Arbeiten von W. MILLER¹, A. A. FREIMANN², W. J. ABAEW³ und T. S. KOSYREWA⁴ bestehen im Hinblick auf das System der ossetischen Verbalpräfixe immer noch Probleme, die einer Lösung harren. Zu ihnen gehört auch die Frage nach der Herkunft des Verbalpräfixes *ra-*.

Dieses Problem hängt einerseits mit der Semantik des Verbalpräfixes, andererseits mit der Frage der Funktion und der Herkunft der Verbalpräfixe *ær-*, *ræ-* und *a-* aufs engste zusammen. All diese Erscheinungen müssen wir also in ihren gegenseitigen Beziehungen untersuchen, um den Ursprung des Verbalpräfixes *ra-* erhellen zu können.

Das Verbalpräfix *ræ-*

Das Verbalpräfix *ræ-* steht gemäß seiner Herkunft mit dem altiranischen Verbalpräfix *fra-* vermutlich im Zusammenhang. Seine Bedeutung wird im Miller–Freimannsches Wörterbuch mit »weg-, ver-, auf-, aus-« angegeben, es soll daher neben dem perfektiven Aspekt irgendeine Entfernung ausgedrückt haben. All das läßt sich aber kaum greifbar machen.

Es ging mit dem Verbum eine derart enge, durch kein Nomen zu unterbrechende Verbindung ein, daß es sogar von der Lautung des Verbalstammes beeinflusst wurde, indem der Konsonant von *ræ-* infolge einer, durch einen *r*-Laut des Verbalstammes hervorgerufenen Dissimilation als *l-* erscheinen mußte.

Die Anzahl der mit dem Präfix *ræ-* zusammengesetzten Verba ist ziemlich gering. Um seine ursprüngliche Bedeutung und Funktion festzustellen, genügt es, wenn wir einen Fall in Betracht ziehen:

læburyn »angreifen«. Da das entsprechende einfache Verbum fehlt, läßt sich der durch das Verbalpräfix bedingte Bedeutungswandel schwer feststellen. Augenscheinlich hat das Kompositum das Simplex aus dem Gebrauch völlig verdrängt und dessen Stelle als einfaches Verbum übernommen. Das wird auch

dadurch ersichtlich, daß dem Verbum, sobald der Ausdruck einer Richtung bzw. eines Aspekts erforderlich ist, ein produktives Verbalpräfix vorangestellt wird: *alæburyyn* »angreifen«; *ællæburyyn* »jemand angreifen«; *balæburyyn* »angreifen«; *ralæburyyn* »angreifen«; *slæburyyn* »angreifen«; *fælæburyyn* »angreifen«. Das Verbalpräfix *læ-* (*ræ-*) hat demnach seinen ursprünglichen Bedeutungsinhalt eingebüßt. Die vorangestellten Verbalpräfixe bezeichnen verschiedene Formen und Momente des »Angreifens« und lassen sich des öfteren nicht übersetzen.

In bezug auf das Verbalpräfix *ræ-* dürfen wir daher feststellen, daß es improduktiv wurde und die mit ihm zusammengesetzten Verba im lebendigen Sprachgebrauch als einfache Verba behandelt werden.

Das Verbalpräfix *a-*

Das Präfix *a-* ist eines der produktivsten Verbalpräfixe des Ossetischen, obwohl seine Produktivität im westossetischen Dialekt stark eingeschränkt wurde. Es drückt im allgemeinen das Entfernen in unbestimmter Richtung aus. Dementsprechend ist es mit russisch »от« und »y«, bzw. mit deutsch »ab-, ent-, weg-« gleichbedeutend.

Zu seiner Verwendung ist anzumerken, daß es den nachfolgenden Konsonanten im Wortanlaut bisweilen lang macht: *zajyn* »bleiben«, *azzajyn* »wegbleiben, ausbleiben«. Allerdings tritt diese phonetische Erscheinung nicht in sämtlichen möglichen Fällen auf, nicht einmal bei den gleichen Konsonanten: *zaryn* »singen«, *azaryn* »absingen« (z.B. ein Lied).

Im Hinblick auf seine Herkunft wird es bei MILLER [81] zu neupersisch *ā-*, awestisch und altpersisch *ā-* und altindisch *ā-* gestellt. Aus semantischen Gründen gibt diese Zusammenstellung zu bedenken, worauf wir noch zurückkommen müssen.

Das ossetische Verbalpräfix *a-* war vor allen Dingen ein Adverb zur Bestimmung einer Richtung. Es diente zur Bezeichnung gewisser Umstände der Handlung, hauptsächlich der allgemeinen Richtung einer sich von dem Sprecher entfernenden Bewegung.

Die ursprüngliche richtungangebende Funktion des Verbalpräfixes *a-* kommt heute bei Verba, die eine Bewegung bezeichnen, am deutlichsten zur Geltung, aber keineswegs unabhängig von dem perfektiven Aspekt, welcher auch in den präfigierten Verba enthalten ist. Die einzelnen Funktionen lassen sich gegeneinander nicht genau abgrenzen und kommen gar häufig nebeneinander vor. Sie sind jedoch leicht zu erkennen. Im Bedeutungsgehalt des präfigierten Verbums schließen sie einander nicht aus, im Gegenteil, sie ergänzen sich meist gegenseitig:

cæuyn »gehen«, daraus *acæuyn* »hingehen«: *acydysty* »sie gehen weg« (buchstäblich: »sie gingen weg«, als Bühnenvorschrift: »Ab«, »Exeunt«).

lizyn »laufen«, *alizyn* »fortlaufen«. Es ist klar ersichtlich, daß in der präfigierten Form außer dem Ausdruck des Entfernens in irgendwelcher Richtung auch der Aspekt der Perfektivität enthalten ist, sowie die Bedeutung der einsetzenden Handlung. Die beiden stehen in keinem Gegensatz zueinander. Der Anfang des Fortlaufens (Fliehens) ist eine abgeschlossene Tatsache. Genauso verhält es sich mit vielen anderen Verba.

æpparyn »werfen«, *apparyn* »wegwerfen«.

Die Bedeutung des Entfernens kommt mitunter in einer sehr eigentümlichen Weise zum Vorschein:

quyzyn »sich heranschleichen«. Das einfache Verbum enthält den Sinn der Näherung zum Sprecher oder zu einem bestimmten Gegenstand (»heran«). Das Verbalpräfix *a-* drückt aber im Kompositum *aquyzyn* das Entfernen aus, bedeutet demnach: »von irgendwo« (Entfernen) »hineinschleichen« (Näherung).

Wie die Verbalpräfixe im allgemeinen, verleiht auch ossetisch *a-* dem Verbum den Aspekt der Abgeschlossenheit, der Perfektion, vgl. *abættyn* »verbinden« aus *bættyn* »binden«.

Die Perfektion kann gleichzeitig das Erreichen eines Zieles, die Bedeutung des ergebnisvollen Abschlusses einer Handlung enthalten. Dies würde sich so gut wie von selbst verstehen, aber es kommt manchmal dermaßen auffallend zum Ausdruck, daß es unbedingt erwähnt werden muß.

byrsyn »ringen« ergibt das Verbum *abyrsyn* »bezwingen«. Wie die präfigierte Variante zeigt, war das Ringen erfolgreich: der Ringende konnte seinen Willen dem Objekt der Handlung aufzwingen.

Über den Aspekt der Perfektivität hinausgehend drückt das mit dem Verbalpräfix *a-* zusammengesetzte Verbum bisweilen nicht nur das Erreichen eines Zieles aus, sondern außer dem Erfolg auch die Überholung des Zieles, d. h. die unmittelbare Folge der Handlung. Das Verbum *kajyn* bedeutet zum Beispiel »anrühren«, seine präfigierte Form *agajyn* »aufreizen«: diese Bedeutungen drücken lediglich die Perfektivität, oder höchstens den erfolgreichen Abschluß der Handlung aus. Wenn wir aber den Ausdruck *cæf agajyn* «раздражать рану» ins Auge fassen, stellt es sich heraus, daß die Handlung nicht nur das Ziel – die Berührung der Wunde bzw. ihre Reizung – erreicht, sondern darüber hinausgeht und bereits einen neuen Prozeß andeutet.

Mitunter weist das Verbalpräfix *a-* darauf hin, daß die Handlung bzw. der Zustand, die im einfachen Verbum angedeutet werden, schon begonnen oder eingestanden haben.

lizyn »laufen«, *alizyn* »fortlaufen«. Außer dem Ausdruck der einsetzenden Handlung ist darin auch ein gewisser perfektiver Aspekt sowie das Moment des Entfernens enthalten.

Der perfektive Aspekt ist manchenmal ganz schwach, insonderheit, wenn bereits selbst das Verbum aus irgendwelchem Grunde (wie z. B. seiner nicht mehr bewußten Bindung zum bereits improduktiv gewordenen Verbalpräfix) einen perfektiven Aspekt zum Ausdruck bringt. In solchen Fällen wird der perfektive Aspekt durch das Verbalpräfix *a-* mehr oder weniger verstärkt:

qaryn »anbieten, zum Kauf anbieten« wird zu *aqaryn* erweitert, was eigentlich dasselbe bedeutet, aber noch stärker hervorgehoben, etwa: »zwecks Verkauf loben«, «рекламировать».

Neben dem perfektiven Aspekt kann das Verbalpräfix *a-* auch die Wiederholung der Handlung ausdrücken (Iterativum): *ssyn* »mahlen«, *assyn* «перемолоть».

Das Verbalpräfix *a-* kann mitunter eine Modifizierung der Bedeutung herbeiführen: das Verbum *kuryñ* bedeutet »bitten«; seine mit dem Verbalpräfix *a-* versehene Variante ist in zwei Formen bekannt, 1. *akuryñ* »erbitten«, was einen einfachen perfektiven Aspekt, bezeichnet, 2. *aguryñ* zeigt jedoch eine Modifizierung der Bedeutung, z. B. *cy mæ agurys?* »was willst du von mir?«

Neben dem Aspekt der Perfektivität wurde das Verbalpräfix bisweilen zum Träger einer speziellen Bedeutung:

ruajyn »zusammentrocknen«, *aruajyn* »sich kürzen, sich setzen (vom Tuch)«.

Der Ausdruck einer raschen und oberflächlichen Handlung ist eine Funktion des Verbalpräfixes *a-*, die ebenfalls aus dem perfektiven Aspekt hervorgegangen ist:

kæsyn »suchen, lesen«, *akæsyn* »ansehen, durchlesen«, *fæstæmæ akæsyn* »zurückblicken« ; *činyg akæsyn* »das Buch schnell durchlesen, überfliegen«.

Es gibt auch Fälle, wo das Verbalpräfix *a-* weder eine Richtung bezeichnet, noch einen perfektiven Aspekt widerspiegelt. Dies verweist auf die Abnahme der Produktivität des Verbalpräfixes. Soviel steht allerdings fest, daß einst entweder die Bezeichnung der Richtung oder der Aspekt der Perfektivität zu spüren gewesen sein sollen:

zmælyn »sich bewegen«, *azmælyn* »dass.«

Bei der Beurteilung solcher Fälle ist es angebracht, vorsichtig zu bleiben, da es sich des öfteren nachweisen läßt, daß der Aspekt der Perfektivität bereits im einfachen Verbum enthalten ist. Diese Möglichkeit ist vor allen Dingen dort vorhanden, wo das einfache Verbum ursprünglich gar nicht einfach ist, sondern schon früher ein im späteren improduktiv gewordenes Verbalpräfix einverleibt

hatte. Jener Umstand, daß das einfache Verbum mit dem präfigierten in der Bedeutung gar oft übereinstimmt, läßt mit Recht darauf schließen, daß die Produktivität des Verbalpräfixes *a-* zurückgeht.

*

In bezug auf das Verbalpräfix *a-* dürfen wir auf Grund der bisherigen Erwägungen und der angeführten und ausgewerteten Tatsachen folgendes feststellen:

1. Es ist ein Verbalpräfix, das ursprünglich die Richtung bezeichnete, und zwar von einem von dem Sprecher abgelegenen Gegenstande nach einem anderen Gegenstand, oder aber vom innen nach außen, wobei sich der Sprecher bzw. der Zuschauer drinnen befindet.

2. Aus der Richtungangabe hat sich die Bezeichnung des perfektiven Aspekts entwickelt, d. i. die allgemein gültigste Funktion des Verbalpräfixes. Die Perfektion kann auf verschiedene Art und Weise erzielt werden, durch das Erreichen des Ziels, durch die Überholung des Ziels und durch die Modifizierung der Bedeutung; sie kann den Anfang der Handlung andeuten; sie kann die Handlung einfach hervorheben bzw. die Wiederholung der Handlung ausdrücken sowie eine rasche und oberflächliche Handlung wiedergeben.

3. Es ist auch möglich, daß im Vergleich zu dem einfachen Verbum sich keine Modifikation der Bedeutung und kein perfektiver Aspekt feststellen lassen. In diesem Falle hat man mit einer Abnahme der Produktivität und einem Verblässen der Funktion zu tun.

4. Schließlich läßt sich auch feststellen, daß bei Verba, die eine Bewegung bezeichnen, das Verbalpräfix *a-* der ostossetischen (ironischen) Umgangssprache im Westossetischen (d. h. im digorischen Dialekt) durch das Verbalpräfix *ra-* ersetzt wird.

Die Funktion des Verbalpräfixes *ra-*

Das Verbalpräfix *ra-* ist eines der geläufigsten Verbalpräfixe der ossetischen Sprache. Dementsprechend ist es auch äußerst produktiv.

Wie die meisten Verbalpräfixe, bezeichnet es ursprünglich ebenfalls die Richtung der Handlung, und zwar bei Verba, die eine Bewegung ausdrücken, die Richtung der Bewegung von innen nach außen. Seine übliche Übersetzung ist: »aus-, heraus-«. Darin ist es bedeutungsmäßig mit dem Verbalpräfix *a-* verwandt. Eine Abweichung ergibt sich so gut wie ausschließlich im Hinblick auf den Sprecher. Denn, während das Präfix *a-* eine Bewegung von innen nach außen bezeichnet, wobei sich der Sprecher drinnen befindet, bezeichnet das Verbalpräfix *ra-* eine Bewegung von innen nach außen, wobei sich der Spre-

cher draußen aufhält. Während also das Verbalpräfix *a-* ein absolutes Entfernen ausdrückt, gibt das Verbalpräfix *ra-* neben dem Entfernen vom gegebenen Gegenstand gleichzeitig eine Annäherung an den Sprecher wieder. Dieser Unterschied läßt sich im Deutschen mit dem von *hinaus-* und *heraus-* am deutlichsten veranschaulichen. Also:

acæuyn »hinausgehen«; *racæuyn* »herausgehen, herauskommen«.

Diese Definition ist aber nicht gleichmäßig gültig für die beiden Hauptdialekte der ossetischen Sprache. Es ist nämlich bekannt, daß anstelle des im Ostossetischen mit der Bedeutung »weg-, aus-« gebrauchten Verbalpräfixes *a-* im Westossetischen in der Regel *ra-* steht:

ostoss. *avnalyn* »berühren, erreichen«, westoss. *ravnalun* »dass.«

Der perfektive Aspekt hat sich auch im Falle von *ra-* aus der Bezeichnung der Richtung entwickelt. Nachdem dieser Aspekt allgemein geworden war, wurde der Gebrauch des Präfixes auch bei Verba möglich, bei welchen eine Bezeichnung irgendeiner Richtung gar nicht in Frage kommt. In Verbindung mit solchen Verba drückt dann das Verbalpräfix lediglich den perfektiven Aspekt aus. Z. B.:

zæġyn »sagen«, *razæġyn* »aussprechen«.

Derselbe perfektive Aspekt macht sich in sämtlichen Bedeutungsvarianten der mit *kænyyn* und mit *uyn* zusammengesetzten Verba geltend:

qal kænyyn »wecken«, *rajqal kænyyn* »aufwecken«;

qal uyn «бодрствовать», *rajqal uyn* »erwachen«.

Verfolgen wir den Gebrauch des Verbalpräfixes *ra-* an einem einzigen Beispiel.

Das Verbum *badyyn* »sitzen« läßt sich mit vielerlei Verbalpräfixen, darunter auch mit *a-* und *ra-* verknüpfen, *rabadyyn* müßte wortwörtlich »sich hinaussetzen« bedeuten, ist jedoch in dieser Bedeutung nicht üblich. Um so mehr in der Bedeutung: »Platz nehmen, sich (bequem) setzen«, es kann also eine ihr Ziel erreichende momentane Handlung, aber gleichzeitig eine über die Erfüllung hinausgehende durative Handlung bzw. einen infolge der momentanen Handlung eingetretenen durativen Zustand bedeuten. Diese Bedeutung hat sich natürlicherweise aus der primitiven Bedeutung »sich hinaussetzen« entwickelt, indem man bei bestimmten feierlichen Gelegenheiten »sich hinaussetzte«, und zwar so, daß die dazu Eingeladenen »nebeneinander bequem Platz nahmen«: *zæædtæ kuyvdy rabadytsty* »die Alten setzten sich im Kuwd nebeneinander«.

Gemäß seiner ältesten, ursprünglichsten Funktion bezeichnet das Verbalpräfix *ra-* neben Verba, die eine Bewegung ausdrücken, eine Bewegung bzw. eine Handlung von innen nach außen, wobei der Sprecher sich draußen aufhält. Das Verbalpräfix gibt also die Richtung an. Daraus haben sich alle seines übrigen Funktionen, und in erster Linie der perfektive Aspekt entwickelt. Daneben

ist aber – wirklich oder übertragen – auch die Funktion der Bezeichnung der Richtung erhalten geblieben, allerdings auch heute vor allem bei Verba, die eine Bewegung ausdrücken:

tæxyn »fliegen«, *rataxyn* »hinausfliegen«: *xæxtæj cærgæs rataxt* »vom Gebirge ist ein Adler hinausgeflogen« usw.

In Verbindung mit Verba, die keine oder eine nur mittelbare Bewegung ausdrücken, oder im übertragenen Sinne gebraucht werden, bezeichnet das Verbalpräfix *ra-* die Richtung der Handlung, mitunter nur symbolisch wie das Präfix *aus-* beim deutschen Verbum *ausgeben*:

kæsyn »schauen«, *rakæsyn* »ausschauen, ausblicken«:

xoxy c'æx ajnægæj

xury cæst rakæsy,

rakæsy rajsomæj ražy.

(»Von des Berges grauem Gipfel schaut der Sonne Aug' hervor, schaut es in der Früh' hervor.«)

Es ist auch eine Handlung möglich, die die Beseitigung eines Teiles bzw. des Inhalts des Gegenstandes bedeutet:

ævgæyn »schöpfen, gießen«, *ravgæyn* »ausschütten, leeren«.

kuyrojy k'tu ravgænut »schüttet den Korb in der Mühle aus!« Eigentlich ist nicht der Korb der Gegenstand der Handlung, sondern das, was aus ihm ausgeschüttet werden soll.

Oft kommt eine übertragene Verwendung vor:

ævdisyn »zeigen«, *ravdisyn* »hinweisen, anzeigen«: *uyj axæm ævzær zærdæjy uag ravdysta* »er zeigte solch ein schlechtes Herz...«

Es kommt vor, daß die ursprüngliche Bezeichnung der Richtung mit perfektivem Aspekt erhalten bleibt, aber daneben ist auch eine übertragene Bedeutungsvariante vorhanden:

æftyn »hinzukommen«, *raftyn* »abfallen«: *fyr kuystæj raftydtæn* »vom übermäßigen Arbeiten bin ich erschöpft (= abgefallen)«.

Der Ausdruck des Aspekts der Perfektivität ist die allgemeinste Funktion des Verbalpräfixes *ra-*. Von der Bezeichnung der Richtung ausgehend kommt die Handlung bei ihrem Ziele an und hört damit gleich auf:

kæyn »machen«, *rakæyn* »bereiten«.

Innerhalb des perfektiven Aspekts kann das Verbalpräfix *ra-* auch eine Handlung bezeichnen, die nicht so sehr durch ihren Ablauf oder Abschluß als durch ihr Ergebnis in die Augen springt:

bijyn »winden«, *rabijyn* »dass.«: *mixtyl dyværcçyg kau rabydtoj fijæuttæ* »die Hirten wanden auf den Pfählen einen doppelten Zaun«. Dem Sprecher ist das Ergebnis – der fertige Pferch – wichtig, das der ab-

geschlossenen Handlung zufolge entstanden ist. Außer dem Erreichen des Zieles kommt auch das Moment des Ergebnisses durch das Verbalpräfix zum Ausdruck.

Ein interessanter Fall des perfektiven Aspekts ist es, wenn die im Simplex angedeutete Handlung (oder Zustand) im präfigierten Verbum kein Ende, sondern einen Anfang genommen hatte. Das, was beendet wurde, ist etwas anderes, worüber uns das Verbum keinen Aufschluß gibt, da der Prozeß, der der Perfektion vorausgeht, unwichtig ist; wichtig ist bloß das Ergebnis, welches der vorangegangenen Handlung zufolge erzielt wurde. Das beste Beispiel dafür ist die mit *ra-* präfigierte Form des Verbums *badyn* »sitzen«. Das Verbum *badyn* drückt keine Bewegung aus, sondern lediglich eine bestimmte Form der Ruhelage. Die mit ihr bezeichnete Handlung ist weder im Gange noch abgeschlossen. Dagegen hat dieser Prozeß eine andere Handlung enthalten, die näher zu bestimmen überflüssig oder geradezu unmöglich ist. Die Perfektion jenes Prozesses wird aber durch das mit dem Verbum *badyn* zusammenhängende bzw. in Zusammenhang gebrachte Verbalpräfix *ra-* angedeutet. Die Handlung war offensichtlich irgendwo von innen nach außen gerichtet, und zwar im Hinblick auf den draußen stehenden Sprecher und die nicht unbedingt draußen stehenden Hörer. Diesen wird jedoch nicht diese vorangegangene Handlung bewußt, sondern erst der Zustand oder die Handlung, die nach Abschluß der vorangegangenen einsetzte (momentan) und sich dauerhaft fortsetzte (durativ). Somit hat sich aus dem primären perfektiv-einsetzenden Aspekt »sich setzen« die sekundäre Bedeutung »sich bequem setzen« entwickelt. Genauso: *rynčyn ja xyysæny rabadi* »der Kranke setzte sich im Bett«. Es ist klar, daß die im einfachen Verbum bezeichnete Handlung im präfigierten Verbum keinen Abschluß, sondern einen Anfang genommen hatte und nachher sich dauerhaft fortsetzte.

Der perfektive Aspekt wird ab und zu in die Zukunft versetzt.: *zuryn* »sprechen«, *ra zuryn* »erzählen«, *nana, arğau ma nyn ra zur!* »Mutti, erzähl uns doch ein Märchen «

Dem Verbalpräfix *ra-* wird gewöhnlich eine iterative Bedeutung, ein frequentativer Aspekt zugeschrieben. Diese Ansicht wird nicht einmal durch die Untersuchung sämtlicher mit diesem Präfix zusammengesetzter Varianten des einfachen Verbums bestätigt. Die präfigierte Variante von *ævdulyň* »rollen« ist *ravdulyň* »rollen«. Eine derartige Bedeutungsvariante ist bereits im Verbum *ævdulyň* »dass.« enthalten, noch mehr, auch das Verbum *tulyň* weist eine solche Bedeutungsvariante auf, woraus *ævdulyň* mittels eines nunmehr veralteten und improduktiv gewordenen Verbalpräfixes gebildet wurde. Letzteres wird nun als ein einfaches Verbum aufgefaßt.

Es gibt Verba, bei welchen das Verbalpräfix *ra-* zum Ausdruck des nchoativen Aspekts dient, indem es nicht den Abschluß, sondern den Anfang der

Handlung bezeichnet. Dieser Aspekt bildet keinen Gegensatz zum perfektiven Aspekt. Hierher gehört:

qazyn »spielen«, *raqazyn* »начать играть, поиграть«.

Es kommt des öfteren vor, daß die Bedeutung durch das Verbalpräfix nicht bemerkbar modifiziert wird. Das kann auf verschiedene Ursachen zurückgehen. Die Modifikation des Aspekts war ursprünglich allem Anschein nach zu spüren:

ævzaryn »wählen«, *ravzaryn* »dass.« Das Verbalpräfix unterzieht die Bedeutung keiner bemerkbaren Änderung. Die Ursache dieses Umstands liegt wohl einfach darin, daß der perfektive Aspekt bereits im Grundverbum enthalten ist, da dieses schon mit einem nunmehr improduktiven Verbalpräfix versehen war. Ein Verbum *zaryn* mit dieser Bedeutung ist unbekannt.

gavyn »etwas vorhaben«, *raqavyn* »dass.« usw.

Es ist auch möglich, daß im einfachen Verbum die allgemeine Richtung der Bewegung irgendwie gegeben ist. Dabei kann das Verbalpräfix an der Bedeutungsändern, indem es die Richtung noch bestimmter bzw. anders aufzeigt:

ivyn »tauschen«, *raivyn* »übersetzen«: *uyryssag ævzagæj činy raivton*
»aus der russischen Sprache übersetze ich das Buch«.

Es gibt auch Fälle, wenn das einfache Verbum durch das mit dem Verbalpräfix zusammengesetzte Verbum aus dem Gebrauch verdrängt wurde, z. B. *rajdajyn* »anfangen«, *rauomyn* »sich erbrechen«. Ihre präfixlose Form wird in die neuesten Wörterbücher nicht mehr aufgenommen.

Im Hinblick auf das Verbalpräfix *ra-* dürfen wir also feststellen:

1. Ursprünglich diente es zur Bezeichnung einer von innen nach außen gerichteter Bewegung, wobei es gleichzeitig angab, daß der Sprecher, d. i. der Beobachter der Handlung sich draußen aufhält.

2. Seine Verbreitung ist im gesamtossetischen Sprachraum nicht gleichmäßig, indem das mit der Bedeutung »weg-, aus-« gebrauchte ostossetische (ironische) Verbalpräfix *a-* im westossetischen (digorischen) Dialekt bei Verba, die eine Bewegung ausdrücken, durch das Verbalpräfix *ra-* ersetzt wird. Dieser Umstand weist darauf hin, daß beide Verbalpräfixe zueinander in irgendeinem Zusammenhang stehen.

3. Das Verbalpräfix *ra-* ist wie auch die übrigen Verbalpräfixe vor allen Dingen Träger des perfektiven Aspekts. Diese Funktion hat sich aus der älteren Bezeichnung irgendeiner Richtung entwickelt.

4. Es kommt auch vor, daß der Bedeutungswandel verblaßt ist und die Bedeutung des einfachen und des präfigierten Verbums wieder zusammenfällt, obwohl beide Varianten vorhanden sind.

Die Wechselbeziehung der ossetischen Verbalpräfixe *a-*, *ræ-* und *ra*

Folgende einfache Tatsachen lassen sich beobachten:

1. Das Verbalpräfix *a-*, das im Ostossetischen (im ironischen Dialekt) ziemlich produktiv ist, hat seine Produktivität im Westossetischen (im digorischen Dialekt) stark eingebüßt.

2. Das Verbalpräfix *ræ-* ist unproduktiv und bildet mit dem zu präfigierenden Verbum eine geschlossene Einheit, demzufolge das präfigierte Verbum als ein einfaches Verbum figuriert.

3. Das Verbalpräfix *a-* wird im westossetischen Dialekt in vielen Fällen, insbesondere bei dynamischen Verba – d.h. bei Verba, die eine Bewegung bezeichnen – durch das Verbalpräfix *ra-* ersetzt.

All diese Tatsachen sind im Zusammenhang mit dem Ursprung der Verbalpräfixe zu beurteilen.

a-

Was die Herkunft des ossetischen Verbalpräfixes *a-* (= *ā*) anbelangt, wird es von MILLER (81) mit neupersisch *ā-*, awestisch und altpersisch *ā-* und altindisch *ā-* zusammengestellt. Die genannten Verbalpräfixe sind auch aus anderen mittel- und neuiranischen Sprachen belegt, darunter im Pahlavi, im Afghani-schen, im Balutschi, im Yidghah (Pamir) und in den zentralen Dialekten des Persischen (im Gabri und im Kaschani).

Hinsichtlich der Lautung ist die Vergleichung tadellos, in semantischer Beziehung kommen jedoch erhebliche Schwierigkeiten zum Vorschein. Nehmen wir nun zuerst diese Schwierigkeiten unter die Lupe:

altindisch *ā-*. Grundlegende Bedeutung ist »her-, hervor-« (gegen den Sprecher), nur sekundär bedeutet es auch »hin , hinzu-« (gegen einen gedachten Gegenstand). Als Präposition hebt es die lokale Bedeutung der Kasus hervor (GRASSMANN, Wb. z. Rig-Veda, s. v.); »hin-, hinzu-, vor-« (THUMB, Hb. d. Sanskrit, 443): z. B. *ā-hvā-* »hervorrufen«. Die Bedeutung betrifft also im allgemeinen eine Bewegung in der Richtung zum Sprechenden, und erst sekundär in der Richtung *von* dem Sprechenden und *nach* einem bestimmten Gegenstand.

altiranisch (awestisch und altpersisch) *ā-* »her, heran, herzu« (BARTHOLOMAE, Altiran. Wb. s. v.), in der Richtung nach dem Sprechenden: z. B. *āgam-* »herkommen, hervorkommen«; nur sekundär auch in der Richtung nach einem gedachten Gegenstand.

mittelpersisch (Pahlavi) *ā-* ist sehr häufig: z. B. *āžārdan* »beleidigen, kränken« (SALEMANN, Gr. d. iran, Phil. I. 1. 309). Die Bezeichnung der Richtung ist verkommen, das Verbalpräfix ist untrennbar geworden.

neupersisch *ā-* ist ein abgestorbenes, d. h. inproduktiv gewordenes Verbalpräfix, das jedoch identisch ist mit den vorangegangenen (HÖRN, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 157): z. B. *āmaḍan* »kommen«. Das Verbalpräfix drückte ursprünglich die Richtung der Bewegung *nach* dem Sprechenden aus. Es steht in einer festen Zusammensetzung mit dem Verbum.

afghanisch *ā-* ist ein untrennbares Verbalpräfix (W. GEIGEB, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 213) mit verblaßtem Bedeutungsgehalt.

iydghah *ā-*: *āwrah* »bringen« (W. GEIGER, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 311): bezeichnet also die Annäherung an den Sprechenden,

balutschisch *ā-* ist ein veraltetes und mit dem Verbalstamm vollkommen verschmolzenes Verbalpräfix: z. B. *āyag*, zu dem Verbum *ā-i* »kommen« (W. GEIGER, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 238). Aus seiner Bedeutung ist ersichtlich, daß es ursprünglich ebenfalls eine Annäherung an den Sprecher ausgedrückt haben soll.

gabrisch *ā-*, z. B. *āšnūftmūn* »schweigen«. Der ursprüngliche Bedeutungsgehalt des Verbalpräfixes ist vollkommen abgekommen (W. GEIGER, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 402).

kaschanisch *hō-*, z. B. *hōbastén* »binden« (W. GEIGER, Gr. d. iran. Phil. I. 2. 402).

Das wichtigste Ergebnis der Zusammenstellung dieser Beispiele ist die Erkenntnis, daß das indoiranische Verbalpräfix *a-* im allgemeinen zum Ausdruck einer nähernden Bewegungsrichtung gedient haben soll. Somit ist seine Funktion jener von ossetisch *ā-* entgegengesetzt. Des weiteren kann es auch andere Erwägungen geben, deren Hervorhebung bei der Klärung der Frage von Belang sind.

Altindisch *ā-* hatte bereits in den Vedas eine sekundäre Bedeutungsvariante entwickelt, die nicht die Annäherung an den Sprechenden, sondern die Näherung schlechthin ausdrückte, also auch den Aspekt des Entfernens vom Sprechenden. Genauso verhält es sich im Altiranischen.

Ziemlich früh soll eine Verengung des Bedeutungsgehalts eingesetzt haben, wie dies bereits im Mittelpersischen sich feststellen läßt, wo die Bezeichnung der Richtung völlig verkommen war. Dieser Prozeß wurde im Neupersischen fortgesetzt. Dieselbe Lage kennzeichnet auch die übrigen neuiranischen Sprachen.

Setzen wir nun voraus, daß das ossetische Verbalpräfix *a-* etymologisch mit indoiranisch *a-* identisch ist, obgleich sie als richtungsbezeichnende Fakto-

ren bedeutungsmäßig einander entgegengesetzt erscheinen, muß die Lage im Ossetischen folgendermaßen beurteilt werden.

In der Bedeutung des ossetischen Verbalpräfixes *a-* soll die Vorstellung der Annäherung an einen außerhalb des Sprechenden liegenden bzw. von ihm entfernten Gegenstand äußerst früh in den Vordergrund getreten sein, woraus sich dann die Bedeutung des Entfernens vom Sprecher entwickeln konnte. Daher ist seine Bedeutung heute im allgemeinen »weg-«, und wenn sich die Bewegung von innen nach außen richtet, während sich der Sprecher *drinnen* befindet, erhält das Verbalpräfix die Bedeutung »aus-, hinaus-«.

Diese Funktion der Bezeichnung einer Richtung kommt, obschon mit abnehmender Intensität, auch heute zur Geltung im Ostossetischen (Ironischen), in geringem Maße im Westossetischen (Digorischen). Da es aber auch vorkommt, daß die Handlung eine zurückkehrende, also nähernde Richtung nimmt, läßt sich diese Bedeutung nicht anders erklären, als ein spärliches Relikt der alten, ursprünglichen Richtungsbezeichnung. Im Westossetischen sind die mit *a-* präfigierten Verba derart eng verwachsen, daß sie geradezu als einfache Verba zu betrachten sind. Diese Erscheinung hängt damit zusammen, was wir über das Verbalpräfix *ra-* zu sagen haben.

raë-

Das Verbalpräfix *raë-* bringt Miller (83) mit dem produktiven Verbalpräfix *ra-* in Zusammenhang, obwohl er den Zusammenhang seinerseits, wie er sagt, nicht klar sieht. Er erwägt die Möglichkeit, *ra-* ginge auf ein älteres *frā-*, *raë* auf ein älteres *frā-* zurück. Wenn wir jedoch awestisch *frā-*, *fārā-*, awestisch und altpersisch *frā-* mit ossetisch *ra-* und *raë* zusammenstellen, müssen wir gewisse Schwierigkeiten in Kauf nehmen. Im Altpersischen kommt nämlich *fra-* mit ausgesprochener Länge nirgends vor, während man bei dem Awesta in Betracht zu ziehen hat, ob das Verbalpräfix *frā-* vom Verbum getrennt, im Wortauslaut in den Gāthā's, oder aber in einem jüngeren awestischen Texte belegt ist. Die Belege aus den Gāthā's zeigen stets die Länge (*ā*). In den Gāthā's wird nämlich jeder Vokal im Wortauslaut als Länge bezeichnet, unabhängig davon, ob es sich tatsächlich um eine Länge handelt oder nicht. Der Hintergrund dieser Erscheinung ist immer noch nicht hinlänglich genug erforscht. In jüngeren awestischen Texten kommt Länge bzw. Kürze promiscue vor. Der Grund dafür liegt wohl in der ungenauen Graphik des Zeitalters der Arsakiden. In einigen Handschriften wird das *ṣ* angegeben, d. h. die Schreiber des Zeitalters der Arsakiden hatten eine sog. *plene*-Schreibweise angewendet. In der awestischen Schrift des Zeitalters der Sassaniden wurde es in der Regel mit dem Buchstaben transferiert, der unserem *ā* entspricht. In anderen Hand-

schriften, besonders im Wortinlaut (also auch im Falle von mit dem Verbum fest zusammengesetzten, Präverbia) stand man einer sog. *defektiven* Schreibweise gegenüber, wobei man in Unkenntnis des \varkappa das sassanidische Zeichen für *a* verwendete.

Wir sind also gezwungen, die Annahme eines ähnlichen Verhältnisses zwischen den ossetischen Verbalpräfixen *ra-* und *ræ-* wie im Falle der awestischen Verbalpräfixe *frā-* und *frǎ-* abzulehnen.

Mit der Klärung des Wortanlauts *fr-* verhält es sich allerdings viel günstiger.

Diese Erscheinung wird bei MILLER (38) nicht mehr als zweifelhaft verzeichnet. Die Unsicherheit wurde, wenn sie noch überhaupt bestand, von W. I. ABAEW endgültig beseitigt (Ос. яз. 165, 213). Auf Grund einer Analyse skythischer Eigennamen konnte er außer jedem Zweifel feststellen, daß dem altiranischen Wortanlaut *fr-* in den nordiranischen Sprachen wie im Skythischen, im Alanischen und im Ossetischen der Wortanlaut *r-* bzw. bisweilen auch *l-* entspricht.

Beispiele für den doppelten Charakter der Zeitdauer des Vokals gibt es bereits im Altindischen, indem hier neben *pra* auch die Spuren von *prā* nachweisbar sind, aber diese Doppelheit die Lage im Altiranischen keineswegs deckt. Dasselbe gilt für die Varianten $\pi\rho\acute{o}$ und $\pi\rho\omega$ im Griechischen bzw. *prō* und *prō* im Lateinischen.

Somit wäre nun die Herkunft des Verbalpräfixes *ræ-* geklärt, nicht aber die gegenseitigen Beziehungen der Verbalpräfixe *ræ-* und *ra-*.

ra-

Läßt sich das improduktive Verbalpräfix *ræ-* auch auf das altiranische Verbalpräfix *frā-*, *frǎ-* zurückführen, müssen wir bei der Erforschung der Herkunft des Verbalpräfixes *ra-* andere Wege beschreiten. Die Ursache ist einfach der Umstand, daß Gebrauch und Verbreitung der Verbalpräfixe *a-* und *ra-* in den beiden Hauptdialekten der ossetischen Sprache, im Ironischen und im Digorischen nicht gleichmäßig sind. Es wirft sich die Frage auf: wie ist es möglich, daß das Verbalpräfix *a-* im digorischen Dialekt in vielen Fällen nicht denselben Aspekt bzw. dieselbe Bedeutungsvariante ausdrückt wie im ironischen Dialekt, obwohl das Verbalpräfix *a-* auch ihm mundläufig ist und seine Produktivität noch nicht völlig verloren hat?

Nach Ausweis der iranischen Sprachen hatte die primäre Bedeutung des Verbalpräfixes *a-*, die der Annäherung sehr früh, bereits im Altiranischen, ja sogar in dem verwandten Altindischen einer sekundären Bedeutung, jener des Entfernens Platz machen müssen. Auch diese Bedeutungsvariante hatte den

Weg des weiteren Verblässens betreten müssen, um in den modernen iranischen Sprachen hie und da völlig oder beinahe völlig zu verschwinden.

Allem Anschein nach hatte ein ähnlicher Vorgang auch in den nordiranischen Sprachen seinen Anfang genommen, worauf wir jedoch ausschließlich aus dem Ossetischen folgern können. Diese Tendenz machte sich im Westossetischen (Digorischen), obwohl es in phonetischer Hinsicht konservativer ist, stärker geltend; schwächer hingegen im Ostossetischen (Ironischen), das in phonetischer Hinsicht eine fortgeschrittenere Sprachstufe aufweist.

Die ursprüngliche Bezeichnung der Richtung, die Bedeutung der Annäherung von *a-* ist im Ossetischen rudimentär erhalten geblieben. Die Bedeutung des Entfernens (russisch »от, y«, deutsch »von, ab, weg«) wurde allgemein. Im Ossetischen jedoch kam eigentümlicherweise auch der Anspruch auf, daß der Aspekt dabei nicht bloß im allgemeinen, sondern auch im Hinblick auf den Sprecher bzw. Beobachter bezeichnet werde. In erster Linie durch diesen Umstand wurde der Gebrauch der zweifachen Verbalpräfixe bedingt. Drückte also das Verbalpräfix *a-* im allgemeinen das Entfernen bzw. die von innen nach außen gerichtete Bewegung aus, vgl. *acyd* »ging weg, ging hinaus«, so enthielt es zugleich die Bedingung, daß der Sprecher sich drinnen aufhielt und den Prozeß der Handlung von dort beobachtete. Sollte es aber zum Ausdruck bringen, daß der Sprecher den Prozeß aus der Ferne bzw. von außen betrachtete, und besaß die Sprache keine lexikalischen Mittel dafür (wie im Deutschen z. B. *gehen* und *kommen* usw.), sondern bloß ein und dasselbe Verbum, gegebenenfalls *cæuyn* »gehen«, so mußte ein anderes Verbalpräfix herangezogen werden, wie *ær-*, das »an-, zu-, her-« bedeutet. Somit konnte dann **æracyd* > *racyd* die Bedeutung erhalten: »kam heraus, kam hervor, kam (hier)her«, d. h. dorthin, wo sich der Sprecher befand. Da der Wortanlaut mit kurzem Vokal im allgemeinen nicht betont wird, konnte der Schwund des Vokals *æ-* leicht eintreten.

Auf diese Rolle des Verbalpräfixes *ær-* verweist hypothetisch bereits das Miller–Freimannsche Wörterbuch (920), aber nur in bezug auf das im digorischen Dialekt anstatt von ironisch *a-* gebrauchte Verbalpräfix *ra-*. Dabei sind aber folgende Tatsachen vor Augen zu halten. Das Verbalpräfix *ær-* drückt sowohl im Hinblick auf den Sprecher als auch überhaupt stets eine Annäherung aus, während ironisch *a-* durch *ra-* gar häufig auch in Fällen ersetzt wird, wo eine Annäherung gar nicht in Frage kommen kann. Vgl. z. B. ir. *akaxyn* »ausgraben, ausbohren, untersuchen, prüfen« = dig. *rakaxun*; ir. *akuryn* »erbetteln, erbeten« = dig. *rakorun*; ir. *akunæg kænyn* »herabsetzen, vermindern« = dig. *rakunæg kænun* usw. MILLER (83) behauptet jedoch, westossetisch *ra-* entspreche dem *a-* des Ostossetischen in der Bedeutung »von, ab, weg, vorwärts«. Verhält es sich so, dann kann das Verbalpräfix *ær-* zu der Entstehung dieser Bedeutungsvariante kaum beigetragen haben.

Die indoiranischen Belege beweisen, daß das indoiranische Verbalpräfix *a-* mit dem Verbalstamm im Laufe der Sprachgeschichte so eng verwuchs, daß es in manchen neuiranischen Sprachen nicht mehr als Verbalpräfix aufgefaßt werden darf. Anderswo ist es dagegen produktiv geblieben. Dieser Umstand läßt sich damit erklären, daß die lokative Bedeutung mehr und mehr verblaßte und später völlig verschwand. Dort hingegen, wo es möglich war, hatte sich die Funktion des perfektiven Aspekts entwickelt und verstärkt, um zu einem Ausgangspunkt einer neuen Entwicklung zu werden. So geschah das im Ossetischen, vor allem im westlichen Dialekt des Ossetischen. Im Westossetischen kommt das Verbalpräfix *a-* nunmehr ausschließlich in fester Zusammensetzung vor (MILLER, 81) und seine lokative Bedeutung ist entweder stark eingeschrumpft oder völlig geschwunden. Geblieben, sind dagegen die mit dem Verbalpräfix *a-* zusammengesetzten Verba, bei welchen die Bezeichnung des Entfernens trotzdem vonnöten war. Dazu war das Verbalpräfix *ær-*, wie ich darauf hingewiesen habe, ungeeignet, im Gegensatz zum damals noch möglicherweise produktiven Verbalpräfix *ræ-*, das sich zu diesem Zwecke in der Bedeutung »vorwärts, weg« noch eignen durfte. Im Ergebnis der Zusammensetzung von *ræ-* und *a-* ist auf diese Weise das westossetische Verbalpräfix *ra-* entstanden, das seiner Form nach mit dem mit *ær-* zusammengesetzten Verbalpräfix *a-* zusammenfiel.

Der Ursprung des Verbalpräfixes *ra-* ist demnach von einem zweifachen Charakter: *ær + a*, bzw. *ræ + a = ra-*. Durch den im westossetischen auf gekommenen Bedarf wurde die Weiterentwicklung gesichert, die das zusammengesetzte Verbalpräfix nach der Herausbildung des perfektiven Aspekts wieder produktiv machte. Damit wird zugleich die von MILLER offen gelassene Frage (83) nach der Beziehung zwischen den Verbalpräfixen *ræ-* und *ra-* beantwortet.

Es ist aber anzumerken, daß in dem Falle, wenn dem ostossetischen Verbalpräfix *a-* westossetisch *ra-* entspricht, sich die Bedeutung keineswegs auf die bloße Funktion der Bezeichnung einer Bewegung bzw. des Entfernens (wenn auch im übertragenen Sinne) beschränkt. Sie umfaßt also einen weiteren Bereich, als man darauf aus MILLERS Feststellungen schließen dürfte.

Dieses dem ostossetischen *a-* entsprechende westossetische *ra-* ist imstande, Aspekte auszudrücken, die sonst in der Regel vom Verbalpräfix *a-* getragen werden: es kann eine rasche und oberflächliche Handlung, den Anfang der Handlung oder des Zustandes, eine sich an ein und derselben Stelle bewegend oder rückwärts gerichtete, in mehreren Richtungen vor sich gehende Handlung, des weiteren eine sich nur symbolisch entfernende bzw. eine in ihrem Geltungsbereich weitgehend eingeschränkte und spezialisierte Handlung ausdrücken.

Alles in allem ist das dem Verbalpräfix *a-* des östlichen (ironischen) Dialektes entsprechende Verbalpräfix *ra-* des westlichen (digorischen) Dialektes

geeignet, all die Aspekte und Bedeutungsvarianten auszudrücken, die das Verbalpräfix *a-* im allgemeinen zum Ausdruck bringt. Dies ist auch verständlich, da dieses Verbalpräfix gemäß seiner Herkunft eine Verstärkung des in seiner Bedeutung verblaßten Verbalpräfixes *a-* durch das Verbalpräfix *rae-* darstellt, wodurch die ursprüngliche Bedeutung – sozusagen – wiederhergestellt wurde.

Außerdem ist im westlichen Dialekt das Verbalpräfix *ra-*, dessen Entstehung wir aus *ær + a* ableiten, in derselben Funktion vorhanden wie im östlichen Dialekt.

*

Das Verbalpräfix *ra-* läßt sich mit dem altiranischen Verbalpräfix *fra-* erst mittelbar in Zusammenhang bringen. Es ist viel eher möglich anzunehmen, daß wir dabei mit einem zusammengesetzten Verbalpräfix zu tun haben, das zum Teil auf *ær + a*, zum Teil auf *rae + a* zurückgeht. Es handelt sich hier um eine zufällige Übereinstimmung, die infolge der regelrechten lautgeschichtlichen Entwicklung entstanden ist. Die Tatsache, daß der Gebrauch der Verbalpräfixe *a-* und *ra-* in den beiden Hauptdialekten quantitativ unterschiedlich, ist, ist darauf zurückzuführen, daß die Produktivität des Verbalpräfixes *a-* in den beiden Dialekträumen nicht in dem gleichen Maße verengt wurde. Ansonsten hängt mit seiner Entstehung auch der Umstand zusammen, daß es geeignet ist, neben dem perfektiven Aspekt beinahe sämtliche Bedeutungsvarianten zu tragen, die wir beim Gebrauch des Verbalpräfixes *a-* abgesondert hatten. Bei Verba, die eine Bewegung ausdrücken, besteht der größte Unterschied darin, daß während das Verbalpräfix *a-* die von innen nach außen gerichtete Bewegung im Blickfeld des sich drinnen befindenden Sprechers oder Beobachters bezeichnet, das Verbalpräfix *ra-* dieselbe Bewegung im Blickfeld des sich draußen aufhaltenden Sprechers oder Beobachters aufzeigt.

NOTES

¹ МИЛЛЕР В. Осетинские этюды I–III (Москва 1881, 1882, 1887). – MILLER W. Die Sprache der Osseten, Straßburg, Trübner 1903: (WILH. GEIGER u. ERNST KUHN, Grundriß der iranischen Philologie. I. Anhang).

² МИЛЛЕР В., ФРЕЙМАН А. Осетинско-русско-немецкий словарь (Ленинград 1927, 1929, 1934).

³ АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор I (Москва – Ленинград 1949). – Грамматический очерк осетинского языка (А. М. КАСАЕВ, Осетинско-русский словарь. Москва, 1952).

⁴ КОЗЫРЕВА Т. З. Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке: Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского Института, т. XVI, 1954).

Р. Л. ЦАБОЛОВ

К ИСТОРИИ ОСЕТИНСКИХ ПРЕВЕРБОВ

(Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.

Том 19. Орджоникидзе, 1957)

Осетинские превербы привлекают к себе внимание лингвистов тем значением и местом, которые им принадлежат в системе осетинского глагола. Достаточно сказать, что они выполняют такие важные функции, как видообразовательная функция преверба **фæ**. В. Ф. Миллером выделенное значение подчеркивается тем, что префиксация является одним (морфологическим, отглагольным) из двух возможных способов глаголообразования (наряду с образованием составных глаголов, в основном отыменных).

Роль и значение превербов, хотя и не в полном объеме, были отмечены уже в грамматике основоположника осетинского языкознания академика А. Шегрена. Им отмечены наиболее важные функции превербов: 1) локативная, 2) словоизменительная, 3) функция качественной характеристики действия¹.

В фундаментальном исследовании Вс. Ф. Миллера – «Осетинских этюдах» – в разделе, посвященном превербам, как во всем, касающемся и других сторон языка, проделана основная работа, устанавливающая этимологические связи осетинских и иранских форм. В нем даны более точные характеристики пространственных значений превербов и отмечена видообразовательная функция преверба **фæ**. В. Ф. Миллером выделены и такие превербы, которые встречаются только в сращениях с глаголами, хотя на их непродуктивность не было указано. Значения их не определены, но этимологические связи с древнеиранскими также установлены. Таким образом, в разделе представлены все осетинские превербы. Там же впервые были отмечены комбинаторные и другие звуковые явления, связанные с их употреблением.

¹ ШЕГРЕН А. Осетинская грамматика. Спб, 1844. С. 182, сл.

Однако, функциональная сторона превербов осталась изученной не полностью, пространственные их значения выявлены недостаточно точно, а видообразовательная функция почти не раскрыта. Это было следствием направленности основного внимания исследователя на звуковую сторону осетинских форм, что имело наиболее важное значение на данном этапе изучения осетинского языка для установления его родства с иранскими, в частности, древнеперсидским и авестийским языками.

В дальнейшем, наряду с разработкой и изучением внутрииранских отношений осетинского с другими языками этой группы, были выдвинуты вопросы изучения функциональных сторон различных явлений языка. Решение этих вопросов вместе с изучением тех отложений в языке, которые не находили объяснения на иранской почве, обнаружило наличие неиранского элемента в лексике, грамматической структуре и функциях отдельных форм, причем часто явно иранские формы были наполнены неиранским содержанием. Это определило дальнейшее направление исследовательской работы, в ходе которой были выяснены объем, характер и область проявления неиранских (субстратных) явлений в осетинском языке. Это направление представлено в осетиноведении трудами В. И. Абаева. В частности, В. И. Абаев подчеркнул недостаточность приведенных В. Ф. Миллером локативных значений осетинских превербов, указывающих направление не абстрактно, а с точки зрения наблюдателя. Это свойство, новое для иранского языка, находит близкие параллели в грузинском и ряде восточно-горских языков².

В. И. Абаеву принадлежит также наиболее полное описание функций превербов в современном осетинском языке³.

Последней по времени работой, посвященной осетинским превербам, была диссертация Т. З. Козыревой «Категория вида в осетинском языке», результаты которой опубликованы в отдельной статье⁴.

Основное внимание автора было уделено видообразовательной функции превербов, впервые получившей в литературе наиболее полное описание. Кроме того, были отмечены еще три основные функции: пространственной и качественной характеристики действия и словообразова-

² АБАЕВ В. И. К характеристике современного осетинского языка. – «Осетинский язык и фольклор», I, М.–Л., 1949.

³ АБАЕВ В. И. Грамматический очерк осетинского языка. – «Осетинско-русский словарь». М., 1952.

⁴ КОЗЫРЕВА Т. З. Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке. – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XVI, Орджоникидзе, 1954.

тельная. Недостатком описания последних трех функций является, на наш взгляд, неточность отдельных характеристик пространственных значений превербов (например, преверба *ÆP-*), ограничение функций качественной характеристики действия. В работе не разъяснены принципы выделения словообразовательной функции, а с иллюстрирующими ее примерами не всегда можно согласиться. Эти недостатки будут понятны, если учесть, что основной исследовательский интерес автора лежал в области избранной ею темы – категории вида в осетинском языке, – и поэтому главное внимание было уделено видообразовательной функции превербов. Кроме того, поскольку речь шла о современном осетинском языке, автор работы не касалась исторического развития системы осетинских превербов, и поэтому же сращенные формы глагольных приставок были исключены из исследования.

Во всех перечисленных выше работах обычно рассматривались отдельные стороны превербов. Поэтому целью настоящей работы является попытка по возможности полно представить осетинские превербы как лексико-грамматическую систему в языке, а также проследить за историческим развитием функций этой системы. Такой подход к изучению превербов нам кажется наиболее актуальным с точки зрения сегодняшних задач осетиноведения.

Обычно историческое изучение языка или отдельных его явлений бывает связано с памятниками письменной традиции этого языка, отражающей более или менее последовательно различные этапы его развития. При историческом изучении осетинского языка, не имеющего таких письменных памятников, важнейшее значение, помимо прочего, имеют факты древнеиранских языков, служащие исходным пунктом наблюдений и материалом для сравнения. Поэтому сначала следует кратко остановиться на том главном, что характеризует древнеиранские превербы как систему.

Превербы в древнеиранских языках связаны с предлогами их общим происхождением от наречий. Характерным для них является то, что эта связь еще сохраняется как живая в том состоянии древнеиранских языков, которое представлено Авестой и древнеперсидским. Одни и те же формы при различном употреблении используются то как наречия, то как предлоги, то как превербы. При этом они становятся все менее употребительными как самостоятельные наречия, появляясь в этих случаях в наращенной форме или как часть словосложения. В то же время предложные и превербные их функции, развившиеся из двойственного употребления наречных вначале форм соответственно с именами и глаголами, уже достаточно обособлены и рельефны. На это указывает развитие

таких отвлеченных значений, как соотношение, предназначенность, длительность, предельность и т. д. для предлогов и значения возвратного, возобновляющегося, совместного и т. д. действия для превербов. Обособление трех различных функций прежнего наречия должно было произойти еще во времена более близких и тесных общеиндоевропейских связей. Об этом говорят функциональные параллели этимологически родственных форм в других индоевропейских языках.

Несмотря на появление у превербов указанных выше отвлеченных значений, главными, основными для них были пространственные значения. Их основная функция – дополнять значение глагола пространственными указаниями: вверх, вниз, внутрь, наружу, вокруг, через, вперед, против, в разные стороны; указывать на направление действия, характеризовать его как приближающееся или удаляющееся и т. д. В этом, в их пространственной семантике, также проявляется их органическое родство с предлогами и наречиями.

Развившиеся у превербов отвлеченные значения, хотя они и достаточны как показатель их обособленности, развиты очень слабо. Степень отвлеченности их, во всяком случае, не достигла степени грамматической абстракции. Здесь имеется в виду прежде всего видовое значение, видообразовательная функция, которую А. Мейе предполагал у некоторых древнеперсидских глагольных приставок, а Г. Райхельт прямо указывал на авестийские превербы, которые выполняют эту функцию⁵. Однако результаты последних исследований показывают, что превербы в Авесте (в Гатах) не придают глаголам перфективности⁶.

В области словообразования роль превербов можно характеризовать скорее как словоизменятельную, так как они не меняют основного значения глагола, а только дополняют его. Лишь в некоторых случаях глагол существенно меняет свое значение вследствие переосмысления его превербной формы. Но такие явления носят случайный, частный характер и не основаны на каком-либо отстоявшемся и хотя бы ограниченно универсальном взаимодействии значений преверба к глаголам. Эти же формы в сложных словах являются самостоятельными наречиями.

Следует также отметить многочисленность превербов в древнеиранских языках. И так как они обычно имели несколько значений, хотя и близких, в некоторых функциях разных превербов имелась известная си-

⁵ MEILLET A. Grammaire du vieux perse. Paris, 1915. Н. REICHELT. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.

⁶ ZBAVITEL D. A contribution to the problem of the verbal aspect in Avesta. – Archiv orfentální, 1956, XXIV, 1, Praha.

нонимия, несмотря на то, что одно и то же отношение выражалось ими с различными оттенками, в зависимости от семантических связей преверба. Задача исторического изучения осетинских превербов требует ответа на следующие вопросы: 1) какие древнеиранские превербы сохранились в осетинском языке; 2) какими новыми превербами и за счет чего пополнились глагольные приставки; 3) каковы изменения в формах превербов; 4) какова продуктивность различных превербов в осетинском; 5) какие функции древних превербов в осетинском утеряны; 6) какие функции древних превербов сохранены и произошли ли в них изменения; 7) какие новые функции и какими путями приобрели осетинские превербы. Ответ на эти вопросы дает рассмотрение всей системы осетинских превербов в целом.

В осетинском языке представлены следующие превербы: æв- (æф-), æм- (æн-), и-, ив-, у- фæл-, фæр-, рæ- (лæ-), фæ-, с- (з-), а-, ны-, ра-, æр-, ба-, æрба-, цæ-. По наиболее существенному для них признаку – степени продуктивности – они делятся на две группы: непродуктивные и продуктивные. Рассмотрим их отдельно.

Непродуктивные превербы

К непродуктивным относятся æв- (æф), æм- (æн-), и-, ив-, у-, фæл-, фæр- и рæ- (лæ). Они обнаруживаются в сращениях с глаголами (и отчасти именами), с которыми имеют общее, теперь уже неразложимое значение, являются неотделимой по значению частью слова, что подтверждается возможностью употреблять сращенные формы глаголов с продуктивными превербами, тогда как употребление двух превербов одновременно с одним глаголом обычно невозможно. Поэтому значения непродуктивных превербов определяются только путем этимологического анализа слова. Изучение этих значений важно для истории развития функций системы осетинских превербов, так как они представляют определенный этап этого развития. С другой стороны, это поможет уяснить причины потери продуктивности у превербов этой группы.

I. ÆВ-, перед глухим ÆФ-. Древнеиранск. ара-, придавал действию направленность прочь, в сторону. В осетинском сохранился как пре-верб и как наречие в сложных словах. В качестве преверба имеет следующие значения:

1) Направленность действия прочь, в сторону, иногда с оттенком направленности действия наружу.

ÆВЗАРЫН – «выбирать, разбирать, сортировать», диг. æвзарун, прош. æвзурстон. Авест. заг – «хватать», скр. har – id. (М. III. 154). В Sp.

0.59. сопоставляется с др. инд. *har* – «nehmen», *haryatti*, «hat gern, findet gefallen, begehrt» и русским *zariti* – «побуждать».

Значение преверба – пространственное, направление указывается относительно к месту действия, прочь, в сторону от этого места.

ÆВЗИДЫН – «замахиваться, потрясать, угрожать чем-нибудь»; диг. *æвзедун*. Sp. 0. 60: «Etym. unsicher, schwerlich zu ai. *hedati* – «agert, krankt», dessen d. aus zd entstanden ist».

Возможно объяснить из *сидын* – «звать», «призывать» в соединении со значением преверба «прочь», получившее значение «звать прочь (угрожая)», т. е. «угрожать». Ср. диг. *æнседун* – «натравливать (звать друг к другу)». Переход *с* в *з* как результат ассимилятивного озвончения.

ÆВЗИЙЫН – «выпадать» (о волосах); диг. *æвзуйун*. Этимология неясна. Значение преверба ясно выступает в общем значении глагола, выражающем движение прочь, наружу, в сторону.

ÆРВИТЫН (**æв* – *ритын*) – «посылать», диг. *æрветун*. Ср. гот. *lupan* – «gehen», «fahren». (Barth. Wb). Там же далее: «Eig. Bedeutung also «gehen» im Sinn von «weggehen, abíre». – Pehlevi Übersetzung: *ape vitartan*». Ср. также новоперс. *gozästän* (осн. н. вр. *gozar* –) в знач. «проходить» и «умирать». В осет. сохранилось значение уходить в кач. каузатива.

ÆВЗИЛЫН – «бросать, отбрасывать, сбрасывать, выкидывать». Ср. *зилын* – «крутить, кружить(ся)». Преверб в том же пространственном значении.

ÆРГÆВДЫН – «резать (живое сущ.), резать (несоверш.), отрезать голову»; *æв* – *гәрдын*, диг. *æвгæрдун* – *id*; тж. *игæрдун*; ср. *кæрдын* – «резать», «косить», «кроить»; *кард* – «нож». Первоначальное значение сращения «отрезать» (голову), для придания такого значения и употреблен преверб.

Современное значение глагола, хотя и не передает прежнего в буквальном смысле, осталось в рамках прежнего представления о действии, выраженном в глаголе, т. к. применяется исключительно в тех случаях, когда речь идет о зарезанных животных или человеку.

ÆВДИСЫН – «показывать»; диг. *æвдесун*. Авест. *daes* – «показывать», авест. каузат. *daesay* (М. II. 56), скр. *ара* – *deçayati* «он указывает, свидетельствует» (М. III. 167). Семантика преверба *ара* – совпадает со значением обращенности действия в сторону от действующего. Преверб подчеркивает эту обращенность. В осетинском сращении полностью сохраняет значение корня *daes-*, соответствуя также скр. *aradecayati* – «свидетельствует». Ср. ас. *æвдисæн* – «свидетельство», «свидетель». Ср. *радесун* (см. дальше).

ÆЛВАСЫН (из *æв-ласын*) – «тянуть», «стягивать», «затягивать»; «вывихнуть», диг. *æлвасун*. Ср. *ласын* – «тянуть», «тащить», «везти».

Диг. **ÆВДИГЪД** – «открытый, безбрежный» (к тындзын, итиндзун) (В. И. АБАЕВ, ОЯФ, Сл. расх. III.), ара + (тыгъд – тауын) – «разостланный, распростертый».

2) Большая группа сращений с превербом **æв** – не обнаруживает пространственной семантики преверба. Точное выявление его значения затруднено.

ÆЛВИСЫН (из **æв-лисын**) – «прясть», диг. **æлвесун**. Sp. 0. 61: «aus *æв-лисын, vgl. пр. **ristan** – «spinnen», bal. **resag** – «spinnen»; «flechten»; ai. **lisati** – «rupt, reisst ab», Vgl. лыстæg».

ÆВГÆНЫН – «насыпать», «наполнять»; «нагружать» (сыпучими материалами, к.-л. массой); диг. **æвгæнун**. Глагольный корень можно сопоставить с авест. ⁷ **kan** – «копать», употребляемый в значении «засыпать», «присыпать» с другим превербом: **baevag ma nam...** Ср. **ныгæнын** – «хоронить», «закапывать». В таком случае сращение сильно лексикализовалось, так что значение преверба уже не проступает.

В качестве наречия **ара** сохранилось в сложных словах, которые можно разделить на несколько разновидностей:

1) В сложениях с именами образует (прилагательные) со значением «лишенный чего-нибудь».

ÆВРОНГ – «трезвый». Из ***ара-frana**. (В. И. АБАЕВ. Значение и происхождение слова **rong-**, ОЯФ, I, 352).

ÆВЗОНГ – «молодой»; «не ко времени поспевший, несвоевременный». М. б. первоначально «молодой», «неемышленный», «лишенный разума из ***ара-zan-** (а) -ка распространилось в знач. «несвоевременный».

2) В сложении с именем образует существительное. Значение преверба неясно.

ÆВГЪИЛ – «шест со шкурой или головой жертвенного животного во время праздника уацилла» (см. М. П. 240 сл., М. – Ф. I. 87). Ср. **хъил** – «шест». Значение преверба, выступающего в данном случае в словосложении как наречие, по-видимому, связано с культовым предназначением шестов, которое не вполне ясно.

3) В сложении с глагольным корнем образует отглагольное имя со значением имени действия:

ÆВДЖИД – «попечительство», «порука», «опека», диг. **йевгед**. Из иранских корней может быть сопоставлен с авест. **kaet** – «обдумывать», «размышлять», «б. внимательным к чему-либо». (Barth. Wb. 427).

⁷ Здесь и далее из-за типографских возможностей сокращаются некоторые примеры из авестийского и других языков.

С осетинским корнем он сближается, если начальное **k** → **g** между сонорным (***æв** < **ара-**) и гласным с последующим переходом **g** → **j** перед гласным переднего ряда. Со стороны смысловой проверб **a** – в Авесте может ограничить значение глагола до близкого к осетинскому: «быть внимательным». См. Barth. Wb. 428¹.

4) В сложении с глагольным корнем образует имя со значением объекта, испытывающего действие, выраженное глагольным корнем:

ÆВГЪАУ – «то, что жаль отдать, потерять» и т. д., «то, с чем расстаться кажется убыточным»; диг. -id. По-видимому, момент субъективного отношения к действию, заключенный в значении глагола, – позднее наслоение на провербное образование от хъауын – «уменьшать, расходовать» медиальная форма хъæуын – «б. нужным, недоставать».

Значение проверба согласуется с его древнеиранским значением «прочь», «в сторону». Ср. осет. фæхъхъау – «жертва», т. е. «то, что отдается».

5) В сложении с причастием прошедшего времени образует отглагольное имя действия:

ÆВГЪÆД – «роды», (иногда «время, проводимое в постели после родов»). Здесь, очевидно, в значении: «выход прочь (наружу)».

II. ÆМ – (æн-, æх- и с другими ассимилятивными изменениями согласного). Древнеиранск. **ham-**, **han-** и т. д., придавал действию значение совместности, одновременности, направленности на один объект. В осетинском сохранился как проверб в сращениях с глаголами и как наречие в сложных словах. Не будучи уже продуктивным с глаголами, он сохранил продуктивность с именами. Поэтому при желании он может быть использован с глаголом в живом употреблении, но только в именной части составного глагола, которая может быть именем или причастием прошедшего времени.

Как проверб в сращениях имеет следующие значения:

1) Выражает одновременность или одинаковый характер действия или процесса.

ÆМБИЙЫН – «гнить», диг. æбуйун – id. Миллер возводит к ав. **pi** – «гнить», скр. **piu-**, **puyati**, авест. **puyeiti** (**a** – **puyant** – «нетленный»), **puitis** – «Faulnis», новоперс. **pusidan** (М. II. 85, Sp. 0. 33. 65). Ср. лат. **puteo** – «пахнуть гнилью», «издавать зловоние», **putidus** – «гнилой», «тухлый».

ÆМБУДЫН – «обонять, ощущать, воспринимать», диг. æмбодун. Осет. буд. – «ладан».

ÆМПУРСУН – (диг.) «попирать, громить, вторгаться». У Миллера (Sp. 0. 63) дана иронская форма æмбырсын как старое инхоативное образование от бырын – «ползти». Без проверба существует и в современном

языке в форме **бырсын** в том же значении «врываться», «вторгаться». Значения «попирать», «громить» являются переносными.

АЕНКЪАРЫН – «чувствовать, понимать, ощущать»; **аенкъараг** – «чувствительный», **аенкъаран** – «эмоция», **аенкъарга** – «ощутимый», **аенкъард** – «грустный, задумчивый».

АЕНХЪАЕЛЫН – «думать, полагать, предполагать». В.с. Миллер указывает на авест. **hankarayemi** и н. перс. **änragdän** – «упоминать», «ценить» (по словарю Б. В. Миллера **ängaridän** – «думать», «представлять себе»).

АФСНАЙЫН – «убирать», «прибирать», «приводить в порядок», также «прятать» (по-видимому переносно); диг. **афснаун**. Из ***апа- сна-**. Ав. **сна** – «мыть». Ср. иронское **найын** – «купать(ся)»; диг. **ахснун**, др. ир. ***хсна-** (Barth. Wb., стр. 1629).

АФХАЕРЫН – «обижать», «оскорблять», «укорять», «делать выговор»; «наказывать», «качать». Ср. рус. **хворый**. Ср. также диг. **афхуарна** – «выщербленное водой место». (Сл. раех. III).

АФХАЕЛЫН: **афхалд** – «повреждаться», «натираться» (о коже), **афхалд** – 1) «поврежденный»; 2) «ссадина»; диг. **афхалун**; **афхал-ц** – «выкидыш», «аборт». Ср. **халын**: **халд** – «разрушаться», «ломаться», «портиться», «развязываться».

АВДУЗЫН – «давить», «пригнетать к земле», «притеснять». (ОЯФ, 480), «прижать», «притиснуть», «запереть на крючок» (дверь) (М – Ф), «закручивать», «ввинчивать», «завинчивать», «прикреплять», «закреплять» (сл. 1952), диг. **авдозун** – «натягивать». Корень глагола В. Миллер считает родственным н. перс. **doxtan (duxtän)**, осн. н. вр. **duz-**, белудж. **docag** – «нить», н. перс. **дus, dos** – «Kitt» (клей), арм. **doc**; ср. осет. **авдадзун (андузын)** «соединять», «прикреплять», (Beitr., № 3). Ср. также н. перс. **duze** – «репейник». Если другая основа **дух-** (**dux-**), то, м. б., сюда же **з-духын** (из **тухын**).

АВДАЕРЗЫН – «раздражать», «натирать» (кожу); диг. **авдирзун**, **авдирхун**. Ср. **дэрзæг** – «шершавый», «шероховатый», «грубый». Авест. **tarsav, adj.**, «сухой», «твердый», «хрупкий», готск. **paursils**, «сухой, высохший» (Barth. Wb. 644).

АВДУЛЫН – «катать», «валять», «месить» (тесто); «марать», «пачкать», диг. **авдолун**. Прощ. прич. **авдылд** – «поволянный». Ср. **тулын** – «катать», «валять». Позже В.с. Миллер очевидно отказывается от этой этимологии, не заменяя ее ничем (Sp. 0. 58). По-видимому, вероятнее сопоставлять с ним предыдущий глагол.

АЕНКЪУЫСЫН – «качаться, покачнуться». Представляется отыменным образованием, ср. звукоподр. **джис-къус** – «колебание, нерешительность».

ÆМБÆРЗЫН – «закрывать», «укрывать» (чем-нибудь), «прикрывать», диг. æмбæрзун – id. Ср. осет. нывæрзæн, бæрзæй.

ÆНДАВЫН – «греть», «пригревать», диг. æндавун. ср. тавын – «греть», «пригревать», диг. æндавун. ср. тавын – «греть», æнтæф – «жара», «духота». Авест. **tap.** – «heiss sein», инхоат. **tafsa-**, ср. осет. тæфсын – «согреваться» (во время болезни, лихорадки), «знобить», «лихорадить», авест. **tafnav** – «лихорадка», осет. тæфсæг – «лихорадка». Отсюда медиальная форма.

ÆНТАУЫН – «заквашивать сусло», «квасить», «замешивать». Ср. тауын – «велять», «разбрасывать», «расстилать».

1). Выражает приближение, соединение, диг. ÆНХÆРСУН – «пополнять, дополнять», ир. æххæссын – «доставать (до чего-нибудь)», «быть достаточным», æххæст кæнын – «пополнять», «дополнять». Диг. хæрсун – «нести», ир. хæссын – id. С превербом – в средн. залоге, в знач. *«нести друг к другу», «сноситься», иронск. – id. Иронск. æх – из æм через ассимиляцию.

ÆНЦАЙЫН – «успокаиваться, обретать покой», «опираться на что-нибудь», «соприкасаться», диг. æнцайун, æнцад – «спокойный», «тихий», цадаг – «тихий», «медленный», цад – «озеро» (т. е. «спокойная, стоячая, нетекучая вода»).

ÆМБÆЛЫН – «встречать, встречаться», диг. æмбæлун – id. Возм., деноминативное образование от бал – «группа, отряд», «боевая дружина», «стая». Ср. æмбал – «товарищ», «соратник», «спутник».

ÆНДАДЗЫН – «паять», «клеить», «прилеплять», неперех. – æндæдзын; диг. æндадзун (æндæдзун. Ср. осет. тадзын – «капать», «давать стекать». (Sp. 0. 58) возводит к тæдзун – «течь», æм – тадзын – «сливать, сплавлять вместе»).

ÆМПУЛЫН – «собирать в складки», «комкать», æмпылын – в возвр. знач. (мед.) диг. æмполун и æмпулун – id.

ÆУУÆРДЫН – «мять» (кожу), «обжимать», «мять раскатывая», диг. æууæрдун. Из æм + уæрдын, корень которого Миллер сопоставляет с скр. **vártate**, **vártati** – «dreht sich, rollt», **vartáyati** – «rollt, dreht, scwingt». Ср. также авест. ³**var** – «se vertere (Barth. Wb. 13. 62).

ÆУУИЛЫН – «жевать». Из ам + уилын, осет. уилын – «подбрасывать», которое Миллер (М. III. 158) сопоставляет с скр. **vell** – **vellati** «колебать», «качать». Менее вероятно близость с авест. **baoirya** – «was gekaut werden muß» (Barth. Wb. 946) и скр. **bharavati** – «жуёт», которую предполагает Миллер (Beitr. № 21), по фонетическим соображениям.

Диг. ÆНСЕДУН – «натравливать» (на к.-л., друг на друга). Ср. сидын. диг. седун – «звать», «призывать». Ср. ир. æвзидын.

ÆУУÆНДЫН – «доверять кому-нибудь», «полагаться на кого-нибудь»; диг. æууæндун. Из æм+ уæндын. По значению и происхождению близко связано с уæндын – «сметь». Миллер сравнивает с авест. **vantar** – «sieger» скр. **vanta, vanati, vanoti** – «wünschen. gewinnen» и т. д. (Sp. 0. 63).

ÆМБАРЫН – «понимать». Этим. неизвест., диг. æмбарун – id. Ср. барын – «мерять», «измерять», «взвешивать».

2) Выражает интенсивность действия.

ÆНТЪÆРЫН – «гнать», «погонять», «изгонять» (презрит.). Неотделимо от тæрын – «гнать», «погонять». С превербом æм – выражает интенсивность действия.

ÆМПЪУХЫН – «тащить», «сильно стягивать». По-видимому родственно с æмбухын (см.). Очевидно сюда же æмпъузын – «штопать», «латать».

ÆМБУХЫН – «мычать», «реветь», «кричать», «сильно беспокоиться». (Сл. М.–Ф.; Сл. 1952). Диг. æмбохун. У Миллера дано значение «гордиться». Очевидно сюда же относятся: быхсын – «терпеть»; «выносить». (Сл. 1952), диг. бухсун – id, абухын – «волноваться» (о море), «бушевать», «буйствовать» (сл. 1952); «волноваться», «мычать», «реветь» (сл. М.–Ф.); абузын – «подниматься», «вспухать», «вздуваться», диг. абузун, байабузун (сл. М.–Ф.). Сюда же скифско-аланск. ***ambust** – «возвеличенный» (?); из **ham-pus-**, русск. пышный и пр. (Ск. яз., ОЯФ. I. 153) в словах: Αμβουστος, Ι ραμβουστος и в собств. имени Ambustan (там же). Все эти глаголы, происходящие, как нам кажется, от одного корня, объединяются своей семантикой, общим и исходным значением которых является представление о действии, связанном с преодолением каких-то сковывающих сил, внешних или внутренних. Значение «гордиться», приведенное Миллером, может быть переносным из «надуваться», «расти», «пухнуть», что подтверждают приведенные там же (М. III. 150, Sp. 0. 33, 61) этимологии: ***pus**, латинск. **pus-tula** – «пузырь», цел. пыха, пухль, **puхnati**, скр. **pus-, pusta-, pusa-** и т. д. Сомнительным в этой этимологии представляется соответствие общиндоевропейского **p** осетинскому начальному **в** (б) корня, вместо которого должно было бы быть **f** или **v** (между гласными). Однако ср. æмбийын из **ham-pu** – «гнить».

3) Все сложные слова, в которых ÆМ – появляется как наречие, образованы по типу bahuvrīhi. Наречие выступает в них в значении, указывающем на обладание таким же, тем же или частью того признака, которым характеризуется имя во второй части сложения.

ÆВВАХС – «находящийся рядом, близко, сбоку, вплотную к чему-нибудь или кому-нибудь», диг. ÆН – вахс. Из æм-фахс, фахс – «бок»,

«сторона». Ср. æхсæрфарс из æфсæры (фахс) – «щека», (букв. «бок челюсти»), Sp. 0. 31: ***ham** + **paxsa**, vgl. ai. paksas – «Seite, Hälfte».

ÆФСЫМÆР – «брат», диг. æнсувæр – «единоутробный». Ср. сывæр – «утроба», сывæллон из сывæр-он – «ребенок» (букв. «утробный»), сывæрджын – «беременная».

ÆМГЪУЫД – «срок», диг. æнгъуд. Из (<æм) – **gu** – «идти». См. ивгъуыйын. Ср. н. перс. **hängam** – «время» из **han** + **gam** от **gam** – «идти».

ÆНДОН – «сталь». Происхождение этого слова считается не вполне ясным. Неясно также его отношение к удмуртскому **andan** – «сталь» и чеченскому **ondun** – «сталь». Предположительно объясняется из иранского ***han** + **danu** – «сплав». (В. И. АБАЕВ. Скифский язык. ОЯФ, 153). Такая этимология кажется наиболее вероятной, причем нет необходимости значение «сталь» заменять значением «сплав», так как добавление других металлов в состав железа при изготовлении стали – сравнительно позднее явление в металлургии. Как известно, качество стали зависело в основном от количества содержавшегося в ней углерода и от закалки. Для закалки же, главным образом, использовалась вода – др. ир. **danu**. Поэтому **han** + **danu** может обозначать именно такое железо, которое закалялось с помощью воды, т. е. сталь.

ÆМБАЛ – друг, товарищ, соучастник; диг. æнбал. Из æм + бал, где бал – «отряд», «дружина», также «стая» (иапр. волков) (ИОЯ⁸).

ÆМБИС – «половина»; диг. æмбес. Из æм + бис < **hama** – **paesa** – «равновидный», «gleichartiger» (М. III. 155, Sp. 0. 33).

ÆМГАР – «ровесник», диг. æнгарæ. Диг. карæ – «возраст».

ÆНГÆС – «похожий, схожий, подобный»; диг. æнгæс – «взгляд», «присмотр». (Сл. III). Образование от касын – «смотреть», æнгæс уын – «быть похожим», «выглядеть одинаково».

III. И-. Древнеиранск. vi-, придавал действию значение направленности в разные стороны или беспорядочного движения. Сохранился в осетинском как преверб и наречие. Как преверб имел следующее употребление:

1) Им выражалась направленность действия в противоположные или разные стороны от одного исходного пункта.

ИВАЙЫН – «бледнеть». Авест. **bä** – «сиять». Употр. только с превербами (Barth. Wb. 952). В.с. Миллер сопоставляет с скр. **vi** + **bhā** – (М. III. 144. Sp. 0. 64). В последнем дается реконстр. форма ***vi** + **b'a** – (***vi** + **bha**-). Это обстоятельство вместе с указанием Bartholomae на то, что в Авесте **ba** – неупотребителен без преверба, может свидетельствовать, хо-

⁸ АБАЕВ В. И. Курс исторической грамматики осетинского языка.

тя и косвенно, что и осетинское ивайын – старое образование. Другим свидетельством в пользу этого может служить сложение бонивайæн (с перестан. бонвиан) – «рассвет», в котором во второй части находим уже наращенную глагольную основу ива-.

Диг. ИВÆНДУН – «класть основу на ткацкий станок», «мотать». Авест. **band-** «вязать, связывать». Ср. диг. нивæндун, ирон. нывæндын в тех же значениях. Оба глагола обозначают одно и то же действие. Различие, очевидно, заключается в том аспекте, в котором действие воспринимается: в одном случае ивæндун как растягивание нитей основы, в другом – как одновременное закрепление растянутых нитей. Но каждый из этих глаголов обозначает весь процесс целиком. Значение преверба – направленность движения в разные (противоположные) стороны.

ИВЫЛЫН – «разливаться», «переливать через край», «наводняться», «выходить из берегов» (о реке, море); диг. ивулун – id. Sp. 0.62: – viell. idg **b'eul**, ***b'ul** – «schwellen» – («наводнять»). Гот. *ufbauljan* – «aufblasen» («надувать, раздувать»). При значении корня «наводнять» преверб прида-ет глаголу направленность действия в разные стороны.

Диг. ИГАЙУН – «затрагивать». Ср. кайын – «нарушать целостность», «дотрагиваться», «починать». См. АГАЙЫН.

Диг. ИГЕТУН – «колебаться», «не решаться». (Сл. I). Второе значение, очевидно, переносное. В иронском точное соответствие корню без преверба в том же значении: джитын. Семантика преверба в дигорском глаголе близка к значению корня, т. к. в выраженном глаголом действии предполагается движение в разные или противоположные стороны.

Диг. ИГЪАУН – «щедро, свободно расходовать, тратить». (Сл. I). Ср. ир. хъауын – «уменьшить», «расходовать» и æвгъау, фæлгъауын, схъауын.

Диг. ИГЪÆНДУН – «размазывать», «пачкать». Без преверба сохранилась только причастная форма ир. хъæстæ, диг. гъæстæ – «задетый», «запачканный», «оскверненный». (Сл. I). Ср. также диг. фæлгъæндун-.

Диг. ИДЗÆХСУН: ИДЗÆХСТ – «рассыпать», ир. ДЗÆГЪДЫН – id, ср. диг. рæдзæхсун – id. (Сл. I). С помощью преверба значение глагола дополнено стершимся пространственным указанием.

ИППÆРЫН – «отделять (ся)». Ср. æппарын – «бросать», «выбрасывать». Авест. ³**kar** – «выбрасывать», «выливать», «извергать» со слабой степенью корня. Как вторичное превербное образование от æппарын (из æм(н) – карын). Значение преверба – направленность в разные (друг от друга) стороны.

Диг. ИДЗУЛУН – «проясняться», «просиять (несоверш.)», «развеселиться»; из + «разглаживаться». Ср. æн-цъулын (æн-цъылын с противоположным значением: «мяться», «собираться в складки»). Ср. русск. с-жиматься, раз-жиматься.

ИХСИЙЫН – «стираться», «изнашиваться», «истощаться», «иссякать», диг. фехсуйун, бафехсуйун (Сл. М – Ф). Ср. æхсийын в том же значении (с протетич. æ-).

Диг. ИМÆХСУН – «расползаться», ир. махсын – id. Пространственное значение преверба и глагола совпадают.

2) С глаголом **da** – образует глагол в значении начинать.

Диг. ИДАЙУН – «начинать», ир. байдайын, райдайын – id. Авест. da – «ставить», «делать», «творить», скр. dha-, др. перс. da- (М. II. 49).

3) В дигорском с превербом И – употребляется ряд глаголов, которые в иронском употребляются без преверба в тех же значениях:

диг.	ИГУРУН	– рождаться	– ир. ГУЫРЫН.
»	ИГЪОСУН	– слушать	– » ХЪУСЫН.
»	ИЗАЙУН	– расти и т. д., оставаться	– » ЗАЙЫН.
»	ИРАЙУН	– радоваться	– » РАЙЫН.
»	ИСÆРДУН	– смазывать	– » СÆРДЫН.
»	ИСÆРУН	– закалять	– » СÆРЫН.
»	ИСÆФУН	– пропадать	– » СÆФЫН.
»	ИТАУН	– расстилать; сеять	– » ТАУЫН.
»	ИТИНДЗУН	– стремиться	– » ТЫНДЗЫН.
»	ИУАРУН	– раздавать	– » УАРЫН.
»	ИХАЛУН	– развязывать, разгружать, портить и т. д.	– » ХАЛЫН.

Появление разницы в употреблении преверба с этими глаголами следует считать недавним, так как в иронском эти глаголы тоже употреблялись с тем же превербом, что видно из таких иронских форм с продуктивными превербами, как райгуырын, байхъусын, баззайын (з из и через ассимиляцию), байрайын, байсæрдын, байсæрын, байсæфын, байтауын, байуарын, райхалын, т. е. когда к иронской форме прибавляется преверб с исходом на гласный, то после него вновь появляется преверб бывшего сращения. Значения преверба и глагола в сращении полностью слились и значения их этимологически не расчлняются.

4) В наречной функции **И-** сохранилось в двух сложениях.

ИВАЗЫН – «растягивать, тянуть», диг. ивазун. Глагол является деноминативным образованием от **и-ва-**. Ср. осет. ивазн – «сажень», «рас-

стояние между вытянутыми руками». Вс. Миллер возводит к авест. **vibazav** – «мера длины» (М. II. 49, III. 144, Sp. 0. 56). **vibazav** – (букв. «раскинутые руки»), «Klafter» («маховая сажень»).

Диг. ИГОН – «открытый» ир. гом – id. Др. ир. ***vi-kama** (ОЯФ, I 169). Ср. авест. vi. zafan-.

IV. ИВ-, диг. иев (в обоих с оглушением в – перед глухим). Древнеиранск, abi-, придавал действию направление на объект или вокруг него, характеризовал его как совершающееся в отдалении.

Сохранился как преверб в одном значении, он характеризует действие как направленное за какой-то предел.

ИВГЪУЫЙЫН – «миновать», «уйти в прошлое», «проходить (мимо)». Диг. иевгъуйун в тех же значениях. Вс. Миллер возводит к др. ***gu-«идти»** с превербом **awi** (Sp. 0. § 88. 7, Beitr. 329). Ср. агъуыйын – «поводиться».

ИРВÆЗЫН (ИВРÆЗЫН) – «опасаться», «избавляться», «ускользнуть». Диг. ЙЕРВÆЗУН – id. Авест. **zaz-**, скр. **rah** – «оставлять», «покидать» (М. III. 154), (Sp. 0. 82).

ИРХÆФСЫН (ИВХÆРСЫН) – «развлекать», «забавлять», «успокаивать», «утешать». (Сл. 1952), «выручать», «помогать», «проводить», «переправлять (через реку)», «тешить», диг. иерхæвсун, йевхæрсун в тех же значениях. Образовано от хæссын – «нести», диг. хæрсун.

ИФТЫНДЗЫН – «запрягать (лошадь)», «заряжать (ружье)» и т. д., диг. йефтиндзун. Ср. тындзын – «натягивать», «протягивать», «растягивать».

V. У-. Древнеиранск. ава-, придавал действию направленность на объект, сверху вниз или отложительное значение. В осетинском его значение не сохранилось.

УДАЙЫН – «увлажнять», «пропитывать влагой», «замачивать» (в воде или др. жидкости); диг. уодайун. Миллер (Sp. 0. 65) возводит к скр. **udán** – «вода». Такая этимология представляется сомнительной, главным образом со стороны звуковой. Самим Миллером она опровергается страницей раньше (Sp. 0. 64), где приведена этимология глагола тайын – «таять», «плавиться» (производное), к которому возводится как глагол удайын, так и два других, производных от того же корня: диг. æртайун – «купаться» и фæлдайын, диг. фæлдайун в тех же значениях, что и удайын. Глагол тайын сопоставляется с дрцсл. **tayati** – «таять».

УЛÆФЫН – «дышать», диг. уолаэфун. М. III. 158: м. б. скр. **lap** – «шептать», **lapana** «рот» и т. д.; Sp. 0. 57: viell. verwandt mit ai. **lápati** – «flustert, wehklagt».

УРОМЫН – «останавливать(ся)», «задерживать»; диг. уорамун Авест. **ram** – «покоиться», «радоваться», скр. **ram-, ramate**; н. перс. **aramidān** – «успокаивать» (М. II. 51).

УЗÆЛЫН – ласкать, заботиться, ухаживать.

VI. ФÆЛ-. Древнеиранск. раги-, придавал действию направление во-круг чего-нибудь, через, сквозь какое-то расстояние или промежуток времени. В осетинском сохранился как преверб и как наречие в сложениях. Придавал глаголу значения:

1) Полноту и всесторонность действия.

ФÆЛДИСЫН – «посвящать (что-нибудь) умершему» (коня, оружие и т. д.). Авест. **daes** – «показывать». Ср. æвдисын – «помазывать».

ФÆЛДЗÆГЪДÆН – метель. От цагъдын – «бить», «взбивать», «разбивать на мелкие части».

ФÆЛТÆРЫН – «испытывать», «пробовать». В.с. Миллер возводит к индоевроп. *ter – «тереть», греч. ἰξίρω, τῆρξρωу лат. tero, terebra, цсл. tīra и т. д. и считает, что исторически фæлтæрд должно было иметь значение «pertritus» (Beitr. 333).

ФÆЛГЪАУЫН – «требовать», «добиваться». Осет. хъауын – «уменьшать», «расходовать». Ср. схъауын. Значение преверба, по-видимому, переносно из пространственного: действие «вокруг» или «с разных сторон».

Диг. ФÆЛГЪÆНДУН: ФÆЛГЪАСТ – «окрашивать» (сл. I). Ср. диг. игъæндун – «пачкать», «мазать»; ср. ир. хъæстæ, диг. гъæстæ – «задетый», «запачканный», «оскверненный» (Сл. I) перен.: «отведавший», «попробовавший». Преверб вносит полноту действия, перен. из простр. «кругом».

Диг. ФÆЛДАЙУН – «мочить», «смачивать», «увлажнять». См. удайын. О знач. прев. см. ФÆЛГЪÆНДУН.

ФÆЛВАРЫН – «испытывать», «пытаться», диг. ФÆЛВАРУН родств. с барын – «взвешивать»; **pari** + барын (взвешивать).

Диг. ФÆЛВАРУН – «испытывать», «пробовать». Ср. скарын – «искать», «разыскивать», «шарить», «щупать», «проведывать (что-нибудь)», хъарын – «предлагать что-нибудь», «навязывать».

2) Чрезмерность действия.

ФÆЛХÆРСТ – «безумный». Ср. диг. хæрсун – «нести», переносно «вскармливать», «воспитывать». (Со стороны смысловой вероятнее объяснить из сæр-æф-хæлд – «с поврежденной головой», но такое происхождение предполагает многостепенную перестановку).

ФÆЛМÆЦЫН: фæлмаст – «тяготиться чем-нибудь», «мучиться», «изнывать». Ср. мæцын – «валяться», «пачкаться (в жидкости)» и его причастие прош. врем. маст – «горечь», «неприятность, огорчение».

3) Направленность действия через какой-нибудь объект, мимо чего-нибудь или сквозь что-нибудь.

Диг. ФÆЛГОТУН – «щедить». – Этим. неизвестна.

ФÆРСУДЗЫН – «процеживать», диг. фæлсодзун. Во второй части глагол судзын – «жечь». Значение «процеживать» получено благодаря представлению об очищающей силе огня. Ср. рæсугъд – «красивый», историч. «прожженный». Таким образом, фæрсудзын – «пережигать», «пропускать через огонь и таким образом очищать».

Как наречие образует сложные слова двух типов:

1) Во второй части имя, глагольный корень или причастие прош. времени, для которого первая часть служит определением. Сложение выражает чрезмерное обладание признаком, указанным во второй части.

ФÆЛУРС – «бледный» (о человеке). Ср. осет. урс – «белый». Первонач. значение могло быть «чрезмерно белый».

ФÆЛХАС – «издержка», «расход».

ФÆЛАХС – «поношенный».

2) Образования по типу сложений со вторым управляемым членом в значении наречия места.

ФАЛГÆРОН – «окружность, край». Из ***pari** – **karana**, Авест. **karana** – «край», осет. кæрон – «край».

Диг. ФАЛДЗОС, ФАЛДЗОСТИ – «вокруг», «вблизи».

ФÆЛГУЫР – «окружность», «обод», «край», «карниз», «ящик в горской мельнице, где собирается мука». (Сл. 1952).

ФÆЛГÆТÆГ – «загородка вокруг жернова на мельнице». Ср. фæлгæт – «оправа» <***pari** + **kata** – сложение со вторым управляемым членом. Авест. **kata** – «Kammer», здесь, видимо, в значении какого-либо помещения вообще, ср. осетинское скъæт – «хлев» из др. ир. ***fsu-kata** – «помещение для овец» (ИОЯ)– Хотанск. **kantha** – «**toun**» (S. KONOW, Saka Studies, p. 42). Исторически фæлгæт должно было означать «(загородку) вокруг какого-либо помещения», затем вообще «загородку», и, наконец, «оправу» в осет. фæлгæт. Значение проверба и по функции и по семантике («кругом», «вокруг») – наречное.

VII. ФÆР-. Древнеиранск. *para-*, придавал действию значение удаляющегося за пределы чего-нибудь; как наречие – для указания места за пределами чего-нибудь.

Осталось в качестве наречия с указанием на место или время за каким-то пределом.

ФАРАСТ – числительное «девять». Букв. «находящийся после восьми» (ИОЯ).

ФАРОН – наречие – «в прошлом году», букв. «прошлый» из фар + суфф. -он, диг. фарæ.

Диг. ФÆЛВАРÆ – «позапрошлый год». Ср. диг. фарæ – «прошлый год», ирон. фарон.

ФÆЛТÆР – «перемена», «смена», «период», «слой», «поколение»; диг. фæлтæрнæ. Из **para-tara**, где **para** > **fæl** (а не **fær**) через диссимиляцию, так как в корне есть -г- (ср. лæ- <fra вместо рæ-). М. б. рассмотрено как лексикализованная сравн. ст. наречия.

ФÆЛХОР – «остатки корма скотины», «отход», диг. фæлхуарæ – «остатки», «отход после молотбы», хор., диг. хуар. 1) «хлеб в зерне». 2) основа настоящего времени глагола «хæрын», диг. хуæрун – «есть».

Диг. ФÆРЗЕУ – «пища», «угощение». Слово сохранилось среди скифских собственных имен в греческой передаче в форме Φαρζηος из которого В. И. Абаев реконструирует староосетинскую форму **farzev** из др. ир. раг – jiva-, считая однако эту этимологию не вполне очевидной (см. Осет. яз. и фольклор, I. «Скифский язык»).

Сохранение преверба в форме **fær** – вместо **fæl** позволяет предположить в этом слове древний преверб (наречие) **para** – «через», «за», «после» и объяснять «фæрзеу» как образование по типу сложений со вторым управляемым словом в значении «то, что (есть, было, следует) после зеу». Диг. ЗЕУ, ирон. ЗИУ означает общественную работу, общественную помощь в хозяйстве одного из членов коллектива (во время пахоты, уборки урожая и т. д.), который все это время кормит участников работы или устраивает для них после работы угощение. Если слово «фæрзеу» первоначально означало такое угощение, то это не противоречит современному его значению, хотя и лексикализовавшемуся настолько, что в его семантике утрачено указание на какие-нибудь общественные работы. С другой стороны, лексикализация **farzev** в значении «хлебосольный» и даже как собственного имени в столь давнюю эпоху, как скифская, может быть подвергнута сомнению ввиду отсутствия достаточных сведений о бытовом укладе скифов.

VIII. РÆ – (ЛÆ – в результате диссимиляции). Древнеиранск. fra-, придавал действию направленность к объекту вперед, наружу. Сохранился в функциях преверба и наречия. Преверб придавал глаголу следующие значения:

1) Направленность действия вперед.

РÆХОЙЫН – «толкать», «колоть». Ср. хойын – «бить», «долбить».

РИУЫГЪЫН – «дергать», «рвануть» (несоверш.), «грубо толкнуть» (несоверш.), диг. рæуегъун – id. Ср. ирон. уигъын – «трясти», «шатать», диг. уегъун – id.

ЛÆБУРЫН – «врываться», «ломиться», «нападать». Ср. бырсын – «валить», «вламываться», «нападать». Диг. бурсун – id.

Диг. ЛÆУÆРДУН – «идти, меся ногами» (снег, землю). (Сл. I). Ср. нуæрдын – «трамбовать», «втаптывать», «утаптывать»; æууæрдын – «мять».

Диг. РÆДÆХСУН – «лезть вверх», «карабкаться», «цепляться» (Сл. М – Ф).

ЛÆБЫРЫН – «оползать (о земной поверхн.)», «расползаться» (о ткани). Ср. бырын – «ползти».

ЛÆВАР – «подарок». Скр. **prabara** (М. III. 156), ав. **fra – bara** (Sp. 0. 36).

ЛÆГÆРДЫН – «прорезать», «разрезать». Ср. также осет. кæрдын «кроить», «резать на куски».

Диг. ЛÆДÆРУН – «понимать». Сближается с скр. *pradharayami* – «соображаю», «наблюдаю» (М. III. 159), хотя позднее Миллер, очевидно, отмазывается от этой этимологии (см. Sp. 0. 57: «Etym. unsicher»). Однако это сближение вполне оправданное. В Авесте санскритской форме должно соответствовать **fra – dārayāmi*, и действительно находим корень ²*dār* – «achten» – «замечать», «обращать внимание» (Barth. Wb. 689).

ЛÆДАРЫН – «давать стекать», «капать». Ср. осет. дарын – «держатъ» и радарын – «вытянуть (вперед)».

ЛÆДÆРСЫН – «стекать», «вытекать», «просачиваться». См. предыдущ.

2) Направленность движения вперед сквозь что-нибудь.

РÆТИГЪЫН – «толкать», «пинать»; диг. рæтегъун. Ср. тигъын, диг. тегъун – «толкать». Ср. также стигъын – «сдирать кожу». Авест. **tae a-, taeza** – «острый», «режущий», «отточенный», «лезвие, острие (ножа)». (Barth. Wb. 623). Ново-перс. **tiz** – «острый».

Диг. РÆХÆССУН – «наживлять», «заплетать обувь». Прощ. прич. рæхаст.

РÆТЪУЗЫН – «колоть», «прокалывать».

РÆТАУЫН – «стегать», «прошивать крупными стежками». Возм. родств. с тауын.

ЛУАРЫН – «просеивать (напр. муку)»; диг. лауарун. Ср. уарын – 1) «дождь» (как имя действия), 2) «раздавать». Авест. **var** – «дождь» (имя действия).

3) Направленность движения наружу:

Диг. РÆГÆНУН – «посыпать», «сыпать» (соль, муку, перец и т. д., см. æвгæнын).

Диг. РÆДЗÆХСУН – «рассыпать», «рассеивать». Ср. диг. идзæхсун.

РÆМУДЗЫН – «рвать», «вырывать (с корнями)», «разрывать», «взрывать». (Сл. 1952). Sp. 0. 83: «wegnehmen».

По предположению Вc. Миллера (Sp. 0. 35): viell. = *fra + mocaу, vgl. aw. framuxtis – «Ablegung», ai. pramocayati – «lost, befreit». Ср. осет. нымудзын.

Диг. РÆСАДЗУН – «высаживать (растение и т. д.)», также «направлять» (сл. II). Ср. ирон. садзын в том же значении; ав. sad-, скр. had-.

Диг. РÆДАДЗУН – «лить», «мыться», «лить слезы», «капать». Ср. иронск. тадзын – «капать», «лить понемногу, тонкой струей» (перех.), тæдзын – «течь, литься». Преверб придает действию направленность наружу.

Диг. РÆДЕСУН – «обнаруживать признаки приближения родов (у животных)». Авест. daes – «показывать». Ср. æвдисын, диг. æвдесун.

РÆСИЙЫН – «распухать» (о живом теле); диг. рæсуйун – id. Скр. çu-, çvi – «пухнуть», н. вр. çvayati (М. III. 153).

4) Поздние сращения получили значение совершенного вида, внесенное превербом.

РАЙДАЙЫН – «начать» (соверш. вид); диг. идайун, – «начинать» (несоверш.). Недавнее сращение, о чем свидетельствует как исходная форма *идайын (диг. идайун, см.), сама являющаяся сращением с превербом, так и совершенный вид глагола, в противоположность всем остальным сращениям, в подавляющем большинстве являющимся в несовершенном виде (исключения составляют, кроме указанного, байдайын – «начать», соответствующее райдайын, но с другим превербом БА-, и раттын – «дать»). Сращение не вполне лексикализованное: наращение еще одного преверба невозможно. Значение преверба – видообразовательное.

РАТТЫН – «дать», диг. раттун – id. (Соверш. вид. Несоверш. – дæттын).

Образование из ра + дæттын. Как и предыдущее не вполне лексикализованное, наращение второго преверба невозможно. Значение преверба – видообразовательное.

5) В ряде сращенных форм значение преверба не обнаруживается ввиду отсутствия удовлетворительных этимологий.

РÆДИЙЫН – «ошибаться», диг. рæдуйун-.

ЛÆЗÆРЫН – «расползаться (о тканях)», диг. лæзæрун.

РÆСÆНДÆГ – «затоп араки, браги во время брожения» (сл. I), ср. ир. – диг. сæндæг – «хлеб, накрошенный в молоко», от сæндун – «крошить».

Диг. РÆУÆХСУН – «встрепенуться (несоверш.)», «падать в обморок». Ср. иуæхсун.

РÆЦУГЪЫН – «выбрасывать», «колоть», «наносить удары острым орудием».

ЛÆМАРЫН – «жать», «надавливать», «выдавливать», «давить».

ЛИУРЫН – «прыгать», «перепрыгивать», диг. лауерун.

ЛÆХУРЫН – «молоть крупно», «крошить».

В качестве наречия сохранилось как самостоятельно, так и в сложениях.

РАЗ – 1) как имя обозначает переднюю часть чего-нибудь, 2) как наречие обозначает местоположение впереди, 3) как послелог указывает на близость к ч.-л. или на положение впереди ч.-л.

Случай лексикализации наречной формы **fras** преверба fra в качестве (сначала), имени, затем наречия и послелога.

РÆУÆД – «телка». Из. ав. **fra – vati** (Beitr. 69); **fravaiti** – «die Kuh, die weder säut noch trägt; sva. ai. vasa. (Beitr. Wb., 991).

Сращение лексикализовалось на древне-иранской почве: Ср. диг. уæс – «телка» (скр. vasa).

Продуктивные превербы

Большинство продуктивных превербов также имеет сращения с глаголами. Значения превербов в этих формах не представляют ничего нового по сравнению с их продуктивными значениями. Причиной их неразложимости является архаичность и неупотребительность самой глагольной формы, с которой они срослись. Поэтому они не будут здесь приведены. Исключение будет сделано для преверба **ФÆ-**.

IX. Преверб **ФÆ-** занимает особое место среди остальных осетинских превербов по степени отвлеченности его значений и неясно выраженной пространственной семантике, что является существенным затруднением при выявлении его происхождения, до сих пор не определенного достаточно точно. В осетиноведческой литературе существуют два определения его происхождения. Первоначально В. Ф. Миллер возводил его к др.-ир. **ара** – (Ос. эт., ч. II, стр. 215), но в дальнейшем он отказался от этой этимологии. (Ос. эт., ч. III, стр. 161–162), считая более вероятным возводить его к **paiti** – (авест. **paiti**). Позднее последняя этимология была поддержана В. И. Абаевым, т. к. она давала возможность объяснить параллельную форму **ФИ-** того же преверба (в сращениях) через эпентезу др.-ир. – ai- в авест. **paiti**, а также удвоение начального согласного корня после преверба как диссимилятивное из – **ti** (**ц?**) древнего **paiti** – в дигорском. Однако при сравнении значений осетинского преверба со значениями древних **ара-** и **pait-** обнаруживаются факты, сближающие осетин-

ский то с одним, то с другим древним превербом, но не позволяющие сближать его с каким-нибудь одним из них. Срощенные формы как более старые образования должны были сохранить более ясные значения преверба, если их нынешнее состояние – результат изменения прежних значений. Но и срощения можно разделить на несколько групп, значения преверба в которых различны, но недостаточно ясны.

1) В некоторых случаях имеется возможность видеть в значении преверба пространственное указание на объект действия. Например:

ФÆДЗÆХСЫН – «поручать, завещать», диг. фæдзæхсун. Вс. Миллер считает этот глагол состоящим из фæ + **caexsun**, сравнивая корень с древнеиранским **a-caks** – «доносить, сообщать, рассказывать, возвещать», ав. **cas** – «смотреть, сообщать». (Sp. 0. 29). В осетинском образовании, возможно, имелось в виду указание на объект речи.

ФÆДИС – «тревога», «alarme», «погоня», «крик тревоги»; диг. фæдес.

Из древнеиранского корня **daes** – «указывать».

В этом же или близком ему значении преверб появляется в форме **ФИ-**:

ФИДАУЫН – «мириться», «соглашаться с чем-нибудь»; «быть к лицу, идти» (о платье), «быть (не) достойным» (о поступках). Корень глагола сопоставим с авест. **dav** – «говорить». С превербом **paiti** в значении «отвечать» (ВWb.: 687), из чего вполне допустимо развитие осетинских значений.

ФИДИС – «попрек». Авест. **daes** – «указывать».

В двух последних глаголах в значении преверба также возможно усматривать указание на объект действия. От предыдущих они отличаются лишь своей формой. Но различие в форме, по-видимому, предполагает здесь другое, лексическое различие, которое было впоследствии поглощено значением глагольного корня. В самом деле, глагол **фидауын** предполагает две противоположные стороны, действия которых взаимонаправлены (слово **фидис** выражает не простой попрек, а им обозначают обычно упоминание о каком-либо позорящем обстоятельстве из жизни лица, к которому он обращен и, следовательно, содержанием его бывает какое-то общественно значимое и осуждаемое действие. Поэтому упоминание о нем нежелательно столько же из-за неприятных воспоминаний, сколько и из боязни широкой огласки. Оба значения – взаимонаправленности и направленности в разные стороны («для общего сведения») – мог придавать глаголам древний преверб **vi-**, в осетинском сохранившийся в срощениях как **И-**. В дигорском этот преверб и теперь часто употребляется наращенным в тех случаях, где в иронском его уже нет в тех же глаго-

лах с тем же значением (см. выше). Но рефлекс его сохранился и в иронском: с теми глаголами, которые сохраняют преверб **И-** в дигорском, в иронском преверб **ФÆ-** употребляется в форме **ФЕ-** (вследствие *samdhi* при стечении **Æ** и **И**). Например: диг. игъосун – ир. фехъусын; диг. игурун – ир. фегуырын; диг. ихæлун – ир. фехæлын, и т. д. Иронские сращения с **И-** также меняют форму преверба **ФÆ-** ихсийын – фехсийын; иргъæвын – фергъæвын и т. д. Поэтому формы с **ФИ-** можно считать сращениями, лексикализовавшимися до перехода общесетинского **е** в иронское **и**.

Во всех перечисленных выше сращениях поддающаяся определению семантика преверба **ФÆ-** сближает его с древнеиранским *pati-*, хотя и не в основном значении последнего – «против». По-видимому, к этой же группе следует отнести дигорский глагол **ФÆСМÆРУН: ФÆСМАРД** – «знать», «узнавать», «знакомиться» – и по его, хотя и слабо выраженному, значению преверба и тому, что в Авесте он употреблен в близком значении именно с превербом **pati-**. Корень глагола возводится к индоевр. ***smar-**, скр. **smárati** – «помнить»; **smara** – «любовь»; авест. **mar** – «думать» и т. д., с отпадением начального **h** = скр. **S**.

В осетинском также с другим превербом в (хи) -ны-мæр – «про себя», «не вслух». (Sp. 0. 32).

2) В других случаях преверб обнаруживает значение, близкое к его пространственному значению в несращенных сочетаниях с глаголом – «прочь», «в сторону», что сближает его с древнеиранским превербом **apa:**

ФÆХЪХЪАУ – «жертва». Ср. хъауын – «уменьшать», схъауын – «отщипывать, отковыривать».

Диг. **ФЕЦАУН:** фецауд – «прохаживаться», «проходить», «проследовать мимо». Ср. цауын – идти. диг. æвецуг – «нехоженный».

3) Сравнительно большое число сращений с превербом **ФÆ-** не может быть использовано для определения его значений, т. к. они окончательно стерлись, или корень глагола не удастся этимологизировать удовлетворительно, например:

ФÆЛИВЫН – «обманывать», диг. фæлевун. Древнеир. **raip-, rip-** «обманывать» (Sp. 0. 61); ср. н.-перс. **fārib-** «обман», **fāriftān** – «обманывать».

ФÆЛЛАЙЫН – «уствовать»; диг. **ФÆЛЛАЙУН.** По этимологии В. С. Миллера из ***fæ-mla-y-un**, скр. **m̐la-ya-ti** – «уствует, слабеет», **mlatas** – «дубленный». (Sp. 0. 64). Ср. русск. «млеть, млеет».

В живом употреблении преверб **ФÆ-** обладает неограниченной продуктивностью. Однако число глаголов, с которыми он употребляется в отдельных значениях, иногда бывает ограничено.

I. Преверб ФÆ– мало употребляется для придания глаголу пространственного значения «прочь», «в сторону», «вдаль», значения удаления. Связано это отчасти с сильным развитием его более отвлеченных значений и большой производностью в этих значениях. Отчасти же тем, что пространственные указания недостаточно конкретны и поэтому ФÆ-заменяется близким по значению превербом А-. Но локативная семантика его не утрачена еще полностью и обнаруживается с глаголами: амоньин – «указывать», æвзылын – «швырять», æппарын – «бросать», дарын – «протягивать», ласын – «везти, тащить», лидзын – «бежать», сурын – «гнать», схьиуын – «отскакивать», тæрын – «гнать», тæхын – «лететь», уайын – «нестись», хауын – «падать», хæссын – «нести», хилын – «ползти», хъæуын – «недоставать», цæуын – «идти». Все эти глаголы, как можно заметить, выражают перемещение или направленное движение: **Дæ зонд бынтондæр фæлыгд дæ сæрæй.** (Ц. А. 21). «Твой разум окончательно покинул твою голову». **Терк-Турчы рагъаумæ абон фæцыдысты.** (К. 176). «Сегодня они отправились (угонять) скот Терк-Турка».

II. Видовые значения.

1. Значение грамматического совершенного вида преверб придает всем глаголам: **Удæнцой ма фена, махæн нæ царды фæнд чи халы барæмвæндæй.** (К. 114). «Пусть не увидит покоя душевного тот, кто умышленно портит нам жизнь».

2. Длительность действия:

Фæцардтæн æм иу аз, фæдæн æм дыггаг. (К. 146). «Прожил я у него один год, пробыл другой».

3. Многократность действия с теми же глаголами: **Ахæмты тыххæй Уастырджи фæдафта фос нæ магуыртæй.** (К. 168). «Из-за таких Уастырджи покрал скот у наших бедняков».

4. Быстрота совершения действия: **Фæлæ уыцы сахат æндар хъуыды фæвзæрд йæ сæры.** (М. Ц. 27). «В это время у него в голове зародилась другая мысль». **Кард фергтыфта, æмæ уæйыджы сæр зæххыл атылди.** (Ц. А. 40). «Сверкнул меч, и голова великана покатила по земле».

5. Незначительность проявления действия, неполноту его осуществления, значение действия, не доведенного до конца, преверб придает глаголам æмбарын – «понимать», æнхъизын – «бродить, киснуть», æнцайын – «опираться», æййафын – «настигать», дымсын – «надуваться», ихсийын – «стираться», нæрсын – «шириться, надуваться», рæсийын – «пыхнуть», сæттын – «ломать(ся)», тасын – «гнуть(ся)», уромьин – «останавливать». Эти глаголы относятся к разным семантическим группам и не могут быть объединены также по какому-нибудь грамматическому признаку. Боль-

шинство их – непереходные, но и в залоговом отношении они не однородны: **Хæрисæн йæ хих фæрæсыд, акæс – саппыл хъазы саг.** (Ниг. 19). «Почки на иве припухли, взгляни, на прогалине резвится олень». **Цæфты судзгæ рыст чысыл фæсабырдæр.** (М. Ц. 73). «Жгучая боль в ранах немного утихла».

III. С глаголами настоящего времени преверб ФÆ- выражает обычное при определенных условиях, многократное или наблюдаемое действие: **Бахъуаджы бон хорз хæстæджы фæцагурынц.** (А. К. 82). «Когда приходит необходимость, ищут обычно хорошего родственника». **Терчы уылæнтæ... размае фезгъорынц Каспы денджызмае.** (А. Г. 32). «(Вот) бегут вдаль волны Терека в Каспийское море».

Таким образом, анализ сращений с превербом ФÆ- и его продуктивных значений пока еще не решает вопроса о его происхождении. Значение «вдаль», «прочь, в сторону», сближает его с древнеиранским **ара-**; значения, обнаруженные в некоторых сращениях, а также значение многократности, повторности действия, близкое наречному значению древнеиранского **pati** – «снова, опять, вновь» говорят в пользу его родства с последним. К этому же склоняет нас отсутствие какого-нибудь другого, кроме указанного выше, объяснения геминации начального согласного в дигорских глаголах с превербом ФÆ-. Однако можно привести некоторые доводы в пользу его родства с др. ир. **ара-**. Допустимо возводить ос. ФÆ-, исходя из его пространственного значения «прочь», «в сторону», к др. ир. **ара-** (вместо **pati**), если допустить возможность отпадения начального **a-** в **ара-**. Такое отпадение для осетинского не доказано. Но его можно наблюдать в некоторых близко родственных языках. Происхождение ФÆ- < **ара-** допустимо также, если правильна этимология слова **фæстæ** – то, что находится сзади – «позади» из **ара-sta** (ср. **бæстæ** < **upa** + **sta**); но такая этимология возможна, т. к. др.-ир. **ара-** в сложениях употреблялось в качестве наречия, обозначающего место позади, напр. авест. **ара-kava** – «имеющий горб позади». Однако, не решая вопроса в целом, можно утверждать, что значения ФÆ- выработались в результате контаминации значений двух древних превербов.

X. С-, З-. Древнеиранск. **us-**, **uz-**, придавал действию направленность вверх, наружу или прочь, в сторону.

Продуктивный преверб С- обнаруживает следующие значения:

1) Пространственное значение: направленность действия вверх независимо от места наблюдателя и безотносительно к исходному или конечному пункту действия с глаголами движения. **Мае зæрдæ фыр цинæй рызти, куы скастаен нæ цытиджын хæхтæм.** (К. 102). «Мое сердце трепетало от радости, когда я взглянул на наши горы, покрытые ледниками».

Пространственное значение направленности вверх подчеркивается тем, что он не соединяется ни с одним из глаголов, сращенных с превербом **ны-**, передающим направление вниз, так как это два взаимоисключающие направления.

2) Иногда глагол с превербом **С-** означает отделение или выделение, если семантика глагола допускает сочетание этих значений с основным пространственным значением «вверх». **Уазджытæ куы бацыдысты, уæд дыууæ зæронды сыстадысты, систой сæ худтæ, фæлæ сæ ничи æрхъуыды кодта.** (А. К. 46). «Когда гости вошли, оба старика встали, сняли шапки, но на них никто не обратил внимания».

3) Глаголы **лæууын** – «стоять» и **бадын** – «сидеть» с превербом **с-** имеют значение действия, совершающегося сверху (а не направленного вверх).

II. Видовые значения.

1) Значение грамматического совершенного вида преверб придает всем глаголам, за исключением тех, с которыми он не употребляется (см. ниже): **Скæнæм нæ тырыса дзыллæйы номæй!..** (К. 108). «Сделаем нашим знаменем – (благо) народа (букв. «имя народа»)!».

2) Начинательное значение как совершившийся переход из одного состояния в другое или как возникновение нового действия или состояния. Это значение преверб придает глаголам, не содержащим представления о направленном действии. **Сызмæлыдис агъуыст адамы æмдзæгъдай.** (Ниг. 77). «Задрожало здание от аплодисментов людей».

3) Все большее распространение получает умышленное употребление преверба **С-** с глаголами, с которыми он обычно не соединяется. Осознание говорящим необычности использования преверба характеризует его субъективное отношение к действию, выраженному глаголом. Действие должно представляться говорящему необычным, грубым, недостойным или нелепым, поэтому отношение к нему выражается как ироническое, шутливое или презрительное. **Нæ мæгуыр Булæмаргъы Гæды схордта, Æмæ дзы нал баззæди мурдæр.** (А. Г. 104). «И бедного Соловья сожрала Кошка, и не осталось от него ни крошки», (из басни).

III. Все оттенки видовых значений, т. е. те, которыми дополняются основные значения глагольного корня, не говоря уже о локативных значениях, разумеется, не совпадают с грамматическим значением совершенного вида. Поэтому в прошедшем и будущем времени глагол с помощью приставки получает обычно два дополнительных значения, одним из которых бывает видовое – грамматическое. В настоящем времени значение совершенного вида утрачивается, но связь с ним сохраняется: на основе несовместимости временного и видового значений выработана ком-

промиссная форма, в которую они оба трансформируются – значение обычности или многократности действия. О том, что это значение приставочного глагола в настоящем времени тесно связано с видообразовательным, свидетельствуют глаголы, не имеющие в прошедшем времени с превербом никакого другого значения, кроме значения совершенного вида (например, амæнтын – «мешать, замешивать», æмбæлын – «встречать» и «полагаться», «следовать», ардауын – «натравливать», амайын – «складывать, строить, воздвигать», ауæрдын – «жалеть, экономить», арауын – «опалять», арын – «находить», арахсын – «умело, с успехом действовать», æнхъызын – «кваситься, киснуть», барын – «взвешивать», бæттын – «вязать», бийын – «вить», нæмын – «бить», нæрсын – «раздуваться, пухнуть», фыцын – «варить(ся)»), в настоящем времени также имеющие одно только дополнительное значение обычности – многократности, в отличие от других приставочных глаголов, сохраняющих и в настоящем времени все те значения, которые они имели помимо значения совершенного вида в прошедшем времени. **Нарты тыхджындæрты хофы сæрмæ сæрвиты, æмæ йыл уырдыгæй хофы йас дуртæ ратулыныц.** (Н. 87). « – Он посылает (обычно), сильнейших Нартов на вершину горы, и они оттуда катят на него камни величиной с гору».

XI. Преверб А-. Древнеиранск. а, придавал действию значение направленности к объекту действия или к самому действующему или говорящему лицу. Наряду с превербом ФÆ-, обладает наибольшей продуктивностью в современном осетинском языке. Можно назвать лишь несколько глаголов, с которыми он не употребляется. Среди них азæлын – «звучать, раздаваться», аудын – «влиять, покровительствовать», как недавние наращения с тем же превербом; агъуындын – «покрывать крышей» – малоупотребительный глагол с узкоспециальным значением; зæгъын – «сказать», лексическая пара совершенного вида к глаголу дзурын – «говорить», не принимающая других значений преверба а-, зонын – «знать», рæдийын – «ошибаться», тæрсын – «бояться», семантика которых не допускает дополнять их значений теми, которые привносятся приставкой а-, а если это возможно, то для этого употребляются другие превербы, причем такая избирательность в выражении одинаковых значений с помощью различных приставок зависит от круга употребления значений и семантико-ассоциативных связей как глагола, так и приставок. Наконец, к той же группе относится глагол стын – «вставать», в значении которого, кроме того, содержится указание на направленность действия вверх.

Со всеми остальными глаголами преверб А- продуктивен и придает глаголам следующие значения:

1. Пространственное значение – характеризует действие как удаляющееся, без дальнейшей конкретизации. При этом наблюдатель, с точки зрения которого описывается действие, находится в исходе движения или имеет его в виду. Направление точно не указывается и действие может быть направленным одновременно в разные стороны. В этом значении преверб употребляется, главным образом, с глаголами, в значении которых заключено представление о направленном действии, а также группа глаголов, выражающих некоторые психические или физиологические проявления живого организма, которым при желании может быть придана определенная направленность, такие, как *æхснырсын* – «чихать», *смудын* – «нюхать», *фæразын* – «мочь», *хонын* – «звать», *худын* – «смеяться», *хъусын* – «слушать», *хъуысын* – «слышаться», *æлгъитын* – «проклинать», *дзурын* – «говорить», *ниуын* – «ныть», *рæйын* – «лаять», *уасын* – «выть», *сидын* – «звать», *комын* – «повиноваться, слушаться», *уæндын* – «сметь», *хъавын* – «намереваться», а также *дарын* – «иметь, держать», *æрттивын* – «сверкать, блестеть», *зынын* – «виднеться». **Аппæрста саджы мард æмæ катый кæнын байдыдта.** (Ю. 187). «Он бросил убитого оленя и начал беспокоиться». **Сау денджызы былтыл сæ ахуыдта Уырызмаг.** (Н. 48). «Позвал (повел) их за собой Урызмаг по берегам Черного моря».

II. Видовые значения.

Под видовыми значениями понимаются как значение грамматического совершенного вида, так и значения, характеризующие качество протекания действия – его длительность, интенсивность и т. д.

1) Грамматическое значение совершенного вида преверб А- придает всем без исключения глаголам, с которыми употребляется.

Например: *марын* – «убивать», *амарын* – «убить». **Созырыхъо йæм фæгæпп лафта маæ йæм дзуры: Чи куыдз, чи хæрæг, маæ саджы мын чи амардта?** (Эл. 37). «Выскочил к нему Созырыко и говорит: «Что за собака, что за осел убил моего оленя?»».

2) Глаголам, в значении которых не заключено представление о направленном движении, преверб А- придает значение быстро совершающегося действия, иногда с оттенком неожиданности. **Дон айсыст, иу æртах дæр дзы нал цæуы.** (Н. 259). «Вода (сразу) исчезла, ни капли ее больше не идет (из источника)».

Как указывалось, иногда значение быстроты совершения действия бывает соединено со значением внезапности: **Гал фурды дон уыцы иу хуыпп скодта, æмæ фурды цæрджытæ хуыскъыл аздадысты.** (Соп. III. 49). «Бык одним глотком выпил всю воду в реке, и обитатели реки очутились (букв. «остались») на сухом дне».

3) Характеризует действие как легкое, поверхностное, проявляющееся в незначительной степени, если действие характеризуется с качественной стороны. **Æвзæр нæ уыдаид, æцæг, уыцы дыргътаей ахæрын.** (Ц. А. 39). «В самом деле, было бы неплохо отведать (поесть немного) этих фруктов». **Азар-ма, чызгай!..** (К. 74). «Спой-ка, девушка!..».

4) Если характеризуется протяженность во времени, то преверб сообщает глаголу значение действия ограниченной длительности. **Ма кæут, мæ хуртæ, – Дзуры сæм сæ мад, – Афыцой хъæдуртæ, Абадут æнцад!..** «Не плачьте, мои милые, – говорит им мать, – вот поварится фасоль, посидите спокойно!..».

Два последних значения (незначительность проявления действия и ограничение его деятельности, очень близки между собой. Выявить их можно только с помощью контекста, т. к. эти значения принимаются почти всеми глаголами, независимо от выраженной или не выраженной в них направленности действия. Но из этого не следует, что указанные значения могут быть придаваемы глаголу одним лишь контекстом, т. к. без преверба глагол вовсе их не имеет. Контекст служит лишь для обнаружения одного из значений, которое глагол может получить с помощью преверба.

5) Ряд глаголов, как симын – «танцевать», кафын – «танцевать», зарын – «петь», æрттивын – «сверкать», «блестеть», æрвæссын – «снисходить», æнхъизын – «бродить, киснуть» и некоторые другие получают с превербом А- начинательное значение или значение действия – состояния, вызванного переменной деятельности или приобретением нового свойства. **Æлдар чысылгай-чысылгай Хъуды комы адæмы йæхимæ æрбахæстаг кодта... хицоны цæстæй сæм акастис.** (С. Г. 8). «Алдар мало-помалу приблизил к себе людей Кудского ущелья,... начал обращаться с ними, как со своими (букв. начал смотреть на них глазом ближнего)».

Это же значение преверба А- см. в дигорском сращении асодзун – «зажигать, поджигать», наряду с содзун – «жечь».

XII. Преверб НЫ-. Древнеиранское ni-, придавал действию (направленность вниз или внутрь).

В осетинском имеет следующие значения:

1. Пространственное значение – направленность действия вниз с точки зрения находящегося наверху. В этом значении преверб употребляется с глаголами, выражающими направленное движение или перемещение. **Уым фæд денджызы бынмæ ныххызтис.** (Н. 6). «Там след спустился на дно моря». **Мæ барæг уæрмы ныххауд, æмæ йыл сыджыт нызгъæлдтой.** (Ц. А. 42). «Мой всадник упал в яму, и на него насыпали землю».

II. Видовые значения.

1) Значение грамматического совершенного вида, как и все другие превербы, придает всем глаголам, с которыми употребляется. **Йæ кьона, йæ бæстæ нууагъта.** (А. Г. 85). «Он покинул свой очаг, свою страну».

2) Глаголам, не выражающим направленного действия, преверб НЫ-придает значение интенсивности, особой напряженности, если значение глагола понимается как краткое или однозначное. Если же оно понимается (в контексте) как длящийся процесс, то преверб сообщает ему значение основательности действия. **Æнгом æй чырыны ныхгæдтой æмæ йæ фурды баппæрстой.** (Н. 54). «Плотно закрыли его в сундуке и бросили его в реку». **Уæлдæфмæ нымбыдис, нал хæцыд йæхиуыл, уыд гæппæлтæ иуыл.** (Ниг. 57). «Он прогнил на воздухе, рвался и состоял из кусков».

Интенсивность, которую преверб придает глаголу, часто используется в приказаниях, в повелительной форме глагола: **Банцай!.. Ныффынаей у дæ куыдзы хуыссæны!** (А. К. 60). «Замолчи!.. Усни на своей собачьей постели». (Раздраженное обращение с бранью).

3) Начинательное значение как начало или возникновение интенсивно проявляющегося действия. **Аслæмырзæ йæ тесмæл кард фæцъортт ласта йæ кæрддзæмæй; ныртгывта йын арвæртгывдæй.** (У. К. 70). «Асламырза выхватил свою саблю из ножен, заблестала она, как молния». **Цыма зæхх исчи йæ тыхджын цонгæй уигъгæ ныккодта, афтæ ныррызти.** (М. Ц. 22). «Земля задрожала так, как будто ее кто-то потряс своей сильной ладонью».

III. В настоящем времени глагол с превербом НЫ- передает многократно или периодически совершающееся действие. В это значение трансформируется значение совершенного вида. **«Дымгæ цъæх кæрдæг нууузы, бæлæстæ сыр-сыр кæнынц.** (П. Х. 70). «Ветер (время от времени) качает (начинает качать) зеленую траву, шелестят деревья».

Когда преверб с глаголом в настоящем времени употреблены в значении настоящего повествовательного, то действие не характеризуется ни как многократное, ни как периодическое. **Йæ тых йæ бонаей нысхойы рындзæй мæгуыр Гуыйманы мæнгард Хъасполат. Дæ фыдгул афтæ, ныммур ис комы, ныммур ис къæйтыл Гуыйман цæхæрцæст.** «Изо всей силы толкает с утеса несчастного Гуймана коварный Касполат. Пусть враг твой также в куски разобьется, как в ущелье о скалы разбился ясноглазый Гуйман».

XIII. Преверб РА-. Древнеиранск. fṛa- придавал действию направленность к чему-нибудь вперед, наружу.

В осетинском имеет следующие значения:

I. Группа пространственных значений (с глаголами, выражающими перемещение или к.-л. направленное действие).

1) Значение направленности действия изнутри наружу с точки зрения наблюдателя, находящегося снаружи. **Сæ фылдæр хай хæдзармæ бацыдысты. Сагойы кæртмæ ратардтой.** (М. Ц. 29). – «Большая их часть вошла в дом. Саго (хозяина дома) выгнали во двор». **Æрхуы Мæсыджы бадаг Бурчызг, æддæмæ мæм ракас.** (Ц. А. 49). – «О, белокурая красавица, сидящая в Медной Башенке, выгляни ко мне наружу».

2) Значение направленности действия от какого-то исходного пункта, исходности, отложительности действия; отношение между лицом или объектом, с точки зрения которого описывается действие (или которым оно испытывается или совершается), и исходным пунктом определяется только наличием какого-то расстояния между ними. Это отношение дальше никак провербом не конкретизируется, исходный пункт может находиться наверху, внизу, на поверхности чего-нибудь и т. д. Это значение не должно восприниматься как направленность к тому, с чьей точки зрения описывается действие, т. к. это будет переосмыслением исходного, отложительного значения проверба. Указание на направление к тому, с чьей точки зрения передается действие, должно иметь в виду конечный пункт движения, в то время как проверб РА- имеет в виду начальный, исходный пункт. **Хурыскасæн æлдар нæ рарвыста дæумæ.** (Соп. III. 77). «Восточный алдар выслал (послал) нас к тебе». **Рувас бæрзондæй йæхи раскъæрдта.** (Ц. А. 42). – «Лиса кинулась (бросилась) с высоты (вниз)».

3) Значение действия, направленного вперед, проверб может иметь с некоторыми из тех же глаголов в зависимости от контекста, ситуативно. **Чи ралæудзæн йæ ныхмæ, ахæм лæг кæм и?** (Ниг. 75). «Кто выступит против него, где такой человек?»

II. Видовые значения.

1) Придает значение грамматического совершенного вида всем глаголам, с которыми употребляется. **Райста дзаг дзæбидыры сыкъа Сосланы цæрæнбоны тыххæй уæларв Куырдалæгон дæр.** (Н. 68). «Взял полный турий рог за здоровье Сослана и небесный Курдалагон», («исын» – брать; «райсын» – взять и т. д.).

2) Характеризует действие как многократное, происходящее в разных местах одновременно или в некоторой последовательности или с поочередным охватом большого количества объектов. **Равæрдтой фынгтæ æмæ Нарт куывды бадынц Уырызмæджы хæдзары.** (Н. 36). «Расставили столы и сидят нарты на пиру в доме Уырызмага. **«Рамбырд кодтой се' дзæм мæрдты Æмæ тигъæй фæфалæ 'сты.** (У. К. 68). «Подобрали своих безмолвных убитых и скрылись за уступами гор».

3) Придает глаголу значение быстро совершающегося действия. **Маэ къухы ферттывта маэ кард... Маэ разы февзæрди маэ хистæр æмаэ мын рацахста маэ кард.** (Ниг. 14). «В руке у меня блеснул нож... Передо мной очутился мой старший (брат) и поймал (схватил) мой нож».

4) Начинательное значение с глаголами, не выражающими направленного действия. **Куыд уыди йæ фыццаг? Куыд разылд маэ сæр?** (Къоста). – «С чего все началось? Как закружилась моя голова?» **Зæронды къабæзты æнæкæрон маст рафыхти.** (М. Ц. 31). «В душе старика закипела безграничная ярость».

III. В настоящем времени глаголы с превербом РА- передают обычное или совершающееся при определенных условиях действие. **Ис æм ахаем хъазт дæр Сосланмаэ: Нарты тыхджындæрты хохы сæрмаэ сæрвиты, æмаэ йыл уырдыгæй хохы йас дуртæ ратулынд.** (Н. 87). «А есть и такая забава у Сослана: он посылает сильнейших Нартов на вершину горы, и они оттуда катят на него камни величиной с гору». **Ахсынмаэ дæр æй бæргæ рахъавы куырм уæйыг, фæлае йыл нæ хæст кæны.** «Слепой великан (время от времени) пытается поймать его (Урызмага), но не может за него ухватиться».

В других случаях глагол в настоящем времени с превербом передает действие, наблюдаемое в определенный момент говорящим или тем, с чьей точки зрения описывается действие. **Кæсынц, æмаэ иу лæппу къæцæлтæ, бырæттæ рамбырд кæны æмаэ сæ арт скæны.** (Соп. III. 78). «Смотрят, мальчик собирает щепки и мусор и разводит из них огонь».

XIV. Преверб æр-. Предположительно возводится к древнеиранскому наречию – «здесь»⁹.

1. Пространственные значения преверба АР-, как и других осетинских превербов, обнаруживаются с глаголами, передающими направленное действие или перемещение.

1) Значение направленности действия сверху вниз с точки зрения находящегося внизу. **Зынг цæстæй арвæй хур æркаст.** (П. X. 34). «Солнце глянуло (вниз) огненным оком».

2) Нередко, когда контекст не содержит достаточно ясного указания на место того, с чьей точки зрения описывается действие, или если по отношению к нему действие не может быть направленным сверху вниз, описание действия видоизменяет аспект, в котором это действие изображается, тогда превербом выражается приближение к чему-то, находящемуся внизу, как к конечному пункту движения, в отличие от значения преверба НЫ-, также указывающему на направление сверху вниз, но уже

⁹ АБАЕВ В. И., ОЯФ. С. 106.

с точки зрения находящегося наверху или имеющего в виду не конечный, а начальный, исходный пункт. **Уэлладжыры сахъ фэсивæд, Сæфыдгулты сæ нæмгуытæй Зæхмæ бæхтæй æрæппарынц.** (У. К. 72). «Доблестные алагирские юноши пулями сбрасывают с лошадей на землю своих врагов».

3) Указывает на приближение к чему-нибудь или к тому, с чьей точки зрения передается действие, не выражая направленности сверху вниз. **Æрцу, сæуæхсид, фарнимæ, æри нæм, цæй, дæ къух.** (П. Х. 65). «Приди со счастьем, утренняя заря, дай (протяни) же нам руку».

II. Видовые значения.

1) Грамматическое значение совершенного вида получают все глаголы, с которыми преверб **ÆP-** употребляется. **Арвæй, зæххæй тагъд æрзил, ссар Хæмыцы фырт Батрадзы.** (Н. 251). «Обойди поскорее небо и землю, разыщи Батрадза, сына Хамыца».

2) Глаголы **æнцайын** – «покоиться», **æнцъылын** – «мяться», **æргæвдын** – «резать», **бадын** – «сидеть», **къуырын** – «толкать, ударять», **сæттын** – «ломать(ся)», **скъуынын** – «рвать(ся)», **уромын** – «останавливать», **хуыссын** – «ложиться», **хырхын** – «пилить», **цæвын** – «бить, ударять» и некоторые другие, употребленные с превербом **ÆP-**, получают значение спокойного, постепенно и без усилия совершающегося действия, часто не доведенного до конца или охватывающего не весь объект целиком, а только часть его. **Æрхуысс уал, Æхсар, радыгай хъахъ-хъæнæм æмбисæхсæвмæ ды бафынæй кæн, уырдыгæй бонмæ та æз.** (Н. 6). «Приляг пока, Ахсар, будем сторожить по очереди – до полуночи поспи ты, а там до утра – я». **Къонайыл æрфынæй адæмы хуыздæр.** (К. 130). «На лежанке заснул (постепенно, незаметно) лучший из людей (младший в семье)». **Æрæнкъард нæ бæстæ. Йæ митын пæлæзæй æрæмбæрзта дардыл хъызт зымæг нæ зæхх.** (А. Т. 27). «Печальным стал край наш. Суровая зима снежным плащом далеко вокруг одела землю».

3) Этим же глаголам в другом контексте, а также большинству остальных из числа не имеющих значения перемещения или направленного действия преверб **ÆP-** придает значение основательности, полноты действия, охватывающего весь предмет, все его стороны, совершаемого со всех сторон или по всем направлениям. Основательность действия соединена со спокойным, неторопливым, иногда постепенным, но уверенным характером его. **Уæрхаг сындæг равнæлдта æмæ йæ къухы уырзтæй æрысгæрста лæппуты цонджы хъултæ.** (Н. 18). «Уархаг медленно протянул (вперед) руки и ладонями ощупал запястья мальчиков». **Ныгæппытæ кодтой салдæттæ æмæ æрхæцыдысты æвзæргæнæгыл.**

(А. К. 148). «Солдаты спрыгнули вниз и схватили (со всех сторон) преступника».

4) Преверб *ÆP-* придает глаголам, не имеющим значения направленного действия, начинательность. **Æртæ æфсымæры сæ бæхтыл сæргътæ сæвæрдтой, æрцагуырдтой, рагуалдзæджы æртæхыл цы бæхтæ адавди, уыдонæн ныр æрæгфæззæджы халасыл сæ фæд.** (Соп. II. 57). «Три брата оседлали коней и начали разыскивать на осеннем инее следы лошадей, украденных по весенней росе». **Æрфæсмон кодта, кæй не сразы, ууыл.** (Ю. 315). «Он стал жалеть о том, что не согласился».

III. В настоящем времени преверб *ÆP-* придает глаголам значение обычного, повторяющегося при определенных условиях или наблюдаемого действия. **Фæмил ваййынц хæхтæ, Фæбур ваййы дон, Æртæхынц нæм мæргътæ, фæтынг ваййы бон.** (К. 158). «(Весною)... темнеют горные склоны, мутнеет вода, прилетают к нам птицы, длинней и светлее становится день». **Зымæг нæ хæхты цух нæ уадзы, лæджы æмбæрц æруары мит.** (К. 92). «В горах нас зима не забывает, выпадает снег глубиной в человеческий рост».

XV. Преверб БА-. Древнеиранск. **ира-**, выражал приближение.

В осетинском имеет следующие значения:

I. Пространственные.

1) Направление внутрь с точки зрения находящегося снаружи с глаголами, в семантике которых заключено представление о направленном движении. **Æвдæм уатмæ куы бацæуай, уæд бамбардзынæ дæ балцы нысан.** (Ц. А. 15). «Когда ты войдешь в седьмую комнату, тогда поймешь цель своего путешествия». **Æз лалымы бацæудзынæн, смах ын йæ хъуыр æнгом бабæттут æмæ йæ доны бавзилут.** (Ц. А. 16). «Я влезу в кожаный мешок, а вы плотно завяжите его и швырните в воду».

2) С теми же глаголами преверб может выражать направление к какому-нибудь месту или предмету. **Куы йæм бахæцца сты, уæд фæураедтой сæ бæхтæ, 'мæ йæ фæрсы сæ иу: цы ми кæныс?** (Соп. III. 78). «Когда они подъехали к нему, то приостановили коней, и один из них спрашивает его: что ты делаешь?».

3) В отдельных случаях придает действию направленность на поверхность ч-н. **Æлдар бавæрдта саргъ йæ байрагыл æмæ араст уæтæртæм.** (Соп. III. 67). «Алдар положил седло на (оседлал) жеребчика и отправился к отарам (овец)».

II. Видовые значения.

1) Значение грамматического совершенного вида преверб придает всем глаголам, с которыми употребляется. **Нарæг йæ астæу чын-дздзон чызгау балвæста.** (К. 172). «Узко стянул он свой пояс, как де-

вущка». **Цон, бавзарон маэ амонд.** (Соп. III. 35). «Пойду, испытаю свое счастье».

2) Часто значение совершенного вида сопровождается значением основательности действия, с различными оттенками, из которых наиболее характерны такие, как полнота совершения действия в процессе достижения его результата, интенсивность действия или реализация его с помощью особого усилия, полная исчерпанность действия или его необратимость. Как правило, эти глаголы не заключают в себе представления о направленном движении. **Молодец, кэй маэ бацагуырдтай, уый тыххэй.** (А. К. 241). «Молодец, что разыскал меня». **Вудзумар Уастырджийы бэхыл бабадти амаэ Сайнаэджи уырдыджи ауагыта йаэ бэх.** (Ю. 259). «Вудзумар уселся на лошади Уастырджи и пустил лошадь (вскачь) с Черного склона».

3) Начинательное значение. Характеризует действие как наступившее. Обнаруживается с небольшим числом глаголов: **Рувас, даэ сармаэ бахуыди, баххуыс мын кээн.** (Ц. А. 42). – «Лиса, ты мне понадобилась, помоги мне. (букв. наступила нужда в тебе)». **Ис аэм сусээгтэ хэрз бирэ уарзондзинадмаэ, аэнаэмэнг! Ацу, 'маэ йаэ бамбар, базон цэй, куыд базмаэлы уад зэрдаэ.** (Ниг. 84). «Есть, без сомнения, много тайн в любви! Поди же, пойми и узнай, как начинает трепетать сердце».

III. В настоящем времени глагол с превербом получает значение многократного, повторяющегося или обычного при определенных условиях действия. **Бирэ наэма рацыдаид, афтэ дын арс дэр аердумэ фэзынд тэрфэй, йаэ фэстээгтыл аэрбады, аласамаэ бакэсы.** (Ц. А. 42). «Прошло немного времени, как на поляне появился медведь, (то и дело) приседая на задние лапы я поглядывая на скакуна».

XVI. Преверб **АЕРБА-** – новообразованный.

I. Глаголам, выражающим перемещение или направленное действие, придает направленность внутрь снаружи с точки зрения находящегося внутри или издалека к месту, где находится наблюдатель. В более широком смысле действие характеризуется как приближающееся. Пространственное значение этого сложного преверба, состоящего из двух других – **АЕР-** и **БА-**, вобрало в себя и соединило значения этих последних. Значение **АЕР-**, которым действие характеризовалось как направленное к месту вблизи наблюдателя, дополняется другой характеристикой того же действия, но уже с точки зрения другого наблюдателя, находящегося в исходе действия. Здесь учитываются два значения преверба **БА-**: 1) если **БА-** указывает направление внутрь чего-нибудь с точки зрения находящегося снаружи, то **АЕРБА-** означает то же действие с точки зрения находящегося внутри. **Дымгэ хуыс-хуыс кодта амаэ-иу хатгай миты хьаэпэн**

æрбакалдта мидæмæ. (М. Ц. 72). «Ветер завывал и временами сыпал внутрь (подвала) хлопья снега».

2) Если БА- указывает направление действия к чему-нибудь или до какого-то предела с точки зрения находящегося в исходе этого действия, то **æрба-** придает то же действие, но с точки зрения того, к кому (или к чему) это действие направлено. **Дæлæ ма нын нымæтæй фæткъуытæ æрбадав.** (Ц. А. 41). «Принеси-ка нам вон тех яблок с бурки (лежащих на бурке)». **Нана, баба æрбацæуы, æхсæвæр нын æрбахæссы.** (Ц. А. 39). «Мама, вон идет (к нам) папа и несет (нам) ужин».

3) Преверб может придавать действию направленность в одно место с разных сторон или вокруг чего-нибудь. **Фæцыдысты файнардæм дыууæ фыр-хохы. Мæнæ фæстæмæ æрбацæуынц.** (Ц. А. 49). «Раздвинулись в стороны две горы. Но вот опять сходятся».

II. Видовые значения.

1) Значение грамматического совершенного вида преверб придает всем глаголам, с которыми употребляется: **Æрбаздæхтис Уырызмæг йæ хæдзармæ.** (Н. 48). «Уырызмаг возвратился к себе домой».

2) Превербом выражается быстрота или неожиданность совершения действия с глаголами, не выражающими направленного действия. **Немыццы бон ссыдысты, уыцы бон йе 'намондæн æрбарынчын æмæ хуысæны уыди.** (М. Ц. 43). «В тот день, когда пришли немцы, она на свою беду, неожиданно заболела и была в постели».

III. Глаголам настоящего времени преверб придает значение обычно при определенных условиях или наблюдаемого говорящим действия. **Хæхтыл мæйрухс куы æрбаныдзæвы, уæд уый куыд фæфидауы, афтæ ды дæр фидауыс бæхыл.** (Н. 270). «Как красиво лунное сияние, когда оно касается горных вершин, так и ты красив верхом на лошади».

IV. Среди осетинских превербов **ÆРБА-** относится к числу тех, с которым не употребляется наибольшее (после ЦÆ-) количество глаголов. Кроме причин, приведенных в подобных случаях для других превербов, здесь это объясняется тем, что **ÆРБА-** сравнительно недавнее образование. Определение «сравнительно» учитывает и то, что сложный преверб успел развить отвлеченное значение быстроты совершения действия, которое не свойственно ни одному из составляющих его в отдельности, но также, во-первых, все еще прозрачную связь его локативного значения с соответствующими значениями составляющих его превербов, а во-вторых – отсутствие какого-либо сращения с этим превербом, в то время как для других (за исключением ЦÆ-, тоже недавнего происхождения) имеем хотя бы по одной сращенной форме, так или иначе свидетельствующей о давности употребления преверба.

XVII. Преверб ЦÆ- самый малоупотребительный из всех продуктивных превербов в осетинском. Число глаголов, с которыми он употребляется, не превышает двух десятков. Чаще всего это глаголы: найын – «купать», æхсын – «мыть», æвæрын – «класть», æнкъуысын – «качнуться», æппарын – «бросать», æвдисын – «показывать», æлвасын – «стягивать», æлхъавын – «сдавливать», æрвитын – «посылать», æфтауын – «прибавлять», æндæдзын – «прилипать», æргæвдын – «резать», æрдиаг кæнын – «рыдать, вопить», æхситт кæнын – «свистеть». Этот список не может быть сколько-нибудь существенно пополнен. Но и с этими глаголами он редко употребляется.

Ограниченная продуктивность и употребительность этого преверба должна, по-видимому, объясняться его происхождением из грузинского преверба ча- (ça-)¹⁰, выражающего направление сверху вниз с точки зрения находящегося наверху, заимствованного в осетинский сравнительно недавно или не получившего широкого распространения по каким-либо другим причинам. В дигорском диалекте он совершенно отсутствует, а в иронских говорах распространен неравномерно. По-видимому, его употребление в южно-осетинских говорах нуждается в дополнительной проверке, в связи с указанием Т. З. Козыревой¹¹ на отсутствие в них этого преверба, в то время как именно эти пограничные с Грузией говоры представляются прямыми путями проникновения грузинских заимствований.

Но, несмотря на ограниченную его продуктивность, преverb ЦÆ- в полной мере обладает свойствами, общими для всех остальных осетинских превербов. Им выражается пространственное отношение: он придает действию направленность сверху вниз с точки зрения находящегося наверху. Это сближает его с другим превербом НЫ-, придающим глаголу то же пространственное значение. Однако отличие ЦÆ- от НЫ- состоит в том, что первый выражает направление не только вниз, но одновременно и внутрь чего-то. Такое значение обнаруживает он, главным образом, с глаголом æппарын – «бросать». **Фелвæста сапон æмæ хæстæг бацыд пецмæ, сыгом кодта аджы æмбæрзæн æмæ дзы цæппæрста сапаны къæртт.** (Д. ХЪ). «Он схватил мыло и подошел к печке, поднял крышку котла и бросил в него кусок мыла».

Но значение «внутри» может быть и не выражено: **Райдыдтой æмхуызон дзурыш æмæ сфæнд кодтой: «Æлдармæ минавар**

¹⁰ См. статью В. И. АБАЕВА в Яфетическом сборнике, I, 1927.

¹¹ КОЗЫРЕВА Т. З. Категория вида в современном осетинском языке. Диссертация, ЛГУ, 1951.

цæрвитæм». (С. Г. 14). «Начали все сразу говорить и порешили: «Пошлем (вниз, с гор) к алдару посла».

II. Преверб выражает видовые значения глагола, в частности – значение грамматического совершенного вида. Иллюстрацией могут служить все приведенные с превербом ЦÆ- глаголы; все они совершенного вида. Некоторые глаголы, как æвæрын – «класть», найын – «купать» используют этот преверб как обычный при образовании форм совершенного вида от основного (не модулированного) значения корня, когда бывает наиболее существенной необходимость выразить именно совершенный вид. В остальных случаях употребленный для выражения совершенного вида преверб ЦÆ- обычно заменяет преверб НЫ-.

2) Преверб выражает интенсивность действия: **Сæумаæрайсом Таймуразы хæдзармæ бабырста Кудзиты Батрадз æмæ лæджы йæ хуысæны цæргæвста.** (А. К. 64). «Рано утром Батрадз Кудзиев ворвался в дом Таймураза и прирезал его в постели».

3) Иногда преверб придает глаголу начинательное значение: **Дуня хуыста æнцад, стæй та цæрдиаг кодта...** (А. К. 446). «Дуня молча слушала, потом опять зарыдала».

Как можно заметить, значение преверба ЦÆ- полностью совпадают со значениями преверба НЫ-. Этим объясняется как появление, так и условия современного его употребления. По-видимому, заимствование совершилось уже тогда, когда установился аспект пространственной характеристики действия с определенной точки зрения: Поэтому значение грузинского ча- (ça-) было не только понятно двуязычной среде, внесшей его в осетинский язык, но и полностью совпадало со значением осетинского НЫ-. Это, в свою очередь, создало возможность для произвольной или стилистической замены одного преверба другим. Потому преверб ЦÆ-получил в осетинском именно те отвлеченные значения – интенсивность и начинательность, – которые свойственны превербу НЫ- (значение совершенного вида он имеет и в грузинском). Но, с другой стороны, именно благодаря синонимичности превербов НЫ- и ЦÆ- последний не получил в осетинском широкого распространения.

О словообразовательной функции осетинских превербов

I. Основной словообразовательной функцией превербов следует считать образование глаголов с новым лексическим значением, отличным от корневого, беспревербного. Природа их – результат частного взаимодействия значения глагола и одного из значений преверба, чаще всего с последующим переосмыслением. Поэтому они не могут быть классифи-

цированы по какому-нибудь общему для них принципу образования значений. Ни общие значения превербов (или части их), ни общие значения глаголов или их отдельных семантических групп не являются стержнем для образования нового значения. Преверб не только видоизменяет прежнее значение глагола, но позволяет переносить видоизмененное значение на новое действие, создавая базу для переосмысливания превербной формы. Степень продуктивности такого способа образования новых глаголов связана с природой их возникновения, с их фразеологическим характером, если под этим термином понимать немотивированность общего значения со значением составных частей, что явилось следствием лексикализации переосмысленных глагольных форм.

1) Для части этих глаголов базой для переосмысления послужило переносное употребление глагола. Например: *скъуыйын* – «рваться», *сыскъуыйын* – «прерваться (о роде)», *сæттын* – «ломаться», *басæттын* – «сломиться, покориться, сдаться, сознаться», *лаууын* – «стоять», *ныллаууын* – «поступить (куда-нибудь)», *здæхын* – «поворачиваться», *баздæхын* – «приниматься за что-нибудь», *исын* – «брать». Перенос видоизмененного превербом значения глагола на новое действие расшатывает границы его использования в корневом значении, расширяет его семантику и круг употребления. При этом новая лексическая форма бывает только промежуточной при появлении нового значения беспревербного глагола. Хорошо известно значение глагола *дарын* – «держать» (общеиндоевр. – *dar-*) в иранских и других индоевропейских языках. С превербом БА- он получил в осетинском значении «напоить». Но в этом же значении он может быть употреблен и без преверба. **Марг ын куы бадарæм, уымæй тæрсы, – загъта Марья Васильевна йæ мойæн.** (X. – М. 43). «Он боится, что мы напоим его отравой, – сказала Марья Васильевна мужу». Такой же тип образований представляют *сайын* – «обманывать» – «уводить» с развитием значений «обманывать» – «уводить обманом» (через пространственное значение преверба *а-*), «уводить, вести». Промежуточная форма – *асайын*. *Хæссын* – «нести» и «вскармливать» через промежуточную форму *схæссын*. *Хæссын* – «нести» и «длиться», через промежуточную форму *ахæссын*. **Бæлвырд нæ зонын, æцæг хæст цал боны ахаста.** (С. Г. 10). «Не знаю точно, сколько дней на самом деле продолжалось сражение».

2) В других случаях удается установить, что значение глагола переосмыслено на базе одного из значений преверба: *исын* – «брать» + *æрисын* – «давать»+ (брать сюда), глагол употребляется только в повелительном наклонении «*æри!*»

3) Переосмыслением на базе значения совершенного вида преверба является глагол фæуын – «кончить(ся)» от уын – «быть»: **Фæци хъызт зымæг.** (А. Г. 35). «Кончилась суровая зима».

4) Глагол фæлаууын – «вытерпеть» является вторичным переосмыслением значения «ждать» от глагола лаууын – «стоять» с превербом фæ- на базе его значения длительности действия. **Нал та фæлаууыд Уырызмаг – йæ сæр сдардта уæрмæй.** (Н. 42). «Опять не утерпел Урызмаг, поднял голову из ямы». На базе значения быстроты действия тот же преверб ФÆ- образует глагол фæкæлын со значением «споткнуться» от кæлын – «литься» (др. ир. **kār-** «бросать» в *causat.*, вытесненное в этом значении глаголом æппарын, а в медиальном «падать» – глаголом хауын).

В этом, как и в предыдущем случае, переосмысление основано на восприятии количественной характеристики действия как качественной: **Зæронд дуне фæкалд, йæ марг туг ыл ныккалд.** (А. Г. 56). «Споткнулся старый мир, пролилась над ним его ядовитая кровь».

Подобное же переосмысление глагола фæуын со значением преверба, передающим многократность действия, привело к употреблению глагола в значении «приняться за что-нибудь», «сделать что-нибудь своим постоянным занятием». **Ауæй кодта Додти йæ сугтæ æртæ сомыл æмæ йæ хъуыддæгтæ аразыныл фæци.** (А. К. 121). «Продав Додти свои дрова за три рубля и занялся устройством своих дел».

5) Переосмысленные с переменной залогового значения: хæцын – «держат(ся)», схæцын – «загораться», «начать гореть», ср. русск. *заняться* (приняться) – «начать гореть». **Йæхи нал баураедта Уырызмаг, скасти уæрмæй, æмæ схæцыдысты йæ даргъ зачъетæ.** (Н. 42). «Не утерпел Урызмаг, выглянул из ямы, и загорелась его длинная борода». Лаууын – «стоять», ралаууын – «начать избивать». **Цирхъæй йыл ралаууыд Сослан.** (Н. 89). «Начал Сослан наносить ему удары мечом».

6) Преверб БА- в пространственном значении с многократным видом глагола уын – «быть» образует глагол бавæййын, выражающий постоянное отношение в значении «доводиться родством». **Нартæн цы бавæййыс, уый нын зæгъ.** (Н. 16). «Скажи нам, кем ты доводишься Нартам».

II. Такой способ образования новых значений охотно используется при образовании составных глаголов, в которых именная часть не связана прямо с выражаемым глаголом действием. Значение глагола основано на использовании переносного, метафорического значения именной части. И в этом случае общее значение глагола, не связанное прямо со значением именной части, в упомянутом смысле фразеологично. Поэтому преверб

является как бы цементирующим звеном всей конструкции, и без преверба обычно составной глагол бессмыслен. Однако при сильно лексикализовавшемся употреблении такого глагола возможно иногда и беспревербное его употребление.

Фæцалх кæнын – «втянуть в работу», «приставить к какому-нибудь делу». Цалх – «колесо». **Стæй сæ бæгæныты цæхгæртæ аразыныл фæцалх кодта.** (Н. 174). «Затем она приставила их изготавливать кадки для пива».

(фæ-) – **атигъ кæнын** – «противиться», тигъ – «острие», «настраиваться против кого-нибудь». **Уырызмæгыл йæхи чи атигъ кодтаид?** (Н. 29). «Разве стал бы кто-нибудь противиться Урызмагу?»

адзæхст ласын – «убежать», **дзæхст** – «удар», «драпануть». **Йæ бинонтæ арвыста йæ усы цæгатмæ, йæхæдæг адзæхст ласта Туркестанмæ йæ хæстæджытæй кæмæдæр.** (А. К.) «Семью он отправил к родственникам жены, а сам обежал в Туркестан к кому-то из своих родственников». **(æр-) батымбыл кæнын** – «нагонять, догонять», **тымбыл** – «круглый», **Денджызы сæ фосы конд баскъæрдтой æмæ иннæ фарс фесты. Фæцауынц, æмæ сæ мæнæ ну барæг йæ разæй æрбатымбыл кæны.** (Н. 44). «Загнали они угнанный скот в море и переправились на другой берег. Едут, вдруг видят, какой-то всадник начал их преследовать». Ср. также **скъуымбил кæнын** – «энергично приняться за кого-нибудь», **къуымбил** – «шерсть», **сгалиутæ кæнын** – «исказить», «извратить», **галиу** – «левый»; также – **ныхъхъус уын** – «умолкнуть, притихнуть», **хъус** – «ухо», **бабын уын** – «погибнуть», **бын** – «дно», «наследство»; **(худæгæй) бакъæцæлтæ уын** – «закатиться», «трястись от смеха», **къæцæл** – «щепка; **нызæгæл уын** – «уцепиться, ухватиться», **зæгæл** – «гвоздь»; **ныггалиутæ уын** – «запутаться», **галиу** – «левый», **ныббазыр уын** – «понестись, быстро побежать», **базыр** – «крыло», **ныббындз уын** – «пуститьсь бежать», «устремиться»; **бындз** – «муха», **фæхъулон кæнын** – «обидеть, обделить кого-нибудь», «дискриминировать», **хъулон** – «разноцветный»; **фæцæст кæнын** – «сглазить», **цæст** – «глаз»; **акъупп кæнын** – «выпить до дна», **къупп** – «звук, удар, стук»; **(æрба-, с-) фæкуыси уын** – «сунуться куда-нибудь», **куыси** – «чаша»; **атьанг кæнын** – «растянуть», **тъанг** – «кишка»; **атьæнг кæнын** – «измучить, уморить», **тъæнг** – «треск»; **бавдисæн кæнын** – «отказаться, отречься», **æвдисæн** – «свидетель».

Список таких глаголов может быть продолжен.

III. Как словообразовательный элемент превербы используются также в составных глаголах, в именной части которых использован удвоенный корень несоставного глагола. К каждой части удвоения прибавляется

один и тот же преверб. В таком случае глаголом выражается многократное повторяющееся действие: фæкæс-фæкæс кодта «он поглядывал».

Если с частями удвоения употреблены разные превербы (обычно РА- и БА-), то к значению многократности присоединяется значение направленности действия в разные стороны: рацу-бацу кæнын – «ходить взад и вперед», «таскаться».

Именная часть этих глаголов (удвоенный корень с превербами) может употребляться самостоятельно в качестве отглагольного имени. **Цы æрцыди, уый уæхæдæг дæр уынут, æмæ мæ рафæрс-бафæрсæй ныуадзут.** (А. К. 422). «Вы сами видите, что случилось, поэтому избавьте меня от ваших расспросов».

Без превербов же такие глаголы никогда не употребляются. Их связь с удвоенным корнем настолько прочна, что они допускают наращение еще одного преверба к именной части или вспомогательному глаголу. Обычно это бывают преверб ФÆ-, тогда глагол получает значение длительного, основательного действия, или преверб А-, тогда глагол получает значение быстрого или непродолжительного действия (с сохранением кратности в обоих случаях). **Далыс æй йæ фæдыл фæралас-балас кодта, йæ былтæ йын дуртыл фæхоста, фæлæ йын уæддæр аирвæзти.** (Н. 49). «Ягненок (долго) таскал его за собой, побил ему о камни губы, и все-таки ускользнул». **Æлдар къæбылайы рауын-бауын акодта.** (С. Г. 12). «Алдар (быстро) оглядел щенка (со всех сторон)».

IV. Известно, что в осетинском языке практическая возможность создавать составные глаголы почти безгранична, что именной частью составного глагола может быть большинство имен. Условия употребления превербов с составными глаголами, если они не ставятся перед глагольной частью, с точки зрения расположения частей те же, что и в других случаях. Именная часть составного глагола с превербом может быть употреблена как отглагольное имя. Благодаря этому в осетинском стало возможным образование с помощью преверба целого лексического слоя, обладающего значениями отглагольных имен, обладающих глагольным значением совершенного вида и способных склоняться как имена. Они сохраняют глагольное управление, но могут использоваться в функции определения, образовать сравнительную степень. **Лæппуйæ базæрондмæ цардтæ мæстджынай адæмы мæстæй.** (К. 98). «С молодых лет до старости (до тех пор, когда состарился) ты жил удрученный горем народа» (зæронд – «старый»). **Раст сбоны онг афтæ фæфыдæбон кодтон.** (А. К. 154). «Вплоть до наступления дня я промучился так» (бон – «день»). **Хъуыстгонд сын уыди кæй уызæн абон фæскуыст æрныхас.** (А. Г. 60). «Им было сообщено, что сегодня после работы будет разговор» (ны-

хас – «слово»). **Йæ нæрдæн, йæ зардæн уæд басабыр нæй, æнаерынцой зарæг у иуы тыххæй.** (А. Г. 15). «Ее звучанию и пению нет успокоения, эта неумолчная песня – все об одном» (сабыр – «тихий»). **Æлгъыстаг сæ тæрхон, æлгъыстаг сæ фæндтæ, ныффидармæ хъавы цагъайрады дуг.** «Проклятье их суду и их намерениям, они хотят утвердить рабство» (фидар – «твердый, крепкий»).

Звуковые явления комбинированного и иного характера.

1) Вставки (-ц- в иронском, -й- в дигорском) между превербом (кроме С- и ЦÆ-) и глаголом, начинающимся с а-: ба-ц-агу-рын, а-ц-амонын, ны-цц-аразын, ба-й-агорун, ни-й-аразун, ра-й-ахæссун. Вставка -й- иногда появляется в иронском: ны-йй-арын, ны-йй-азæлын. Вставка -ц- в дигорском встречается только в превербных формах глагола уын «быть».

Преверб **НЫ-** отделяется вставкой от глаголов, начинающихся с у- и -и-. Перед и- появляется вставной -й-, который в произношении удваивается (см. Геминация), перед у- вставка -й- также удваивается, затем через ассимиляцию начальный гласный переходит в полугласный -у- (см. «Ассимиляция»): ныуулафын – «вздыхнуть» от улафын, ныйивазын – «растянуть» от ивазын и т. д. Это – чисто фонетические вставки, не имеющие этимологического характера. В дигорском иногда вставки не появляются, несмотря на стечение гласных: «ба-амуд-тайдæ» (М.-Шт. 11), ба-ауæр-дæ. (Соп. 2. 17), ра-ахæста (М. 27). Этимологический вставной -й- в иронском после превербов, исходящих на -а, отражает утраченный в иронских формах, но сохраненный в дигорских непродуктивный преверб и- (др. ир. **vi**): ба-й-хъусын – «послушать» от хъусын, диг. игъосун; ба-й-сæрдын – «намазать» от сæрдын, диг. исæрдун и т. д.

2) Поглощение слабого гласного сильным, если начальный гласный глагола – слабый: а-æвæрын – авæрын, ра-æргъæвын – ра-æргъæвын, ба-æзмæлын – базмæлын.

3) Отпадение протетического гласного глагола после преверба **НЫ-**: æздухын – ныздухын, æсхойын – нысхойын и т. д.

4) Сохранение протетического гласного после превербов С- и АЕР- для избежания стечения трех согласных: сызмæлын, сысхойын, æрыхсæдын, æрыздухын.

5) Геминация (удвоение) начального согласного основы после преверба **НЫ-**, а в дигорском также и после ФÆ-: хæссын – ныххæссын, рисын – ныррисын, диг. тæхун – фæттæхун; удваивается также вставной согласный или полугласный. Но действие этого правила не распространяется на глаголы с двухсогласным началом: æрвитын – нырвитын, æхкæнын – ныхкæнын и т. д.

Существует предположение, согласно которому причиной геминации является ассимиляция теперь уже утерянных конечных согласных превербов НИ- (др. ир. *niz-*) и ФÆ- (др. ир. *pati-*). Однако глагольные сращения с этими превербами не сохранили предполагаемого согласного ни в одном случае. Геминация в них также полностью отсутствует, за исключением одного случая – в слове «фæхъхъау». Параллельное существование двух форм преверба – с конечным согласным и без него – не подтверждается ничем. Слово фæхъхъау – «жертва» (см. выше), судя по форме, иронское, сравнительно недавнее образование, говорит о том, что геминация после фæ- некогда имела место и в иронском.

6) Samdhi при стечении некоторых гласных. Гласный -æ- преверба фæ- и начальный основы и- стягиваются в один звук -e-: фæ + ирвæзын – фервæзын, фæ + иргъæвын = фергъæвын. То же происходит, если основа начинается с æ: фæ + æвналын = февналын, фæ + æрттивын = ферттивын. Такое стяжение не всегда происходит неизбежно. Часто оно имеет смысло-различительный характер. Например, фæфтыгъта означает «быстро запряг», а фæифтыгъта – «запрягал много раз или долго»; «фæппæрста» означает «выбросил, вышвырнул», а «фææппæрста – «побросал, пошвырял».

Если при встрече гласных преверба и основы вместо фæ- имеем преверб ЦÆ-, то стяжения гласных не происходит. Причина, видимо, лежит в малой употребительности этого преверба.

7) Озвончение начального согласного основы в благоприятных условиях (между гласными) находим во многих сращениях: сидын – авзидын, хъил – æвгъил, диг. карæ – æмгар, кайын – агайын и т. д.

8) Ассимиляции начальному основы подвергался носовой согласный преверба ÆМ-: уæндын – æууæндын, уилын – æууилын, диг. æнсæдун – ир. æссæндын, диг. æнгъæд- ир. æгъгъæд и т. д.

9) Диссимиляция меняла форму преверба РÆ-, если в основе глагола имелся звук -р-: лæбырын из рæ-бы-рын, лæгæрдын из рæ-кæр-дын и т. д.

10) Можно отметить также некоторые метатезы: арвитын из æв-ритын; æлвасын из æв-ласын; æлвисын из æв-лисын; æфсымæр из æм-сы-вæр, ср. диг. æн-сувæр.

Особенности употребления превербов в дигорском диалекте

1) В дигорском отсутствуют имеющиеся в иронском превербы ЦÆ- и А-. Отсутствие **цæ-** неощутимо в дигорском, т. к. он вообще малоупотребителен и сходен по функциям с НИ-. Отсутствие преверба **а-** восполняется некоторым расширением функций **ра-**. В частности, с его помощью передаются пространственные указания менее конкретные, чем те,

которыми он дополняет глагол в осетинском языке. Кроме того, в дигорском он употребляется, главным образом, в тех случаях, где иронский **а-**служит для выражения совершенного вида: **рамардта** (М. 5) – «он убил», ир. **а-мардта**; **ра-вгæрдын** – «зарезать», ир. **а-ргæвдын** и т. д. Значение быстроты совершения действия передают оба преверба: **бæхбæл рабадтæй** (М. 7) – «вскочил на лошадь», ир. **бæхыл абадт**. Новым по сравнению с иронским является значение ограничения действия, присущее в иронском превербу **а-**: **ра-хуæруй** (М. 58) – «он ест (немного), ир. **а-хæры**; **ра-ахуыста** (М. 43) – «он отведал (немного)» – ир. **а-ц-ахуыста**. В отдельных значениях, сходных со значениями других превербов (чаще всего для образования совершенного вида), охотнее употребляется **ра-**: **рауидта** (М.-Шт. 3) – «увидел», ир. **федта**; **рацийнæ кодта** (М.-Шт. 2) – «порадовался», ир. **фæцин кодта**; **рафунаййæй** (М. 2). – «заснул», ир. **бафынай ис**.

2) Такое же замещение одного преверба другим в сходных функциях можно отметить и в других случаях: **æрзудта** (Соп. 2. 17) – «узнал», ир. **базыдта**; **æризадæй** (М. 21) – «остался», ир. **баззади**; **æруа!** (Соп. 2. 12) – «поди сюда», ир. **рауай**; **ниууидта** (М.-Шт. 18), **баууидта** (М. 19) – «увидел», ир. **ауыдта**, и т. д.

3) Существенным различием между дигорским и иронским является отделимость дигорского преверба от глагола. В иронском такое отделение возможно лишь в одном случае, когда между превербом и глаголом в прошедшем времени вставляется частица **-цæй-** для придания глаголу несовершенного вида¹².

В дигорском между превербом и глаголом может быть помещено одно или несколько энклитических местоимений: **Ба-имæ-цудæнцæ æма имæ кæсунцæ** (М. 8). «Подошли к нему и смотрят на него»; **Æр-мæмæ-зилдæй мæ царди зымæг** (Эп. 60) – «Пришла ко мне зима моей жизни»; **Ра-ин-арфæ кодта æма ин æ къох райста**¹³. (М. 3) – «Он его поблагодарил и пожал ему руку».

4) Дигорокой особенностью считают повтор приставки после глагола для придания ему особой экспрессивности: **Рауай-ра, кизгæ, мæн хæтдзæ ракафæ** (Соп. 2. 27) – «Выйди же, девушка, потанцуй со мной». Но это явление можно отметить и в иронском: **Баххæст дын кодта, ба, дæ карз фæдзæхст** (Ниг. 7) – «Да, он выполнил твой суровый наказ»; **Ракæс-ра, мæ цард, мæ бæлон ...рауай-ра, мæ бон, хæстæг!** (П. X. 64) –

¹² Об этом см. В. И. АБАЕВ. Грамматический очерк осетинского языка. – «Осетинско-русский словарь», М., 1952.

¹³ См. подробнее; В. И. АБАЕВ. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов. – «ОЯФ», М.–Л., 1949.

«Выгляни же, жизнь моя, моя голубка... выйди же, моя радость, ко мне поближе!» и т. д.

5) В значении, близком к пространственному значению ра-, в дигорском употребляют преверб **æра-**, не отмеченный в иронском: **Æрацæунцæ зæдтæ – даугутæ мæйрокси хузæн хонхбæл фелаугæ.** (Эп. 57) – «Появляются небожители, сияя как лунный свет на вершинах гор». **Æ цурд кæстæртæ Сайнаг æлдараг гур-гурæй сæмæ æракалунцæ** – «Проворные младшие (люди) Сайнаг-алдара с шумом к ним выбегают». (Эп. 60). **Хуæрзарахсгæ ма рæуæг кæстæртæ æртæ къерей ма æхсарфæн – бæлтгæ æфсæн ухстбæл цавд æрахæссунцæ.** (Эп. 62) – «Расторопные и проворные младшие приносят им три пирога и шашлыки, насаженные на железные вертелы». В этих примерах пространственное значение преверба **æра-** указывает не только на приближающееся действие, но, по видимому, учитывает одновременно отложительный характер этого действия. Такая «двойная» пространственная характеристика действия свойственна превербу **æрба-** (см. выше). Не является ли **æра-** сложным превербом такого же типа, состоящим из двух превербов **æр-** и **а-**? Значения этих превербов в отдельности допускают такое их соединение, а прецедент в осетинском уже имеется. Подобное предположение, высказанное также венгерским ученым Л. Гаалем, остается пока единственным объяснением появления этой превербной формы.

Заключение

Характеризуя с исторической точки зрения систему осетинских превербов в целом, можно сказать, что в основе ее лежат черты древнеиранской системы, отчасти получившие дальнейшее развитие, отчасти дополненные новым, неиранским содержанием. Подавляющее большинство осетинских превербов (кроме заимствованного **цæ-**) связано с древнеиранским материальным родством. Но они совершенно утратили осязательную связь с предлогами и наречиями. Параллельного употребления превербов в качестве предлогов или наречий не существует. Это – результат дальнейшего обособления превербов как системы.

Одной из главных функций осетинских превербов, как и древнеиранских, является пространственная характеристика действия. Но эта функция, не теряя связи с древнеиранской, наполнилась новым содержанием. Прежние абстрактные пространственные указания заменены новыми, конкретными, характеризующими направление действия не вообще, а с точки зрения наблюдателя. Смещение в представлениях о типах пространственных отношений должно было произойти под влиянием другого

языка в среде, бывшей в какое-то время двуязычной. Такое изменение пространственной семантики охватило не все осетинские превербы, а только часть их, по своим значениям стоявшую ближе к иноязычным моделям, выработанным в представлениях двуязычной среды. Причем из субстратного языка оказался заимствованным не только аспект пространственной характеристики, но и форма образования новых превербов, например, **æр-ба-** и **æр-а-**, находящие параллели в грузинском и некоторых других кавказских языках. Предпочтение в употреблении превербов с переосмысленным значением, выражающим направление более конкретно, привело к господству в живом употреблении одних и полной потере продуктивности у других, непереосмысленных превербов.

Развитие отвлеченных (непространственных) значений превербов является продолжением тех же древнеиранских. Отчасти они абстрагированы из пространственных значений. Их видообразовательная функция, по-видимому, развилась в связи с изменением временной системы глагола. Поэтому, хотя в соседних кавказских языках совершенный вид глагола образуется с помощью превербов, в осетинском это могло быть внутренним процессом, вызванным внутренней необходимостью.

В словообразовании продолжен тип образования новых значений на базе переосмысления превербной формы. В старом наречном употреблении (как часть словосложения) превербная форма может быть обнаружена только в сращениях. В остальном используются возможности, выработанные уже на осетинской почве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, УКАЗАННОЙ В СОКРАЩЕННЫХ ССЫЛКАХ

1. М. II, III. – Вс. Ф. МИЛЛЕР. Осетинские этюды. Ч. 2 – 1882; Ч. 3 – 1887. М.
2. Ос. эт.
3. М.–Ф. – Вс. Ф. МИЛЛЕР. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с доп. А. А. Фреймана. Т. 1–3. Л., 1927 – 1934.
4. ОЯФ – В. И. АБАЕВ. Осетинский язык и фольклор. 1. М.–Л., 1949.
5. Сл. расх.; Сл. – Словарь расхождений в «Очерке расхождений иронского и дигорского диалектов». – В кн.: В. И. АБАЕВ. Осетинский язык и фольклор. 1. М. – Л. 1949.
6. Сл. 1952 – Осетинско-русский словарь. Под ред. А. М. Касаева. М., 1952.
7. Barth. Wb. – Chr. BARTHOLOMAE. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
8. Beitr. – Ws. MILLER. Beiträge zur ossetischen Etymologie. Strassburg, 1907.
9. Benv. – E. BENVENISTE. Essai de Grammaire Sogdienne. 2. Paris, 1929.
10. Sp. 0. – Ws. MILLER. Die Sprache der Osseten. GIF.

11. А. Г. – ГУЛУТЫ Андрей. Уацмыстæ. Дзауджикау, 1951.
12. А. К. – КОЦОЙТЫ Арсен. Уацмыстæ. Дзауджикау, 1949.
13. Д. Хъ. – МАМСЫРАТЫ Дæбе. Хъæбатырты кадæг.
14. К– Коста ХЕТАГУРОВ. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 1951.
15. М. – Дигорские сказания. С пер. и примеч. Вс. МИЛЛЕРА. М., 1902.
16. М. – Шт. – MILLER W. und STACKELBERG R. Fünf ossetische Erzählungen in digorischen dialekt. Spb., 1891.
17. М. Ц. – ЦÆГÆРАТЫ Максим. Амонды фæндагыл. Дзауджикау, 1947.
18. Н. – Нарты кадджытæ. Дзауджикау, 1946.
19. Ниг. – НИГЕР. Кадджытæ. Дзауджикау, 1946.
20. П. Х. – ПЛІТУ Х. Zærdæ. Stalinir, 1938.
21. С. Г. – ГÆДИАТЫ Секъа. Уацмысты æмбырдгонд. Дзауджикау, 1947.
22. Соп. – Памятники народного творчества осетин. Вып. 2–3. Владикавказ, 1927–1928.

R. L. TSABOLOV

TO THE HISTORY OF OSSETIAN PREVERBS

(Izvestia SONII. Vol 19, Ordzhonikidze, 1957)

SUMMARY

Characterizing, from historical standpoint, the system of Ossetian preverbs as a whole, it's possible to say that in its base there lies the lines of ancient Iranian system, which somewhat got the most further development, somewhat complemented by new, non-Iranian content. The suppressing majority of Ossetian preverbs (except unoriginal -tsa) is connected with ancient Iranian material. But they have absolutely forfeited the appreciable relationship with pretext and adverb. The parallel use of preverbs as pretext or adverb is not existed that is the result of further isolation of preverbs as a system.

One of the main functions of Ossetian preverbs as ancient Iranian ones, is a spatial feature of the action. But this function, not losing relationship with ancient Iranian system, was filled by new contents. The former abstract spatial instructions are replaced by new, concrete, characterizing the direction of the action not in general, but from the vision of the watcher. The melange in beliefs about the types of the spatial relations was to occur under the influence of the other language in ambience which was at some time bilingual. Such a change of the spatial semantics had covered not the all Ossetian preverbs, but only part of them, which by its importance stood closer to foreign models, which worked out in the bilingual ambience.

Н. Я. ГАБАРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ТРЕВОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Судьба языка в перспективе не всегда определяется его нынешним положением. Несмотря на свое прочное место как у своих носителей, так и среди других, главным образом, родственных языков, он может оказаться в силу от него не зависящих обстоятельств в тревожной ситуации. Примеров много. Об этом свидетельствуют в первую очередь судьбы мертвых языков. Эту истину могут подтвердить и многие еще живые языки. Одним из них является осетинский язык. «Несмотря на недостаток старых письменных памятников, прошлое осетинского языка поддается обозрению на протяжении более 2000 лет. Мы видим, как в течение этого огромного периода язык жил, развивался, изменялся, и как в жизни языка отражалась жизнь народа»¹, – пишет В. И. Абаев о былом расцвете языка.

В последнее время СМИ настойчиво привлекают общественное мнение к функциональному положению осетинского языка. Раздаются тревожные высказывания по поводу резкого падения не только официальной его роли как государственного языка, но и как простого рабочего средства общения соплеменников. К сожалению, многочисленные призывы энтузиастов содержат лишь искренние эмоции вместо каких-либо деловых предложений по восстановлению общественной роли нашего языка. Увы, нет смысла, да и резона винить кого бы то ни было в сложившейся ситуации, даже тех, кто давно «изменил» родному языку в пользу неродного.

Язык – любопытный феномен. Он, в отличие от любого орудия труда, от интенсивного использования ничего не теряет из своих качеств, не изнашивается. Наоборот, чем больше им пользуются, тем больше крепнет, делается мощнее. Силен тот язык, у которого нет конкурента, который является единственным средством общения людей. И он таким может быть только в том случае, если его носители рискуют задохнуться, лишенные возможности выдохнуть рвущуюся наружу речь.

Это идеальное условие для функционирования языка. Но это идеально и потому нереально. В наш стремительный век при буйном смешении народов, при развале межгосударственных границ, при предельной толерантности разношерстных племен языки малых народов загнаны в тесный угол как бы общего загона. В таком тесном загоне не могут мирно, в любви и согласии существовать лев и кролик, даже если лев не будет проявлять агрессивности.

Почти каждый человек – патриот родного языка, и тем не менее национальные языки в массовом порядке пополняют списки отмирающих языков. В свое время газета «Аргументы и факты» опубликовала вот такую информацию: «Невероятно. Почти трети из существующих в мире 6,8 тысяч языков грозит вымирание. На 3,5 тысячах современных наречий говорит не более 50 человек. А 46 языков имеют только по одному носителю»².

Каждый человек как бы надеется: «Меня минует чаша сия». Мы, осетины, не знали, что наш язык может попасть в тот горестный список, пока телевидение Республики Северная Осетия-Алания не оповестило своих телезрителей об этом, пользуясь информацией ЮНЕСКО.

Нынешнее состояние осетинского языка есть результат т.н. двуязычия. Проблемы билингвизма существуют во многих районах и странах мира, «существуют они и в бывших республиках Советского Союза – в условиях свободного развития наций, национальных культур и национальных языков. Изучение билингвизма – одна из актуальных проблем современного языкознания»³. Так подкупающе говорилось о двуязычии.

Показательно, что о положительном для местных языков значении двуязычия громче всех говорили представители местной интеллигенции. Известна роль России, русского языка в развитии осетинской нации, осетинской культуры. Осетинский народ к общечеловеческой цивилизации приобщился благодаря России, да и язык, точнее, какая-то часть словарного фонда резко обогатился через русский язык. Вообще, Осетия на протяжении веков стремилась к тесному единению с Россией во всех сферах жизни, испытала и постоянно испытывает великую силу русского дружественного плеча.

Это – общеизвестные факты. Что касается двуязычия, то оно уже не вызывает оптимизма. Двуязычие в осетинской действительности оказалось настолько продуктивным, что осетинский язык заметно уступил не только в общественной жизни нации, но и в быту, в семье.

Термин **двуязычие** является главным словом, определяющим целый ряд отдельных типов контактирования языков: многоязычие, коллективное двуязычие, разноязычие, дивергенция, конвергенция, заимствование,

детское двуязычие, смешанный язык, язык с элементами смешения, гибридные языки и т.д. и т.п. Каждый из них обозначает своеобразный тип двуязычия (многоязычия). Так, например, термин **смешанный язык** «...применялся в случаях, когда налицо взаимопроникновение двух морфологических систем»⁴.

О двуязычии (многоязычии) накоплена огромная литература. В ней рассматриваются многочисленные типы последствий разных контактов языков. Подчеркивается, что «В различных странах и местностях возможности языкового общения между жителями колеблются в широком диапазоне от ситуации полной разобщенности, когда ни один из обитателей данной территории не понимает языка, на котором говорит другой, до такого положения, когда все они владеют некоторым общим языком, т.е. составляют речевой коллектив. Для числовой характеристики этих различий Гринбергом в 1956 году были предложены восемь «показателей разноязычия»⁵. Обращает на себя внимание такое множество «показателей». Справедливо считается, что «двуязычие является причиной смешения языков. Создание смешанного языка или языка с элементами смешения – это лишь вопрос степени»⁶. Вот этот фактор степени в каждом случае, в каждом языке является разным.

О двуязычии вообще и о характере двуязычия в частности В. И. Абаев писал: «Двуязычие у народов Советского Союза было довольно распространенным явлением до Октябрьской революции... Много двуязычных было издавна среди осетин, на севере – со вторым русским языком, на юге – с грузинским»⁷. По сравнению с современным двуязычием то было другое, особенно «со вторым русским». Последним владели только отдельные лица. Билингвизм в Осетии почти не знал взаимопроникновения, гибридных типов, смешанных языков и т.д. Сегодня осетинский язык пытается выжить, нисколько не влияя на второй язык. Это самая существенная особенность «осетинского» билингвизма сегодня.

Чтобы понять особенности «осетинского» двуязычия, чтобы определить его место среди обширного мира проявлений двуязычия (или многоязычия) вообще, сошлюсь еще на один пример, представляющий из себя как бы экзотический и потому крайний тип двуязычия. Это даже и не тип двуязычия, а упрощение одного языка, включающего некоторые лексические элементы из других языков. Получается нечто вроде странного жаргона. Одним из таких жаргонов является т.н. бич-ла-мар (beach-lamar). Вот небольшой образец из грамматики. Имена в бич-ла-мар не знают различий числа. При необходимости прибавляют слово all («все»): all he talk-«они говорят». Иногда вместо all используется fellow: me two fella – «мы»; me two fellow Lagia – «Я и Лагия». Слово fellow (fella)– многофунк-

ционально. Оно выделяет местоимение: *that fellow hat* – «та шляпа»; *this fellow knife* – «этот нож». Оно отграничивает прилагательное от существительного: *big fellow name* – «большое имя». Может употребляться при наречиях: *that man he cry big fellow* – «этот человек кричит громко»; при числительных: *ten fellow ten one fellow* – «сто один»⁸. Рядом с такой экзотикой осетинское двуязычие производит впечатление совершенно «примитивного», до предела простого двуязычия: народ изъясняется на русском языке и еще, уже с грехом пополам, на своем. Никаких сложностей, заимствований, взаимопроникновения и т.д. Обыкновенное забывание родного языка в пользу неродного.

Выше отмечалось, что об исключительной роли русского языка для развития осетинского с великим вдохновением говорили представители самой местной интеллигенции. И это наблюдалось во всех республиках и областях Советского Союза: «Вся сумма наших наблюдений, – пишет В. И. Абаев, – приводит к выводу, что влияние русского становится важнейшим фактором как структурного, так социального и функционального развития указанных литературных языков»¹⁰ (т.е. таджикского, осетинского и курдского языков – Н. Габараев). Время было такое, когда преобладали не столько чисто лингвистические соображения, сколько соображения конъюнктурные, политические. Нельзя, правда, отрицать и того естественного всплеска национальных, социальных, патриотических чувств, который был вызван Октябрьской революцией. Но понятный ажиотаж, ожидание преобразований в новой, революционной ситуации, скрыли возможные последствия двуязычия в Осетии. Вполне искренне утверждалось, что «Полвека советского периода, по-видимому, равны многим столетиям развития осетинского языка в дооктябрьскую эпоху. Революционные преобразования в жизни осетинского народа явились первопричиной разительных процессов, имевшихся и еще происходящих в осетинском языке»¹¹.

Подобное высказывание должно производить сильное впечатление, но если сравнить «полвека» с «многими столетиями развития» языка, то нетрудно представить неправомерность такого сопоставления, в особенности если иметь в виду реальные последствия двуязычия. Впрочем, в безбрежной литературе о двуязычии есть и «мягкие» определения этого явления: «Что такое билингвизм? Это функционирование двух языков на одной и той же территории, в одной и той же этнической среде. По-иному, это использование в процессе общения двух языков одним и тем же населением»¹².

Двуязычие есть причина отмирания языков малых народов. Язык, как правило, не умирает своей смертью, его убивает другой язык, оказавшийся в более выгодном положении.

Каковы последствия двуязычия в Осетии? Октябрьская революция всколыхнула всю Российскую империю и вовлекла Осетию в общий водоворот великих преобразований. В первые годы советской власти происходит пробуждение всех народов империи. В Осетии, как и в других регионах, скромная интеллигенция приступает к активной работе по приобщению своего народа к общечеловеческой цивилизации. Ликвидируется безграмотность, край покрывается сетью школ, налаживается книжное издательство, печатание периодики и т.д. Язык стал обслуживать новые запросы общества, вобрал в себя большое количество заимствованных слов из русского и через русский язык, в массовом порядке стали создаваться новые лексические единицы собственными средствами.

И литературный наш язык старался не отставать от стремительного движения других народов и пытался приноровить свой шаг к темпам развития окружающего мира. Влияние всего российского шло не только по линии пополнения лексики, но и, помимо всего другого, и по линии укрепления идеологического, классового самосознания.

Впоследствии обнаружилось, что пользоваться русским языком удобнее, чем своим. Выяснилось также, что почти ни один человек из контактирующих с осетинами народов не овладевает местным языком. Если в группе осетин есть хотя бы один иноязычный человек, то вся группа независимо от количества говорит либо на языке этого одного человека, либо на русском языке. Это, якобы, свидетельствует о способностях осетин к другим языкам. Но, видимо, это мало утешительно в сложившейся ситуации.

В то же время авторитетно заявляется, что «Язык представляет собой орудие, структура которого свидетельствует о том, что оно создавалось постепенно с целью удовлетворения потребностей общения и что его употребление в этих целях **гарантирует** постоянство его функционирования»¹² (выделено нами – *Н. Г.*). Оказывается, постоянство функционирования языка регламентируется другими (или другими тоже) обстоятельствами.

Патриоты родного языка уверовали и теперь верят в силу призыва: «Говорите по-осетински!» Они не понимают, что восстановить положение языка благими намерениями и словами убеждения невозможно. Жизнь сама диктует выбор языка, и каждый говорит так, как ему удобно. В связи с этим возникает вопрос: кто хозяин языка, кто его оберегает, кто печется о нем? Оказывается, нет у него защитника. Осетинская пословица гласит: æхсæны мард æнæ ныгæд («Общественный, т.е. общий покойник (остается) непохороненный»). Положение языка в этом отношении похоже на наше отношение к воздуху. Он необходим, но никто не заботится о

нем: он общий и потому ничей. Все материально нужное имеет стоимость. Воздух не имеет ее. Правда, люди не твердят постоянно, что он великое богатство, а о языке все говорят, что он великое достояние. Вот стихотворение И. А. Бунина «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Язык объявлялся даже божьим даром: «Следует указать на теорию божественного откровения, которая всецело основывается на библейских легендах и притчах, основной смысл которых: язык был открыт (отсюда «откровение») богом в раю легендарным Адаму и Еве. Широкую известность приобрела притча о вавилонской башне (вавилонское столпотворение), повествующая о причинах многоязычия»¹⁴.

Но если язык – великое богатство, достояние, дар божий и т.д., то он должен стоить сколько-то. Язык состоит из слов и если он стоит чего-то, то возникает естественный вопрос: сколько же стоит одно слово? В складках кармана затерялся рубль. Он – мелочь, ничего не стоит, но мы все же обращаем на него внимание. Осетинский язык потерял сотни, тысячи слов в темных закоулках истории. Но никому от этого не было больно. В связи с этим возникает другой вопрос: на рынке все слова имели бы одинаковую стоимость? В «Частотном словаре», например русского языка, на миллион слов слово *умнеть* встречается только один раз, а слово *говорить* – 2600 раз. Значит, слово *говорить* стоило бы в 2600 раз дороже?

Слова, разумеется, не равноценны даже в языке, теряющем свою былую функциональную роль. И самые «дорогие» слова чаще встречаются в речи всех говорящих. «Недорогие» слова употребляются по-разному людьми, владеющими языком в разной степени. Активный лексический фонд у некоторых говорящих лиц ограничен 200-300 слов. Но статистика особенно жестко высвечивает тех, кто вообще уже не говорит по-осетински. Таких, к сожалению, много. Что касается говорящих, то они достаточно разнообразны по степени владения языком.

Отмечаемые ниже моменты должны показать практическое исполнение языком своих функций. Вслед за констатацией досадного факта

наличия большого числа населения, не владеющего своим языком, следует взглянуть на горестную участь осетинских чисел. Можно сказать, что живая речь потеряла их и вместо них пользуется русскими названиями. Это явление из ряда вон выходящее. Имя числительное как часть речи является грамматической категорией морфологии. Отколовшись от нее, оно оставило в грамматике зияющую брешь, не заполненную числительными русского языка. Дело в том, что любые заимствования совершенно свободно входят в систему осетинского словоизменения. Числительные русского языка такой адаптации поддаются с трудом и не до конца. Особенно десятки, сотни и дальше. Вообще осетинские числа до двадцати еще можно услышать, но и здесь имеются странные ограничения. Легко можно сказать, например, *фондз сомы* (пять рублей), вряд ли скажет кто *даес сомы* (десять рублей) или *ссæдз сомы* (двадцать рублей).

Показательно, что в осетинской речи число обычно за собой может тянуть и русское название исчисляемого предмета: *двадцать штук, пятьдесят рублей, сто учеников. Скъолайы ахуыр кæны сто двадцать ученикай фылдæр.* (В школе учится больше ста двадцати учеников).

В числительных различаются 2 счета: десятичный и двадцатичный, усвоенный из кавказского мира. Десятичный счет (свой, индоевропейский) в свое время был вытеснен двадцатичным счетом, но в 20-е годы был обнаружен в горах у пастухов и восстановлен официально главным образом в системе образования, вещании, в печати. В устной речи продолжал функционировать, да и сейчас встречается в речи старшего поколения сельской местности двадцатичный счет¹⁶.

В двадцатичном счете сохранялись осетинские названия всех чисел. Позаимствовалась только структурная схема сложных чисел, но не полностью. Так выглядят схемы счетов, например, в двадцатичном счете в осетинском языке $2 \times 5 \times 20 + 9 + 3 \times 20$ (дыууæ фондзыссæдзы æмæ фараст æмæ æртисæдз) и, например, в грузинском: $2 \times 100 + 3 \times 20 + 9$ (oras samocda sxra).

Для сравнения с десятичным счетом:

в русском языке $2 \times 100 + 6 \times 10 + 9$ (двести шестьдесят девять)

в осетинском $2 \times 100 + 60 + 9$ (дыууæсæдæ æхсай фараст).

Чтобы назвать какое-либо число выше двадцати, почти каждому осетину приходится в бессильном напряжении пытаться перевести его на осетинский язык. Никому неохота напрягаться.

Парадокс: на собраниях, совещаниях при обсуждении проблем осетинского языка, осетинской литературы рабочим языком является русский. И никого это не смущает.

Другой парадокс: работник телевидения, беря интервью у осетина – чиновника, интеллигента, министра, фермера, водителя – задает вопросы

по-осетински, а ему отвечают по-русски. И это тоже никого не смущает, хотя русская речь далеко не всегда бывает безупречной.

И еще: в своей осетинской речи бесконтрольно используем чужие, «незаконные» слова. Образец: «Аградайæн краска куы ссарай хозяйственни магазины, уæд-иу æй демæ рахæсс виходнойты, афтæ перви-второй числоты. Пъажалыстæн, ма дæ байрох уæт шпакловка æмæ кисттæ дæр». Грамматика текста осетинская, поэтому его надо перевести: «Если в хозяйственном магазине найдешь краску для оград, то прихвати ее с собой в выходные дни, так числа первого-второго. Пожалуйста, не забудь шпаклевку и кисти тоже».

В городах Северной Осетии в общественных местах человек не рискует обратиться к кому-либо по-осетински: чуть ли не половина осетин не владеют своим языком, а неосетины, составляющие тоже около половины населения, совершенно не считаются с языком аборигенов.

Осетинский язык уступает свои позиции в быту, в семье, т.е. там, где он всегда прочно господствовал. Остается сознавать, что ему больше нигде функционировать.

Исключительно редко сохраняется осетинская речь в семьях, покинувших родину.

Таковы (и не только) плоды двуязычия – билингвизма.

А без языка люди есть, а народа нет, нет нации.

Двуязычие – благо для местного языка, пока язык-пришелец не начнет вытеснять язык аборигенов.

Проблема развития языка. Проблема эта с первого взгляда кажется простой и понятной. Однако здесь всплывает целый клубок любопытных вопросов. Что такое развитие языка? Означает ли всякое изменение в языке его развитие? Русский язык, начиная с XI столетия, утрачивает звательный падеж¹⁷, утрачивается он и в осетинском¹⁸, а в грузинском сохраняется¹⁹. Проявление категории одушевленности / неодушевленности в русском языке привело к тому, что стало правилом местоимение *кто?* употреблять применительно не только к лицам, но и ко всем живым существам от таракана до слона²⁰. В осетинском вместо этого функционирует категория лица / нелица и вопрос *чи?(кто?)* может адресоваться только к лицу, и это, видимо, более оправданно²¹: не совсем реально, показывая на животное (на слона, кролика, таракана), задавать вопрос: это кто такой?

Таких вопросов бесчисленное количество и неясно, как совместить их с понятиями развитость / неразвитость.

О проблеме развития языка написано очень много. Некоторые исследователи изменения в языке понимают очень широко, вплоть до того, что говорящий и слушающий одно и то же слово произносят (или могут произносить) несколько по-разному²². Другие основное внимание уделяют разграничению двух типов законов развития языка: внешних законов развития и внутренних. И насколько суждения о первом из них просты и очевидны, настолько вторые туманны и спорны.

Изменения, происходящие по внешним законам, видны, как говорится, невооруженным глазом: они могут быть следствием контактов с другими языками, достижениями в производстве, науке и т.д.

В осетинском языке действие внешних законов развития проявилось в проникновении в наш язык т.н. кавказских согласных звуков *къ, нь, ть, чь, ць*... В литературе настойчиво подчеркивается, что против иноязычного влияния наиболее стойкими оказываются фонетика и грамматика. Эта точка зрения, видимо, правильная и заимствование указанных кавказских согласных должно свидетельствовать об исключительно тесных и длительных контактах осетинского народа с кавказскими. Об этом же говорит усвоение осетинским языком структурного типа русского сложноподчиненного предложения с придаточным определительным при подчинительном союзе *который* («кацъ»), о котором говорилось выше.

Разговоры о внутренних законах развития стали очень популярными после дискуссии по языкознанию в 1950 году. И. Сталин выступил с критикой Н. Я. Марра и дал установки по вопросам о том, как развивается язык: «...главной задачей языкознания, – указывал И. В. Сталин, – является изучение внутренних законов развития языка»²³. С этого времени благодаря авторитету и жесткому характеру И. Сталина внутренние законы развития языка стали чуть ли не судьбоносным явлением для народов Советского Союза.

Из разнообразных туманных толкований можно сделать вывод, что внутренние законы развития должны выявлять непосредственные причины того или иного изменения в языке. Однако во многих высказываниях утверждается, что эти причины неуловимы. «...почему исчезло в русском языке двойственное число?» – ставит вопрос А. С. Чикобава и отвечает: «Прямой причины не указать»²⁴. В. В. Иванов признает, что причины изменения */e/* в */o/* (*село – села*), начавшегося с XII века, «до конца не выяснены»²⁵.

В фундаментальном исследовании Ю. Дзиццойты рассматриваются процессы изменения элементов всех уровней одного диалекта осетинского языка. Скрупулезный анализ большого материала объективно подводит каждый раз к общей проблеме законов развития языков. Ограничимся

одним примером. Анализируя «кударскую парадигму (*æз*) *шæу-дж-æн*, (*ды*) *шæу-дж-æ*, (*уый*) *шæу-джен-и(с)*», автор заключает: «Эта парадигма, видимо, возникла в течение последнего столетия, но когда зародилась точно, об этом по письменным материалам нельзя узнать»²⁶. Внешних мотивов нет, а внутренних, как чаще всего бывает, не видно.

В осетинском происходит замена формы множественного числа *-тæ* геминированным суффиксом *-ттæ* с заменой сильного гласного основы слабым /æ/ (*хал* – *хæлттæ*, *ком* – *кæмттæ*). Коста, Арсен еще писали цуанонтæ («охотники»). Сегодня в письме все чаще появляется геминированный суффикс *-ттæ*: *цуанæттæ* («охотники»). Медленно, но неуклонно согласные /г/ /к/ /къ/ заменяются в родительном падеже единственного и во множественном числе звуками /дж/, /ч/, /чъ/: *уæраг-уæрджытæ*, *карк-карчы*, *булкъ-булчъы*; *уæрджытæ*, *кæрчытæ*, *булчъытæ*.

Все это – результат действия мифических внутренних законов развития. Иногда у кого-либо из языковедов прорывается откровенная оценка этих самых законов: «Язык не существует вне индивидуумов, которые говорят (или пишут) на нем. Однако язык существует независимо от каждого отдельного индивидуума: он как бы навязывается им»²⁶.

Видимо, больше всего споров и противоречивых высказываний имеется по вопросам именно внутренних законов развития языка в широком диапазоне от сдержанных до крайне отрицательных. «...после лингвистической дискуссии 1950 года, – пишет В. И. Абаев, – стало модно говорить о «внутренних законах» развития языка как о решающем факторе языковой эволюции. Об этих «внутренних законах» было немало сказано и напечатано, но ясного впечатления, что собственно это такое, мы так и не получили. Более того, в понятии «внутренние законы» развития языка осталось что-то мистическое». И далее: «...кто апеллирует к «внутренним законам», обычно не могут указать конкретные причины каждого конкретного языкового изменения»²⁷.

Действительно, в литературе много суждений об этих законах, и создается впечатление, что одни из языковедов очень подробно и обширно пытаются разъяснить природу внутренних законов развития языка, но как будто что-то неясное мешает этому, как будто эти законы действуют сами по себе, без видимого участия носителей языка. «Лингвистические законы имеют **объективный** характер, т.е. их действие не зависит от воли и желания отдельных людей»²⁹. И постоянно возникает вопрос: от кого зависит? Кто творит? Видимо, это имел в виду В. И. Абаев, когда говорил о мистицизме.

На это сетуют и другие. G. L. Brook: «Было много попыток объяснить, почему изменяются звуки, но эти попытки не были вполне удачными»³⁰. В

том же духе высказывается и Л. Блумфилд: «Поскольку звуковое изменение – явление историческое, имеющее начало и конец, то причина его не может быть установлена на основе соображений универсального характера или наблюдений над говорящими в другие эпохи и в других местах»³¹.

Здесь же встает вопрос о том, как понимать развитие. Является ли осетинский язык развитым? Продолжает ли еще развиваться? Общее значение слова *развитие* толкуется применительно к любой субстанции: «Развитие – процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему»³². Такое толкование *развития* было бы более уместно, имея в виду производство, искусство, организм... И вообще, несколько затруднительно определять степень развитости языка, в сравнении или без сравнения с другими языками. Судить о большей или меньшей развитости языков по относительно ограниченным периодам их развития было бы неоправданно, а для сравнительной оценки применительно к итоговому их состоянию на современной стадии развития наука о языке не располагает никакими критериями»³³. Любопытно, что в осетинском нет удовлетворительных эквивалентов русских *развитие*, *развивать*. В словарях переводятся как *рапаракат*, *райтынг*; *рапаракат кæнын*, *райтынг кæнын*; *сытынг кæнын*³⁴. Но все они мало приложимы к языку, так как больше связаны с понятиями количества, размножения, усиления.

Понятие развития языка применительно к положению осетинского языка неопределенно. Вряд ли можно заметить какие-либо процессы развития в языке, который значится в списке отмирающих языков.

Проблема развития языка определенный интерес приобретает в связи со стихийностью различных явлений в языке. Тем не менее, эта сторона языкознания в лингвистической литературе почти не затрагивается. При анализе внутренних законов постоянно присутствует вопрос: кто сотворил? По чьей вине произошло? И, как правило, нет ответа. Кто упростил сочетание вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени на -л (например, азъ есмь читаль), сохранившего свое былое качественное значение в нескольких единицах типа *горе-л-ый*, *уста-л-ый*, в простую форму прошедшего времени глагола *читал* (-а, -о, -и)? Язык сотворил сам. Ради нашего собственного удобства опираемся на участие внутренних законов развития. Но законы сами не творят. По закону творит кто-то или что-то.

Стихийным, хаотичным было само зарождение, образование языка. И эта стихийность продолжается и в наше время. Легко можно видеть,

что в языке почти ничего не происходит по предварительному плану. Можно сравнить естественный язык с искусственным, например, с эсперанто: все существительные всех родов снабжены единым форматом **-o**: *studento*, *projekto*, *motoro*, *minuto*, *akvo* («вода»). Все прилагательные, порядковые числительные, причастия, притяжательные местоимения имеют общий показатель **-a**: *projekta* («проектный»), *minuta* («минутный»), *akva* («водный»), *unu* («один»), *-unua* («первый»), *mi* («я») – *mia* («мой»), *projektata* («проектируемый») ³⁵ и т.д.

Единообразие форм одного и того же грамматического явления по идее должно свидетельствовать о совершенстве языка. Неведомо, есть ли такой естественный язык в мире. Эсперанто сопоставимо с естественным языком только в плане его архитектурной планировки. Что касается выразительности, они несравнимы. Любой естественный язык до предела обогащен самыми разнообразными средствами, способами выразить тончайшие оттенки мыслей и эмоций. Осетинский язык в этом отношении пока пребывает, как говорится, на уровне мировых стандартов, несмотря на печальный вердикт ЮНЕСКО.

И в то же время, если с пристрастием заглянуть во внутренний мир языка, можно обнаружить такое, что при сравнении с эсперанто может показаться, мягко говоря, не совсем упорядоченным. В наших рассуждениях нас больше интересует осетинский язык. Заглядывая в него, легко заметить, что язык сам постоянно «редактирует» свою структуру, свою систему бесчисленных элементов. Показателем этого служит, например, удаление звательного падежа, от которого еще сохранились реликтовые *лагай*, *усаи*, *чызгаи*. Язык никогда не расстается с тем, что необходимо для общения. Следовательно, звательный падеж стал лишним. А может быть, он сначала был таковым и обрел жизнь по закону стихийности.

Последствиями стихийности в становлении языка являются, например, совпадение форм инфинитива и первого лица единственного числа глагола настоящего времени: *зон-ын* («знать») и (*æз*) *зонын* («Я знаю»). И этому правилу подчинены тысячи глаголов без исключения. Даже небольшое число таких слов как *цауын* («ходить»), *кауын* («плакать»), *хъауын* («хотеть»), *фауын* («кончиться») представлено разными формами в прошедшем времени: *цыди*, *куыдта*, *хъуыди*, *фаеци*. Большое число различия имеется в образовании множественного числа существительных: *бал* («стая») – *балтае*, но *хал* («былинка») – *халттæ*, *хъом* («стадо») – *хъомтае*, но *ком* («ущелье») – *каммтае*, *куыдз* («собака») – *куыйтае*, *фындз* («нос») – *фындзтае* и т.д. и т.п.

С точки зрения иноязычного человека все это – непреодолимая сложность. Но есть и идеальное единообразие. Повелительное наклоне-

ние в осетинском образуется простым отбросом суффикса инфинитива: *базонын* («узнать») и *базон* («узнай»), *хæссын* («нести») и *хæсс* («неси»), *саразын* («сделать») и *сараз* («сделай») и т.д. Здесь имеется только несколько исключений: приведенные выше глаголы *цæуын*, *кауын*, *хъæуын*, *фæуын* тоже показывают свою особенность: *цу*, *ку*, *хъу*, *фæу*.

Единообразие форм одного грамматического явления должно быть положительным показателем любого языка. Выше говорилось об изменениях в языке. Можно было бы ожидать, что эти изменения с течением времени приведут ко всеобщей унификации всех явлений языка. Однако, зная о многовековом существовании языка, можно усомниться в такой возможности. Каждый язык имел достаточное время для создания идеальной упорядоченности, но, увы.

Ради справедливости следует сказать о явлениях в других языках. В русском последствий стихийности развития обнаруживается гораздо больше, чем в осетинском: здесь история языка разработана давно и подробно. Из языка ушло несколько склонений, целый ряд форм глагола, редуцированные гласные, в том числе дифтонги, ушел из языка закон открытых слогов и многое другое.

В современном русском языке много такого, что обращает на себя внимание. Можно указать на разное написание слов *цирк*, *циркуль*, *циник* и *цыган*, *цыпленок*, *цыпочки*. Десять слов на *-мя* производят впечатление случайной добавки к русской грамматике. Разнообразные формы инфинитива смущают воображение: *писать*, *нести*, *беречь*, *белить*, *белеть*, *крикнуть* и т.д. Осетинский в этом отношении, как было показано, представляет идеальную форму. Здесь совершенной предстает и система склонения. Она универсальна в том смысле, что склоняется все и по одному единственному образцу для все единиц, которые могут отвечать на вопросы *кто?* *что?* т.е. не только существительные и другие части речи, но и отдельные части слов, суффиксы, префиксы и даже отдельные звуки, как в единственном числе, так и во множественном. Язык стихийно, но правильно выбрал наиболее гибкую систему склонения. По сравнению со склонением русского языка, где существует понятие несклоняемых существительных, а склоняемые делятся на несколько типов, осетинский язык располагает склонением очень удобным и легким для иноязычного человека.

В связи с этим уместно заметить, что в осетинском такими же совершенными являются и многие другие грамматические системы, подсистемы, которые и обеспечивали жизнеспособность языка. При других, более благоприятных обстоятельствах этому языку не было бы износа.

Следует добавить, что стихийность развития языка, возникновение разных сложных систем и подсистем несколько не затрудняет процесс

общения носителей языка, потому что эти носители овладевают языком с молоком матери, без труда, как бы автоматически.

Что теряет человечество, если отмирает хотя бы один язык – надо полагать, уместно ставить такой вопрос, тем более что он никогда не ставится в такой категорической форме. И речь будет идти об осетинском языке: каждый говорит о своих недугах, гласит осетинская пословица (алчи йæхи низы кой кæны).

В самом деле, что может потерять мир, если не станет осетинского языка? Попытаемся вникнуть в проблему без излишних эмоций и поверить в возможность найти какой-нибудь выход из создавшейся ситуации.

Язык является отражением всего того, чего достиг народ за время многих веков своего существования. Все, что имеет и знает народ, имеет свои названия. Следовательно, язык народа и его познания, его опыт взаимосвязаны, они не бывают друг без друга. А познание мира, приобретение опыта существования есть результат труда. С того далекого прошлого, когда «труд создал человека»³⁶, труд продолжает учить человека. Чему? Вот одно из определений слова *труд*: «Целесообразная и общественно-полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения»³⁷. Для нашего случая можно предложить несколько иное определение: Труд – это действие, при помощи которого производятся необходимые ценности.

Вот, наконец, дошли до сути. Народ осетинский трудится на протяжении всей своей истории, создавая ценности. А ценности, создаваемые в нашем мире, в конечном итоге являются общечеловеческими. Ценности материальные, но главным образом духовные в самом широком смысле. С отмиранием языка уходят из жизни и ценности, в первую очередь духовные.

Что создал осетинский народ такого, что можно поставить рядом с мировыми стандартами и о чьей потере человечество должно сожалеть? Оказывается, не так мало, чему может позавидовать любой народ. Нам трудно баловать, например, отдельные континенты нашими Багиата или Кармадон (осетинские слова), но доставляем радость многим народам (т.е. человечеству) своими национальными танцами, в особенности легендарным Симд.

В фольклорном мире высоко котируются наши нартовские сказания, которые живы, пока жив их язык.

Коста, как и других великих деятелей искусства, человечество справедливо считает своим. А он – основоположник **осетинского литературного языка**.

Великое множество осетинских пословиц и поговорок – кладезь мудрости и житейского опыта. Так и подмывает привести несколько из них:

Адæм кæй уарзыни, уый Хуыцау дæр уарзы.

Кого любит народ, того и бог любит.

Куыстæн йæ сæр – сынды, йæ бын – сой.

Начало труда горькое, а конец сладкий.

Хорз лæг адæмæн цумæйаг у.

Хороший человек обществу принадлежит.

Сабыр ныхасмæ калм дæр хъусы.

Спокойному слову и змея внемлет.

Хъæд æнæ цæст нæу, быдыр – æнæ хъус.

Лес – не без глаз, поле – не без ушей.

Фразеология осетинского языка многочисленна и исключительно выразительна. Только два примера:

Батрадз йæ чызджы чындзы сарвиты, йæ сæрыл куырой зилы, ды йæ не ндавыс.

Батрадз свою дочь замуж выдает, очень озабочен (букв. *на его голове мельница крутится*), ему не до тебя.

Уый æнæгъдау митæ йæ сæрмаæ нæ хæссы.

Он до неприличных поступков не снисходит (букв. *к голове не подносит*.)

Все это – шедевры творчества народа. А гибель шедевров всегда вызывает чувство неудовлетворенности, сожаления. К тому же шедевры обычно принадлежат всему миру.

Достойно сожаления сознание того, что от умерших языков даже осколков не осталось. Исключение, видимо, латинский язык. Но ему несколько повезло, так как в свое время он был языком науки и литературы в Европе. Да и в наши времена служит источником образования терминологии. Показательно и то, что сохранилось много популярных изречений, употребляемых не только в переводе, но и в оригинале:

Omnia mea mecum porte.

De mortuis aut bene, aut nihil.

Cogito ergo sum.

*Non omnis error sultitia est.*³⁸

Особое место в осетинском языке занимают бесчисленные формулы благих, добрых пожеланий, Это – поздравления, приветствия, тосты, выражения благодарности и т.д. Редко какой язык может сравниться с осе-

тинским. Формулы эти можно признать самостоятельным жанром искусства. Они очень выразительны, душевны, созданы изобретательно: *хорз амонд да хай* («да достанется тебе счастливая доля»); *хурма рацауент да сабитæ* («да будут благополучны твои дети»).

Разумеется, не все ценности, добытые осетинским народом, помянуты, да, пожалуй, и необходимости нет в этом. Но о «рядовых» словах нельзя не сказать, хотя это и сложно: мир слов любого языка обширен и очень разнообразен. Характеристика нескольких слов не может показать всю картину словоупотребления в целом. Слова составляют основную часть языка. В осетинском они выступают в качестве источника для исследования истории народа. Не зря писал В. И. Абаев так вдохновенно, что «...язык народа – это его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях... Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры»³⁹. Такие слова-понятия ценны не только для истории осетинского народа, но и для многих других регионов мира и, естественно, в таком качестве они являются достоянием общечеловеческим.

Вымирание языков – явление не просто отрицательное, оно печальное, ибо это означает трагический конец цивилизации целого народа. Совершенно ясно, что от вымирания языков мир не делается богаче, он становится беднее.

Сегодняшнее положение осетинского языка является следствием контактов на юге с грузинским языком, на севере – с русским. При соседстве двух языков один из них оказывается победителем, другой – побежденным. И это зависит не от характера языка, не от преимуществ его выразительных средств. Ведь «контактируют не системы и структуры, а их носители»⁴⁰, т.е. не сами языки, а народы. Побеждает язык того народа, который преобладает в политическом и культурном отношении.

Статус языка, его функциональная значимость, развитие, изменения – все это зависит от языковой политики, проводимой государством. Если она не отвечает интересам всего общества, возникают требования об ее отмене, потому что в сознании общества язык является символом национального единения. Поэтому народы, борющиеся за свою государственность, за свою независимость, много внимания уделяют языковой политике. Становится популярным лозунг «единое государство – единая нация – единый язык».

Сегодняшняя языковая ситуация в постсоветском мире является как бы продолжением той языковой политики, которая проводилась в СССР с 1922 по 1991 год. Общегосударственная программа культурной революции требовала активного использования родных языков всех народов, и в первое десятилетие советской власти была развернута большая программа языкового строительства. Но в руководстве вскоре стали утверждать, что этнокультурные и национально-языковые проблемы уже решены, и все усилия надо сосредоточить на программах экономического строительства. Некоторые малочисленные народы вообще перестали быть субъектами права национальной политики, а их языки – предметом заботы, защиты. Способом проведения такой политики было насильственное регулирование этнических и языковых процессов⁴¹, а следствием – сужение функций родных языков. Русский язык всегда был обязательным предметом, тогда как родные языки превратились в дисциплины по выбору или попали в разряд факультативных предметов. «Политика, направленная на сужение функционального спектра национальных языков и противопоставляющая их русскому языку, определяется современной социолингвистикой как «языковой империализм», а ее осуществление как «языковой геноцид». Проводимая государством национальная политика привела к явлению, получившему название «языковой нигилизм»⁴². Он имеет две разновидности: во-первых, сознательное ограничение доминирующей нацией сферы языков нацменьшинств и, во-вторых, самоограничение национальных меньшинств в использовании ими своих родных языков. Такое трагическое положение в первом случае объясняется политическими целями партийно-государственной элиты (ускоренное формирование «советского суперэтноса»), а, во-вторых, – полным ощущением бесперспективности, ненужности и даже ограниченности своего родного языка, который является, якобы, причиной снижения социального статуса его носителей. «Казалось, стоит только отречься от своего родного языка, перейти на язык доминирующей национальности, и социальный рейтинг личности должен вырасти». На самом деле такая национальная политика и ее порождение – культурный и языковой нигилизм – разрушали личность. «На разрушительные последствия культурного и языкового нигилизма обращают внимание и специалисты, разрабатывающие лингвистические аспекты современной языковой политики в Российской Федерации (В. Н. Белоусов, В. Г. Костомаров, В. П. Нерознак и др.)»⁴². Предметом подробного анализа стали разрушительные последствия национального нигилизма и в Осетии⁴³. В современной литературе настойчиво указывается на пагубные последствия существующей ситуации. Нельзя сформировать полноценную личность, когда кругом тебя

утверждают, что родной язык ограничен, что второй необходим, чтобы стать полноценным гражданином. Тут происходит страшное – люди начинают стыдиться родного языка, материнских связей, национальности, своей культуры. Оставаясь, конечно, в пределах родного, они не могут избежать конфликтов: ведь собственного унижения никто никогда не забывает, можно забыть обиду, оскорбление, но не самоунижение⁴⁴. Не случайно среди первоочередных мер, которые предпринимаются в целях создания независимых государств на постсоветском пространстве, оказались акты лингво-экологического характера. Попытки преодолеть культурный и языковой нигилизм сопряжены с бурным ростом национального самосознания народов, как в СНГ, так и в Российской Федерации. Поэтому одним из первых актов советских республик в их борьбе за суверенитет было принятие указов и законов о языках.

Со второй половины 1990 г. «реформа языковой политики осуществляется в Российской Федерации. Принимаются законы о языках, где вопросы статуса языка регулируются статьями конституций республик в составе Российской Федерации. В последние месяцы существования союзного государства (25 октября 1992 года) был принят закон РСФСР «О языках народов РСФСР», в котором впервые в истории России провозглашены языковые права народов Российской Федерации, а на государство возложена обязанность обеспечить равные права всех языков на их сохранение и развитие. Этот закон предоставлял право республикам в составе Российской Федерации самостоятельно регулировать языковую жизнь на их территориях⁴⁵.

Чтобы сохранить этнолингвокультурную самобытность народа, необходимо обеспечить языку функциональную полноценность. В советский период истории нашей страны функциональной полноценностью обладал только русский язык. Национальные же языки в выполнении общественных функций были ограничены. Поэтому принятие законов о языках в СНГ и республиках в составе Российской Федерации было вынужденным средством, призванным обеспечить государственную защиту языка основной нации того или иного государственного образования. Придание национальным языкам статуса государственных устраняло их функциональную ограниченность⁴⁶. В результате того, что национальные языки объявлялись государственными, они становились рабочими языками делопроизводства во всех сферах. Разговоры о законах развития имели широкое хождение и раньше, но они имели особый идеологический смысл. Например, понятие двуязычия предполагало процесс дальнейшего стирания различий между нациями, переход нерусских народов на русский язык. Этот переход нуждался во всеобщем и полном двуязычии, т.е.

свободном владении двумя языками. Речь шла о национально-русском двуязычии, а говорить о том, к каким последствиям может привести бесконтрольное насаждение двуязычия, было не принято.

И в этой ситуации по всей «стране советов» расцветала ложная и поэтому вредная эйфория, питавшаяся разглагольствованиями такого качества: «Происходит естественная ассимиляция мелких народов и этнических групп. Находясь в тесных территориально-экономических и культурных связях с какой-нибудь крупной нацией или народностью, они постепенно усваивают ее язык и психический склад... Такое естественное и добровольное слияние мелких народов с крупными социалистическими нациями...имеет прогрессивный характер и содействует строительству коммунизма». И дальше: «Национальные культуры по мере укрепления их интернациональной основы перерастут в единую общечеловеческую культуру. Возникнет объективная потребность в едином языке»⁴⁷.

Учитывать надо объективную реальность, а она подсказывает, что в многонациональном государстве двуязычие неизбежно. В связи с этим языковед профессор Н. Ф. Алифференко в своем фундаментальном труде⁴⁸ высказывает рациональную мысль, что важнейшей задачей языковой политики является разработка программы «гармонизации жизни» родного и второго языка и выдвигает ряд положений, некоторые из которых изложены ниже.

Обращает на себя внимание мысль, что родной язык является первичным орудием речемыслительного познания мира, он совершенно уникальное и незаменимое средство социализированного миропонимания. Поэтому развитие личности следует вести с пятилетним опережением на родном языке. Второй язык можно изучать в том возрасте, когда дети уже способны различать две самостоятельные языковые системы.

Справедливо отмечается, что двуязычие необходимо для нормального функционирования единого народнохозяйственного и политического государства. Следовательно, с ним не только следует мириться, следует признавать его естественным. Но жизненно важно регламентировать его эффективными законами о языке.

Видимо, нельзя согласиться с утверждением, что «полное двуязычие (одинаковое владение двумя языками) – идеологическая фикция». Оно оспаривается ситуацией в Осетии: здесь в массовом порядке владеют не только двумя языками, но во многих случаях и тремя. Часть населения русским языком владеет даже лучше, чем своим.

Гармонизация двуязычия невозможна, – считает Алефиренко, – при его однонаправленности, т.е. при принудительном двуязычии для одних национальностей и поощрении одноязычия других. Поэтому современ-

ному двуязычию пытаются придать двунаправленный характер: начиная с детского сада и школы формировать не только национально-русское, но и русско-национальное двуязычие.

Обнадеживающей для малых народов является информация о том, что «разрабатываются программы развития национальных языков в республиках Российской Федерации, что основным законом существования языков в новой демократической России должна стать языковая толерантность – высокое уважение к иному языку, менталитету, культуре»⁴⁸.

Может быть, к некоторым языкам еще подоспеет спасительная помощь, и они смогут вернуться к прежней полнокровной жизни.

Язык вызывает о помощи. Есть ли какая-либо возможность помочь ему? Сложившаяся ситуация требует, не откладывая, принять радикальные меры с тем, чтобы остановить распад нашего языка и постепенно вернуть ему прежние функциональные возможности. Такая острая необходимость вытекает не только и даже не столько из такого соображения, что каждый народ имеет свой язык и бережет его. Сегодня у нас иная ситуация. Дело в том, что Южная Осетия уже не просто республика, она ценою многих жертв добилась статуса независимого государства. Государство, тем более независимое, не может функционировать без собственного языка, развитого, богатого, жизнеспособного.

Если мы не возродим наш язык, мы потеряем его и перестанем быть той народностью, которою еще называем себя. В нашем независимом **осетинском** государстве ничего осетинского уже не будет. Не станет и самого национального государства. И сделается очевидным, что великие жертвы, принесенные во имя свободы и независимости, оказались напрасными.

Многие наши сограждане давно бьют тревогу, давно раздаются голоса в роде «...было бы интереснее выяснять роль русского языка в активизации самобытных возможностей национальных языков, чем (заниматься) количеством и характером слов, перенесенных из русского языка в национальные языки»⁴⁹. Или глубокий и всесторонний анализ нашего национального нигилизма, произведенный Петром Хозиты⁵⁰. Впрочем, еще Коста восклицал печально: «Иугай ныйистæм, ныууагътам нæ бæстæ» («Разбрелись мы по одному, покинули отчизну свою»)⁵¹.

Существует предположение, что нужно выбрать один из двух путей выхода из создавшейся ситуации.

Первый путь прост и легок: оставить все как есть, пусть язык продолжает сползать по наклонной... Каждому ясно, чем это кончится.

Второй сложен и труден. В общих чертах суть его такова.

Решением руководства Республики создать небольшую рабочую группу (человек пять-шесть), которая, вдумчиво рассмотрев все стороны, все детали проблемы, наметит предварительные и потому предполагаемые рекомендации, приемлемые, мягкие, но эффективные. Эти рекомендации должны касаться школьного образования, роли средств массовой информации в предельно интенсивной пропаганде языка, средств рекламы, преимущественного права родного языка в работе всех организаций, государственных учреждений и т.д. Особое внимание следует уделить нашему телевидению: увеличить время его вещания на родном языке во много раз, ввести дополнительные каналы и обязать вести передачи по языку, литературе, истории, этнографии, по всем вопросам осетинской жизни. Вовлечь в эту повседневную, многогранную работу нашу интеллигенцию, в работу продуктивную и безвозмездную. Наша ситуация такова, что нужно ежедневно, непрерывно звонить в тревожные колокола. Один бесполезный День Языка в году ничего не значит.

Может быть, окажется целесообразным организовать курсы по изучению осетинского языка как для осетин, не владеющих родным языком, так и для представителей других народов. Главное значение такого мероприятия не столько в овладении языком в совершенстве, сколько в появлении зачаточных признаков авторитета языка, уважения к нему. Наш язык сегодня – это язык каких-то аборигенов. Никому он не нужен, ни своим, ни чужим.

Рабочая группа сможет проанализировать множество разноречивых соображений и выработать приемлемые рекомендации.

Здесь намечены лишь некоторые общие соображения. Их реализация должна способствовать созданию такой ситуации, чтобы было неудобно не владеть языком нашего государства, а неосетинам – не владеть хотя бы примитивными азами языка.

В связи со всем этим необходимо сопоставить возможности Северной Осетии-Алании и Республики Южная Осетия в проведении языковой политики. У севера и юга Осетии после приобретения Югом независимости возможности выработать языковую политику разные. Северная Осетия-Алания – субъект Российской Федерации и языковые, экономические, культурные и другие аспекты своей общественной жизни осуществляет в рамках политики и конституции государства, субъектом которого является.

Республика Южная Осетия же располагает статусом отдельного, самостоятельного, суверенного государства. Она имеет собственную конституцию, регламентирующую ее правовые нормативы. В соответствии с этим Республика Южная Осетия вправе строить свою языковую, этническую политику, руководствуясь положениями собственной конституции.

Разумеется, рабочая группа должна быть способна самым тщательным образом учитывать сегодняшние тесные взаимоотношения Республики Южная Осетия и Российской Федерации и предусматривать в своей работе такие меры, которые будут способствовать дальнейшему укреплению этих взаимоотношений. Группа должна строить свою работу на основе того реального факта, что Республика Южная Осетия не может существовать без России, без русского языка. Сложность вопроса заключается именно в этой истине: предстоит найти такие меры, которые обеспечат расцвет осетинского языка и приемлемое функционирование русского. Показательно, что главы обеих частей Осетии и многие члены их команд в совершенстве владеют осетинским языком, и это является надежным подспорьем в деле укрепления позиций нашего родного языка.

Разумеется, все эти предложения являются лишь общими, носят предварительный характер и могут послужить только для ориентировки рабочей группы при принятии окончательных рекомендаций. Другого пути для выхода из создавшейся ситуации не видно.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 11.
2. Газета «Аргументы и факты», 2004, июль.
3. БЕРЕЗИН Ф. М., ГОЛОВИН Б. Н. Общее языкознание, М., 1979. С. 251.
4. РОСЕТТИ А. Смешанный язык и смешение языков. // Новое в лингвистике. Вып. VI, 1972. С. 112.
5. ЛИБЕРСОН С. Новое приложение показателей разноязычия Гринберга // Новое в лингвистике// Вып. VI, 1972. С. 215.
6. РОСЕТТИ А. Указ. соч. С. 118.
7. АБАЕВ В. И. О развитии литературных языков иранских народов Советского Союза // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 76.
8. CHURCHILL W. Beach-la-mar the Jargon or Trade Speech of the Western Pacific. Washington, 1991.
9. ЗВЕГИНЦЕВ В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962. С. 233.
10. АБАЕВ В. И. Указ. соч. С. 77.
11. ИСАЕВ М. И. Осетинский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 138.
12. БЕРЕЗИН Ф. М., ГОЛОВИН Б. Н. Указ. соч. С. 250.
13. ГЛЪБЪРАТЫ Н. Ирон æвзæдзжы функционалон уавæр // Мах дуг. 2009, № 5 (на осет. яз.).

14. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М., 2004. С. 43.
15. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
16. В. И. Абаев писал: «Десятичный счет господствует в учебной практике и в литературной речи, двадцатичный употреблен в обиходе». (Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1958. С. 31). Очерк впервые публиковался в 1950 г. С тех пор, к сожалению, многое изменилось.
17. МОЖАЙКО Н. С., ИГНАТЕНКО А. П. Древнерусский язык. М., 1970.
18. МИЛЛЕР В. Язык осетин. М.-Л., 1962. С. 83.
19. SHANIDZE A. и др. Kartuli enis gramatika. Tbilisi., 1970. С. 25 и след. (на груз. языке).
20. ПАВЛОВИЧ А. И. Историческая грамматика русского языка. Часть II. М., 1964. С. 65.
21. БАГАЕВ Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I. Орджоникидзе, 1965. С. 144.
22. MARTINET A. Elements of General Linguistics. London. 1962. С. 185.
23. СТАЛИН И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 30.
24. ЧИКОБАВА А. С. Введение в языкознание. Ч. I. М., 1952. С. 83; А. МЕЙЕ. Общеславянский язык. М., 1951. С. 260.
25. ИВАНОВ В. В. Историческая грамматика русского языка. М. 1964. С. 191.
26. ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Чысайнаг ныхасы здахты цыбыр афыст. Цхинвал, 2008. С. 59 (на осет. яз.).
27. КОСЕРИУ Э. Синхрония, диахрония и история (проблемы языкового изменения) //Новое в лингвистике. Вып. III, М., 1963. С. 163.
28. АБАЕВ В. И. Значение ареальных контактов в истории языков. //Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 6.
29. ПЕРЕТРУХИН В. Н. Введение в языкознание. Воронеж, 1972. С. 196.
30. BROOK G. L. A History of the English Language. 1958. С. 69.
31. БЛУМФИЛД Л. Язык. М., 1968. С. 423.
32. ОЖЕГОВ С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 590.
33. ЗВЕГИНЦЕВ В. А. Указ. соч. С. 168.
34. АБАЕВ В. И. Русско-осетинский словарь. М., 1970. С. 436; Осетинско-русский словарь. Под ред. Т. А. Гуриева. Владикавказ. 2004.
35. ПИРОН К., ГОНЧАРОВА И. Г. Эсперанто. М., 2007.
36. ЭНГЕЛЬС Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Избранные произведения, т. II, 1948. С. 70.
37. ОЖЕГОВ С. И. Указ. соч. С. 751.
38. ПОКРОВСКАЯ З. А., КАЦМАН Н. Л. Учебник латинского языка. М., 1969.
39. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949.
40. СТЕПАНОВ Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 175.

41. НЕРОЗНАК В. П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1994, т. 53, № 2. С. 18.
42. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Указ. соч. С. 80.
43. ХОЗИТЫ Петр. Национ нигилизмы фæстиуджытæ. Газета «Хурзæрин». 2009, № 67-70. (На осет. языке).
44. КОСТОМАРОВ В. Г. Мой гений, мой язык. М., 1991. С. 45. (Цитир. по Алефиренко. Указ. соч.)
45. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Там же.
46. Там же.
47. ПЕРЕТРУХИН В. Н. Введение в языкознание. Воронеж, 1972. С. 77.
48. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Указ. соч. С. 84.
49. ГАБАРАЕВ Н. Я. О взаимообогащении языков и втором родном языке // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969. С. 209.
50. ХОЗИТЫ Петр. Указ. соч.
51. ХЕТАГКАТЫ Къоста. Додой.

N. Y. GABARAEV

SOME ALARMING PROBLEMS OF OSSETIAN LANGUAGE

SUMMARY

It is known that thousands of languages are dying on account of bilingualism. Ossetian is among them. It now established that out of two languages the in unfavourable condition dies. Ossetian gives in to Russian. Everybody chooses the language which he considers more useful and he is not to blame for that. As language is means of keeping achievements of the nation over its history, mankind loses something and becomes poorer.

There is written much about bilingualism (multilingualism) in which a number of types of consequences of different contacts of languages are considered. The objective reality suggests that bilingualism is inevitable in multinational country .But it is extremely important to regulate it by adopting effective laws regarding the language.

The programme of development of national languages in the republics of Russian Federation gives hope to small nations. In new democratic Russia the basic law of existance of languages will become tolerance of languages - respect to the other languages, mentality and culture. Ossetian language is in danger and there are two ways out of this situation. The first is to leave everything as it is. The end of it is clear. The second way is difficult. The crux of the matter is as follows. Go set up a working group of 5-6 people which is to consider the problem in detail, to outline ways concerning secondary education, role of mass media and advertising in intensive propaganda of the language, preference of the native language in all the organiza-

tions, state institution, and so on. Special attention should be paid to our television broadcasting; it is necessary to increase the time of broadcasting in the native language, to open an additional channel, to launch programs about language, literature, history, ethnography and so on in a word, highlight all the questions regarding the Ossetian life.

Developing the programme the action group must take into consideration the fact that Ossetia cannot exist without Russia and Russian language and so it is necessary to provide for measures to strengthen relationship between Russia and Republic of South Ossetia.

Agusti ALEMANY

**LA LENGUA DE LOS ALANOS:
PROBLEMÁTICA GENERAL¹**

(Actas del VIII Congreso Español de Estudios Clásicos. Vol. 1. Madrid. 1994)

0.1. Generalmente, no se recuerda a los alanos más que por su exiguo papel en las migraciones que contribuyeron a la desestabilización y ruina final del Imperio Romano de Occidente, pero su historia se extiende mucho más allá del periodo de las invasiones, desde los primeros decenios de nuestra era hasta el s. XV. Estos límites son, además, convencionales, ya que nos es posible, por una parte, remontarlos a los antiguos escitas y sármatas, y por otra, ver a los actuales osetas como sus descendientes directos.

0.2. Tales conexiones evidencian que los alanos no tenían un origen germánico, como la mayoría de naciones que tomaron parte en las invasiones, sino que eran iranos. Más concretamente, si tenemos en cuenta la clasificación lingüística del oseta, habrían hablado una lengua irania nororiental. Y si establecemos una relación de continuidad desde sus orígenes hasta hoy, y damos convencionalmente a todos los estadios de esta lengua el nombre de oseta, podemos distinguir entre un antiguo oseta, equivalente al escito-sármata, un oseta medio, la lengua de los alanos, y un oseta moderno, el oseta actual propiamente dicho (con dos dialectos principales: el iron u oriental y el digor u occidental, más arcaizante), hablado hoy en día por unas 480.000 personas (según el censo de 1979) en la República de Osetia del Norte y en la Republica de Osetia del Sur.

0.3. El objetivo de la presente comunicación no es otro que el de facilitar una introducción general sobre el tema, dividida en tres secciones: 1) una visión histórica de las migraciones alanas a través de la geografía eurasiática, 2) una relación sucinta de la labor investigadora realizada al respecto y 3) un rápido examen de los tres monumentos principales de la lengua alana que han llegado hasta nuestros días.

1.1. La etimología del etnónimo gr. Ἀλανοί, lat. *Alani* mp. (pl.) *l'n'n /Alânân/*, np. *Alân* (pl. *Alânân*), ár. *Alân* y *al-Lân*, arm. (pl.) *Alank'* se remonta al adjetivo indo-iranio **ā-rya-na* 'ario'. La aparición de unos *Alan* o *Alan-liao*

¹ Este estudio se ha desarrollado gracias a los beneficios de una beca de Formación de Personal Investigador de la Universidad Autónoma de Barcelona.

en los anales chinos de la dinastía Han Posterior a principios del s. I d.C. permite conjeturar con cierta verosimilitud que los alanos podrían proceder de una confederación de tribus nómadas iránias que tomaron el nombre común de “arios”. La base de esta confederación serían los *Wusun* de los anales chinos, equivalentes a los Ἄριοι de Ptolomeo, en los que puede reconocerse un segundo nombre de los alanos **As-*, de origen oscuro, presente en ár. y np. *As* (a veces *Aš*), arm. *Ashtigor* (< **As-Digor*), mong. *As* (pl. *Asut*, adj. *Asutai*), ant. rus. *Jasi*, húng. *Jász*, ant. georg. *Ossi*; del topónimo ant. georg. *Oseti* ‘el país de los *Ossi*’ procede el nombre de Osetia a través de la forma rusa *Osetija*. De hecho, el único hito que parece marcar la diferencia entre alanos y osetas es que a partir del s. XV son denominados sólo con el segundo de estos dos etnónimos.

1.2. Los alanos aparecen por primera vez en occidente en el año 35 d.C. como aliados de iberos y albanos contra los partos, en el marco de las maniobras de Tiberio para el control de Armenia. Ubicados según Ptolomeo a ambos lados del *Tanais* (el Don), durante el s. I d.C. parecen haber colaborado en la política romana anti-partas, pero una incursión contra la provincia de Capadocia en el 135 d.C, frenada por Flavio Amano de Nicomedia, habría puesto fin a tal situación. A partir de este momento, los alanos, remontando la costa norte del Mar Negro, iniciaron incursiones esporádicas contra las provincias europeas del Imperio.

1.3. A finales del s. IV, la nación alana sufrió la acometida de los hunos, bajo cuyo ímpetu diversos grupos se dispersaron por toda Europa en la primera gran migración de su historia. Su trayectoria no fue ni uniforme ni compacta: en unos casos se unieron a otros pueblos (como visigodos y vándalos), y en otros entraron al servicio del Imperio como mercenarios. Aunque no fundaron ningún estado duradero, su rastro se deja seguir por los Balcanes, el norte de Italia, Europa Central, las Galias, Hispania y el norte de Africa a lo largo de casi un siglo; pero esta larga odisea culminó siempre con el exterminio o la asimilación.

1.4. El grueso de los alanos, sin embargo, permaneció en sus lugares de origen, impermeable a las sucesivas oleadas de ávaros, jázaros, pechenegos, cumanos y eslavos por el norte y a la expansión del Islam por el sur. Dentro de la esfera de influencia de Bizancio gracias a los georgianos, a menudo entraron a su servicio como mercenarios, mientras que, por otra parte, llevaron a cabo frecuentes razzias contra los reinos musulmanes del sur del Cáucaso. Asimismo, diversos intentos de cristianización, casi siempre infructuosos, están registrados a partir del s. X.

1.5. En el año 1239, los mongoles ocuparon el país de los alanos, destruyendo su capital **Magas* y motivando la segunda gran migración de su

historia, que los dividió en tres grupos principales: el primero lo incorporaban algunos contingentes que, actuando como mercenarios de los mismos mongoles, se repartieron por todos sus dominios, llegando incluso hasta China; el segundo, otros que decidieron no someterse y emigraron junto con los cumanos a Hungría, asentándose en la parte central del país; y el tercero, aquellos que se refugiaron en el corazón del Cáucaso huyendo de los invasores. Sólo estos últimos han perdurado hasta hoy, mientras que los demás, tal como ya había sucedido con anterioridad, perecieron en la guerra o resultaron asimilados. A partir de este momento, los territorios de los alanos se redujeron progresivamente a los que todavía hoy habitan sus descendientes, recibiendo en lo sucesivo el nombre de osetas; por todo lo cual pueden señalarse estos hechos como límite convencional de su trayectoria histórica².

² Para la historia de los alanos en general, KULAKOVSKIJ Ju. *Alany po svedenijam klasičeskich i vizantijskich pisatelej*, Kiev 1899 (basta el s. XV), así como BACHRACH B.S. *A History of the Alans in the West*, Minneapolis 1973 (hasta el fin de las invasiones). Visiones introductorias en ámbitos diversos son TOMASCHEK W. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* II (1893) 1282-1285; VAILHÉ S. *Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques* I (1912) 1334-1338; BARTHOLD W. y MINORSKY V. *Encyclopédie de l'Islam* I (1954²) 354; WENSKUS R. y OZOLS J. *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* I (1970) 122-126; WIRTH G. *Lexikon des Mittelalters* I (1980) 266-267; ABAEV V.I. y BAILEY H.W. *Encyclopaedia Iranica* I (1985) 801-803. Como estudios de detalle pueden recordarse, entre otros. TÄUBLER E. «Zur Geschichte der Alanen», *Klio* 9, 1909. PP. 14-28; IVANOV A.I. «Istorija Mongolov (Juan-ši) ob asach-alanach», *Christianskij Vostok* 2/3, 1914, PP. 281-300; CHARPENTIER J. «Die ethnographische Stellung der Tocharer». *ZDMG* 71, 1917, PP. 347-388; BLEICHSTEINER R. «Das Volk der Alanen». *Berichte des Forschungs Institut für Osten und Orient* 2, 1918, PP. 4-16; GOMBOCZ Z. «Osseten-Spuren in Ungarn». *Streitberg Festgabe*. Leipzig 1924, PP. 105-110; BENINGER E. *Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa*. Leipzig 1931; VERNADSKY G. «Sur l'origine des Alains». *Byzantion* 16, 1943, PP. 81-86; id., «Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung». *Saeculum* 2, 1951, PP. 340-392; id., «The Eurasian Nomads and their Impact on Medieval Europe», *Studi Medievali* (ser. 3^a) 4, 1963, PP. 401-434; MINORSKY V. «Caucasica III: the Alân Capital *Magas and the Mongol Campaigns». *BSOAS* 14/2, 1952, PP. 221-238; CARRATA-THOMES F. *Gli Alani nella politica orientale di Antonino Pio*, Turin 1958; HARMATTA J. «Iz istorii alano-parfjanskich otnošenij», *AAnthung* 12, 1965, PP. 127-147; BACHRACH B.S. «The Alans in Gaul». *Traditio* 23, 1967, PP. 476-489; BOSWORTH A.B. «Arrian and the Alani». *HSPH* 81, 1977, PP. 217-255; GABRIELJAN R.A. *Armjano-alanskie otnošenija (I-X vv.)*. Erevan. 1989. Ahora también ALEMANY A. «Alans contra catalans a Bizanci (I). l'origen dels alans de Girgon». *Faventia* 12/13, 1990-1991 (en prensa).

2.1. La reconstrucción del alano depende en gran parte de la documentación que nos aporta el oseta actual, a causa de la escasez del material existente: de hecho, el estudio de ambos ha constituido hasta hace poco una unidad indisoluble. Según Bielmeier, la investigación lingüística del oseta se habría iniciado en los s. XVII-XVIII con las noticias transmitidas por diversos viajeros sobre el mismo a título de curiosidad. Tal material se reduce, sin embargo, a listas de palabras con su correspondiente traducción: la más célebre de estas es, sin duda alguna, la que nos ofrece Pallas en la segunda mitad del s. XVIII³. Sin embargo, hasta el s. XIX, con la ocupación del Cáucaso por la Rusia zarista, no se procederá, junto con una cristianización masiva, a la alfabetización de la población: será entonces cuando las noticias sobre el oseta se incrementarán de forma considerable, apareciendo la gramática descriptiva de Sjögren y los estudios sobre fonética y sintaxis de la lengua de Hübschmann y Stackelberg⁴.

2.2. Asimismo, el incansable viajero Heinrich Julius von Klaproth planteará, ya en 1814, la hipótesis de la relación entre los osetas y los antiguos escitas y sármatas de las fuentes clásicas, y en 1822, la conexión con los alanos de época medieval⁵. No obstante, habrá que esperar a los trabajos de Vsevolod F. Miller para obtener una gramática histórico-comparativa del oseta que confirme sus orígenes indoeuropeos e iraníes, y permita aproximarse con garantías a los restos que poseemos de los estadios anteriores de la lengua, mucho peor documentados⁶. Autores como Max Vasmer, Vasilij I. Abaev, Janos Harmatta y Ladislav Zgusta llevarán a cabo estudios diversos sobre la lengua de escitas y sármatas, y confeccionarán léxicos con el abundante

³ BIELMEIER R. «Das ossetische Sprachmaterial in P.S. Pallas' *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa*», en HAARMANN H. (cd.), *Wissenschaftsgeschichtliche Beiträge zur Erforschung indogermanischer, finnisch-ugrischer und kaukasischer Sprachen bei Pallas*, Hamburgo. 1979. PP. 71-137.

⁴ SJÖGREN A. J. *Iron ævzagaxur, das ist ossetische Sprachlehre nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche*, S. Petersburgo 1844; STACKELBERG R. von. *Beiträge zur Syntax des Ossetischen*. Estrasburgo 1886; HÜBSCHMANN H. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Estrasburgo 1887 (reimpr. Amsterdam 1969).

⁵ Para la tesis del origen escito-sármata del oseta, KLAPROTH H.J. von. *Kaukasische Sprachen*. Halle y Berlín 1814 (anexo a *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808* I-II. Halle y Berlín 1812-1814); para la conexión con los alanos, su «Mémoire dans le quel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen-âge», dentro del tomo XVI de sus *Annales des Voyages* (1812) desconocemos el lugar de edición).

⁶ Cf. MILLER Vs. F. *Osetinskie Étjudy* III. Moscú. 1887; y esp. «Die Sprache der Osseten», anexo a Geiger W. y Kuhn G. (ed), *Grundriß der iranischen Philologie* I. Estrasburgo. 1903.

material antroponímico y toponímico existente⁷. Los alanos, sin embargo, caso de ser citados, serán englobados casi siempre dentro de estos últimos. Será necesario casi un siglo de progresos en el estudio del iranio medio, y la profundización en el conocimiento de otras lenguas pertenecientes a este estadio, como el bactriano, el sogdiano, el corasmio y el khotanés, para que los alanos vean reconocida la suya como una entidad independiente y ésta goce de un espacio propio en un manual de iranística⁸.

2.3. Los problemas para el estudio de la lengua de los alanos pueden sintetizarse en dos palabras: escasez y dispersión, con la salvedad de que tal dispersión hace que el material parezca más escaso de lo que realmente es. Según Bielmeier, «es ist zu erwarten, daß spätantike, byzantinische, chinesische, mongolische, muslimische, syrische, altarmenische, altgeorgische, altrussische und mittelalterliche ungarische Quellen alanische und altossetische Appellativa, Personennamen, Ethnika und Toponyme enthalten», pero no existe todavía ningún *corpus* general del mismo. A todo esto hay que sumar los préstamos iránicos repartidos por diferentes lenguas fino-ugrias y caucásicas que pueden explicarse como un estadio temprano del oseta, aunque en estos casos la distinción entre un origen alano o sármata resulta más polémica⁹.

⁷ VASMER M. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde* I. Berlín. 1971. PP. 106-170 (= *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrußland*. Leipzig. 1923) y PP. 171-178 (= «Iranisches aus Südrußland». *Streitberg. Festgabe*, Leipzig. 1924. PP. 367-375); ABAEV V.I. *Osetinskij Jazyk i Fol'klor* (= *OJaF*). Moscú. 1949. PP. 145-353 («Skifo-alanskie Ètjudy»); id. «Skifo-sarmatskie narečija», en *Osnovy Iranskogo Jazykoznanija I. Drevneiranskije Jazyki*. Moscú. 1979. PP. 272-364; HARMATTA J. *Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia*. Budapest. 1952; id., *Studies in the History and Language of the Sarmatians*. Szeged. 1970; ZGUSTA L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praga. 1955.

⁸ Se trata de BIELMEIER R. «Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch», en SCHMITT R. (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden. 1989. PP. 236-245. Otro trabajo reciente, útil como introducción al estudio de la historia de la lengua oseta, es un «working paper» de A. CHRISTOL, *Des Scythes aux Ossètes*. UA 390/ Rouenlac, Rouen 1989², fruto de las sesiones CLELIA de 1986.

⁹ Recopilaciones de material en H. SKÖLD, *Die ossetischen Lehnwörter un Ungarischen*. Lund 1925; ABAEV V.I. «O nekotorych osetinskich èlementach v gruzinskom jazyke». *Trudy Instituta Jazykoznanija AN SSSR* 6, 1956. PP. 437-441; ANDRONIK'ASVILI M. *Nark'vevebi iránul-kartuli enobrivi urtierobidan* I. Tbilisi. 1966; KORENCHY É. *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen*. Budapest. 1972; JOKI A.J. *Uralier und Indogermanen*. Helsinki. 1973; BIELMEIER R. *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt. 1977.

3.1. Además de todas estas fuentes dispersas, han llegado hasta nosotros tres monumentos singulares y ciertamente curiosos, como son la inscripción del río Zelenčuk, las dos líneas alanas del epílogo a la *Theogonia* del bizantino Johannes Tzetzes y la lista de palabras de los *Jassi* (< *As-), los alanos húngaros.

3.2. En 1888, el anticuario D. M. Strukov halló en la zona montañosa del río Bol'šoj Zelenčuk una estela con una inscripción griega, e hizo un dibujo de la misma. Cuatro años más tarde, otro anticuario, G.I. Kulikovskij, vió la misma estela y obtuvo un negativo de la inscripción. Tanto el dibujo de Strukov como el negativo de Kulikovskij fueron enviados al osetólogo Vsevolod F. Miller, quien publicó la *editio princeps* de la inscripción en 1893; pero de la estela no se ha vuelto a saber nada más, aunque diversas expediciones han partido en su búsqueda. La opinión general es que la lengua de este monumento es antiguo oseta o pre-oseta; la datación del mismo, conforme al tipo de escritura, lo sitúa sin embargo hacia el s. XI o XII, y por tanto en plena época alana. Seguiremos la interpretación más reciente, la de Ladislav Zgusta¹⁰:

a) Lectura a partir de las copias de Strukov y Kulikovskij: (1) I(C) (2) XC (3) ΟΑΓΙCΟ (4) NKOLA (5) OC (6) CAXHPΤ (7) ΡΗΦΟΥΥ (8) ΧΟΒCΗ (9) CΤΟRHΦ (10) ΟΥRT (P) ΡΑΚΑ (12) ΘΑΡΠΙΑ (13) ΚΑΘΑΗ (14) ΦΟΥΥΤ (15) ΑΝΠΙΑ (16) ΛΑΝΑΠΙΑ (17) ΛΑΝΗΦ (18) ΟΥΡΤ (19) ΛΙΑΚΑ (20) ΝΗΤΖΗΡ (21) ΘΕ · ΟΘC[N]

b) Zgusta – interpretación: (1) 'I (ησοῦς) (2) X (ριστός) (3) ó ἄγι(ος) (4) Ν(ι)κόλα (5) ος (6) Σαχη (7) ρη φουρτ (8) Χοβς Η(9) στορη φ (10) ουρτ

¹⁰ ZGUSTA L. *The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk*. Viena. 1987; también «Inscriptionis palaeo-Osseticae apud Zelenčuk flumen repertae lectiones quaedam novae proponuntur», en Cardona G. y Zide N.H. (ed.), *Festschrift for Henry Hoenigswald on the Occasion of his 70th Birthday*. Tubinga. 1987. Interpretaciones anteriores de la «escuela oseta»: MILLER Vs. F. «Drevneosetinskij pamjatnik iz kubanskoj oblasti». *Materialy po archeologii Kavkaza* 3. Moscú. 1893. PP. 110-118; ABAEV V. I. «Drevneosetinskaja Zelenčukskaja Nadpis'». *Soobščeniya Gruzinskoj Akademii Nauk*. 5/2, 1944. PP. 217-226 (=OJaF. PP. 260-270); ALBOROV B.A. «Novoe čtenie nadpisi na Zelenčukskoj nadgrobnoj plite». *Učenie zapiski Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo Instituta imeni Khetagurova K. L.* 21/2, 1956. PP. 229-253; TURČANINOV G.F. «Epigrafičeskie zametki V: k datirovke drevneosetinskoj Zelenčukskoj nadpisi». *Izvestija Akademii Nauk SSSR, otd. lit. i jaz.* 7/1, 1948. PP. 80-81; id., «Epigrafičeskie zametki VI: eščë raz o drevneosetinskoj Zelenčukskoj nadpisi». *Epigrafika Vostoka* 12. 1958. PP. 48-51; BJAZYRTY A. «Dæsæm ænusy ironau fyst». *Soveton Iryston* 231, 21 nov. 1968; id., «Narty èposy istori». *Fidiwæg*. 1981/3. PP. 80-85.

(11) Πακα (12) θαρ Πα (13) καθα(ρ)η (14) φουρτ (15) Ανπα (16) λαν
 Α(ν)πα (17) λανη φ(18)ουρτ (19) Λακ α (20) νη τζηρ (21) θε · ό Θ(εò)ς
 [y] ‘ικῶ’ // reconstrucción: (‘Ιησοῦς Χριστός ό ἅγιος Νικόλαος) *Saxiry
 furt Xovs; Ystury furt Bæqætar, Bæqæтары furt Æmbalan, Æmbalany furt
 Læg; ani cyrtæ* (ό Θεòς νικῶ) // traducción: «(Jesucristo, San Nicolás)
 Xovs hijo de Saxir, Bæqætar hijo de Ystur, Æmbalan hijo de Bæqætar,
 Læg hijo de Æmbalan; su estela (Dios vence)».

Aunque contiene básicamente una lista de antropónimos, merecen comentarse las palabras φουρτ = dig. *furt* ‘hijo’ (cf. av. *puθra-*, ai. *putra-*, con metátesis de la líquida, como los antropónimos escitas en *πουρθα-*, y evolución **p-* > *f-*, como el sármata Φουρτας), ανη = *ani* gen. pl. del pron. de 3^a pers. y τζηρθε = dig. **cyrtæ* (por *cyrt*) ‘monumento’. En la ήτα final de Σαχηρη, Ηστορη y Πακαθα(ρ)η se ha visto la desinencia de gen. sing. ir. -y, dig. -i (quizás por itacismo en el uso del alfabeto griego).

3.3. En 1930, Gyula Moravcsik publicó la última parte del epílogo de la *Theogonia* compuesta por el escritor bizantino del s. XII Johannes Tzetzes, donde el autor enseñaba a saludar en algunas lenguas bárbaras de la época, entre ellas el alano. A principios de los años cincuenta, Herbert Hunger editó una versión completa del epílogo. El texto dice así:

(18) τοῖς Ἀλανοῖς προσφθέγγομαι κατὰ τὴν τούτων γλωσσαν (19)
 καλὴ ἡμέρα σου αὐθέντα μου, ἀρχόντισσα, πόθεν εἶσαι; (20)
 ταπαγχὰς μέσφιλι χσινὰ κορθὶ καντά καὶ τᾶλλα (20a) ἂν δ’
 ἔχη ἀλάνισσα παπαῖν φίλον, ἀκούσαις ταῦτα (21) οὐκ αἰσχύνεσαι
 αὐθέντρια μου, νὰ γαμῆ τὸ μουνὶν σου παπαῖς; (22) τὸ φάρνετζ
 κίντζι μέσφιλι καίτζ φουὰ σαουῖγγε.

Es decir: «a los alanos los saludo yo en su lengua: buenos días, mi señor, señora, ¿de dónde eres?: (texto alano)...etcétera. Pero caso de que a una alana le guste un sacerdote, puede ser que oigas esto: ¿no te da vergüenza, señora mía, que un sacerdote se acueste contigo?: (texto alano)».

Según Bielmeier¹¹, quien sigue la edición de Hunger τααγχάς (καλή ημέρα σου) = ir. *dæ bon xorz*, dig. *dæ bon xwarz* «[que] tu día (sea) bueno, buenos días» (cf. *daban horz* en la lista de los *Jassi*); μέσφιλι (αὐθέντα μου) = os. **mes* ‘casa’ + **fæli* ‘primero’, i.e. «el primero de la casa, señor»; χσινά (ἀρχόντισσα) = ir. (*æ*)*xsin*, dig. (*æ*)*xsinæ* ‘señora’; κορθί = sogd. crist. *qwrq*, sogd. *kwr(d)* ‘¿dónde?’; καντά = καν-os. **kan* “¿de dónde?” (que en combinación con κορθί equivale a πόθεν) y-τα os. *dæ* ‘eres’ (είσαι), 2ª p. sg. pres. ind. *un* ‘ser’; φάρνετζ (οὐκ αἰσχύνεσαι) = φαρ- dig. (*æ*)*fsar* ‘vergüenza’ + νετζ(η) dig. *næi dzi* «no hay en ello», i.e. «¿no hay vergüenza en ello?»; κίντζι (sin equivalente griego, ya que αὐθέντρια μου = μέσφιλι, vid. *supra*) = ir. *cyndz*, dig. *kindzæ* ‘novia, nuera’; καίτζ φουά (νὰ γαμηῖ τὸ μουνὶν σου) = καίτζ derivado del verbo os. *qæi-* ‘futurere’, predicado nominal del auxiliar *fæua* 3ª p. sg. fut. (usado como subjuntivo) de *fæuyn* ‘llegar a ser, devenir’; γσαοῦγγε (παποῶς) = ir. *saugyn*, dig. *saugin* ‘sacerdote’. Las palabras τᾶλλα (20) y τό (22) son griegas.

3.4. La lista de palabras de los *Jassi*, los alanos húngaros, fue hallada el año 1957 en el reverso de un documento del 1422. Un examen cuidadoso reveló que se trataba de un pequeño léxico de unas cuarenta palabras alanas con su traducción latina (a veces húngara). El contenido de la lista está constituido por una fórmula de salutación, nombres de comidas y bebidas, cosas necesarias para cocinar y para comer, y animales cuya carne se come. Por limitaciones de espacio, citamos sólo algunas palabras representativas junto con la interpretación propuesta por Németh en su trabajo de 1959¹²:

¹¹ R. BIELMEIER, «The Two Alanic Lines by the Byzantine Writer Johannes Tzetzes», dentro del *International Colloquium on Middle Iranian* (Leuven 21-23 mayo 1990, en prensa; agradezco a Philip Huysse su amabilidad al haberme facilitado el material distribuido por el autor durante la misma). Los estudios anteriores son: Moravcsik Gy. «Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes». *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher* 7, 1928-1929 [1930]. PP. 352-365; ABAEV V. I. «Alanica». *Izvestija Akademii Nauk* 7/9, 1935, PP. 881-894 (esp. PP. 888-894 «Alanskie frazy u vizantijskogo pisatelja Ceca (XII vek)» = *OjaF*. PP. 254-259); MUNKÁCSI B. «Beiträge zur Erklärung der ‘barbarischen’ Sprachreste in der Theogonie des J. Tzetzes». *Kórösi Csoma-Archivum*, Ergänzungsband 1/3, 1937. PP. 267-281; GERHARDT D. «Alanen und Osseten». *ZDMG* 93, 1939. PP. 33-51 (esp. PP. 37-46); HUNGER H. «Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes». *Byzantinische Zeitschrift* 46. 1953. PP. 302-307.

¹² NÉMETH Gy. *Eine Wörterliste der Jassen, der ungarländischen Alanen*, Berlin 1959; traducción rusa en ABAEV V.I. *Primečanija* (en NÉMETH Gy. *Spisok slov na jazyke vengerskich alan*. Ordzonikidze. 1960); estudios posteriores en BECKER H. «Zur Jassischen Wörterliste». *Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität*, Jena. Heft 1, Jg. 14, 1965. PP. 159-161; RITTER R.-P. «Bemerkungen zur ‘Jassischen Wörterliste’». *A Orient Hung* 30/2, 1976. PP. 245-250.

(1) *daban horz* = ir. *dæ bon xorz* dig. *dæ bon xwarz* ‘buenos días’ (Tzetzes *ταπαρχός*) (3) *khevef* [lat. *panis*] = os. *k’æbær* ‘pieza de pan’; *fit* [lat. *carnis*] = ir. *fyd* dig. *fid* ‘carne’; *baza* [lat. *brodiu(m)*] = ir. *bas* dig. *basæ* ‘sopa’; *sana* [lat. *wi(n)um*] = dig. *sænæ* ir. *sæn* ‘vino’ (4) *jayca* [lat. *oua*] = ir. *aik* dig. *aikæ* ‘huevo’ (5) *dan* [lat. *aqua*] = os. *don* ‘agua’ (6) *huvaz* [lat. *fenu(m)*] = ir. *xos* dig. *xwasæ* ‘heno’ (10) *charif* [húng. *vay*] = os. *carv* ‘mantequilla’ (11) *karak* [lat. *pullus*] = os. *kark* ‘gallina’ (12) *caz* [lat. *auca*] = os. *qaz* ‘ganso’ (13) *bah* [lat. *ecus*] = os. *bæx* ‘caballo’ (14) *gal* [lat. *bos*] = os. *gal* ‘buey, toro’; *fus* [lat. *oves*] = ir. *fys* dig. *fus* ‘oveja’ (17) *docega* [lat. *vacca*] = dig. *docgæ* (*qug*) ‘(vaca) lechera’, etc.

4.1. A modo de conclusión, podemos zanjar este breve *status quaestionis* resaltando algunos datos significativos. Ya hemos visto que el área de influencia alana tuvo unas dimensiones considerables, caracterizándose por su dispersión a causa de circunstancias diversas y durante toda su historia; lo cual, unido a las deficiencias de su cultura material, comporta que los testimonios de su lengua sean escasos y estén localizados en zonas separadas por grandes distancias. Ello debió conllevar procesos de dialectalización (cuando no de asimilación), por lo cual el concepto lengua alana debe manejarse como una realidad forzosamente convencional, cuya presunta unidad escondería una pluralidad más rica que no ha pervivido. Para su reconstrucción, se revela imprescindible el actual oseta, especialmente en su dialecto occidental, el digor, más arcaizante. Pese a la parquedad de los resultados obtenidos hasta el momento, sin embargo, la recopilación del material disperso y la posibilidad de que aparezcan nuevos monumentos, tal como ha venido sucediendo a lo largo de este último siglo, nos dan esperanzas de mejorar en un futuro nuestros conocimientos sobre la lengua de los alanos.

I. A. RICHMOND

**THE SARMATAE, *BREMETENNACVM VETERANORVM* AND
THE *REGIO BREMETENNACENSIS***

(The Journal of Roman Studies, vol. XXXV, 1945, part I, II)

The Roman fort at Ribchester¹ is one of the important strategic centres of Northern Britain (fig.1), where a Roman road² from south to north crossed the river Ribble, while another³ went eastwards to the legionary fortress at York through the Aire Gap and yet a third⁴ ran north-westwards to the Fylde. The Ribble, still tidal as far as Rochester, may well have been navigable⁵ in Roman times as far as the lower crossing by a north-south road at Walton-le-Dale, though nowadays even small ships do not come further up river than Penwortham, three miles away. High fells, in Bowland and Croasdale, lie to north and north-cast of the fort, which is itself situated in a deep valley. But the general formation of the neighbouring terrain is in wide sweeps of rolling plateau, suited to cavalry movements. In this respect the position has much in common

¹ For accounts of the fort, see Tom C. SMITH and J. SHORTT, *The History of the Parish of Ribchester* (London, 1899), 1-41 and 270; also W. T. WATKIN, *Roman Lancashire* (Liverpool, 1883), 125-163; and J. H. HOPKINSON, *The Roman Fort at Ribchester* (3rd edn., by D. ATKINSON, Manchester, 1928).

² For accounts of the roads: Manchester-Ribchester, *Trans. Lit. & Phil. Soc. Lanes. & Cheshire* vi-vii; Wigan-Walton-le-Dale, Baines, *Hist. Lanes.* iii, (1836) 573; Ribchester-Overborough, *Lanes. & Cheshire Antiq. Soc.* xxxi, 69-87; Ribchester-Lancaster, *op. cit.*, 221.

³ Ribchester-Likley, *Bradford Antiquary* vi, 44.

⁴ Ribchester-Fylde, T. D. WHITAKER, *History of Richmondshire* (1823) ii, 458; WATKIN, *op. cit.*, 70 ff.; JRS xviii, 198.

⁵ For Ribble navigation, see WHITAKER, *loc. cit.*, CVII *Lanes*, vii, 80, and Baines, *Hist. of Lancashire* (1836) iii, 377. STUKELEY, *Iter Boreale* 37, mentions 'Anchor Hill', just west of the fort, where there had been discoveries of 'anchors and great quantities of iron pins of all sizes for ships or barges'. Since it seems certain that the river was not navigable to sea-going vessels thus far, the ships must have been river-craft. For the site at Walton-le-Dale, see WATKIN, *Roman Lanes*, 202-205.

with Stanwix, Corbridge, Binchester, or Lancaster, where Roman cavalry garrisons lay⁶.

Ribchester does in fact appear to have been garrisoned by cavalry throughout the Roman occupation, and the name of the unit stationed there during the latter half of the period is well attested. In the third century, according to a well-known inscription⁷ of A.D. 238-244, considered in detail below, the garrison was the *numerus equitum Sarmatarum Bremetennacensium*, whose geographical title, formed from the place-name *Bremetennacum*, supplies the official version of the Roman name of the fort, less accurately transmitted in literature⁸. In the fourth century, according to the *Notitia Dignitatum*⁹, the *numerus* had become the *cuneus Sarmatarum*, but whether the title 'ala', as yet known only upon two tombstones¹⁰, represents an intermediate official status, as Rowell¹¹ suggests, is less certain: the title may have been conferred¹² only by local usage, out of rivalry with the neighbouring *ala Sebosiana*, stationed at

⁶ For cavalry at these sites, see CIL, vii, 929 (Stanwix); *Eph. Ep.* vii, 995 (Corbridge); CIL vii, 423, 427, 429 (Binchester) and *ibid.* 287, 288 (Lancaster).

⁷ *ibid.*, 218: the credit for first noting that the regiment were Sarmatae goes to J. HORSLEY, *Brit. Rom.* 302. The name 'Bremetennacum' appears to be formed from an adjectival *bremeton* (cf. *nemeton*), connected with *Boruw*, with the common Celtic suffix in *-nn* (cf. Cebenna, Arduenna, Tarvanna, etc.) and the familiar addition in *-acum* denoting personal property. *Bremetenna* might well be a stream name.

⁸ The Antonine Itinerary gives *Bremetennacum*, see CUNTZ, *Itan. Rom.* i, 74, 481, 5; the *Ravenna Cosmography* (434, 3) *Bremetenaci veteranorum*; the *Notitia Dignitatum*, Oc. xi, 54, *Bremetennaco*.

⁹ *ibid.*

¹⁰ CIL, vii, 220, 230.

¹¹ *Yale Classical Studies* vi, 99, note 68; cf. E. STEIN, *Die haiserhehen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat* (Wien, 1932), 238.

¹² cf. MOMMSEN, *Gesammelte Schriften* vi, iii, n. 5, who considers the use as an abuse and compares the *ala exploratorum Pomarensium*, see *op. cit.* 109, n. i. Rowell P-W, s.v. 'numerus', remarks 'vielmehr können wir erst im 3 Jbdt. die Verwendung eines *numerus* in einer Truppe einer anderen Cattung feststellen', He then cites two instances, the *numerus* Palmyrenorum, which became on the one hand a cohort (CIL, iii, 908), and on the other an *ala* (ILS 9472), and the *numerus* Palmyrenorum at Coptos under Caracalla, which seems to be the *ala VIII Palmyrenorum* cited in *Not. Dign. Or.* xxi, as among the troops of the Duke of the Thenbaid. But the first change is so odd that Dessau (ILS, *loc. cit.*) describes it as *mirum*, while the second is not of the third century. No support for the Ribchester phenomenon as normal practice can be derived from either example.

Lancaster. Another unit in garrison at Ribchester was *ala Asturum*¹³, and the light cavalry-man in typical West-European dress portrayed upon a tombstone¹⁴ now in Blackburn Museum must belong either to this or to yet another cavalry unit distinct from the Sarmatae, whose heavy equipment (see below) was not of West-European style¹⁵. There is, in fact, room for one or more such units in garrison during the late-first and early-second century, when inscriptions and other relics, such as the famous parade-helmet, bear witness to an occupation of the fort.

As has just been hinted, the Sarmatae were not from Western Europe or, indeed, from within the Empire. They are first known¹⁶ east of the Don, but in the third century B.C. they were pressing upon the Scythians of South Russia and two hundred years later they had reached the Dniester and even the Danube. About this time they appear to have split into two groups, the Roxolani, who pressed southward through what is now Rumania, and the Iazyges, who struck across the Carpathian passes into the Transylvanian plain, where they were accepted as the mounted arm of the Suebic kingdom and settled between the Danube and the Theiss. Mommsen¹⁷ long ago pointed out that the Ribchester Sarmatae are certainly to be identified with the western group, called by Tacitus¹⁸ the Sarmatae Iazyges, whose offer of troops Vespasian decided not to accept and who were later to defeat the armies of Domitian. These same Iazyges were harried and induced to sue for peace in 175 by Marcus Aurelius¹⁹, on

¹³ CIL, vii, 221.

¹⁴ Illustrated by WATKIN, *Roman Lanc*, 158, and found 200 yds upstream from the fort in the south bank of the river: see also *Proc. Soc. Ant. Lond.* ser. 2, vii, 30, with Watkin's illustration.

¹⁵ Rattenbary, CR lvi, 113; lvii, 67.

¹⁶ PTOLEMY, *Geogr.* iii, 7, I, puts the Iazyges northwest of Lake Maeotis (the sea of Azov) as does STRABO, *Geogr.* vii, 3, 17-30th C., based, however, upon sources of the second century B.C., though the name still lingered there, in the Portae Sarmaticae (*Ptol. Geogr.*, v, 9, 11) together with some of the people, allred to the Hiberi (*Tac. Ann.* vi, 33). Ovid, however, knew of them in west Sarmatia (*Ex Ponto* iv, 7, 9, and *Tridia* ii, 191) just as Roman generals met them north of the Danube (ILS 852, 853, 986), as Tacitus also records (*Hist.*, I, 79). But Tacitus also associates them with the Suebi (*Ann.* xii, 29-30, *Hist.* iii, 5), as do Pliny (*NH* iv, 80) and Ptolemy (*Geogr.* iii, 7), the last named calling them the Iazyged Metanastae. For a review of the whole evidence, see E. H. MINNS, *Scythians and Greeks* 120-121, and R. SYME, 'The Argonautica of Valerius Flaccus', *CQ* xxiii (1929), 130-133.

¹⁷ *Hermes* xix, 227 (*Gesammelte Schriften*, vi, 111).

¹⁸ *Hist.* iii, 5; cf. Minns, *Inc.*

¹⁹ *Dio Cass.*, lxxi, 16, ol.

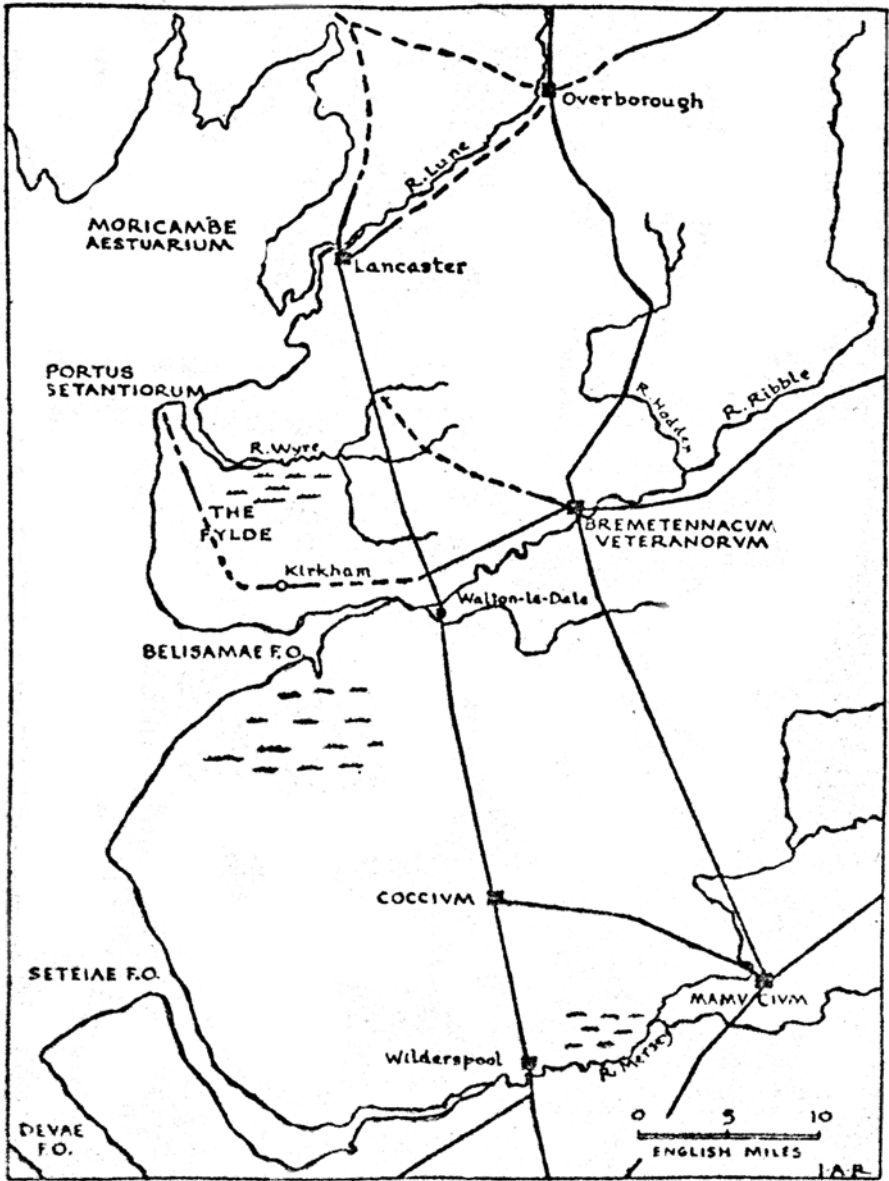


Fig. 1. Ribchester and the Roman road-system

which occasion Rome took a victor's share of the cavalry arm, which Tacitus had described²⁰ as their sole effective power. Eight thousand picked men were levied for the Imperial army, and 5,500 of them were sent to Britain.

Such were the people from whom Marcus was the first to take the victorious title of 'Sarmaticus'²¹ and whose land he had intended to incorporate within the Empire as the new province of Sarmatia²². They were remarkably equipped for war, men and horses being clothed from head to foot in mail after the manner of Persian *catafractarii*, and carried a heavy spear requiring the use of both hands. The type is not only described by Tacitus²³, but is depicted²⁴ upon Trajan's Column in Rome. It was without doubt these heavy cataphracts whom the Imperial staff, ever anxious to develop their cavalry arm, desired to acquire; for Roman experience had shown that, while the Sarmatian cavalry were at a disadvantage²⁵ when off their guard or hampered by snow or mud, no ranks could withstand their charge in the battle-line. In the Roman service many defects could be cured or remedied by drill and discipline, and it became the view of later Roman military experts²⁶ that cataphracts rendered the best service both in breaking a battle-line and in pursuing broken infantry.

²⁰ Tac. *Hist.* iii, 5, 'vim equitum qua sola valent'.

²¹ On the title 'Sarmaticus', see MATTINGLY-SYDENHAM, RIC iii, 304, 1154-1157.

²² SHA, Vita Marci, 27.

²³ Tac. *Hist.*, i, 79; cf. Vegetius, *de re mil.* ii, 23, quoted in n. 26 below.

²⁴ CICHORIUS, *Die Reliefs der Traianssaule*, Taf. 28, scene 37. To these illustrations should be added the Chester stone (*Cat. Grosvenor Museum*, no. 137, p. 69, illustrated p. 121), which shows a horseman in tightly, fitting scale armour (the scales being clear upon leg and arm) with a dragon-pennon. It may be remarked that, if the Chester stone had been a little more weathered, the trooper would have looked naked; and this explains the Ribchester stone, now lost, of a naked horseman, recorded by Camden (*Britania*, edn. 1607, 302), which must in fact have been the weathered figure of a mailed Sarmatian, since the inscription (CIL vii, 230) mentioned the unit.

²⁵ Tac. *Hist.* I, 79.

²⁶ VEGETIUS, *de re mil.* iii, 23, 'catafracti equites, propter munimina quae gerunt, a vulneribus tuti, sed propter impedimentum et pondus armorum capi faciles et laqueis frequenter obnoxii, contra dispersos pedites quam contra equites in certamine meliores; tamen aut ante legiones positi aut com legionariis mixti quando comminus ... pugnatur, acies hostium saepe rumpunt'.

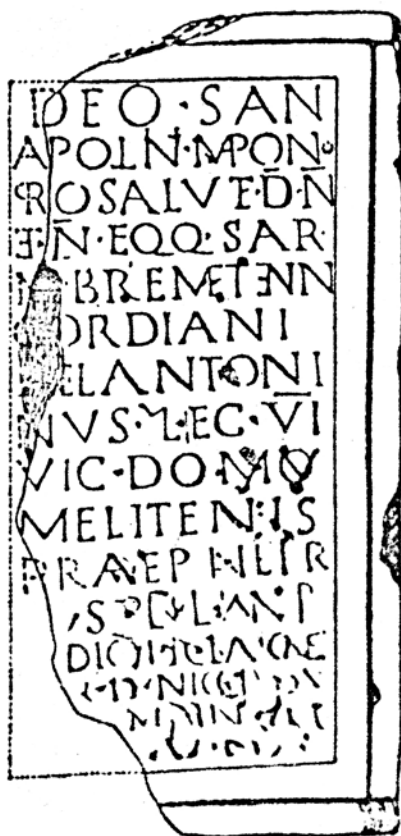


Fig. 2. Dedication to Apollo Maponus from Ribchester,
now in St. John's College, Cambridge

The entire draft of 5500 Sarmatae allocated to Britain²⁷ cannot have lain at Ribchester, which is of a size²⁸ to hold an *ala* 500 strong. They were doubtless distributed throughout the frontier land for training, and the total strength of the contingent might suggest a subdivision into eleven units of 500 men apiece. If so, such groups are not immediately traceable elsewhere. The occurrence of an eye-shield²⁹ from a cataphract horse at Chesters on Hadrian's Wall

²⁷ See n. 19 above.

²⁸ The size of Ribchester is 597 by 443 feet over the ramparts, that is, slightly larger than the forts for *alae* of Hadrian's Wall (*Arch. Ael.*, xix, 6), where quarters were packed right. As for the size of *numeri*, ILS 2531 mentions one 600 strong, while *De mun. castr.* 330 notes analogous detachments of 500, 700, and 900 men.

²⁹ The significance of this piece was first observed by the late R. C. Bosanquet, to whose manuscript notes I owe my own knowledge of it. He never published it.

no doubt denotes the presence of some troops of this kind in that fort, where they were presumably attached to the regular garrison, *ala II Asturum*, just as the *cuneus Frisiavonum*³⁰ was seconded to the garrison at Housesteads. Again, the *Notitia Dignitatum*³¹ mentions cataphracts at the late fort of Morbium, under the *dux Britanniarum*, and these may be the descendants of others. It is worth while, then, to return to Ribchester and to see what more can be learnt of the Sarmatae there.

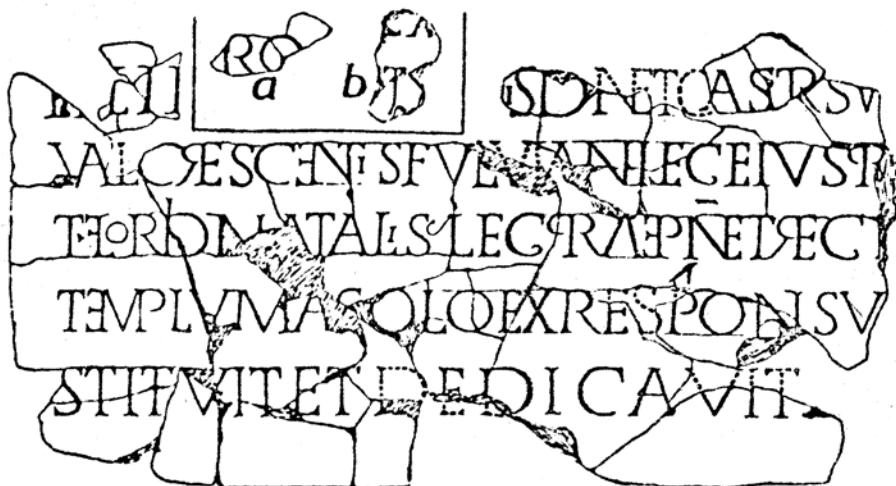


Fig. 3. Tablet commemorating the restoration of a temple at Ribchester, now in St. John's College, Cambridge

The two most notable inscriptions from Ribchester are now at St. John's College, Cambridge. The first³² is a dedication to Apollo Maponus (fig. 2) for the welfare of the Emperor and of the *numerus equitum Sarmatarum Bremetennacensium Gordianus*, of the years A.D. 238-44. The second³³ is a tablet commemorating the restoration of a temple (fig. 3), whose date is fixed below as A.D. 225-235. The dedication to Maponus was found at Ribchester in 1578 and was then walled into Salisbury Hall in such a way that the whole stone was not revealed until 1814, when the local historian Whitaker³⁴ detached it,

³⁰ *Eph. Ep.* vii, 1041.

³¹ *Not. Dign.* Oc. xi, 21, *praef. eqq. catafractariorum, Morbio*, under the *dux Britanniarum*. The position of Morbium is not known.

³² *CIL* vii, 218.

³³ *ibid.*, 223.

³⁴ WHITAKER, *History of Whalley* 17; *Hist. Richmondshire*, ii, 459.

later presenting it to the College. The left side of this stone has been trimmed away, probably when the walling-in took place (see fig. 2, and p. 27). The temple dedication³⁵ was found in the south-cast quarter of the fort, where it was disclosed in 1811 by an encroachment of the Ribble. It is an oblong slab (fig. 3), of which the left side and base still exhibit an original edge, while the top and right side have been removed. The top may have been lost by careless handling³⁶ on discovery, for three isolated fragments of it still exist. But the right side has been deliberately cut down by a series of blows which dressed off small segments at a time, as happens when a flagstone is broken across the grain. This is old damage, presumably done in ancient times and therefore supporting Haverfield's suggestion³⁷ that the stone had been used as building material in a later occupation. Neither this stone nor the dedication to Maponus have in fact any place in a fort; for while the stone of Maponus is a dedication to an unofficial deity, the other, as Haverfield³⁸ stressed, was the dedication-slab of a temple as opposed to a regulation military building. Both must be presumed to have come originally from extramural shrines or monuments.

The text of the temple dedication (fig. 3) has long been recognized to present difficulties, so much so that Haverfield, in drawing attention to the circumstances in which the stone was found, left the text³⁹ undiscussed. Little remains of the Imperial names and titles which filled the upper lines of the stone, except the reference to an Empress-Mother as *matris d(omini) n(ostris) et castr(or)um*. Then follows the phrase *su[b cura] Val(erii) Crescentis Fulciani leg(ati) eius pr(o) [pr(actore)]* and a dedicator's name in the nominative, *T(itus) Floridi(us) Natalis*. It is the titles of the dedicator that constitute the crux. On the stone they appear as *leg praep n et regi...* the abbreviation *leg* being furnished with an initial flourish⁴⁰ of unusual form (fig. 4). *Leg* has, however, commonly been expanded as *legatus*, and the remainder of the phrase as either

³⁵ *ibid*, and HAVERFIELD, *Trans. Hist. Soc. Lanes. & Cheshire*, liv, 198.

³⁶ It should be noted that, since there are reasons for thinking that the Imperial titles on the stone were erased (P. 24), the workmen may have been confronted by an inscription of which the initial lines were so largely erased as to seem unworthy of preservation. In any case, it is evident from Whitaker's account that they had already broken the stone before they realized that it was inscribed (*Hist. Richmondshire*, ii, 459).

³⁷ HAVERFIELD, l.c.

³⁸ *ibid*, 199.

³⁹ *ibid*, 197, where he describes the stone as 'fragmentary and in past obscure' and the dedicator as 'a high Roman military official', evidently taking *leg.* on the stone as *legatus*.

⁴⁰ The flourish is like the lower two-thirds of a pot-hook, with the hook upon the sinister side.

*praepositus numeris*⁴¹ *et rector* or *praepositus noster et rector*. These expansions are satisfactory neither singly, nor in combination; for the expansion as *legatus* takes no account of the initial flourish, while the epithets⁴² are not those of any kind of legate known to us, whether provincial or legionary. Finally, as Whitaker noted, the final letters of the text as preserved are not RECT but REGI⁴³. At this point, however, as has not hitherto been observed, the two stones complement one another. On the dedication to Maponus the abbreviation *leg* is also furnished with an initial flourish⁴⁴ (fig. 4), angular instead of round, but otherwise exactly similar to that on the temple dedication. Here, moreover, the significance of *leg*, being followed by VI Vic(trix), must be *legio*, declined in whatever case the context demands. The flourish, then, being preceded on both stones by a dedicator's name in the nominative, must indicate the rank held in the legion by the individual concerned. Commentators⁴⁵ on the dedication to Maponus have not, in fact, failed to observe this, though their interpretation has varied and they have not perceived that both stones were involved. They read the flourish either as a stop, which is impossible, since it is actually attached to the letter; or as the middle strokes⁴⁶ of the letter M, interpreting the whole sign as a ligatured abbreviation for *mil(es)*. But the initial upright of the postulated M is not present upon either stone, and this in itself is fatal to the second suggestion. The flourish (see fig. 4) is a non-alphabetic sign, and the only rank which is thus indicated in the Roman army is that of centurion, as Hübner⁴⁷ saw. It is the form of the flourish that is somewhat unusual; its interpretation, applicable to both stones, can no longer be in doubt.

The identification of Titus Floridius Natalis, the dedicator of the temple, as a legionary centurion affords an immediate clue to the remainder of his title. *Praep n* is at once explicable as *praepositus numeri*; with reference to the *numerus equitum Sarmatarum* attested as the Ribchester garrison by the dedication to Maponus. This title is the normal style⁴⁸ of centurions in charge of such

⁴¹ GIL vii, 222; Whitaker, o.c. 460, read *praepotenti numini et reginae*; Hübner *praepositus numeris et rector*; the proposal *rector* was apparently made by McCaul (see WATKIN, *Roman Lancashire* 147), and both he and Watkin read *noster* for *n*.

⁴² The correct title, as shown by CIL vii, 287, would have been *praeses noster*.

⁴³ See n. 35 above.

⁴⁴ This flourish is not a pothook, but a wide V-shaped attachment, with the top of the initial stroke slightly above the top of the L, to which it is attached.

⁴⁵ CIL, vii, 218, for collected references.

⁴⁶ e.g. MS. B.V. Cotton Julius, F x, fot. 137v, and Camden (ed. 1586), 431.

⁴⁷ CIL vii, 218.

⁴⁸ A. von DOMASZEWSKI, *Rangordnung des römischen Heeres*, 108.

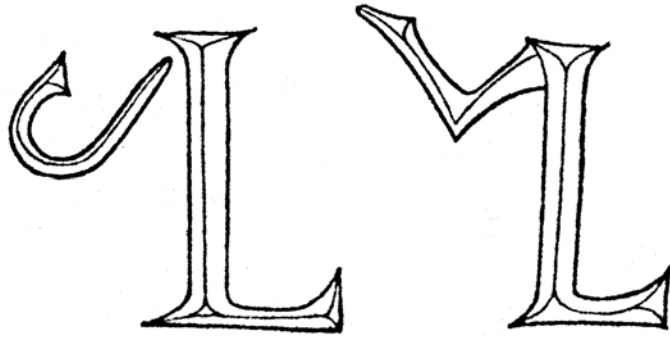


Fig. 4. Centurial sign ligatured to the L of *Leg(io)* on inscribed stones from Ribchester

bodies of troops and such a command itself was a normal stage in the centurion's *cursus honorum* of the day. The worn letters of the eleventh line of the dedication to Maponus (fig. 2) can also be read⁴⁹ as *praep n*, showing that the Ribchester *numerus* regularly had a centurion commandant. In the case of Natalis, however, *praep(ositus) n(umeri)* is followed by the conjunction *et*, introducing some further sphere of command which is now represented by the letters REGI. This fragmentary word was not a long one, and its place in the line indicates that not less than three letters and not more than five are needed to complete it. Whitaker's *regi[nae]*⁵⁰ must be rejected, as making here no sense. Collingwood⁵¹ has very suitably restored the word as *regi[onis]*, which not only makes sense but is very difficult to replace by a suitable alternative.

What kind of sense, then, does the word 'regio' here give? As employed in Roman literature and epigraphy, the term 'regio' is normally used to mean a district, in the geographical sense of that word, comprising several political organizations which it would be cumbersome to enumerate or inappropriate to describe by any other single word. This is well illustrated by two inscriptions

⁴⁹ This point was kindly confirmed by Mr. R. P. Wright, after making a squeeze of the lettering and scrutiny of the stone. The traces are clearly visible in a good raking light.

⁵⁰ Whitaker referred 'reginae' to Minerva or to the goddess to whom he supposed the stone to have been dedicated. But this is not the natural position in the dedication for such a title, which should come at its head.

⁵¹ Mr. Collingwood's restoration was very kindly communicated to me by Mr. R. P. Wright, with whom I have also discussed the stone, and I desire to make the fullest acknowledgment to my old friend and mentor's inspiration and to Mr. Wright's kindness. I would also mention with gratitude the helpful comments of the editorial committee, for which I am much indebted throughout.

from Italy, the first⁵² a laudatory tablet, in which the people of Canusium, the centre of the *tractus Apuliae, Calabriae, Lucaniae, Bruttiorum* render thanks to a legionary centurion described as *praepositus* for having kept the peace within the *regio* in question; the second⁵³, the tombstone of a centurion who had been *praepositus Vmbriae, Piceni et Apuliae*. It is, however, too far a cry from the highlands of Italy, devoid of military garrisons, to those of Britain, where troops abounded, to press, the parallel without detailed examination of the British evidence. But it can be said at once that there was at least one respect in which Ribchester differed from the other forts known to us in Northern Britain as regards its political environment. The *Ravenna Cosmography*⁵⁴, which not infrequently adds to the name of British towns or fortresses a designation defining their political status, names *Bremetennacum* as *Bresnetenaci Veteranorum*, thus classifying the fort as the centre of a veteran settlement.

That such a settlement should be mentioned at all in a geographical list is itself an abnormality of considerable interest. By normal practice veterans who were not members of *coloniae* received lands which remained part⁵⁵ of the territory of existing communities and were not differentiated from it except for taxation. The men themselves might, if sufficiently numerous, form a group of *velerani*, or *veterani consistentes*, with corporate status under a *curator*, normally a legionary of long service due for promotion to the centurionate. Groups of this kind are described on African stones, in such phrases as ‘*ex decreto paganorum pagi Mercurialis [et] veteranorum Medelitanor(um)*’⁵⁶ or ‘*cives Romani pagani veterani pagi Fortunalis*’⁵⁷ or, again, ‘*veterani et pagani consistentes apud Rapidum*’, further qualified as ‘*veterani et pagani intra eundem murum inhabitantes*’⁵⁸. But in these texts the emphasis is entirely upon political status, and the place-names of such mixed communities betray no hint of the presence of veterans there. Further, of the three places where allusion is made to the ex-

⁵² *ILS* 2768.

⁵³ *ILS* 2769.

⁵⁴ *Cosm. Rav.* 431, 3.

⁵⁵ KORNEMANN, *Klio* xi, 390 f. : ‘Bis jetzt ist wohl angenommen worden, dass in Agypten ebenso wie die κληροι der Ptolemäerzeit, so auch die Veteranengüter der Kaiserzeit mitten zwischen den anderen Aeckern zerstreut gelegen haben... Wenn wir in Römerreich nach Ähnlichem Umschau halten, gibt es, nur eine Parallele zu diesem Sachverhalt: die *coloniae*, die innerhalb der gallo-romischen Civitäten nachweisbar sind’. For the difficulties of veterans under this system in Egypt, see A. SEGRE, *JRS* xxx, 151-2.

⁵⁶ *ILS* 6803 ; see SCHULTEN, *Philologus* liii, 650-651.

⁵⁷ *ILS* 9400 from Sidi Soltan.

⁵⁸ *ILS* 6885.

istence of veterans in the geography of the Roman world, the first, Scenae Veteranorum, in the Egyptian Delta, owed its name⁵⁹ to the men of the *ala Veteranorum* on duty there and it is not a valid inference that Scenae was veterans' land. But at the second, Diana Veteranorum⁶⁰, a veteran settlement is certainly involved. Here inscriptions⁶¹ indicate that the whole district, of which the *municipium* of Diana was the centre, was settled by ex-soldier citizens, nearly all legionaries, though one man⁶² from an *ala* is mentioned. Again, Deultum Veteranorum, in Thrace, is specifically mentioned⁶³ by the elder Pliny, with its marsh, as a veteran settlement. It is plain that, to justify the qualification, a veteran settlement something like a *colonia* in size, without the chartered status, was required.

At Ribchester also there are special circumstances. The veterans can be brought into immediate connexion with the auxiliary garrison of the fort, the Sarmatae, for a particular reason of status which explains not only the settlement, but its rarity and the reason for the qualification 'veteranorum'. When these Sarmatae were transplanted to Britain by Marcus, they were *dediticii*⁶⁴, about to be brigaded in several *numeri equitum Sarmatarum*. The civic status accorded to such men upon their discharge from the army is not known, though a strong case has been propounded by Rowell⁶⁵ for supposing that they received the status of ordinary provincial *peregrini* in reward for working their passage home. But, whatever their precise status, the fact remains that, when their military service was over, these Sarmatae were not in a position to return, as auxiliary soldiers commonly did, to a native canton within the Empire, there to exert⁶⁶ the civilizing influence of men accustomed to disciplined life. For their homeland, Sarmatia, lay outside the Roman world. It was on the other hand, eminently in the Imperial interest that such trained men and their progeny

⁵⁹ O. CUNTZ, *Itin. Anton.*, i, 22 (163, 3), 23 (169, 4). For the origin of the name, see LESQUIER, *L'armée romaine d'Égypte*, 392, and, for the normal Egyptian arrangement of veteran land-grants, see KORNEMANN, l.c.

⁶⁰ CUNTZ, o.c., 5 (35, 4)

⁶¹ *CIL* viii, 4578, 4590, 4605, 4606, 4607; cf. CAGNAT, *L'armée romaine d'Afrique* (1913), 414.

⁶² GSELL and GRAILLOT, *Mélanges d'archéologie et d'Histoire*, xiv, 526, no. 18.

⁶³ PLINY, *III* iv, 45.

⁶⁴ ROWELL, *Yale Classical Studies* vi, 100.

⁶⁵ *ibid.*, 106 f.

⁶⁶ Sec. ROSTOVITZEFF, *Storia economica e sociale dell'impero romano*, 250 ff., for a statement of the case. For Britain the two Yorkshire stones, *CIL* vii, 200, and *Eph. Ep.* vii, 920, may be taken as typical of the class.

should not be lost to the Roman world by allowing them to return to the uncertain welcome of a land outside the Empire. The Sarmatae in Britain thus presented a special case, important because they involved the veterans not merely of a single *numerus*, but of a huge levy of 5500 picked men. The natural solution of the difficulty would be to settle them in a single district in the province of their adoption; and what district would be more suitable than Ribchester, where they would be associated with one of their own regiments? A community of this size would very naturally, as at Diana Veteranorum, receive in the geography of the province the recognition of its special status implied by the title Bremetennacum Veteranorum. The difference between Diana and Bremetennacum is, however, as important as their similarity. Unlike Diana, Bremetennacum did not grow into a town. It always remained a fort⁶⁷, with the normal small extra-mural settlement or *vicus*. It is thus plain that the veterans at Bremetennacum were solely concerned with land development and knew nothing of urbanization.

The organization of such granted lands had a model to hand in the Imperial domain-lands, where farms (*praedia*) or ranches (*saltus*) were grouped for administrative purposes as a *regio*. If we substitute the word 'fort' for 'town' Schulten's definition of the African *regio*⁶⁸ will fit British case: 'ein Complex mehrerer angrenzender *saltus*, deren Centrum eine Stadt bildet, von der die *regio* den Namen führt'. For large areas of cultivable land (*praedia*) or rich meadowlands for horse-breeding (*saltus*), in which the Sarmatians must have specialized⁶⁹, were available not far from Ribchester in the Fylde⁷⁰ which is good champaign country and only requires drainage to develop its potentially fertile soil. Further, the fact that the Fylde was open to development in Roman times is attested by the Roman road⁷¹ which passes through it from Ribchester to Kirkham and thence north-westwards to the mouth of the Wyre. The area

⁶⁷ The bath-house, for example, continued throughout of the small military type, see *JRS* xvii, 193, fig. 16.

⁶⁸ SCHULTEN, *Die römischen Grundherrschaften*, 66 for general discussion, 68-9 for quotation.

⁶⁹ This follows from their exceptionally heavy equipment and armour, which the ordinary small native horse of Western Europe would have been unequal to carrying. The Fylde is very like the 'compos et plana' of their native land: see PLINY, *NH* iv, 80.

⁷⁰ CAMDEN, *Britannia* (1500), 'tota est campestris, unde THE FILD, PRO FIELD, appellatur'; cf. BAINES, *Hist. Lancs.* iv, 427. 'This tract is a champaign country, inclined to peat moss, but yielding excellent crops of wheat and other kinds of grain'. Also *VCH Lancs.* ii, 419-436, *passim*, for the fertility of the Fylde.

⁷¹ See p. 15. n. 4 above.

was thus accessible to exploitation, like the Fenland⁷² which it so much resembles; and it will be borne in mind that the *Codex Iustinianus*⁷³ lays stress upon marshlands in connexion with soldier cultivators. Their systematic training in field-work made them excellent organizers, as at Deultum, of ditching and draining, and a pregnant passage in Tacitus⁷⁴ reminds us that it was early an Imperial policy to develop such areas of potentially high productivity in this way. The Fylde therefore presents the most suitable land for settling the Sarmatae: there was hardly another area like it in Northern Britain, and its existence no doubt decided the site for the settlement. The date of establishment can hardly be in doubt. It must have been about A.D. 200, when the first discharge from service would be falling due⁷⁵ for men who had been levied in A.D. 175. The unsettled state of Britain at the time, with the huge undertaking of the Severan reconstruction of the Northern frontier well under way and the Caledonian campaigns still to come, may have delayed matters for a while, especially among men who were *dediticii*; but it can hardly have delayed the measure for more than ten to fifteen years, when the military activity was over.

The arrangement of this block settlement differed, it should be observed, considerably from the new Severan army policy. From the time of Severus onwards, the legionaries received new civil rights, which permitted marriage and living-out to serving soldiers and changed their relation to the land. This phenomenon is first evident at Carnuntum⁷⁶, where lands were being leased to individual serving legionaries by A.D. 205. But a generation later the same privilege had been extended to serving frontier soldiers, that is, to the auxiliaries, to whom Severus Alexander⁷⁷ was leasing lands taken from the enemy, 'ita ut eorum essent, si heredes eorum militarent, nec unquam ad privatos pertinerent'; and the practice is confirmed as extended to these auxiliaries by a third-century

⁷² *JRS* xxiv, 204-5, xxvi, 248-250; *Arch. Journ.* xci, 133, pi. xxvi; Fox, *Archaeology of the Cambridge Region*, 222-3.

⁷³ *Cod. Justin* xi, 60, 3.

⁷⁴ *Tac. Ann.* i, 17, 'ac si quis tot casus vitae superaverit, trahi adhuc diversas in terras ubi per nomen agrorum uligines paludum vel inculta montium accipiant': cf. *PLINY, loc. cit.* on Deultum, n. 63, above.

⁷⁵ That is, after twenty-five years service, if this was the term applied to men in *numeri*: see ROWELL, *Yale Classical Studies*, vi, 102.

⁷⁶ BORMANN, *Römische Limes in Oesterreich* ii, 140-1, on *CH*, iii, 14336, 3a.

⁷⁷ *SHA Vit. Alex. Sev.*, 52, a passage whose significance is fully discussed by MOMMSEN in *Gesammelte Schriften* vi, 210-211.

Diploma⁷⁸ and by important rules in the legislation of the fifth century⁷⁹ which deal with a special class of old-established military lands styled ‘*terrae limitancae vel castellorum*’, whereof private ownership was rigorously forbidden, no matter what inconvenience might be involved. But it is evident, from the terms⁸⁰ in which all these measures are described, that such leases or grants were individual. The Ribchester settlement, on the other hand, is a block settlement. It is thus apparent that, while from the time of the Severi onwards legionaries and auxiliaries were officially enabled to obtain land as serving soldiers, this treatment was not accorded to the *dediticii* of the *numeri Sarmatarum*, who were covered by a special block grant on completion of service only. The less privileged treatment is no doubt connected with their status as *dediticii*, just as, for example, *dediticii*⁸¹ were under disabilities arising out of the *Constitutio Antoniniana* on citizenship. The state of affairs may usefully be compared with yet another aspect of Severan policy. The block grant is the system detected by Rostovtzeff⁸² as operative in Thrace and Africa, where large groups of peasants were settled on domain lands, partly to cultivate them and partly to supply the army with new and sturdy blood. When their army service was over, that was virtually the category into which the *Sarmatae dediticii* fell, supposing they then received ordinary peregrine status.

Having thus considered the evidence for the special political treatment of the Ribchester district implied by the qualification ‘*Veteranorum*’, we are now in a position to return to the matter of the *praepositus regionis* and his functions. The need for the office, as we have seen, may have arisen early in the third century. Specific evidence for its date is somewhat later. An approximate

⁷⁸ *CIL* iii, suppl. I, P. 2002, no xc, is restored by Mommsen as *practerea [liberis corundem] decurionum et centurion (um qui probatis filiit in) provine(ia) ex se procteat[is] [milites ibi castel]lani essent*, and this is accepted by NESSELHAUF, *CIL* xvi, P. 118, no. cxxxii. Both authorities date the *diploma* to the middle of the third century.

⁷⁹ *Cod. Iustin.* xi, 60, 2 (a.d. 423): ‘*quicumque castellorum loca quocumque titulo possident cedant atque deserant ... quod si ulterius vel privatae condicionis quispiam in his locis vel non castellanus miles fuerit detentor inventus, capitali sententia cum bonorum publicatione plectatur*’.

⁸⁰ *ibid.*, ‘*quia ab his tantum fas est possideri castellorum territoria quibus adscripta sunt et de quibus indicavit antiquitas*’. A block grant by Vespasian to 800 soldiers at Emmaus is, however, recorded by JOSEPHUS, *Bell. Iud.* vii, 217.

⁸¹ *JRS* xxvi, 227-235, where the question is discussed by Mr. A. H. M. Jones.

⁸² ROSTOVITZEFF, *Storia economica e sociale dell'impero romano*, 494, on the African *castella*, quoting Carcopino, *Syria* vi, 40 ff., and *Rév. arch.* xx (1924), 316 ff.; and *ibid.* 495-6, on Thracian *ἱμῶτια*.

date for the stone of Natalis is given by the reference in the text to an Empress-Mother as ‘*mater domini nostri et castrorum*’, a title referable⁸³ either to Iulia Domna (A.D. 212-217) or to Iulia Mamaea (A.D. 222-235), and a fortunate chance enables us to reach the heart of the matter. One of the isolated fragments of the stone, from amid the initial Imperial titles, carries two letters which have been subjected to erasure in Roman times. This implies that they must have formed part of an Imperial name, or of an adjective derived from it, which had been obliterated after its owner’s fall from power. These letters, recognizable⁸⁴ as EX, must have formed the third and fourth letters of either *Alexandri* or, less probably, *Alexandrianus*, however declined. The choice thus falls upon Severus Alexander and Iulia Mamaea, Antoninus and Iulia Domna being definitely excluded⁸⁵, and the stone is thus dated to A.D. 222-235. Yet another consideration narrows the field a little further. As Atkinson⁸⁶ long ago observed, the list of British Governors from A.D. 219 to A.D. 225 can be completely reconstructed, but the Fulvianus mentioned as Governor upon this stone is not among them. His term of office is therefore to be placed in the decade A.D. 225-235, and the stone is accordingly dated within ten years. The office of *praepositus regionis* was thus already established at Bremetennacum not later than A.D. 235, its inception perhaps falling a generation earlier.

What, then, did the title imply? The possibility that a block of estates organized like an Imperial domain land might be called a *regio* in fiscal administration has already been noted. But, if the veterans’ estates were all that was involved, it seems much more likely that the *praepositus* would have been called *praepositus veteranorum*. If, however, the intention was to cover in one word the complex political sphere over which the *praepositus* held sway, the title becomes understandable. For there were not only the *veterani* to be con-

⁸³ HOEY, *Yale Class.* vii, 189, n. 906, points out that *mater castrorum* was part of the official titulature of these Empresses, though it had been borne by Faustina Junior, *ibid.* n. 811; cf. R. NOLL, *Carnuntum 1885-1935*, 13.

⁸⁴ There is no doubt on this point, small though the fragment is. The erasure has been made by rude pecking following the actual lines of the letters, and has broken off the original surface of the stone between the lower bars of the X. Only the lower halves of the letters survive.

⁸⁵ It will be realized that there is no part of their titles into which the letters EX could enter, except Caracalla’s pontificate, which is in turn excluded by the fact that the words are here in the genitive case.

⁸⁶ *JRS* xii, 70-71, no. 44; Fulvianus.

sidered, but the people of the *territorium* of the fort, probably called *vicani*⁸⁷, and the indigenous folk of the area in which the veterans' estates were planted. Complete control over this entire yet diverse area would be the necessary basis of the commandant's authority. His jurisdiction over the fort *territorium* is natural enough and needs no proof, but he could not effectively administer the veteran settlement, especially if the farms were scattered over the best land, without control of the whole region in which they were placed. Thus, his *regio* would in fact comprise the three political entities over which he ruled, and this explains the need for the shortened form of title, avoiding the full definition which would only be used, if at all, in the preamble of legal records.

The principal duty of the Ribchester *praepositus* was thus no doubt to keep the peace within his composite *regio*. In this respect his powers cannot have differed fundamentally from those of the *praepositi* in wilder civil districts. Two such officers⁸⁸ in the insecure Italian uplands have already been mentioned, and centurions styled 'regionarii'⁸⁹ were in charge of the police in civil districts in many provinces, one example having been identified by Mommsen in Southern Britain. Centurions had also been placed in charge of *civitates* in Illyricum⁹⁰ where the wild nature of the country and the lawlessness of its inhabitants appeared to call for military supervision. But in purely military areas, such as Northern Britain, such a regional command was wholly exceptional. The fact is emphasized by the absence of such a title from the many scores of official citations of fort-commandants known to us, the reason no doubt being that in normal circumstances each commandant was responsible for his respective garrison area only and that regional *praepositi* of the type known in civil districts were not required in lands almost wholly subject to military supervision. The highly exceptional Ribchester command is, in fact, connected with circumstances themselves unique, that is, the establishment in a

⁸⁷ See HAVERFIELD, *Roman Britain in 1914* (*Brit. Acad. Suppl. Papers* iii) 31; and *Cumb. and West. Arch. Soc. Trans.* (n.s.) xviii, 223 ff., for the *vicani* of Chesterholm, and BERLEY, *Arch. Ael.* xii, 208-211, for other examples. For *territoria* of auxiliary *castella*, see *ILS* 5969 and *Eph. Ep.* vii, 986, recently discussed in *Arch. Ael.* xxii, 83; cf. *JRS* xxxiv, 88. Legionary lands (*territoria* or *prala*) are more commonly mentioned: see *ILS* 2454-6, 5968.

⁸⁸ *ILS* 2768, 2769, discussed in MOMMSEN, *Staatsrecht* ii, 1975, n. 2.

⁸⁹ DESSAU *ILS* 4920=CIL vii, 45. MOMMSEN, l.c. compares with the cases cited in note 88, but in *Strafrecht* 312, n. i. he further cites PLINY, *Ep. ad Traj.* 97, 98, and HIRSCHFELD, *Sitz.-Ber. Berl. Akad.* 1891, 864, on a ἱππὸνταρχὸς ρεγκονάρτιος from Antioch in Pisidia and *BGU* 522, for an τῶν τόπων ἑκατόνταρχος.

⁹⁰ von DOMASZEWSKI, op. cit. 107, on *praefecti civitatum* (*CIL* ix, 2564, xiv, 2954), and 129 on a *praepositus et princeps Iapodum* (*CIL* iii, 14324).

military district of the large veteran settlement of the Sarmatae, exceptional for its size and for the status *pi* the men themselves.

Apart from keeping the peace within the *regio*, however, the commandant may well have had scope to exercise another of the many functions of the centurionate. In the legions, when serving soldiers were first permitted by Severus to hold lands upon lease within the *territarium legionis*, the higher-grade centurions⁹¹ became the *conductores*, or leasing authorities, and even, like the *duoviri quinquennales* in civil life, gave their names to the five-year terms (*lustra*) to which the leases were related. There was thus to be found among the legionary centurions a body of experience in land administration, just as there had long existed a skilled tradition⁹² in boundary rectification. Experience of either kind would be invaluable in dealing with the everyday problems of the veteran land settlement.

Thus far only the official status and responsibilities of the men who erected the stones which we are studying have engaged our attention, and, interesting though this inquiry has proved, it was not the question which most interested their dedicators. To them the matter of interest was the cult in whose worship they were taking part in their official capacity, and it is to this aspect of the stones that we must now turn.

On the stone of Natalis, which commemorates the restoration and dedication of a temple, the name of the deity invoked or honoured is not now preserved. The only point that is immediately plain is that, since the surviving titles of the Imperial personages are in the genitive, the work was also done for their welfare, prosperity or honour. The existing text does, however, also mention that the work had been undertaken *ex responsu*, that is, following the reply of a deity to consultation through his ministers. This is a highly significant detail, for the number of gods or goddesses who expressed their wishes in this way as a normal practice is small in the Roman military world. Indeed, the only one whose cult supplies evidence of a frequent and almost regular habit of thus communicating behests is Iuppiter Dolichenus⁹³, whose temples were of elaborate Mesopotamian type and whose worship was introduced into Britain in the second century and became especially popular among the soldiery in the third. Thus, while no part of the deity's name or epithets now appears on the stone as preserved, the fact that the temple was restored *ex responsu* constitutes a strong reason for thinking that the god favoured by Natalis was Dolichenus. It will not

⁹¹ See p. 23, n. 76, above.

⁹² *ILS* 5949, 5950, 5952, 5953. The work is quite distinct from that of *mensores*.

⁹³ See DESSAU, *ILS* 4306, 4314, 4315a, 4316, 4317, 4318, 4320, 4322.

remain unobserved that the reign of Severus Alexander marked the time⁹⁴ of the greatest pre-eminence in military circles of the cult of Dolichenus, after which a gradual decline began, apparently complete by the end of the century. The cult seems also to have remained always outside the sphere of official religions and did not take the place of Jupiter's worship⁹⁵ in the army, as was once thought. This agrees with the place of the cult at Ribchester, in an extra-mural temple.

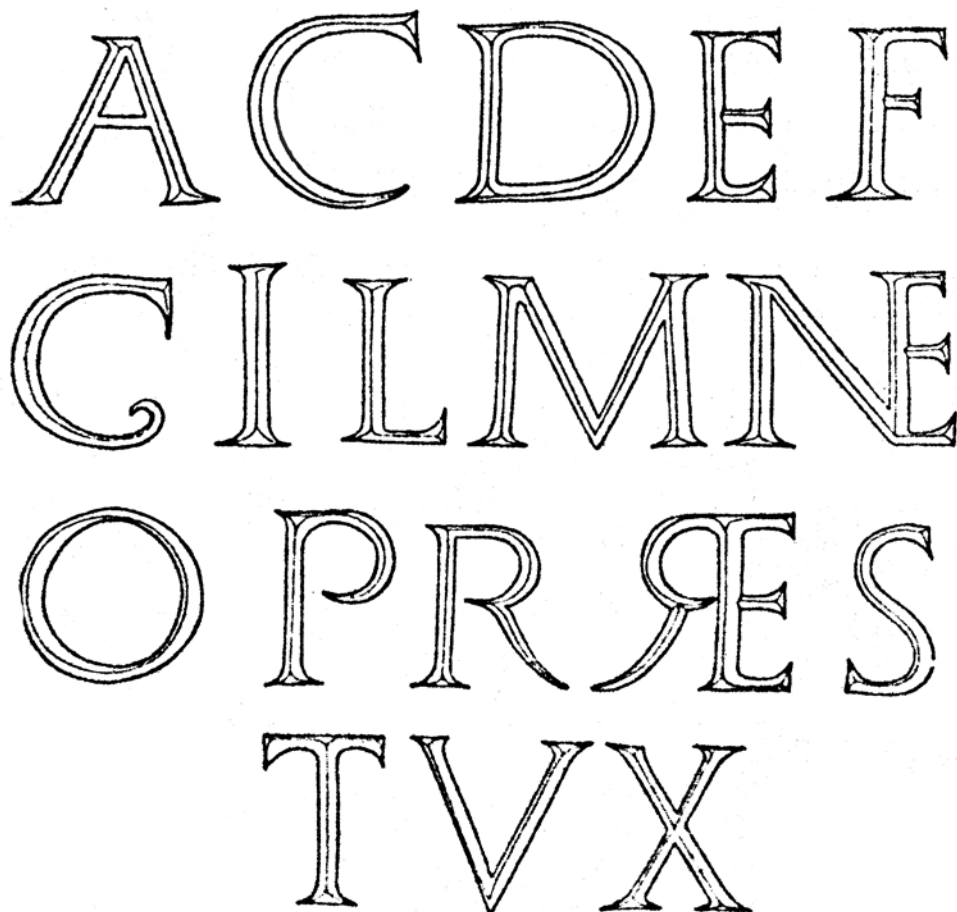


Fig. 5. Examples of letters, in alphabetic order, from the dedication of T. Floridius Natalis, Ribchester

⁹⁴ HOEY, *Trans. Amer. Philol. Assoc.* lxx, 478.

⁹⁵ *ibid.*, 459: cf. for the older view, von DOMASZEWSKI, *Die Religion des römischen Heeres* 60 and LOESCHKE, *Bonner Jahrbücher* cvii, 66-72, followed by MACDONALD, *PSAS* lxvi, 276, and *Roman Wall in Scotland* (edn. 2), 416-417.

The size and the grace of the dedication give an impression of lavish expenditure, and its lettering is worthy of particular note. It displays not only individuality but an elegance (fig. 5) uncommon even in the stately lettering of official military inscriptions. This grace is due to two subtleties of execution. The downstrokes are cut V-shaped, and appear thick and massive, while the horizontal lines are cut with one side perpendicular. The strokes are also often designed in a delicate curve, culminating in a sweeping serif, with long and flourishing tail. These elegant lines, though cut with the chisel, are inspired by the pen. They represent an attempt to translate into mason's terms of light and shade the heavy or light strokes and the restrained curves of graceful and skilled penmanship. In other words, the mason who carved this inscription was copying, with ability and perception, a draft written in elegant monumental capitals, of the type seen in the best painted monumental inscriptions⁹⁶ of the third century at Dura, but hardly preserved elsewhere. The effect of such a tradition is seen in the fourth-century Vatican *codex Palatinus*⁹⁷ of Virgil, and is to be sharply distinguished from the script in rustic capitals which, as several documents and not a few inscriptions show⁹⁸, was the everyday official script of the military *tabularia*⁹⁹.

The impression of culture and resource which is thus conveyed by the stone of Natalis. is also afforded by the dedication to Maponus. Natalis himself affords no hint of his land of origin¹⁰⁰. But the centurion Aelius Antonianus, the worshipper of Maponus, states that he came from Melitene, the garrison-town of *legio XII Fulminata*, on the Upper Euphrates. Like Natalis, he was a

⁹⁶ cf. *Excav. Doura, Fifth Season*, 221, pls. xxix, xxvii.

⁹⁷ EHRLE und LIEBSERT, *Specimina codicum lat. Vat.*, p. vii: 'befariam dividitur haec scriptura in capitalem et uncialem; capitalis sutem in quadratam sive monumentalem et in rusticam sive actuariam'.

⁹⁸ The most readily accessible illustrations of normal documents from military *tabularia* are *Eph. Ep.* vii, 456-467, and pl. iii; *Amer. Acad. Rome* ix, pl. 3; *Yale Class. Stud.* vii, 23, nn. 16-17; *Excav. Doura, Fifth Season*, pl. xxxi, 2. Inscriptions based upon this type of writing are, in Britain, *CIL* vii, 1080 (Newstead), *ibid.* 739 (Carvoran), *Eph. Ep.* vii, 1001, *Eph. Ep.* ix, 1055; for Italian examples, cf. *Inscr. Italiae*, xiii, fasc. iii. nos. 85, 86, based upon written *elogia*.

⁹⁹ It must have been the script tradition of such a legionary *tabularium* that evolved the attached initial flourish to indicate a centurion of the legion, just as very different forms of flourish are used for the lead seals from Brough-under-Stainmore, see *CW* xxxvi, 119-121.

¹⁰⁰ SCHULTZE, *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*, 436-8, does not cite the name Floridius, but deals with the termination *-idius*. Floridus occurs as a *cognomen* in the Veneto, R.S. CONWAY and S. E. JOHNSON, *The Prae-Italic Dialects of Italy* i (London, 1933), 293.

centurion and *praepositus numeri*: nor is it to be excluded that the inscription also mentioned his command of the *regio*, since, as will appear, his *connexion* with the district is graphically conveyed in another manner. The lettering is, however, weathered beyond hope of legibility (fig. 2). This heavy weathering has its own story to tell. It did not take place when the stone was serving as a quoin at Salesbury Hall, since all the ancient faces were not then exposed, while all are, nevertheless, equally weathered. The weathering had, then, completed its work long before the stone reached Salesbury, and it may be concluded that the monument had long been exposed to the elements in Roman times. It was, in short, a free-standing monument in the open. But it was not, as sometimes stated¹⁰¹, an altar. The top, which has never had either focus or bolsters, is dressed¹⁰² to receive a superincumbent stone, probably a coping, while the bottom, also wholly devoid of ornamental finish, must also be related to yet another stone, no doubt a monumental base. The stone was, then, not an altar but the pedestal of an open-air monument, either a column¹⁰³ like a Jupiter-column, or, less probably, a statue¹⁰⁴. In either case, the size of the base shows that the whole monument was an impressive and expensive work.

The base was not only inscribed but elaborately carved. Its right side, is devoted to a relief of Apollo Citharoedus, the classical type of Apollo Maponus, to whom the stone was dedicated. The left side no doubt exhibited the native type, Maponus himself, but the sculptured face has been trimmed right off, a loss much to be deplored, since this must have been one of the few representations¹⁰⁵ of this little-known deity, of a scale and quality which would have made it valuable. The back, corresponding to the dedication, is occupied (pl. i) by two tall and stately female figures, set in adjacent round-headed niches. Each wears a turreted crown, weathered but unmistakable, both being thus

¹⁰¹ WATKIN, *Roman Lancs*, 131, sqq.

¹⁰² The hole on the top of the stone is a lewis-hole, not a dowel-hole, and was doubtless employed in setting the stone in position when erecting the monument of which it formed part. The upper surface of the stone is then chisel-dressed at the margins, with a slight trace of anathyrosis to ensure a tightly hitting joint.

¹⁰³ cf. THIRSCH, *Jahrbuch d. k. d. Inst.* xxviii, 266-272, for a study of votive columns, illustrating the antiquity of the form and the fact that many other gods besides Jupiter were honoured in this way.

¹⁰⁴ A statue would be more likely to have a plain base, which would not detract attention from the statue itself: this, at least, was the normal practice.

¹⁰⁵ The only other probable example is that cited by Mr. R. P. WRIGHT; *JRS* xxxiii, 37 and pl. ii, righthand bottom illustration. The deity is discussed in *Arch. Ael.* xxi, 207-210. Hübner's suggestion, that there was here a third female figure, is pure guesswork, *CIL*, vii, 218.

indicated¹⁰⁶ as administrative or geographical entities. The right-hand figure is veiled and fully draped, and is emerging from her niche in order to exchange with the junior an object not unlike a box or a basket¹⁰⁷. Her seniority over the left-hand figure is shown by the different guise of the latter, whose hair flows loose and unveiled and whose drapery is so disposed as to display all her youthful charms: if it were not for the fact, that she wears a turreted crown, which indicates that she personifies an administrative division, and carries no emblem of wood or water, this girlish figure might pass for a nymph.

There can be little doubt that the scene had a local reference, without which personifications of administrative bodies not otherwise explained would have neither meaning nor relevance upon a Ribchester stone. This granted, the identification of the figures becomes possible. Neither figure can be the fort

¹⁰⁶ The turreted crown to indicate cities seems due to the Hellenistic sculptor Eutychedes in his statue of Antioch (P. GARDNER, *JHS* ix, 75-6, pl. v. = TOYNBEE, *Hadrianic School*, pl. xxx, 1-2, also figuring four derivative statues, pl. xxix). Comparison may be made with the B.M. statue of Alexandria, first published by TOYNBEE, *ibid.* 42 and pl. xxiii, 3; also the cities on the south wall of the passage-way of Trajan's Arch at Beneventum (STRONG, *Roman Sculpture*, pl. lxvi, upper figure, or *La sculptura romana*, ii, 198, fig. 114) and the Louvre relief assigned by Toynbee to the early second century (*op. cit.*, pl. xxi, 1; p. 21, n. 4). Turreted crowns for provinces soon followed, as on the Ince Blundell statue of Cappadocia (TOYNBEE, *op. cit.*, pl. xxiv) and, on coins of Hadrian, for Asia (*ibid.*, pl. iii, 2-4), Bithynia (iii, 5-9). Cappadocia (iii, 17-20) and Pannonia (vi, 6); on coins of Antoninus Pius for Asia (vii, 9), Cappadocia (vii, 12-15), Spain (viii, 4) and Syria (viii, 14); on coins of Severus for Britain (xii, 3-4) and on coins of Postumus for Gaul (xiv, 8). An earlier instance on coins is provided by the two companion Spanish provinces on Civil War issues of M. Minatius Sabinus of 46-44 B.C. (xv, 7-8). The standardization of the convention is well shown upon the African mosaic from Biregik, now in Berlin (JATTA, *Le rappresentanze figurate delle provincie romane*, figs. 1 (Britannia), 2 (Gallia), 3 (Hispania), and 5 (Raetia), while its persistence into later antiquity is shown by the figures of Insulae, Hellespontus, Palaestina and Septem Provinciae in the *Notitia Dignitatum*, comparable with the cities on the south face of the base of the Column of Arcadius in Constantinople (*Archeologia*, lxxii, pl. 17). The elderly veiled figure which we are identifying as Britain on the Ribchester stone might well have been copied from the type on the coinage of Severus (TOYNBEE, *op. cit.*, pl. xii, 5) of the province veiled but without a crown, combined with the normal turreted convention. It may also be noted that the subdivision of a province occurs thus attired on coins of Antoninus Pius, where Phoenice in Syria is thus shown (*op. cit.*, pl. vii, 8); for Phoenicia, though it had been distinguished from Syria as early as Augustan times (cf. Lapis TIBURTINUS, *ILS* 918), was not created an autonomous province until the time of Severus.

¹⁰⁷ WATKIN, *Roman Lancashire*, 133, says that the object is 'too worn to be recognizable'.

itself, for they are unarmed. But the junior figure may be readily accepted as the local sphere of administration, the *regio Bremetennacensis*, of which Ribchester was the centre, while the senior figure should represent the province of which the *regio* was a subdivision. What, then, was the object exchanged between the two figures? Not a grant of lands, for this would be conventionally represented by a roll¹⁰⁸, and veterans' lands of the kind were not a gift, but were leased upon terms¹⁰⁹ and were not negotiable. The form and size of the object is, on the other hand, highly reminiscent of the baskets, or *fisci*, in which the provinces offer, for example, their *aurum coronarium* to Antoninus Pius¹¹⁰. The gesture of exchange also requires qualification. The pose of the two figures gives the impression of the senior figure returning to the junior an offering which she is making, as if it were a scene of remission¹¹¹ rather than donation of which we are the spectators. This is in itself so likely a relationship between a province and a veteran settlement, that it may be accepted as the intention of the scene. An explanation of the event in words may well lie concealed in the final lines of the text on the stone, which are now illegible; for they have clearly reached the point in composition where the reason for the dedication is disclosed. Just as the two sides of the stone once complemented one another, so it is evident that the back and front are related.

As has been emphasized throughout this study, *Bremetennacum* itself was not a town. It may be compared in this respect with Brough-under-Stainmore (*Verterae*), which was a fiscal centre¹¹² for the contributions of numerous garrison commands but always remained a fort. It is, however, evident, and wholly in keeping with the Roman way of thinking, that the Ribchester *vicus* was the religious centre¹¹³ of the *regio Bremetennacensis* and that it contained monuments which are of exceptional rarity in military provinces and of exceptional interest to the student of the Roman army. For this interest is not exhausted by what the stones themselves state, through their text or through their carving, and its implications range further afield. It is of some importance

¹⁰⁸ See E. STRONG, *Roman Sculpture*, 217, pl. lxiv, or *La scultura romana* ii, 195. fig. iii, where Trajan, presenting land to veterans, carries a roll representing the grant.

¹⁰⁹ See p. 23, n. 80, above.

¹¹⁰ TOYNBEE, *op. cit.*, pls. vii, II and viii, 3 and 5.

¹¹¹ The action is wholly intelligible if the younger figure had handed her gift and as now having it pressed back into her possession.

¹¹² *CW* xxxvi, 113, 116; cf. also NEWSTEAD, *A Roman Frontier Post*, 309, pl. lxxxii, 19-20, and p. 2, quoting MILNE (1743), *A Description of the Parish of Melrose*, 6, for the statement 'a great deal of lead got and some curious seals'.

¹¹³ cf. *ILS* 6890, 7100.

to recall that the cult of Maponus is one patronized¹¹⁴ by legionary officers of the Sixth legion, from which Antonianus came, and, in particular, by so senior an officer as the *praefectus castrorum*¹¹⁵, since this stamps the cult as one centred in York rather than in the auxiliary torts. Again, if it is correct to surmise that the temple dedicated by Natalis was in fact a House of the Lord belonging to Dolichenus, it may be observed that this too was a cult¹¹⁶ which always attracted legionaries rather than auxiliaries. Accordingly, it becomes evident that the centurions in charge of the Ribchester garrison and veteran settlement were imparting to their administrative centre an atmosphere which was legionary in outlook and Roman in expression, if regional in emphasis and application.

The social significance of this evidence has some wide aspects. It is common knowledge that the creation of the 'Militärbauerntum', as Stein¹¹⁷ conveniently named the military land policy of Severus, led to the barbarizing of the Roman army by basing that army upon a peasant class drawn from the lowest cultural grades of provincial society or from the barbarians whom they so closely resembled. Nor will any historian of the Roman Empire deny that the barbarizing appears to have been a principal characteristic of third-century army development. But it is now becoming evident that it would be wrong to assume that this effect came about in default of official attempts to educate the army in Roman traditions. The great value of the recently published *Feriale Duranum* has been to demonstrate¹¹⁸ how the whole official life of the army was keyed to Roman religious festivals of Imperial and social significance: and, more recently still, it has been observed¹¹⁹ how the official cults of the Corbridge legionary supply-base for Hadrian's Wall in Britain graphically inculcated some of the choicest legends of ancient Rome. This evidence, however, concerns legionaries, still the *élite* of the army, even if now becoming increasingly provincial in composition. At *Bremetennacum*, on the other hand, we are in contact with a special settlement and garrison composed of those very barbarians whose failure to absorb Roman culture is considered to have sapped and weakened the Roman military virtue. It is thus particularly significant for official policy that successive commandants of the Ribchester fort and settlement, men of education and social standing, both could and did draw generous-

¹¹⁴ *CIL* vii, 423, 1345; *Arch. Ael.* xxi, 207-210.

¹¹⁵ *CIL* vii, 1345.

¹¹⁶ *Arch. Ael.* xxi, 194-5

¹¹⁷ E. STEIN, *Geschichte des spätrömischen Reiches*, i, 90.

¹¹⁸ *Yale Classical Studies* vii, 202-210, especially 209.

¹¹⁹ *Arch. Ael.* xxi, 162-176 ; in particular, 174-5.

ly upon the resources of craftsmanship and religious allegory available or current at the York headquarters in order to establish the shrines and monuments of the regional centre upon the basis of the best conventions that they knew. Indeed, it must be admitted that the policy can hardly have been without direct official inspiration, since it continued over a period of some forty years or more. It is evident that both during their military service and after their settlement in the *regio* as veterans, the men of the Sarmatian *numeri*, soldiers of the lowest standing in the army, were subjected to the steady influence of Roman religious culture, always one of the most powerful media of social education in the ancient world. This Romanization can also be seen to have had its special character, reflective of the ecumenical ideals of its age. It was no longer the imposition of purely Mediterranean culture, a blend of Greek and Roman ideals. Asia and the Celtic world were there, represented by imagery which was moulded by classical convention yet which gave to the classical idiom new life and new content. Ultimately, the failure of the experiment may have illustrated that the old bottles would not hold new wine. But the failure itself was only a phase in the age-long Psychomachia of the humanities, and it would bode ill for our own confidence in their future if we refused to admit the courage and reality of the Severan effort in army education.

Ю. С. ГАГЛОЙТИ

**СВЕДЕНИЯ СТРАБОНА О ГОРЦАХ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ИБЕРИИ**

(Известия ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева. Вып. XXXV, 1998)

Первые достоверные известия письменных источников о южных осетинах относятся к последним векам до н. э. Это был период интенсивной инфильтрации сарматских племен в горы Центрального Кавказа, сопровождавшийся их оседанием и на южных склонах Главного Кавказского хребта. В своем описании Иберии, государственного образования, существовавшего на территории Восточной Грузии и Южной Осетии, известный древнегреческий географ Страбон (64 г. до н. э. – 23 г. н. э.), один из наиболее информированных античных авторов по Кавказу, пишет: «Равнину (страны) населяют те из иберов, которые занимаются преимущественно земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски; горную же часть занимает воинственное большинство, в образе жизни и по обычаям сходное со скифами и сарматами, **с которыми они находятся и в соседстве и в родстве** (подч. нами. – Ю.Г.); впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги собирают много тысяч воинов как из своей среды, так и из числа тех народов (XI, 3, 3)», т. е. скифов и сарматов.

Из приведенных данных Страбона совершенно четко явствует, что население равнинной и горной частей Иберии отличалось друг от друга не только образом жизни, обычаями и хозяйственной деятельностью, но и этнической принадлежностью – горцы Иберии были родственны не равнинным иберам, а северокавказским скифам и сарматам, граничившим с ними с севера. Такая трактовка сведений Страбона, в точности соответствующая содержанию описания Иберии греческим географом, отнюдь не является новой. Именно так понимали сообщение Страбона о горцах Иберии исследователи, не отягощенные политическими и околонучными интересами, в том числе такие видные представители грузинской историографии, как А. Цагарели и академик С. Джанашия¹. Наличие сарматского, а несколько позднее аланского населения в последних

веках до н. э. к югу от Главного Кавказского хребта подтверждается и данными других античных авторов, в частности – Плиния и Клавдия Птолемея.

На основании вышеприведенных данных Страбона, других античных авторов и грузинских летописей автор этих строк пришел в свое время к выводу о том, что под родственными скифам и сарматам горцами Иберии «следует видеть прежде всего алан, овсов (осов) грузинских источников»². Этот же вывод, несколько более подробно аргументированный, содержится и в соответствующем разделе первоначального варианта первого тома «Очерков истории Юго-Осетии», который был запрещен к открытому распространению и смог увидеть свет в 1969 г. только в виде макета. Причина – открытое противодействие ряда ведущих историков Института истории, археологии и этнографии АН ГССР содержащейся в «Очерках» трактовке истории формирования южной ветви осетинского этноса. Однако дальнейшее изучение этого вопроса лишь подтвердило правоту предложенного вывода.

В древнегрузинских летописях, в частности у Леонтия Мровели (XI в.), автора «Жизни картлийских царей», население Центрального Кавказа, в состав которого входила и территория расселения горцев северного и южного склонов, обозначается общим наименованием «кавказни» или «кавказианни», т. е. кавказцы. По справедливому замечанию акад. Корнелия Кекелидзе, термином «кавказианни», означающим «жители Кавказских гор» у Леонтия Мровели обозначены «племена, населяющие северную часть Закавказья, именно сарматы, савроматы и аланы (осетины) греко-армянских списков... Под жителями Кавказских гор, должно полагать, Леонтий разумел не одних только сарматов, савроматов и аланов»³.

Действительно, термином «кавказианни» у Леонтия Мровели наряду с племенами скифо-сарматского этноязыкового круга обозначается и часть древневайнахских племён, в частности – дурдзуки. Однако в современной грузинской историографии превалирует мнение о том, что под именем «кавказианнов» грузинских источников подразумеваются исключительно племена вайнахского этноязыкового круга, хотя такой вывод полностью противоречит данным письменных источников и, естественно, не выдерживает критики. К примеру, Г. В. Цулая, не отрицая, что «в источниках генеалогической таблицы Мровели кавказианам соответствуют сарматы, савроматы (в древнеармянском к ним добавлен этноним аланы), тем не менее считает, что грузинский термин можно признать эквивалентом последних весьма условно». По его мнению, в хронике Мровели под кавказианамй имеются в виду «исключительно аборигены Северного

Кавказа», а аланы (сарматы, савроматы) «соответствуют этнониму **овсы** и противопоставлены местным аборигенам»⁴.

Не подлежит сомнению, что под этнонимом **овсни** действительно скрываются аланы и их этнические предки в лице сарматов (савроматов) и скифов. Но из этого вовсе не следует, что под кавкасианами грузинских источников имеются в виду исключительно «аборигены», да к тому же лишь Северного Кавказа, а не Центрального Кавказа в целом и преимущественно его южных склонов. Во-первых, об аборигенности или «пришлости» древних племен как Северного, так и Центрального Кавказа в рассматриваемый период вообще не приходится говорить, поскольку существование «иберийско-кавказской семьи языков», если таковая и существовала, отделено от рубежа н. э. несколькими тысячелетиями и не может быть доказано методами сравнительно-исторического языкознания (Климов, Меликишвили, Дьяконов). Во-вторых, и это еще более показательно, тезис о принадлежности к кавкасианам исключительно вайнахского (кистинско-боцбийского) языкового круга полностью противоречит показаниям письменных источников, как древнегрузинских, так и античных.

Согласно генеалогической схеме Мровели, появление овсов на Центральном Кавказе связано с вторжением скифов в Закавказье, которое Мровели относит к периоду до разгрома древнеиудейского царства Навуходоносором (VI в. до н. э.) и «еврейского пленения». В результате этого вторжения овсы (осетины) в лице их эпонима Уобоса, сына царя скифов, получают «часть страны Кавкаса, к западу от реки Ломеки до западных пределов гор», т. е. территорию Центрального Кавказа от р. Терека до западных отрогов Главного Кавказского хребта. «И поселился здесь Уобос. Потомками его являются овсы. Эта территория и есть Овсети (Осетия), которая была частью удела Кавкаса»⁵. С этого времени этногеографический термин «кавказианни» обозначает преимущественно овские (древнеосетинские) племена Центрального Кавказа, а также граничившую с ними на востоке часть древневайнахских племен.

Об этом же ясно свидетельствуют и данные других древнегрузинских хроник. По сообщению «Обращения Грузии в христианство» (Мокцевай Картлисай), когда под давлением государства Сасанидов в VI в. в Картли пала царская власть, здесь усилилась власть персов, которые покорили также Эрети и Армению. «Но особенно сильно они подчинили себе Картли. И проникли они (персы) к кавкасианам и воздвигли они врата Осетинские – одни большие в Осетии же, двое – в Двалетии и одни – в Парчуане Дордзокетском», а тех горцев назначили охранниками тех ворот. А главой Цанаретского ущелья посадили

другого человека, которому и подчинили это ущелье»⁶. Как явствует из текста хроники, автор «Мокцевай Картлисай» называет «кавказианами» горцев собственно Осетии, Двалетии, части Дурдзукетии и Цанарского ущелья, т. е. жителей Центрального Кавказа независимо от их этнической принадлежности.

То обстоятельство, что этнографический термин «кавказианни» не служит собирательным названием только вайнахских племен, четко иллюстрируется данными того же Мровели при описании тех или иных конкретных событий. К примеру, рассказывая о вторжении дурдзуков в Восточную Грузию в царствование Мириана (рубеж III–II вв. до н. э.), Мровели пишет, что, «воссоединившись с находившимися» в Чарталети кавказианами, дурдзуки захватили Кахети и Базалети». И далее: «За исключением Чарталети все кавказианы, перешедшие ранее на сторону Саурмага, находились твердо под властью Мириана. Собрал он их всех и нагрязнул на дурдзуков»⁷.

Обозначение жителей Центрального Кавказа, независимо от их этнической принадлежности, именем «кавказианов» в грузинских летописях четко прослеживается начиная с первых хроник вплоть до известного географа и историка XVIII в. Вахушти Багратиони. В «Описании современной Осетии» или внутреннего (центрального) Кавказа Вахушти относит к числу «кавказцев», во-первых, балкарцев (басиани), находившихся, очевидно, еще в стадии тюркизации, поскольку в языковом отношении он не отличает их от осетин (овсов) и называет их общим именем овсов. Во-вторых, собственно овсов (осетин), в том числе дигорцев (Баделидзе – Бадилатаэ, Черкесидзе – Черчесатаэ), тагаурцев, куртатинцев, алагирцев (Сидамонидзе – Сидамонтэ, Тчахилидзе – Тчахилтаэ), двалов. И, наконец, в-третьих, вайнахские племена – кистов, дурдзуков и глигвов (галгаев), которых он, однако, отличает от осетин, поскольку «они имеют свой собственный язык», отличный от овсского (осетинского)⁸.

Термин «кавказианни» грузинских источников, судя по всему, восходит к аналогичному названию «кавказцы» античных источников, хотя здесь он имеет несколько более широкое значение. Страбон, к примеру, рассказывая о племенах Центрального и Западного Кавказа, называет Диоскуриаду (совр. Сухум) общим торговым центром для племен, живущих выше ее и вблизи. По его словам, сюда сходятся «семьдесят народностей, а по словам других (писателей), несколько не заботящихся об истине – даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собой в отношения вследствие самолюбия и дикости. **Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами** (подч. нами. – Ю.Г.)». Отличие географи-

ческого термина «кавказцы» от этнического «сарматы», которые являются частью «кавказцев», совершенно очевидно.

Необходимо подчеркнуть, что Страбон – далеко не единственный из античных авторов, отметивших бытование в последних веках и на рубеже н. э. целого ряда скифо-сарматских племен на Центральном и Западном Кавказе и к югу от Главного хребта. Плиний (I в. н. э.), к примеру, в качестве непосредственных соседей талов (туалов) в Кавказских горах называет савроматов, а к западу от них – «сарматский народ эпагерритов», находившихся к северу от Питуунта (сов. Пицунда). Под савроматами Плиния, соседившими с талами (туалами) на северо-западе, в действительности скрываются аорсы, как это явствует из перекрестного сопоставления данных Плиния и Тацита и описания последним войны 49 г. н.э. на Северном Кавказе между римлянами и союзными с ними аорсами, с одной стороны, и опальным правителем Боспора Митридатом и союзным с ним сарматским племенем сираков, с другой. Именно аорсы, сыгравшие главную роль в разгроме сираков, явились этнической основой и генетическими предшественниками алан на Кавказе.

Согласно Валерию Флакку (I в. н. э.), вождь одного из аланских племен Анавсий, имя которого четко этимологизируется по-осетински, был одновременно и вождем племени гениохов. Это племя, известное античным авторам с V–IV вв. до н. э. как одно из древнеколхидских племен, к рубежу н.э. находилось в северных районах Колхиды, на территории современной Абхазии. О локализации алан на территории Северной Колхиды Валерий Флакк говорит и в другом месте своей работы. Целый ряд скифо-сарматских племенных названий упоминает в своем описании Колхиды и Плиний. Из числа этих племен особый интерес вызывают «меланхлены» (черноризцы) и «кораксы». Первое из этих названий является греческим переводом скифского племенного названия «саударата» (осет. «одетые в черное», «черноризцы»), второе сопоставляется с именем Колакся, младшего сына легендарного прародителя скифов Таргитая. Плиний локализует эти племена в районе Диоскуриады (Сухуми).

Именно отражением факта пребывания сармато-алан в северных районах Закавказья объясняется то обстоятельство, что знаменитый географ античности Клавдий Птолемей, называя территорию Северного Кавказа, в отличие от Европейской Сарматии к западу от Дона, Азиатской Сарматией, проводит ее южные границы по южным отрогам Главного Кавказского хребта, т. е. по территории расселения **кавказианов** грузинских источников и **кавказцев** Страбона. Обозначение Северного Кавказа **Азиатской Сарматией** отражало факт этнического и, главным образом, политического преобладания сарматских племен на данной территории.

Включение в состав Азиатской Сарматии Птолемея и южных отрогов Главного хребта означало, естественно, то же самое. Лишним подтверждением этого факта как раз служит вышеприведенное сообщение Страбона о принадлежности основной части населения горной зоны Иберийского царства к родственным скифам и сарматам племенам, т. е. к предкам современных южных осетин.

Такое положение сохранялось и после гуннского нашествия (последняя четверть IV в. н. э.), во многом изменившего этнографическую карту Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Согласно анонимной «Армянской географии» VII в., явившейся продолжением птолемеевой Географии в послегуннское время, кавказские аланы состояли из нескольких племен (ас-дигор, ардозцы, овсуры, двалы, кудеты, чехои и др.), часть которых локализуется на южных отрогах Главного хребта. Там же проводит автор Географии и южную границу Алании, что ясно видно из следующих слов: «Река Дракон, отделяющая Абхазию от страны Егер (Мингрелии, древнегруз. Эгриси. – Ю.Г.), вытекает из Алании», поскольку истоки р. Ингур, с которой отождествляется р. Дракон «Армянской географии», действительно находятся на южных склонах Главного хребта. То же самое относится и к истокам Риона или древнего Фазиса. Как сообщал в последней трети XVIII в. кутаисский митрополит Максим; река «Рион протекает из Осетии внутрь Имеретии через г. Кутаис. Квирила также идет из Осетии, и от одного города Кутаиса в трех верстах соединяется с Рионом». О нахождении истоков р. Риона в Осетии сообщают и другие авторы XVIII–XIX вв. Сопоставление этих данных со сведениями «Армянской географии» VII в. показывает, что начиная по крайней мере с последних веков до н.э. и вплоть до позднего средневековья южные отроги Центрального Кавказа были такой же территорией расселения алан-осетин, как и северные предгорья Кавказа.

Таким образом, данные античных, древнеармянских и древнегрузинских источников однозначно свидетельствуют о том, что начиная с последних веков до н.э. северную часть Закавказья или южных отрогов Центрального Кавказа населяли преимущественно племена скифо-сарматского происхождения, т. е. позднейшие аланы или овсы (овсни) грузинских источников. Грузинские хроники называли их также собирательным названием **кавказни-кавказиани**, т.е. «кавказцы». В точном соответствии с этим южная граница Азиатской Сарматии Клавдия Птолемея и «Армянской географии» VII в., а позднее раннесредневековой Алании (Осетии) проходила к югу от Главного хребта.

В качестве конкретного племени, населявшего территорию южных склонов Центрального Кавказа, т. е. территорию, согласно Страбону, за-

нятую родственными скифам и сарматам племенами, средневековые грузинские источники называют двалов, имя которых идентично осетинскому племенному названию **туалы**.

Кто же такие туалы-двалы? Туалами (осет. «туал, туаллаг») осетины называют в первую очередь тех своих соплеменников, которые живут в высокогорных районах Центральной Осетии в верховьях р. Ардон, начиная от Касарской теснины в Алагирском ущелье и кончая Главным Кавказским хребтом. Сюда входят Касарское и Мамисонское ущелья, Зарамагская и Нарская котловины, а также ущелья сел. Тиб, Згил, Зруг, Закка и ряд других. Эту территорию, весь Наро-Мамисонский регион, осетины называют общим именем Туал или Туалгом (букв. «Туальское ущелье»), в русской литературе известный преимущественно под названием Туалетии. Район, примыкающий к Туалу на южной стороне хребта, осетины называют «**Урстуалтæ**» – «Белые туалы» или «Белая Туалия». Урстуалта включает в себя территорию в верховьях Б. Лиахвы от сел. Згубир на юго-западе до Кельского озера и Кадласанского перевала на северо-востоке. Сюда относятся селения Едыс, Брытат, Челиат, Ерман, Кабузта, Ходз, Гæлуата и ряд др.

Туалы хорошо известны и в осетинском фольклоре, где они предстают в качестве одной из этнографических групп осетин. В этом отношении фольклорные данные полностью соответствуют показаниям письменных источников.

Исследователи, занимавшиеся историей осетинского народа, традиционно рассматривали двалов как одно из осетинских племен (Гюльденштедт, Клапрот, Сен-Мартен, Пфафф, В. Ф. Миллер, К. Кекелидзе, С. Какабадзе и др.). Основанием для этого служила, во-первых, принадлежность двалов к осетинам, подобно куртатинцам, тагаурцам, алагирцам, дигорам, джавцам, ксанцам и другим этнографическим группам осетинского этноса, и локализация территории Туалетии в Центральной Осетии, в окружении других этнографических групп осетин, во-вторых, а также отсутствие каких-либо существенных различий между говором туалов и других осетинских этнографических групп, исключая дигоров. Эта точка зрения зиждилась на данных письменных источников, языка, этнографии и фольклора.

Попытку поставить под сомнение осетинскую принадлежность средневековых туалов (двалов) первым в грузинской историографии предпринял Д. В. Гвретишвили в опубликованной в 1949 г. статье «К вопросу об этнической принадлежности двалов и времени переселения осетин (в Картли)». Цель исследования была сформулирована предельно ясно: «Если мы признаем двалов за осетин, то, естественно, мы должны со-

гласиться с тем, что осетины с древнейших времен живут на южных склонах Главного Кавказского хребта; но если подтвердится, что двалы и осетины отличны друг от друга, то тогда и вопрос о переселении осетин потребует другого решения»⁹. На основании ошибочной трактовки сведений Вахушти Багратиони (XVIII в.) о «древнедвальском языке», Д. Гвретишвили отнес этот язык и его носителей к черкесской (адыгской) группе, а появление осетин на южных склонах хребта датировал второй половиной XIII в., связывая этот процесс с нашествием монголов¹⁰.

Еще дальше пошел В. Н. Гамрекели. В специальной монографии, посвященной этнической принадлежности средневековых двалов, он пришел к заключению, что двалы, будучи сначала «обособленным иберокавказским племенем, ближе всего стояли к группе вайнахских племен». При этом, по его утверждению, под вайнахскими племенами в данном случае следует разуметь не современных чеченцев и ингушей, а «те этнические единицы иберокавказской природы, из которых позже сложилась вайнахская народность». Соответственно, начало появления осетинского элемента на юге он датировал XV–XVI вв., в результате чего и произошла, по его мнению, ассимиляция двалов осетинами к началу XVIII в.¹¹

Основным аргументом сторонников неосетинской принадлежности средневековых двалов является факт раздельного упоминания двалов и осетин в ряде письменных источников. Вряд ли надо особо доказывать, что указанный факт не может служить серьезным аргументом в этом вопросе, ибо в условиях племенной раздробленности, характерной для всего средневековья, многообразие этнической номенклатуры в рамках одного и того же этноса является более чем закономерным явлением. Наглядным подтверждением этого факта может служить этническая история любого из кавказских народов, наименования отдельных этнографических групп которых сохранились вплоть до наших дней, сосуществуя естественно с общим названием этих народов. Это в равной степени относится к грузинскому (имеретины, гурийцы, кахетинцы, картлийцы, мегрелы, сваны), осетинскому (ироны, дигоры, тагаурцы, куртатинцы, алагирцы, туалы, джавцы, ксанцы), вайнахскому, адыгскому и другим кавказским этносам.

Казалось бы, все это бесспорные истины, на доказательстве которых и не следовало останавливаться. Тем не менее, именно на указанном факте пытаются обосновать этническое различие средневековых двалов и осетин сторонники этой точки зрения. При этом весьма показательно, что такой «метод» исследования сторонники этой точки зрения применяют исключительно к проблеме соотношения между двалами и осетинами и не распространяют его на другие племенные названия, встречающиеся в тех же источниках. Делается это, конечно, не случайно, ибо аналогичный

подход и к другим племенным названиям сразу же выявляет как научную несостоятельность такого подхода, так и очень своеобразный метод цитирования источников.

Вот лишь несколько показательных примеров. Ссылаясь на армянского автора первой половины XV в. Фому Мецопского, Д. В. Гвретишвили пишет, что, по его мнению, в Грузии живут: двалы, осетины и т. д., что, якобы, свидетельствует об отмеченном армянским автором отличии двалов и осетин¹². Однако Д. В. Гвретишвили не только неточно цитирует Фому Мецопского, но фактически искажает сведения последнего. В действительности же Фома Мецопский называет нижеследующие языки или народы Грузии, которые Баграт V якобы обещал Тимурленгу обратиться в мусульманство и подчинить ему. «Они следующие: двалы, осетины, имеретины, мегрелы, абхазы, сваны, иберы, месхы».

Но если эти сведения могут служить доказательством этнического различия двалов и осетин, то естественно возникает вопрос – почему они в таком случае не являются таковыми в отношении иберов (картлийцев), имеретин, месхов, не говоря уже о мегрелах и сванах, языки которых существенно отличаются от грузинского (картлийского), хотя и принадлежат к одной языковой семье? Совершенно очевидно, что сообщение Фомы Мецопского при всем желании не может служить доказательством этнического различия двалов и осетин. Надо полагать, что Д. В. Гвретишвили прекрасно это понимал, чем и объясняется его сознательное искажение сведений средневекового армянского автора. Между тем именно на таких «доказательствах» строится вся концепция этнического различия двалов и осетин.

Другой пример. Ссылаясь на «Армянскую географию» VII в., Д. В. Гвретишвили утверждал, что «Армянская география» ничего не говорит об идентичности двалов и осетин. Наоборот, она считает их равноправными племенами...» Как доказательство наличия в высокогорной зоне Центрального Кавказа «особой этнической единицы» трактует факт упоминания двалов в «Армянской географии» и Дж. Гвасалия.

«Армянская география» действительно ничего не говорит о принадлежности двалов к аланам, как, впрочем, и против таковой. Но она равным образом ничего не говорит и о принадлежности тех или иных племенных названий, к примеру, к картвельской, вайнахской, дагестанской или сармато-аланской этническим общностям. Единственным исключением здесь является, кажется, лишь недвусмысленное отнесение к аланам племен **ашдигор**, т. е. осетин-дигоров: «...народ аланов-ашдигор». Во всех остальных случаях автор «Армянской географии» VII в., строго следуя поставленной перед собой целью, в основном перечисляет бытовав-

шие в Азиатской Сарматии, основную часть которой в этот период составлял Центральный Кавказ, племенные названия, не останавливаясь специально на их этнических связях или этнической принадлежности.

Поэтому, если на основании данных «Армянской географии» рассматривать двалов в качестве «особой этнической единицы», что подразумевает наличие у них особого языка, отличного от осетинского, то, следуя подобной методологии, каждое из племенных названий, упомянутых географией в данном регионе, также следует считать «особой этнической единицей». Вряд ли надо специально доказывать, что это в корне противоречит фактическому состоянию этноязыковой ситуации на Центральном Кавказе и Кавказе в целом в раннем средневековье. Достаточно сказать, что в таком случае следует признать, к примеру, отличными друг от друга в этническом смысле аргветцев, такуерцев, рачинцев (хебуров) и поставить под сомнение их принадлежность к картвельскому этносу. Однако такой вывод делается только в отношении двалов, т.е. является выборочным, субъективным и, следовательно, ошибочным, не отражающим существо цитируемого источника.

Впрочем, в отношении двалов «Армянская география» позволяет сделать и более конкретные выводы. Дело в том, что из данных Географии совершенно четко следует, что в эпоху раннего средневековья территория Алании, как и понятие Азиатской Сарматии, распространялась и на южные склоны Центрального Кавказа. Речь идет о том месте Географии, где говорится, что р. Дракон, отождествляемая с современным Ингуром, которая «отделяет Абхазию от страны Егер (Эгриси, Мингрелия. – Ю.Г.), вытекает из Алании».

Примеров раздельного упоминания племенных названий одного и того же этноса в одних и тех же средневековых письменных памятниках можно привести не один и не два. Ограничусь несколькими примерами из грузинских источников. Рассказывая о приеме, устроенном Тамарой и Сосланом-Давидом в честь владетеля Аррана Амир-Мирмана и Ширваншаха Ахсартана перед Шамхорским сражением, первый историк царицы Тамары пишет: «При въезде в Тбилиси им вышли навстречу овсы (осетины) и новые кипчаки; затем эры и кахи, затем картвелы, затем месхи и торельцы, шавш-клардж-таойцы, затем сомхитары, затем абхазы и сван-мегрел-гурийцы вместе с рача-такуер-маргуетцами и у ворот дворца – знать и царедворцы». А второй историк Тамары, описывая попытку Юрия Боголюбского вернуть себе власть, пишет: «В это время небольшое восстание устроили имеры и сваны... И привезли с собой русского, дабы снова воцарить его. Месхов тоже побуждали присоединиться к ним, но не смогли этого добиться... Восставших обратили в бегство...»

Но ведь на основании этих и аналогичных данных не делается вывод об этническом противопоставлении отдельных картвельских племен и этно-территориальных групп. Возникает, естественно, вопрос, почему же в таком случае такой вывод делается в отношении осетин и двалов? Это тем более поразительно, что как разобранные выше источники, так и другие, не дают для таких выводов никаких оснований. Эти источники, рассказывая о тех или иных политических событиях или описывая регионы Кавказа, в основном фиксируют существовавшие тогда отдельные племена и этно-территориальные группы и не ставят себе целью выяснение их этнических взаимосвязей и генетических корней. Вопросы же их этногенеза и этнической истории решаются на основании тех конкретных данных, которые специально этого касаются, лингвистических показаний и последующей фиксации таких племен и групп в составе того или иного кавказского этноса.

Что же касается конкретно средневековых двалов, то имеющиеся по данному вопросу источники, в первую очередь грузинские, дают вполне достаточный и показательный материал, касающийся их этнической принадлежности и взаимосвязей с осетинским этносом.

Из средневековых грузинских источников наиболее важное значение для исследуемой темы имеет «Памятник эриставов (Дзегли эриставта)» – фамильная летопись ксанских эриставов или владельцев ущелья р. Ксани с притоками. Эта летопись, составленная на рубеже (или в самом начале) XV в., повествует о происхождении Ксанских эриставов и их взаимоотношениях с двалами в XIII–XIV вв. и представляет по сути единственный источник для изучения взаимоотношений Картлийского (Востоčno-Грузинского) царства и одной из его крупнейших феодальных сеньорий с горскими племенами и в первую очередь с двалами. При описании этих отношений летопись приводит довольно обширный материал, позволяющий судить о территории двалов, их социальном строе и языковой (этнической) принадлежности.

Согласно памятнику, Двалетией называлась территория преимущественно на южных склонах Центрального Кавказа, которая простиралась от Трусовского ущелья (осет. Тырсыгом) на северо-востоке до сел. Ачабети (в нескольких километрах севернее Цхинвала) на юго-западе. Территорию Центрального Кавказа к северу от Главного хребта, которая являлась основной территорией расселения средневековых туалов, автор летописи не относит к Двалетии. Это обстоятельство объясняется, видимо, ареалом распространения сферы интересов и влияния Ксанского эриставства, которая, естественно, не переходила на севере через Главный хребет.

Двалетия, согласно тому же памятнику, делилась на Верхнюю (Магран-Двалети) и Нижнюю, соответственно и население ее делилось на «верхних двалов» (магран-двални) и «нижних двалов» (квемо-двални), или «нижних горцев» (квемо-мтиулни). Из числа населенных пунктов верхних двалов при описании похода эристава Виршела против двалов в конце XIV в. ПЭ называет сс. Брытат (Брутасшвилни), Челиат и Кабузта (Келеуркабушурни), Сохс и Тцубен (сосхоел-тцубенисхевелни), Ходз и Тцайтæ (ходжа-тцаелни), из числа нижних – Кусджыта (Кошкеби), Тли и Мугут (тливел-мугисвелни), Згубир и Рук (згубирел-рокаелни).

Сравнение ойконимов верхних двалов с ныне существующими населенными пунктами показывает, во-первых, что в этом регионе, начиная со средневековья, область Магран-Двалети не идентична Урстуалта в верховьях Б. Лиахвы, как это принято в литературе, начиная с Гюльденштедта, а занимала более обширную территорию. Включение в состав Магран-Двалети сс. Тцайтæ, Тцубен, Цхавата, Кара, локализуемых в верховьях рр. Лехура и Ксани, а также Сохс и Рук, находящихся западнее Урстуалта, показывает, что Магран-Двалети обнимало территорию горной зоны Южной Осетии, начиная от верховьев р. Ксани на востоке до Сохса, находящегося западнее Рукского перевала. Автор ПЭ именует Магран-Двалети «Верхней стороной» – «Земо мхаре», что подтверждает этимологию «Магран-Двалети» как «Верхняя Двалетия».

Анализ представленных в ПЭ топонимических названий дает прекрасную возможность проверить категорическое утверждение авторов брошюры «Исторические и политико-правовые аспекты грузинско-осетинского конфликта» о том, что «на территории бывшей автономной области нет ни одного исторического памятника осетинской материальной культуры, **все исторические топонимы – грузинские** (подч. мной. – Ю.Г. С. 13)». Приблизительно то же самое утверждает и К. Харадзе, один из авторов «Осетинского вопроса»: «Исторические источники, памятники материальной культуры, расселение населения и по сей день сохранившиеся географические названия свидетельствуют о том, что на всей территории Шида Картли (автор включает в это понятие и Южную Осетию, что далеко не одно и то же. – Ю.Г.) **вплоть до XVIII в. были распространены только грузинские топонимы**» (подч. мной. – Ю.Г. С. 151).

Не останавливаясь здесь на памятниках материальной культуры, ограничимся лишь вопросом – а кому принадлежат десятки и сотни типичных осетинских погребальных склепов – «западзов», для обозначения которых в грузинском языке не существует даже их оригинального названия¹³, и средневековых башен горной и предгорной зоны Южной Осетии? Что касается исторических топонимов, то вышеприведенные утверждения

восходят к В. Н. Гамрекели. Он утверждал, что «топонимическая номенклатура Магран-Двалети в «Памятнике эриставов» представлена двумя десятками названий, из коих ни одно не имеет ирано-осетинский облик; форма всех приведенных имен неосетинская. Даже учитывая возможную грузинизацию формы имен автором хроники и снимая грузинский налет с этих имен, все же под ними не обнаруживается, не чувствуется осетинская основа»¹⁴. Такое же утверждение содержится и в его специальной статье, посвященной анализу топонимики Двалетии¹⁵. Столь же категоричен и К. Харадзе, также полагающей, что на всей территории Шида-Картли, частью которой он считает Южную Осетию, вплоть до XVIII в. якобы «были распространены только грузинские топонимы»¹⁶.

Представленная в «Памятнике эриставов» топонимика действительно дает прекрасную возможность для выяснения наличия или отсутствия осетинской топонимики в горной зоне Южной Осетии, соответственно, этнической принадлежности двалов, т. е. средневекового населения данного региона. Эти данные тем более показательны, что, будучи зафиксированы в хронике, созданной на рубеже XIV–XV вв., они дают возможность судить не только об этнической ситуации XIII–XIV вв., событий которых касается ПЭ, но и предшествующих веков.

Согласно ПЭ, двалы южных склонов хребта делились на «верхних» (магран-двални) и «нижних» (квемо-двални). Из числа «верхних» упоминаются: брутасшвилни, келеур-кабушурни, сосхоел-тцубенисхевелни, ходжа-тцаелни; из числа «нижних» – кошко-иосебурни, тлевцы и мугисвельцы, згубиро-рокцы, Бобалетай, Цергъуе. Большинство упоминаемых в ПЭ топонимических названий, несмотря на их очевидную грузинизацию, сравнительно легко идентифицируются с ныне существующими ойконимами в верховьях Б. и М. Лиахвы, Ксани и смежных с ними ущелий. Сохранение до настоящего времени подавляющего большинства зафиксированных в ПЭ топонимов свидетельствует об отсутствии в горной зоне Южной Осетии какой-либо существенной смены населения или изменения его этнического состава, по крайней мере с XIII–XIV вв., которые охватывает хроника.

Анализ представленной в ПЭ топонимической номенклатуры показывает, что подавляющая ее часть не только легко идентифицируется с современными ойконимами, но и без особых усилий этимологизируется по-осетински.

Так, в патронимическом названии **Брутасшвилни** – «Брутаевы» легко распознается название с. Брытат, расположенного в Урстуалта, в основе которого действительно лежит название патронимии **Брытъатæ** – Бритаевы, которое грузинский хронист правильно перевел как **Бру-**

тасшвилни. В парном названии **келеур-кабушурни** так же легко распознаются названия сел Челиат и Кабузта, расположенных в том же регионе. В основе первого также лежит название патронимии **Челита** «Челиевы», в основе второго – **къабуз** «отросток» или, возможно, **къабаз** с близким значением – «ветвь», «ответвление». Судя по всему, автор хроники хорошо знал местные условия. Это, в частности, видно из того, что названия Брытъатæ и Къабузтæ, несмотря на внешне одинаковую форму этих названий, выражающуюся в показателе множественности **-тæ**, которым они оканчиваются, он переводит в точном соответствии с их реальным значением – в первом случае как название патронимии **Брутасшвилни**, а во втором как **Кабушурни** («кабузцы»), т. е. жители сел. Кабузтæ.

Точно так же второе парное название «верхних» двалов **ходжа-тцаелни** нетрудно сопоставить с названиями сел. Ходз и Тцай (Тцайтæ). Первое из них расположено также в Урстуалта, у его северо-восточной окраины, а второе – в верховьях р. Меджуды, одного из правых притоков М. Лиахвы, т. е. вне пределов Урстуалта. Название Ходз не этимологизируется, кажется, ни из осетинского, ни из соседних языков. Что касается Тцай, то оно аналогично патронимии **Тцайтæ** «Чиавы», которые и ныне населяют его, с ясной осетинской этимологией – **тцай**, что по-осетински означает сукровицу. Название этого села известно и из «Мученичества Николая Двала» (первая половина XIV в.), происходившего из этого села. Попытка Гамрекели В. Н., считавшего, что село с таким названием якобы не существует в бассейне Б. Лиахвы, связать это название с данными нахских языков¹⁷, в свете вышесказанного представляется неубедительным.

Если вышеприведенные парные названия топонимов «верхних» двалов находятся на сравнительно небольших расстояниях друг от друга и, за исключением сел. Тцай, четко локализируются в Урстуалта, то этого нельзя сказать о топонимах **Сосх** и **Тцубен**, упоминаемых в ПЭ под именем **сосхоел-тцубенисхевни**, т. е. жителей Сосх и Тцубенского ущелья. Местность под названием Сосх, грузинской формой которого является, видимо, метатезированная форма Сосх, находится к западу от Рукского перевала и упоминается В. Б. Пфаффом как одна из вершин Центрального Кавказа¹⁸. Этимология затемнена. Близкие по звучанию топонимы отмечены Гамрекели в Лечхуми – «гора Зесхо» и в Раче – «Жешхо»¹⁹, однако для этимологии разбираемого имени мало что дают. Поскольку в ПЭ именем Сосхо называется гора на территории «верхних» двалов или в непосредственной близости от нее, то можно предположить, что Сосхо является усеченной формой от осет. «**Сос-хох** «гора Сос» и значит «молчаливая гора», как однотипно называется липа – «сос+гъæд», т. е. «молча-

ливое дерево», хотя горы под таким названием на современных картах, кажется, не значится.

Что касается топонима Тцубен, то в настоящее время селение с таким названием имеется в ущелье р. Лехура, правого притока Ксани, т. е. сравнительно далеко от Урстуалта. Этимология затемнена. В. Н. Гамрекели и в этом случае пытался объяснить это название из нахских языков. По его мнению, на основании данных современного чеченского языка это название может быть объяснено как «Тцу-бене «местопребывание божества», в котором бене могло означать «жилище», «квартал» и т. п.²⁰ Но в таком случае оно в точности соответствует осет. **бын** «основание», «место» и т. д., слову, относящемуся к исконному словарному фонду осетинского языка и имеющему широкие соответствия в иранских языках²¹. Поэтому, если в первой части топонима Тцубен действительно присутствует нахское название божества, то топоним в целом следует рассматривать как нахско-осетинский.

Из числа «нижних» двалов ПЭ первым называет кошкинцев и иосебурцев (кошкел-иосебурни). В первом названии под грузинской формой легко распознается ойконим Къусджытæ (букв. «ниши», ед. число – «къуск»), как называется родовое село фамилии Гаглойтæ, являющейся ветвью рода Агузата, одного из трех ведущих родов Центральной и Южной Осетии. В Къусджыта находится и родовое святилище Мыкалгабырта, имени архангелов Михаила и Гавриила, покровителей христианского войска. Этому святилищу поклонялись фамилии родов Агузата на юге и Царазонта на севере, с которыми связывалась вторая или военная функция в трехфункциональном делении древнеосетинского социума. С этим названием связана генеалогическая легенда о происхождении фамилии Гаглойта и основании данного села родоначальником фамилии. Слово имеет надежные иранские соответствия и получило распространение и в европейских языках, к нему же восходит и груз. **кошки** «башня»²². В средневековых грузинских документах Кусджыта известны под названием **кошкеби** «башни», хотя там никаких башен нет, что также свидетельствует о переосмыслении автором хроники осет. Къусджыта на грузинский лад.

Иосебурни отождествлению не поддается ввиду отсутствия в настоящее время на данной территории соответствующего топонима или патронимии. В тлевцах и згубиро-рокцах, наименования которых также происходят от ойконимов, легко просматриваются названия современных Тли, Згубир и Рук, расположенных недалеко друг от друга в верховьях Б. Лиавы у юго-западных границ Урстуалта.

Что касается названия мугисвельцев, то оно, по-видимому, является усеченной формой от груз. **мугутисвелни**, т. е. «жителей Мугутской долины». В пользу этого говорит в первую очередь существование сел.

Мугут к югу от Къусджытæ, которое зафиксировано и у Вахушти: «Немного выше Мугута Лиахва поворачивает (к востоку) и в нее впадает Кошко-хеви». Название сел. Мугут образовано по тому же принципу, что Брытат, Челиат, Болатат, Додот и т.д., т.е. является по своему происхождению патронимическим. Правда, в настоящее время существование в Южной Осетии фамилии Мугута не зафиксировано, однако она встречается среди дигорских родовых имен – Мугута, т.е. Мугуевы. По-видимому, название Мугут является одним из тех «дигоризмов», которые отмечал в юго-осетинском Г. С. Ахвледиани²³.

На территории «нижних» двалов автор хроники упоминает и ойконим **Цергъуе**, называя его вместе с принадлежащим фамилии Бибылтæ (Бибиловых) сел. Тли (тли бибилуртæ). В. Н. Гамрекели, как и в других случаях, пытался объяснить это название из нахских языков, привлекая в качестве параллелей такие топонимы, как **Черх-корт**, название горы в верховьях р. Ассы в Ингушетии (корт «гора» в кистинском) и **Черхъен** – название горы между рр. Гехи и Мартан. Для этимологии названия он привлек и факт обозначения в хевсурском и тушинском верхнего этажа дома **тчерхо**, видя в этом идентичность корней приведенных им примеров и их принадлежность к «иберийско-кавказскому» языковому кругу²⁴.

Обратись, однако, В. Н. Гамрекели к местным примерам и осетинскому языку, поиски этимологии разбираемого слова оказались бы куда успешнее. Во-первых, только в рассматриваемом регионе существуют три святилища **Цыргъы-дзуар** «святилище клинка»²⁵. Это название невольно заставляет вспомнить сведения античных авторов о поклонении скифов и алан богу войны в образе меча, воткнутого на специально сооружаемом кургане (Геродот, Аммиан Марцеллин). Практически оно почти идентично упоминаемому в ПЭ Цергъуе, причем одно из указанных святилищ находится в районе сел. Рук, т.е. на территории «нижних» двалов. Во-вторых, что тоже показательно, приводимые В. Н. Гамрекели названия гор в Ингушетии, не объясняемые им из вайнахского, легко объяснимы из осетинского (Черх-корт «острая гора») и могут служить примерами аланской топонимии к востоку от Осетии, о чем в свое время писал Б. А. Алборов. В любом случае топоним Цергъуе и фонетически и семантически этимологизируется из осетинского языка.

Что касается Тли Бибилуровых, то следует отметить, что груз. Бибилури является калькой осетинского названия фамилии Бибылта (Бибиловы). Как явствует из данных ПЭ, двалы согласились принять родоначальников позднейших ксанских эриставов Ростом и Бибилу с одним условием – назваться именем той местности, которая будет им выделена. «Тогда дали им местность Бабалетæй и назвали их Бибилурами». Нетруд-

но догадаться, что как название топонима Бабалетæй, так и фамильное имя Бибилури, упоминаемые в ПЭ, являются грузинизированными формами осетинского фамильного имени Бибылта (Бибилковы), получившими свое название от имени младшего брата. Хотя фамилия Бибылтæ является одним из колен рода Сидамонта, однако в историю она вошла под именем Бибилури. Как отмечает Вахушти Багратиони, ксанские эриставы «возводят свой род к Бибилурам...»²⁶.

Таким образом, из шестнадцати топонимических названий «верхних» и «нижних» двалов, упоминаемых в ПЭ, более половины этимологизируются по-осетински. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы сделать вывод о наличии в XIII–XIV вв. в данном регионе осетинского населения и о принадлежности двалов к осетинам. В связи с этим весьма показательным, что большинство указанных топонимов не были даже упомянуты в указанной статье В. Н. Гамрекели, ничего не говорит о них и К. П. Харадзе, посвятивший, как отмечалось выше, специальную статью происхождению и формированию топонимов Южной Осетии.

Полемизируя с моими выводами об осетинском происхождении большинства представленных в ПЭ топонимов, К. Харадзе утверждает, что «в тезисах доклада Ю. Гаглойти, напечатанных в материалах Второй республиканской конференции по ономастике²⁷, названия из вышеупомянутого источника (имеется в виду «Памятник эриставов». – Ю.Г.) выписаны неверно, следовательно, и сделанные выводы оказались неточны»²⁸. Казалось бы, чего же проще – приведи хотя бы неверно выписанные из ПЭ названия, не говоря уже об их этимологиях. Однако К. Харадзе, как это ни странно, **не приводит ни одного примера**, могущего подтвердить его полемический выпад. Не приводит, естественно, по той простой причине, что все анализировавшиеся мной названия ПЭ были выписаны в точном соответствии с их грузинским оригиналом и существующими русскими переводами, что К. Харадзе, конечно, не мог не видеть. Поэтому уже не кажется странным, когда в вышеупомянутой статье автор не приводит ни одного примера из «Памятника Эриставов», топонимические названия которого являются прекрасным материалом для суждения об этнической принадлежности средневековых двалов.

Однако ПЭ содержит не только топонимический материал, позволяющий судить об этом. Во-первых, это само название двалов. В ПЭ оно фигурирует в двух видах: **двал-ни** и **двал-та**, которые отличаются друг от друга лишь своими окончаниями, являющимися показателями множественности. В первом случае это хорошо известный, наряду с **-еби**, показатель множественности в грузинском **-ни**, во втором – столь же хорошо известный осетинский показатель множественности **-тæ** в грузин-

ском оформлении **-та**. Ясно, что наличие в одном и том же источнике двух форм имени двалов свидетельствует о том, что во втором случае мы имеем дело с калькой осет. **туалта** «туалы» и еще не завершившимся переходом осет. **туал** в **двал-и**.

Этот переход, кроме всего прочего, видимо, объясняется и фактором семантического порядка, а именно – омонимическим отталкиванием. Дело в том, что в грузинском имеется исконное **туал-и** «глаз», имеющее и ряд других значений – драгоценный камень, источник и т. д. Ясно, что в этих условиях осет. **туал** не могло долго сохраняться в грузинском и должно было перейти в дуал-та, дуал-ни, совр. двал-ни, что мы и имеем в настоящее время. Первичность осет. **туал** можно проследить как по данным Вахушти, у которого, наряду с Дуалети, встречается и Дуал (осет. Туал), так и фамилиям Туалели, Туалашвили рядом с Двали, Дваладзе, Двалашвили – Двалишвили, имеющими в своей основе название туал-ов-двалов.

Наряду с именем двалов ПЭ упоминает и одно из подразделений двалов – **шавдвални** (букв. «черные двалы»). Это название также является калькой осетинского **саутуал** «черные туалы», **«сау туаллаг** «черный туалец». В осетинской среде «черными туалами» называют жителей верховьев р. Ардона. Имя это хорошо известно как в осетинском фольклоре, так и в поэзии. Оно встречается, например, у поэта Нигера (Ив. Дзанайты), выходца из туалльской среды: «Расскажи-ка мне, как черный туалец семенит по Касарскому ущелью с однорогими быками»²⁹.

Именно по такому принципу, надо полагать, образовано и этнотерриториальное название **Урстуалта** «Белые туалы», как называется небольшой регион в верховьях Б. Лиахвы в Южной Осетии. Хотя это название и не встречается в ПЭ или у Вахушти Багратиони, однако не подлежит сомнению, что оно столь же древнего происхождения, как и само имя туал-ов (двалов), и является органической частью исторической этнотопонимики Туала. Пытаясь объяснить это название из нахских языков и возражая против осетинской этимологии этого имени, В. Н. Гамрекели утверждал, что «не видно реалий для подобной семантики топонима»³⁰. Стоило, однако, сопоставить это название с груз. **шавдвални** и осет. **саутуал**, как осетинская этимология имени Урстуалта, безупречная как с фонетической, так и семантической точек зрения, становится более чем очевидной.

Как показывает сравнительный историко-этнографический материал, термины «белый» и «черный» применительно к племенным названиям употреблялись, как правило, в социальном смысле. «Белые» – это свободные общинники или верхи общества. Таковыми, к примеру, являются «белые сербы» у Константина Порфирородного (X в.), целый ряд древнеосетинских (скифо-сарматских) племенных названий типа

роксоланы «светлые аланы», **аланорсы** «аланы белые», **аорсы** «белые» и т. д. «Черные» же – это социально зависимая часть общества. Показателями этого могут служить, к примеру, русское «черный люд», тюркское «кара халк», осетинское «сау адаэм» и т. д. Именно к такому типу племенных названий, со временем трансформировавшихся в топонимы, относятся названные **саутуалта** «черные туалы» и **урстуалта** «белые туалы», что делает безупречной осетинскую этимологию топонимии Урстуалта.

Таким образом, из упомянутых в ПЭ топонимических названий горной зоны Южной Осетии более половины имеют безупречную осетинскую этимологию, другая часть или имеет осетинское звучание или же не поддается этимологизации ни на осетинском, ни на вайнахских языках. Наличие осетинской топонимики в указанном регионе, отмеченное в созданном на рубеже XV в. ПЭ, повествующем о событиях XIII–XIV вв., ясно свидетельствует о наличии осетинского населения на южных склонах Центрального Кавказа в указанный период. Эта же топонимика служит одним из доказательств осетиноязычности двалов, хотя и не предпринимает его.

Однако о наличии осетинского населения в указанном регионе в средневековье и осетиноязычности двалов свидетельствуют и другие данные ПЭ. Это в первую очередь употребление автором ПЭ имени двалов в именительном падеже множественного числа в двух формах – **двал-ни** и **двал-та**. В первом случае в окончании имени двалов мы имеем показатель множественности в грузинском **-ни** (наряду с **-еби**), во втором случае – показатель множественности в осетинском **-тæ**. Из одиннадцати случаев упоминания имени двалов во множественном числе автор ПЭ в пяти случаях употребляет форму **двалта**, т. е. в точном соответствии с первоисточником – осет. **туалтæ**. Этот факт ясно свидетельствует о том, что лиахвские двалы, подобно своим северным соплеменникам, называли себя туалами, как называют себя и сейчас жители Наро-Мамисонской котловины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. ЦАГАРЕЛИ А. Грузия. Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона, т. IX А, 1893. С. 796; Джанашия С. Труды (на груз. яз.). Тбилиси, 1949. С. 148–149; Болтунова А. И. Об этническом составе эллинистической Иберии по данным литературной традиции. КСИИМК, XXIV, 1949. С. 20; ЕГО ЖЕ: Рабовладельческие государства Закавказья в последних веках до н. э. и их борьба с экспансией Рима. «Очерки истории СССР». М., 1956. С. 425; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. С. 149.

² ГАГЛОЙТИ Ю. С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья. ИЮОНИИ. Вып. XI, 1962. С. 166.

³ КЕКЕЛИДЗЕ К. С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонтия Мровели. «Труды», т. III, Тбилиси, 1955. С. 98.

⁴ ЦУЛАЯ Г. В. Леонтий Мровели. «Жизнь картлийских царей», М., 1979. С. 43–41, пр. 7; ЕГО ЖЕ: Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели (Этнокультурный аспект). «История СССР», № 4. 1987. С. 183.

⁵ Картлис цховреба, т. I. С. 12.

⁶ ТАКАЙШВИЛИ Е. Описание рукописи общества распространения грамотности среди грузин (на груз, яз.), т. II, вып. IV. С. 723.

⁷ Картлис цховреба, т. I. С. 28.

⁸ Там же, т. IV. С. 653.

⁹ ГВРИТИШВИЛИ Д. В. Очерки по истории Грузии XIII–XIV вв. (на груз, яз.), Тбилиси, 1962. С. 271–272.

¹⁰ Там же. С. 270–275.

¹¹ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. Тбилиси, 1964.

¹² ГВРИТИШВИЛИ В. Д. Цит. раб. С. 271.

¹³ Груз. **аклдама** «склеп», судя по всему, заимствована из древнееврейского, где **аклдама** – «земля крови».

¹⁴ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. С. 120.

¹⁵ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу топонимики Двалети (на груз. яз.). Труды Института истории АН ГССР, т. IV, вып. I, 1958. С. 45–70.

¹⁶ ХАРАДЗЕ К. П. Происхождение и развитие топонимов Шида Картли// Осетинский вопрос, Тбилиси, 1994. С. 181.

¹⁷ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу топонимики Двалети. С. 52–53.

¹⁸ ПФАФ В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии, ССК, т. I. 1871. С. 155.

¹⁹ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

²⁰ Там же. С. 56–57.

²¹ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С. 278–279.

²² Там же. С. 642–643.

²³ АХВЛЕДИАНИ Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку, т. I, 1963. С. 58.

²⁴ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

²⁵ См: ЦХОВРЕБОВА З. Д. Материалы по топонимике и гидронимике Южной Осетии. ИЮОНИИ, вып. XVI, 1969. С. 179.

²⁶ Картлис цховреба, т. IV. С. 34.

²⁷ ГАГЛОЙТИ Ю. С. К изучению топонимики Двалети (по данным «Дзегли Эриставта»), Тез. докл. II респуб. науч. конф. по ономастике, Тбилиси, 1989. С. 43–44.

²⁸ ХАРАДЗЕ К. П. Цит. раб. С. 160.

²⁹ НИГЕР. Полн. собр. соч. Т. I. Дзауджикау, 1965. С. 34.

³⁰ ГАМРЕКЕЛИ В. Н. К анализу... С. 61.

YU.S. GAGLOYTI

**THE INFORMATION OF STRABO ABOUT
THE HIGHLANDERS OF ELLINISTIC IBERIA**
(Izvestia YUONII after z.n. VANEEV. vol. XXXV, 1998)

SUMMARY

The first reliable written sources about South Ossetians refer to the last ages B.C. This was a period of intensive intrusion of the Sarmatian tribes into the mountains of the Central Caucasus, which had been accompanied by their settling on the southern declivity of the Main Caucasian range.

The Medieval georgian sources pointed “Dvals”, which name is identical to Ossetian tribal name “Tual” (one of the ethnographic groups of Ossetians) as a concrete tribe, inhabited the territory of the southern declivity of the Central Caucasus i.e. the territory, according to Strabo, hold by relative tribes – Scythians and Sarmatians.

More than a half from “Eristav Monument's” toponomical names of the mountain zone of the South Osetia has perfect Ossetian etymology, the other part has either Ossetian sounding, or can't be explained from neither Ossetian, nor Vainah languages. From the eleven references of the name “Dvals” in plural the author of the georgian medieval source in five cases used the form “Dvalta” i.e. in exact correspondence with Ossetian “Tualta”. This fact clearly indicates that Liahvian “Dvals”, like their northern relatives called themselves “Tual”, the name which is presently used by the inhabitants of Naro-Mamison hollow.

К. К. КОЧИЕВ

**ОПЫТ ОСЕТИНОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ
К РАССКАЗУ ГЕРОДОТА ОБ ЭКСАМПЕЕ
И КОТЛЕ АРИАНТА**

Среди обширного наследия античной традиции о племенах скифо-сарматского круга Скифский логос Геродота занимает особое место в качестве основного письменного источника в том, что касается сведений о религии и мифологических представлениях ираноязычного населения Северного Причерноморья. Естественно, что те главы IV книги его «Истории», где передаются услышанные им легенды о происхождении скифского племени, рассказывается о скифских божествах и религиозных обрядах, подвергались тщательному всестороннему анализу несколькими поколениями специалистов. Сведения Геродота сопоставлялись с данными родственных традиций, археологическими и этнографическими материалами, данными фольклора, подвергались лингвистическому анализу. Все это в совокупности позволяет представить картину мировоззрения скифских племен с достаточно большой степенью достоверности, хотя далеко не в полном объеме, что связано в первую очередь с немногословностью Геродота в том, что касается этой темы. Представляется, однако, что реконструкция идеологических воззрений скифов может быть существенно дополнена через рассмотрение сведений Скифского рассказа Геродота в свете данных осетинской традиции. В настоящей работе мы намерены проиллюстрировать возможности этого подхода, уже успешно апробированного в трудах В. Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, Д. С. Раевского, Э. А. Грантовского, применительно к переданной Геродотом скифской легенде о царе Арианте (IV; 52, 81).

Рассказ Геродота

Описывая достопримечательности скифской страны, Геродот рассказывает о показанном ему огромном котле в местности Эксампей, который связывался скифским преданием с именем царя Арианта: «Пожелав

узнать численность скифов, их царь, имя которого было Ариант, приказал всем скифам, чтобы каждый принес один [наконечник стрелы]; а тому, кто не принесет, он угрожал смертью. Так вот было доставлено множество наконечников, и он решил оставить памятник, сделав его из этих [наконечников]. Из них он сделал именно этот медный котел и посвятил его в этот Эксампей» (IV; 81)¹.

Выше Геродот упоминает об Эксампее в описании Гипаниса (IV; 52), сообщая, что на расстоянии четырех дней плавания от устья Гипаниса в него впадает горький источник, «настолько горький, что он придает свой вкус Гипанису, одной из немногих больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов. Название источника и той местности, откуда он вытекает, – по-скифски Эксампей, на языке же эллинов – Священные пути».

Опыт исследования

Попытки толкования сообщения Геродота о котле царя Арианта в Эксампее предпринимались неоднократно. Еще М. Кислинг высказывал предположение, что в Эксампее находилось скифское святилище, что следует из самого слова Ἐξάμπαιος, переданного Геродотом в огреченной форме, но несомненно, указывающего на его скифское происхождение². С. А. Жебелев, поддержав это мнение, отмечал, что местонахождение подобного сосуда, возможно, указывает на существование скифского святилища в Эксампее. По мнению С. А. Жебелева, Геродот побывал в Эксампее, где лично видел котел Арианта, причем «в Эксампее Геродота, вероятно, привлекло любопытство посмотреть тот огромный медный сосуд, о котором упоминалось выше»³. Б. Н. Граков предполагал, что урочище Эксампей было, вероятно, местом каких-то собраний всего скифского народа, и, возможно, именно здесь справлялось общескифское празднование, о котором рассказывает Геродот (VI, 5-7). Сбор наконечников Ариантом он расценивал как попытку налогообложения⁴.

Ж. Дюмезиль в связи с котлом Арианта рассматривал сведения Нартовского эпоса: «В нартовских сказаниях осетин появляется также волшебный котел. Не память ли это о древних ритуальных котлах?» и «Является ли этот огромный бронзовый сосуд скифов или другие аналогии прототипами огромного и чудесного котла Нартов? Во всяком случае, в его культовом назначении не приходится сомневаться: скифский царь "посвящает" (ἀναθεῖναι) сосуд местности, именуемой "Священными путями" и расположенной близ горьких вод, магическую и зловещую славу которых фольклор донес и до наших дней, если в горьком роднике Геродота

признать некий приток Буга, древнего Гипаниса, называемый Мертвоводом»⁵.

Анализируя сообщение Геродота о празднике, связанном со священным золотом скифов, Д. С. Раевский рассматривает нахождение котла Арианта в местности Эксампей в качестве указания на то, что этот праздник проводился в Эксампее, отмечая, что «Размеры сосуда не оставляют сомнения в его ритуальном назначении, а его происхождение (...) указывает на общескифский характер этой святыни»⁶. По мнению Д. С. Раевского, скифский праздник был связан с солярным культом, новогодьем, знаменовал начало нового временного цикла и нового солнечного года, что соотносится с данными других древнеиндоевропейских традиций. В различных традициях весенний праздник древних индоевропейцев привязывался к весеннему равноденствию и включал огненный ритуал. Содержание ритуала определялось представлением о необходимости ежегодного обновления мира посредством действий, воспроизводящих сакральный акт первотворения. Объезд священной местности человеком, выступавшим в роли сакрального заместителя скифского царя, в котором воплощался образ солярного героя Колакся, и священное бракосочетание «царя» с богиней огня Табиты, входившие в праздничный ритуал, были призваны обеспечить возобновление космического порядка.

При этом Д. С. Раевский, рассматривая сообщение Геродота о том, что Скифия представляет собой четырехугольник, считает это представление отражением мифологической модели организованного мира, а Эксампей – сакральным центром этого четырехугольника: «Урочище Эксампей, таким образом, по данным Геродота, располагается в геометрическом центре этого четырехугольника. Вряд ли это обстоятельство случайно. Выше уже отмечалось, что четырехугольная Скифия есть отражение представления об организованной Вселенной. В упорядоченном же мире, согласно архаическим представлениям, максимумом сакральности обладает именно центр мира, через который проходит *axis mundi* и где в начале мира совершился акт творения, приведший к созданию упорядоченного космоса...»

Показательно, что сам Геродот толкует название Эксампей как 'Священные пути'. Сакральные же свойства центра мира определяются прежде всего тем, что именно через него пролегает кратчайший путь, «связывающий землю и человека с Небом и Творцом». Именно «центр мира» является обычно местом проведения праздника, воспроизводящего в ритуале события «начала мира». Поэтому есть все основания полагать, что скифский праздник проходил именно в урочище Эксампей, а сообща-

емые Геродотом данные о местоположении этого урочища в значительной степени условны, так как подчинены не реальной географии, а концепции о четырехугольной конфигурации мира и его центре»⁷. Перевод со скифского названия Эксампея, даваемый Геродотом – ‘Ἱραὶ ὁδοί – ‘Священные пути’ (IV, 52) – в совокупности с сообщением о посвящении Ариантом его знаменитого котла рассматривается Д. С. Раевским как значимое подтверждение того, что данная местность была культовым центром Скифии.

Этимологический анализ

Однако в литературе до сих пор нет удовлетворительного объяснения скифского названия Эксампея. По мнению В. Ф. Миллера, это слово не поддается толкованию⁸. Предлагаемые в литературе этимологии игнорируют – полностью или частично – геродотовский перевод. К. Мюлленхофф, полагая что в Ἐξάμπαϊος ε в начале слова имеет привативный смысл, допускал, что первую половину слова можно понимать как ‘невредимый’, ‘неповрежденный’, а вторую часть возводил к иранскому слову со значением ‘путь, тропа’⁹. М. Фасмер считает неудовлетворительными все предложенные этимологии¹⁰. О. Н. Трубочев толкует скифское название Эксампея как ‘непригодная вода’ из др.-инд. *a* (‘не’) -*ksama* (‘пригодный’) -*paṇa* (‘вода, жидкость’)¹¹. Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский указывают, что точно такое же толкование возможно и на иранской почве из **a-xšama-paṇa* (с обычной передачей иран. *xš* через *ξ*)¹². К. Т. Витчак объясняет Ἐξάμπαϊος из индоиран. **Yaksam pathayas* буквально ‘пути якшей’; по его мнению конечный компонент (-*παῖος*=*ὁδοί* ‘пути’) представляет скиф. ном. пл. **pāyah* от скиф. *pāy* (<**pahi*) ‘путь’, ср. скр. *pathi*- тж., мн. ч. *pathayas*, др.-перс. *paθi* ‘путь’¹³.

В связи с геродотовским толкованием скиф. Ἐξάμπαϊος – ‘священные пути’ привлекает внимание особая роль понятия ‘пути’ в мировоззрении индоиранцев. обстоятельный анализ семантического поля, объединяющего различные названия пути-дороги в Ригведе, предпринятый Е. Я. Елизаренковой, выявил множество оттенков значений для *páth-*, включая помимо реального также абстрактное, метафорическое и символическое значение. Типично, например, выражение *rtasya páth-* ‘путь вселенского закона’ (*rtā*). В гимнах Ригvedы *páth-* – это, прежде всего тот путь, который ведет к богам и по которому следуют боги – *devayana-*. Символика «пути» всесторонне обыгрывается в ведических текстах¹⁴. Достаточно значим образ ‘пути’ и в осетинских представлениях, где он соотносится с различными сферами абстрактного. Д. С. Раевский, говоря

о возможной культовой роли Эксампея как места проведения общескифского празднования, связанного с почитанием священного золота, упавшего с небес, показывает, что в соответствии со скифским логосом Геродота, Эксампей локализуется в геометрическом центре «четырёхугольной Скифии», которая в свою очередь есть отражение представления об организованной вселенной; в упорядоченном же мире, согласно архаическим представлениям, центр обладает максимумом сакральности, ибо через него проходит ось мира, кратчайший путь, связывающий землю и человека с Небом и Творцом¹⁵.

Все это говорит в поддержку целесообразности поиска объяснения названия Эксампея с учетом его объяснения Геродотом. Успешные опыты толкования приводимых Геродотом и другими античными авторами других скифских слов на основе их греческих переводов также побуждают к попытке интерпретировать Эксампей, учитывая его перевод Геродотом.

Однако ни одно из предложенных объяснений не удовлетворяет полностью объяснение Геродотом скифского названия Эксампея как ‘священных путей’ – ‘ἱραὶ ὁδοί. Собственно говоря, сложность представляет только объяснение первого компонента, поскольку отвергать этимологию К. Мюлленхофа и К. Т. Витчака для второго нет никаких оснований. Путь к решению задачи толкования первой части рассматриваемого топонима лежит через анализ возможных соответствий др.-греч. ἱραὶ в скифском и близким ему языках.

Поиск приемлемых иранских соответствий для первой части, где предполагается компонент со значением ‘священный’, побуждает к рассмотрению скифских представлений о ‘священном’. Есть еще один пассаж Геродота, где, как и в сообщении об Эксампее, речь идет о скифских святынях, а именно – о священном (ἱρόν) золоте скифских царей.

По приводимой Геродотом скифской легенде, при сыновьях первого скифского царя Таргитая на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша.

При попытке старшего, а затем среднего из братьев подойти и взять упавшие с неба сокровища золото охватывает пламя. Лишь когда приблизился младший – Колаксай – пламя погасло, и он унес золото к себе. После этого старшие братья передали всю царскую власть младшему (IV, 5).

Таким образом, священное золото скифов, обладание которым определяет право на царствование, связано с огнем. Иными словами, пылающее священное золото, и царская власть (имевшая в представлениях древних сакральный характер), соотносятся с одной и той же стихией, и именно потому Колаксай может взять это золото без вреда для себя!

Отметим, что в поэме Валерия Флакка «Аргонавтика» помимо прочих вождей упоминается Колакс (=Κολαξάϊς Геродота) – предводитель отряда с инсигниями, соотносимыми с огненной стихией (огни, сверкающие молнии, золотисто-красные крылья)¹⁶. Имя Колаксия (**Xvar-xšaya* ‘Солнце-царь’) связано с солнцем, представляющим образ небесного огня¹⁷, и, таким образом, принадлежит к тому же идеосемантическому ряду.

Представления о природе царской власти отражены в термине, ее обозначающем и восходящем к базе **xša(y)*- сиять, блестеть, гореть, пылать. От этой базы в различных иранских языках образованы многочисленные термины для обозначения высших степеней социальной иерархии, напр. др.-перс. *xšayaθiya*, ав. *xšaya* ‘князь’, согд. *axšewan* ‘правитель’, парф. *axšend* ‘принц’ и т.д. В осетинском производным от *xša(y)*- является социальный термин *æxsin* ‘госпожа’¹⁸. Для других терминов, этимологически связанных с *xša(y)*-, также явственно проступает семантическое поле «огня» и солнца, напр. *æxsidaf* ‘горящая головня’, *æxsidæn* ‘горящий уголек’, ‘искра’, *æxsidgæ* ‘горящий’, ‘пламенный’, ‘пылкий’, ‘пылающий’, *æxsid* ‘заря’. В словоупотреблении встречается с глаголом *sudzyn* ‘гореть’. В иранских языках **xša(y)*- контаминируется с базой *xšaud-* ‘плавиться, быть жидким’, ав. *xšaudah* ‘водный поток’, ‘жидкость’.

Верховной богиней скифов, связанной с обрядом инвеституры (который во многом совпадает с ритуалистикой праздника космического обновления), была Табити, чье имя Дюмезиль объясняет как «Греющая», и которую он сопоставляет с божественной женой нартовского Сослана — божественной дочерью Солнца *Wacyruxs* – букв. ‘божественный свет’¹⁹. Другой возможный перевод имени Табити, предложенный Виденгреном – ‘пламенная’²⁰. «Царицей скифов» именует Гестию-Табити скифский властитель Иданфирс.

В то же время хорошо известна особая роль семантического ряда огня, света, солнца, золота в религиозных представлениях иранских народов древности²¹. В осетинской ритуальной речи эпитет *ruxs* «светлый» часто прилагается к именам святых, напр. *Roxs izædtæ* ‘светлые ангелы’, *ruxs Alardy* ‘светлый Аларды’. Имя дочери Солнца в осетинской мифологии *Wacyruxs* – букв. ‘свет *wac*’а’²².

Идеосемантический переход ‘огонь’, ‘свет’ – ‘чистота’ – ‘святость’ многообразно отражен в осетинском и других иранских языках. От основы *sudzyn* идет осет. *syhdæg* ‘чистый, святой’ при *sudzag* – ‘жгучий, горький’.

В свете вышеизложенного можно предположить, что Эксампей, в качестве места, связанного с легендой об упавшем с небес пылающем священном золоте скифов, с представлениями о сакральной природе власти скифских царей, также соотносящейся с блеском, светом, огнем,

солнцем и пр., (ср. *Yima xšaeta* – ‘Йима блистательный’), и в то же время считавшийся центром Скифии – проекции скифской мифологической картины мира вообще, вполне мог получить название, одним из компонентов которого был один из терминов для обозначения категории ‘священного’, в данном случае **xša(y)-*.

Таким образом, возможна реконструкция скифского названия Эксампея в виде **xša(y)-(a)m(a)-pāyah* – ‘священные пути’, с малопродуктивным суффиксом неопределенного значения *-ama>-m* (ср. авест. *hau-ma* – ‘Хом’ (от *hu-* ‘выжимать’), *gar-ma* ‘теплый’, *tax-ma* ‘энергичный’, осет. *wærm* < **war* ‘закрывать’).

* * *

Этимологическое объяснение названия Эксампея можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу гипотезы о том, что Эксампей являлся важным культовым центром, связанным с легендой о «священном золоте» скифов, и где, по всей вероятности, проводился ежегодный праздник, о котором говорит Геродот. Однако какова могла быть в этой связи культовая роль легендарного котла Арианта? Что, помимо тщеславного желания увековечить свое имя, побудило скифского властителя распорядиться изготовить и **посвятить** в Эксампей этот сосуд — удивительное свидетельство высокого уровня металлургической техники скифских мастеров? Сохранились ли в исторической памяти наследников скифской традиции воспоминания об этом своего рода чуде скифских степей?

Чудесные котлы нартов

Выше уже отмечалось, что Ариантов котел (*χαλκήιον*) в Эксампее сопоставлялся исследователями с некоторыми артефактами, упоминающимися в нартовских сказаниях. Артефакты эти достаточно многочисленны, а характеристики их существенны для возможной реконструкции ритуальной роли гигантского сосуда в Эксампее. В абхазской версии нартовского эпоса говорится о священном кувшине Вадзамакят, вмещавшем **шестьсот** обычных нартских кувшинов, употребляемых для воды – любопытное количественное совпадение сведений Геродота о котле Арианта, вмещавшем **шестьсот** амфор. Кувшин этот имел удивительное свойство – сколько ни черпай из него вина – оно не убывало, причем вино Вадзамакята обладало особой силой, и, выпив его, нарты становились еще более могучими²³. Название этого котла Ж. Дюмезиль соотносит с названием священной чаши Уацамонгæ осетин-

ского нартовского эпоса²⁴. В абхазском же эпосе упоминается о громадном общесемейном медном котле *Нартаа ркуаб ду* «на сто человек» в «большом нартовском доме»²⁵.

В балкарском эпосе говорится о чудесном котле, который подвешен на священной цепи в доме Алика²⁶. В другом месте описывается хранившийся в доме рода Алигатэ волшебный котел, который не надо наполнять мясом, стоит лишь залить его водой и поставить на огонь — сорока быков мясом он заполнится

И покуда в доме Алигатэ, –
В доме старшего над нартами рода, –
На святой цепи котел висит прикован,
Будет крепко племя славных нартов²⁷.

Принадлежность замечательного котла роду Алигатэ представляет особый интерес в связи функциональной характеристикой нартовских Алигатэ-Алагатэ. Характеристика чудесного котла в качестве атрибута рода, связанного с отпращиванием жреческой функции, позволяет ставить вопрос о ритуально-символической роли этого примечательного артефакта.

В осетинских текстах чудесный котел нартов также хорошо известен, хотя он не связывается непосредственно с Алагатами. В частности, упоминается замечательный *narty ag*²⁸ – ‘котел нартов’, в другом тексте – огромный котел рода Боратов – *Boraty caeddžinag*.²⁹ Однако судя по всему, в этом тексте мы очевидно сталкиваемся с подменой родового имени владельцев котла, поскольку здесь же говорится о церемониальном доме рода Боратов, который обычно связывается с Алагатами.

Еще один котел осетинских нартов носит название *aerdamongæ caeddžinag*³⁰ ‘указатель арда’. В другом тексте говорится об огромном котле, имеющем чудесное свойство – если в нем приготовить пищу, то ее хватало на семь лет. Этот котел был сокровищем нартовских предков, который был отнят у них силой, и Уастырджи с Маргузом предпринимают дальний поход, чтобы вернуть это сокровище. В варианте говорится о похищении обшитого золотом котла, хранившегося у широкой реки. В. С. Уарзиати сопоставлял мотив огромного котла у широкой реки с котлом Арианта, обращая внимание, что место нахождения котла в Эксампее локализуется в междуречье Днепра и Южного Буга (древнего Гипаниса) – двух больших рек южнорусских степей³¹.

Информация о нартовских чудесных котлах сводится к следующему:

- Котел — наследство, доставшееся от предков — хранится в церемониальном доме рода Алагатов/Алигатэ, хотя считается общей собственностью всех нартов.
- Котел чудесным образом бывает вечно полон, с чем связывается благополучие нартовского племени.
- Из-за котла происходят споры.
- Котел служит для выявления истины; название его – *Ærdamonga* – связано с одним из важнейших понятий религиозно-мифологических представлений осетин – *ard* и глаголом *amonun*, для которого предполагается религиозная специализация в древности (Дюмезиль 1990: 175).

Семиотическая характеристика котла в культурах евразийских степей

В недавних исследованиях, посвященных вопросам семиотики традиционной культуры тюркских народов, отмечается роль котла как одного из центральных предметных символов. Выводы, сделанные на основе анализа огромного фольклорного и этнографического материала, могут **быть** соотнесены с фактами осетинской традиции, принимая во внимание определенное типологическое сходство различных культурных традиций евразийских степей и установленные факты взаимодействия этих культур на протяжении длительного времени.

По мнению исследователей, «котел выступал одним из звеньев в цепи заключенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов: центр родовой территории – жилище – очаг – котел. Его срединное положение могло быть описано не только пространственными, но и временными координатами. Это, в частности, проявлялось в обозначении периода самых длинных летних дней у тувинцев района Монгун-Тайги – *чалыпча тун турар*. Термин происходит от названия небольшого чугунного котла *чалыпча таш*. (...) В летнее время днем солнце сквозь дымовое отверстие светило прямо в котел. Он тем самым соотносился с летом, полднем, зенитом, точкой максимального равновесия в природе»³². Наряду с жилищем и очагом котел был важнейшим показателем освоенности пространства³³. Незыблемость, неиссякаемость «благодати», наполняющей котел, была обязательным условием изобильного быта семьи. В ней, согласно мифопоэтическим представлениям, заключались счастье (*ырыс*), успех человека³⁴. Котел использовался в гаданиях у коновязи, которая в свою очередь считалась образом «мировой оси» и в качестве ритуального символа служила цели установления связи между мирами³⁵.

Особый интерес представляет символический комплекс из мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви в Туркестане, являвшегося ставкой казахских ханов, который состоял из огромного, в человеческий рост котла, с прикрепленными к нему знаменами с хвостами из конских волос, олицетворявший собой объединение казахских племен. Этот котел уже сопоставлялся с медным сосудом царя Арианта в Эксампее³⁶. Отметим также туркменское предание о вожде и легендарном предке племени салыр, который имел прозвание Казан, полученное им потому, что он имел огромный котел³⁷.

Сосуд со священным напитком

В осетинских этнографических материалах можно выделить ряд информативных сведений о культово-ритуальной роли 'полного сосуда', которые могут быть рассмотрены в свете представлений о способах предметной символизации пространства и таким образом имеют непосредственное отношение к нашей теме. При этом предполагается синонимичность ритуальной роли котла, чаши и других сосудов³⁸. Известно в частности, что в некоторых осетинских святилищах от праздника до праздника, в течение года, сохранялась чаша, наполненная напитком (обычно пивом), и затем жрец по количеству жидкости или по форме пены на ее поверхности предсказывал, каковы виды на урожай, и что принесет в целом будущее для страны³⁹.

Сосуд с напитком фигурирует также в связи с основанием поселения и в строительных ритуалах. В предании об основании югоосетинского селения Къусчытæ рассказывается о том, как два брата – Туга и Кортиа в поисках места для поселения обнаружили в выбранной ими местности святилище, в стенной нише (*k'usk*) которого стояла чаша, полная пива. Туга выпил пиво и поставил чашу на место, но на второй день чаша чудесным образом оказалась снова полной. Он выпил из нее второй раз, и на третье утро в чаше снова пенилось пиво. На сей раз другой брат заявил о своих претензиях на право выпить из чаши, но Туга настоял на том, чтобы и в третий раз выпить пиво из чудесной чаши. На четвертый день чаша больше не наполнилась. На этом месте было основано селение⁴⁰.

В Южной Осетии при выборе места для постройки дома на участке предполагаемого строительства зарывали глиняный кувшин с налитым в него до половины молоком. По прошествии месяца проверяли уровень жидкости в кувшине; если он понижался, то место считалось неблагоприятным для строительства, если же объем жидкости увеличивался, место считалось счастливым⁴¹. Сходные гадания были известны у восточных славян⁴².

Хранители чудесного котла

В связи с ролью Эксампея в качестве главного культового центра Скифии и местонахождения котла Арианта как одной из скифских святынь особый интерес представляет племенное деление скифов.

Д. С. Раевский отмечает, что по Геродоту Эксампей находился на территории скифских «племен» ализонов (алазонов) ($\text{᾽Αλιζῶνες} / \text{᾽Αλαζῶνες}$) и каллипидов, которых он соотносит с первой дюмезилевской социальной функцией и считает племенами «жрецов»⁴³. О. Н. Трубочев считает, что имя ализонов (алазонов) было дано причерноморскими индоариями своим ближайшим иноплеменным соседям и означает «другой род»: инд. **ali-jana*⁴⁴. Однако Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский справедливо указывают на возможность иранского толкования этого этнонима, допуская здесь компоненты *zana*, прилагавшиеся к семейно-родовым группам, племени, народу, и *ala-*, *ali* < *arya-*. При этом отмечаются трудности интерпретации имени ализонов/алазонов в связи с вероятностью искажения имени передачей $-\zeta\omega\epsilon\varsigma$ для *zana/jana* из-за уподобления $\text{᾽Αλιζῶνες} / \text{᾽Αλαζῶνες}$ малоазийскому этнониму ᾽Αλιζῶνες ⁴⁵.

Между тем название и предполагаемая функциональная характеристика ализонов побуждают нас сопоставить их с Алагатами (*Alagatae*) осетинского нартовского эпоса. Алагаты уверенно определяются в качестве носителей первой функции: в «Большом Доме» Алагатов совершались различного рода ритуальные и культовые действия, проводились все общественные собрания и пиршества нартов, включая пиры, носившие название *afædzy æmbyrd*, *cyty kwuyvd* ‘годовое собрание, пир славы’, «воскрешающие в памяти аналогичные победные пиры скифов, о которых сообщал Геродот (IV, 66)»⁴⁶.

Название рода Алагатов связано с именем родоначальника – Алага, которое восходит к древнеиранскому **āryaka* < **arya* ‘арий’. Закрепление за кастой жрецов Алагатов этого названия может быть объяснено в свете определения *ārya* в древнеиндийских текстах как религиозного деятеля – ‘приносящий жертвы’, ‘тот, кто выжимает или приготавливает сому’, ‘тот, кто воспевает или восхваляет богов’⁴⁷. Название нартовского рода Алагатов находит соответствия в других национальных версиях нартовских сказаний ряда кавказских народов – Алигатэ балкарского эпоса, Аледжхер (Алиджевы) адыгского, Аликановы – сванского. В то же время в осетинских текстах известно родовое имя *Alytæ*, первый компонент которого Г. Бейли связывает с *Alæ-* в *Alægatae*⁴⁸. В свою очередь этимон имени *Alytæ* должен был иметь форму **āryata*, которая находит соответствие в сарматском этнониме *Areatas*, которое Я. Харматта объясняет из **ary* ‘арий’⁴⁹.

Архаичная трифункциональная схема социального устройства вплоть до середины XIX столетия сохранялась не только в нартовских сказаниях осетин, но и в их общественной жизни. В Алагирском ущелье – своего рода заповеднике осетинской старины, – бережно передавалась из поколения в поколение легенда о происхождении от мифического этнарха осетин Ос-Багатара, от трех сыновей которого вели свою генеалогию три колена алагирских узданских родов – Къусагонтæ, Цæразонтæ и Сидæмонтæ. Традиция отводила каждому из этих колен определенную функциональную роль – Къусагонтæ вершили суд и олицетворяли жреческую функцию, Цæразонтæ считались непревзойденными воинами, а Сидæмонтæ отличались в полном соответствии с древней схемой многочисленностью и зажиточностью.

Предание рассказывает, что когда сыновья Ос-Багатара разделили отцовское наследство, то Кусаг(он)у (предку колена Къусагонтæ) достался котел, имевший, подобно нартовским котлам, чудесное свойство – содержимое его никогда не убывало. Этот древний котел хранился в святилище Мигъдау – главном культовом центре колена Къусагонтæ. Он помещался в специальной постройке при святилище – *Dzagdaræn*⁵⁰ (от *dzag* ‘полный’ и *daræn* ‘хранилище’). В других версиях предания о наследстве Ос-Багатара в качестве доли Кусагона фигурирует золотая чаша или золотой шар; подчеркивается, что доставшийся Кусагону предмет символизировал славу; при этом колена Къусагонтæ связывается с первой социальной функцией по Дюмезилю⁵¹.

В связи с социально-функциональной характеристикой колена Къусагонтæ исследователи обращают внимание на его особую роль в традиционной системе судопроизводства у осетин: в Северной Осетии «верховный» суд Алагирского ущелья – Мадизæн находился в кусагоновском селении Дагом, и решения этого суда были непререкаемы; высшей судебной инстанцией коллегия «кусагонов» была и у южных осетин⁵².

Котлы в святилищах. Ритуальная функция котлов

Собственно говоря, нахождение котла при святилище и особо благоговейное отношение к этому предмету не является специфической особенностью культового комплекса Мигъдау. Огромные котлы, употреблявшиеся для приготовления пива у осетин, неоднократно сопоставлялись с котлом Арианта⁵³. Котлы эти использовались в традиционном быту осетин вплоть до недавнего времени, и с ними был связан обширный круг представлений. В. Б. Пфаф писал: «Пиво варится в больших медных

котлах, которые имеются при каждом значительном дзуаре, в особо для того устроенных балаганах. (...) Пивные котлы больших дзуаров, например, в Дзвгис-дзуар или Рекоме – огромных размеров и иногда имеют надписи на грузинском языке. Подобные котлы – подарки грузинских претендентов на престол, заискивающих помощи у горцев»⁵⁴. Любопытно, что «претенденты на престол» жертвовали в осетинские святилища именно котлы, как бы памятуя о посвящении огромного котла Ариантом в главное скифское святилище.

Для характеристики осетинских представлений о связи пивоваренных котлов с категорией сакрального приведем занимательный комментарий этнографа Г. Кокиева: «Осетины считали пивоваренные котлы священными. Всякого рода оскорбления котлов, по убеждению осетин, не оставались безнаказанными. И в подтверждение своего убеждения осетины селения Даргавс мне рассказали следующий случай. У Мамсуровых был двухэтажный дом. В нижнем этаже помещался скот и тут же в особом отделении стоял фамильный пивоваренный котел. Мамсуровы женили сына, и молодую пару определили в комнату, расположенную над самым котлом. У молодых не было детей. Родители были в большом огорчении. Пошли к местному знахарю. Тот, выслушав стариков, сказал, что за непроявленное уважение к священному фамильному котлу молодые наказаны бесплодием. “Надо, сказал знахарь, перевести молодых в другую комнату, а **котлу принесите жертву** (выделено нами – К. К.)”. Молодых перевели в комнату стариков, а стариков – в комнату молодых, и у молодых пошло потомство»⁵⁵.

Преданий, связанных с древними котлами, в Осетии довольно много, однако все же наиболее примечательна легенда о чудесном котле «жрецов и судей» Къусагонтæ, которая буквально в деталях напоминает мотив нартовского котла, который также хранил род, связываемый с религиозно-правовой функцией.

Ærdamongæ cæddžinag – ‘указатель истины’

Одно из названий нартовских котлов содержит достаточно существенное указание на идеологические представления, которые обусловили особую значимость мотива котла в осетинской — и ей предшествующей — традиции.

Внимание привлекает, в частности, *Ærdamongæ cæddžinag*, букв. – ‘котел – указатель истины’. При правдивом повествовании о выдающихся подвигах нартовских героев в присутствии этого котла он закипал без огня, свидетельствуя об истинности рассказанного. Из-за чудесного котла

– общего сокровища нартов – между ними происходили ссоры, и наконец было решено, что он «достанется тому, кто тремя словами заставит закипеть в нем воду»⁵⁶. Ю. С. Гаглойти обратил внимание на сходные мотивы в абхазских и балкарских сказаниях о нартах⁵⁷. Попутно отметим, что данный мотив встречает параллель в ирландском эпическом повествовании о путешествии Кормака в Иной мир, где свинья в котле не могла свариться, «пока не будет сказана правда на каждую четверть ее». В том же сказании фигурирует золотая чаша, распадающаяся на три части, если сказать три слова лжи, и вновь становящаяся целой, если сказать три слова правды⁵⁸. Золотая чаша Кормака уже соотносилась В. И. Абаевым с мотивом чудесной чаши в нартовских сказаниях осетин⁵⁹.

Котел *Erdamongæ cæddžinag* по своему назначению схож с чашей *Wacamongæ / Nartamongæ / Amongæ*, которой в осетинских нартовских сказаниях принадлежит столь значимое место. Здесь следует отметить сходные характеристики этих двух предметов во многих текстах. Иногда *Erdamongæ* – это «чаша», честь питья из которой предоставлялась за особые отличия, что напоминает сообщение Геродота (IV; 66) о бытовавшем у скифов обычае чествовать отличившихся воинов кубком (κύλικος) вина на специальном празднестве, на что указал еще В. Ф. Миллер⁶⁰. В связи с парностью этих двух предметов было бы можно указать, что и Геродот говорит не только о кубках, из которых пили отличившиеся скифы, но также о кратере с вином, который приготавливал «номарх», подобно тому, как в Нартиаде говорится об огромном котле, из которого, по видимому, черпали напиток, и чаше, из которой его пили герои.

Хранился знаменитый котел нартов в церемониальном доме *Erdamongæ xædzar* ‘Дом Аердамонгæ’, который в других текстах именуется *Narty styr xædzar* ‘Большой дом нартов’, *Ælægaty dyndžyr xædzar* ‘Большой дом Алагатов’. Этот дом под сходным названием фигурирует и в других национальных версиях эпоса. В адыгских текстах дом рода *Алэджхер* (Алиговых) или дом Алэджа описывается как «белый и длинный»⁶¹. Ю. А. Дзиццойти эту характеристику связывает с ролью белого цвета в цветосимволизме древних индоиранцев, где он «соответствует именно первой функции, представителями которой в эпосе являются Алагата»⁶².

В жизни нартовского общества роль дома Алагатов представляется весьма заметной. Здесь происходят пиршества нартов, здесь устраивается церемониальное питье из чаши *Amongæ*, здесь нарты собираются для разрешения всех важных дел и споров, здесь воздаются почести самым смелым и великодушным нартам; наконец здесь совершается предписываемое древним обычаем умерщвление стариков⁶³. Короче говоря, назначе-

ние дома Алагатов-Алаговых связано в первую очередь с деятельностью, относящейся к сфере первой функции (религиозные ритуалы, судебные процедуры, принятие важнейших решений и пр.). К этой функциональной сфере принадлежат и чудесные сосуды – котел *Ærdamongæ cæddžinag* и чаша *Was-* или *Nart-Amongæ*.

Ард

Термин *ard*, входящий в название *ærdamongæ*, в осетинском связывается с понятием ‘клятвы’, ‘присяги’. Выражение *ard hæryn* ‘клясться’, при *hæryn* ‘есть’, часто понимается как ‘есть клятву’, имея в виду реальные действия при обряде присяги, когда поедается предмет, которым клянутся⁶⁴. Однако отсутствие употребления слова *hæryn* с другими терминами для клятвы (*somy*, *wasxæ*) в осетинском говорит в пользу предположения о связи *hæryn* в сочетании *ard hæryn* с омонимичной иранской базой **xvar-* ‘клясться’, и.-е. **swer-*, англ. *swear*, нем. *schwören*⁶⁵. *Ard hæryn* в отличие от *somy kæryn* ‘клясться’ имеет более торжественное звучание⁶⁶; клятва *somy* не сопровождалась особым церемониалом.

В прошлом значение присяги в традиционной системе судопроизводства осетин было огромно. «В юридической жизни осетин присяга – ард – занимает одно из самых видных мест в ряду тех действий, совокупность которых составляет собственно обычное право осетин»⁶⁷ – писал в начале 70-х годов XIX века известный талантливый и деятельный собиратель и исследователь этнографии и фольклора осетин Джантемир Шанев, который, будучи еще студентом юридического факультета Одесского университета, посвятил этому институту традиционного права осетин специальный этнографический очерк.

Осетины прибегали к присяге в юридической практике, когда при недостатке улик невиновность ответчика или обвиняемого подлежала сомнению, с тем чтобы дать «ему в руки средство судебной защиты, средство оправдания на суде, которое по святости присяги в народном сознании, вместе с тем, косвенно, служило средством разоблачения истины»⁶⁸. Процедура принятия присяги имела различные формы в зависимости от вида преступления и степени его тяжести⁶⁹. Так, «присяга землей» давалась в исключительно важных случаях и по вопросам не только земельного характера; нарушивший таковую, как и его род, нес несмываемый позор. Нарушившие клятву землей – *zæxxæjard* – не имели права устраивать *ziw* ‘помочь’⁷⁰. Это обстоятельство представляется существенным, учитывая ритуальный характер *ziw* (работа в воскресенье и понедельник, т. е. дни, когда работа в своем хозяйстве запрещалась, ритуальное пиршество

при завершении работ и т. д.), возможно, это связано с представлением о ритуальной нечистоте клятвopеcтупника. Человек, которого подозревали в лжеприсяжничестве, терял в глазах общества всякое уважение. Осетины испытывали перед нарушением клятвы мистический ужас, что объясняется не только этическими нормами, представлениями о морали и нравственности в традиционной культуре осетин. Ложная присяга – *mængard* – по убеждению осетин навлекала страшную кару со стороны высших сил, причем не только на него; кара могла пасть и на тех, кто просто состоял в контакте с клятвopеcтупником. Это обстоятельство подкрепляет мнение Д. С. Раевского о том, что в Скифии ложная клятва царскими священными огнями (Геродот, IV, 68) сурово каралась, ибо она не только влекла болезнь царя, но ставила под угрозу благополучие всего общества⁷¹.

Другой формой присяги была клятва у святилища (дзуар), при которой подозреваемый в сопровождении соприсяжников, присягоприимца и свидетелей после недельного ритуального очищения отправлялся к дзуару, облаченный в белую одежду, с обнаженной головой и держа в руке палочку, простертую в направлении дзуара, произносил клятву именем святого. После этого присягоприимец бросал палочку к дзуару, и все присутствующие спешно покидали место принесения присяги и расходились по домам. После этого из опасения, что ложная присяга может навлечь кару со стороны святого, долгое время, по крайней мере две недели, люди избегали встречаться с присягоприимцем, а он сам укрывался в уединенном месте, не возвращаясь домой в продолжении двух или более недель. Упомянутые соприсяжники принимали участие в процедуре присяги по решению третейского суда в особо важных случаях. Они назначались из числа родственников присягоприимца, как правило, это были лица, имевшие репутацию честных и уважаемых людей⁷². М. М. Ковалевский приводит старинный осетинский правовой термин для обозначения этих соприсяжников или поручителей – *ærdamongæ*⁷³. Имя нартовского котла находит полную аналогию в этом правовом термине, что служит дополнительным разъяснением роли котла из Большого Дома нартов.

Зафиксированные в осетинской фразеологии формулы проклятий *ard baxæræg wæ makwy racæwæd* ‘чтоб от вас никогда не вышел клятвopеcтупник’ и *ard xæryny karmæ wæ mači fæcæræd*⁷⁴ ‘чтоб никто из вас не дожил до возраста клятвopеcтупника’ указывают на существование в прошлом возрастного ценза для приобретения права присяги, и на особую значимость права присяги для социального статуса личности.

С понятием *ard* связана не только судебная присяга, но и ‘клятва’ в других ее формах, таких как военная присяга, клятвенный договор о прекращении кровной мести или о побратимстве и т.д. Во всех этих случаях

клятва связывалась с понятием *ard*, а ритуал этих клятв, при разнообразии вариантов, включал ряд стереотипизированных действий, восходящих к глубокой древности. Ж. Дюмезиль отмечает: «Обряды принесения клятвы у скифов и осетин настолько похожи, насколько позволяет интервал во времени и различие цивилизаций»⁷⁵. Скифский обряд клятвы Геродот описывает следующим образом: «Клятвенный договор с тем, с кем они его заключают, скифы совершают следующим образом: они наливают в большой глиняный килик вино, смешивают его с кровью тех, кто произносит взаимные клятвы, и, уколов шилом, или сделав небольшой надрез на теле ножом, затем погружают в килик акинак, стрелы, двойную секиру и дротик. Сделав это, они долго молятся, и затем выпивают [вино] – и сами те, кто приносит клятвы, и самые достойные из сопровождающих» (IV, 70). Лукиан описывает несколько упрощенный вариант клятвы при обряде побратимства, при котором в чаше только кровь обоих братующихся и прежде чем выпить, каждый из них окунает в нее острие своего меча (Токсарид, XXXVII). Клятвенный ритуал при побратимстве у осетин обнаруживает удивительное сходство с ритуалом клятвы, засвидетельствованным у скифов. «У осетин обряд братания следующий: наполняют чашу водкой или вином, бросают туда монету и пьют каждый по три раза, клянясь друг другу в верности. Клятвы например такие: «Пусть это станет для меня ядом! Пусть эти деньги обратятся против меня, если я не буду тебя любить, как брата!» или «Клянусь в верности этим серебром, этим золотом...» и таким образом, деньги считаются у осетин чем-то священным, имеющим силу карать». После принесения обета, говорит Г. Шанев, монета остается у младшего из двух побратимов. Таким образом, эти два ритуала аналогичны. Только с течением столетий перестала литься кровь, и металлические свидетельства клятвы несколько изменились: в кубки уже не погружают оружие, которое боялись разгневать, теперь это монеты. Знамение времени...»⁷⁶.

Однако и в Осетии еще в недавнем прошлом оружие фигурировало в ритуале клятвы, причем не только в связи с побратимством. В. С. Толстой рассказывает, что для заключения клятвенного договора о побратимстве в старину совершался следующий ритуал: «Два воина отправлялись к Рекому, из каждого колчана вынимали по стреле, перемешивали их, одну переламывали пополам и оба куска оставляли в стенах Рекома. Это обязывало с самоотверженностью оборонять друг друга в бою, а в случае гибели одного побратима, другой должен вынести тело из сражения и похоронить его»⁷⁷. По данным Е. Бараковой, при совершении обряда примирения кровников – тоже своего рода клятвенном договоре – кровники приходили к святилищу Мигьдау, где переламывали попо-

лам стрелы и оставляли их в святилище в качестве знака или залога примирения⁷⁸.

Символику стрел в этом обряде можно пытаться истолковать в свете драматического сюжета о гибели Ахсара и Ахсартага в сказании о золотом яблоке нартов. Призвав в свидетели высшие силы, т.е. апеллируя к *ard*, один из близнецов пускает в небо стрелу, которая, поднявшись к небу и вернувшись обратно, и должна свершить суд⁷⁹.

Стрела в мифопоэтических представлениях иранской традиции

Д. С. Раевский, комментируя эпизод с «дарами» скифов Дарию (Геродот IV, 127 и 131-132), где среди «даров» фигурируют пять стрел, указывает на широкое распространение ритуалов с использованием стрел для выражения идеи моделирования пространственной структуры в ряде архаических традиций. Смысл этих ритуалов, включавших пускание стрел царем по четырем сторонам света, «определялся конкретной задачей: требовалось выразить не только структуру пространства, но и идею его абсолютной со всех сторон защищенности»⁸⁰. Имеются многочисленные указания на роль стрел в связи с обрядами оградительной магии, где они опять-таки выступают как аллегорические средства выражения идеи структурирования и обозначения защищенного пространства⁸¹.

По мнению А. К. Акишева, гадальные палочки – *færsæn fat* (букв. ‘гадальная стрела’), употреблявшиеся осетинскими прорицателями *dæsnytæ* (в комплекте по четыре штуки), могли быть связаны с тем же кругом космологических представлений⁸².

В иранской традиции концепция структурированного пространства тесно связана с понятием арты. И в связи с артой в Авесте встречаем мотив стрелы: по Ясне 3164, стрела символизирует огонь Ахурамазды, зажженный Артой. С Артой стрела соотносится в Яштах 13, 99; 196 83-85⁸³. Стрела выступает в качестве орудия Арты у Кави-Виштаспа⁸⁴. Митра – хранитель договора – «вводит» арту стрелой⁸⁵. Античная традиция (Геродот IV, 36; Ликург 86 и др.) сохранила миф (возможно скифского происхождения) о гиперборее (или скифе) Абарисе, который избавил мир от страшной чумы и странствовал «со стрелой в руке»⁸⁶. Стрела Абариса в контексте совершенного им подвига вполне соотносится с ролью стрелы в качестве атрибута арты.

Предметной символикой стрелы как орудия арты, по-видимому, объясняется роль лука и стрел в качестве инвеститурных атрибутов и соотнесении этого оружия с представлением о сакральной природе цар-

ской власти у народов индоиранского круга⁸⁷. Ср. сообщение Помпония Мелы о царских скифах: «басилиды ведут свое происхождение от Геркулеса и Ехидны, нравы у них царственные, оружием служат только стрелы» («Землеописание» II, 9)⁸⁸.

О семантике осет. *ard*

Осетинская фразеология дает богатый материал для достаточно четкого определения семантики *ard* в осетинском и вне поля ‘клятвы’ в современном понимании. С одной стороны, *ard* можно толковать в связи с морально-этическими воззрениями: слово *ænæard*⁸⁹ ‘бесчестный [человек]’ (букв. ‘лишенный арда’) стоит в синонимическом ряду с *fydæhdaw* ‘[человек] дурного поведения’ (ср. скифское личное имя с противоположным значением Арδαудахос⁹⁰), *ænæwwænk* ‘ненадежный’⁹¹. В то же время *ard*, в формулах *xwusawu ard*, *zæxxy ard*, *adæmy ard* выступает как некое качество, присущее субъекту. В выражениях типа *ard dæ bajjæfæt* ‘ард тебя да настигнет’, *ard dæ fædyl æftyd fæwæd* – ‘ард тебя да преследует’; *xwusawu ard dyl æftyd fæwæd*; *ard dæ k'onajy bacyd*; *ard dæ xædzary*; *ard dæ fænyčy*, слово *ard* понимается как ‘проклятие’ или ‘грозная магическая сила’⁹².

Здесь достаточно общее понятие «магической силы» соотносится с тем значением, которое вкладывалось в древнеиранское *arta-*, др.-инд. *rta-*, имея в виду именно представление о ‘правде, порядке и вселенском законе’, с которыми связывается нормальное положение вещей, и нарушение которых грозит карой со стороны высших сил; эта кара также связывается с *ard*. Связь *ard* в этом понимании с ‘клятвой’, ‘договором’, ‘истиной’, ‘правдой’ определяется тем, что они считались реализацией мирового порядка⁹³. Нарушение клятвы, ‘ложь’ как ‘не правда’ вели к нарушению этого порядка; в Авесте отлет хварны от солгавшего Йимы связан с разрушением гармонии, воцарением хаоса и т. п.⁹⁴ В ирландских сказаниях волшебная чаша Кормака распадается на три части, если произнести над ней три слова лжи, но если затем сказать над ней три слова правды, части вновь соединятся, и чаша станет, как была прежде⁹⁵.

Как показывают новейшие исследования, в архаических представлениях ‘клятва’, ‘проклятие’, ‘истина’, ‘договор’ принадлежат к единому семантическому комплексу. Как вариант такого комплекса можно рассматривать круг понятий, которые покрываются термином ард/арта/рита.

Случаи энантиосемии, когда одно и то же слово связывается с двумя различными семантическими зонами, не пересекающимися в современном сознании, встречаются довольно часто. Ср. англ. *swear* или русск.

клясть, клясться. В одних контекстах посредством таких слов обозначаемый акт оценивается как ‘проклятие, сквернословие, ругань’, в других – как ‘сакральный акт клятвы, присяги’, как ‘торжественное обязательство осуществить действием то, что было сформулировано в словесной или какой-либо иной знаковой форме’.

Однако рассматривать эти слова с полярно противоположными значениями в качестве омонимов нельзя. Связь этих значений в архаическом сознании была самой прямой, непосредственной и естественной, и должна рассматриваться как исходно заданная. Истоки ‘ритуала-клятвы’ связаны с заложенным в поведенческой программе биологических видов инстинктом защиты своего ‘жизненного пространства’. ‘Клятва’ является вербальной версией ‘ритуала’ в биологическом смысле. При этом характерной чертой ритуальных актов является их одновременная направленность к ‘своему’ и ‘чужому’ адресатам, что определяет положительную или отрицательную интерпретацию ритуального акта. В ритуальном мышлении подобные значения сосуществуют неразрывно. На лингвистическом уровне реконструируется связь «клятвы» с понятием ‘огражденного пространства’, что объясняется представлениями о границе, преграде, запрете. Ритуальное мышление, подразделяя пространство на свое, чужое и нейтральное, связывает клятву одновременно с центром и границей своей территории. В то же время для ритуального мышления характерно единство образа пространства и времени. Материальные символы, маркирующие мировое пространство, символизируют одновременно как пространство этого мира, так и время событий, протекающих в этом пространстве, особенно – ‘круг событий’⁹⁶.

* * *

Итак, священный котел в древних представлениях в качестве материального символа был связан с порядком, стабильностью, воплощал идею изобилия, являвшегося следствием космического порядка. Приведем определение, относящееся к древнеиндийской традиции, но вполне применимое также и к древнеиранской – скифской: «По ведийским мифологическим представлениям идеальному космосу соответствует такое состояние ведийского микромира, которое характеризуется наличием максимума благ самой различной природы – от поэтического вдохновения и полной безопасности от врагов до стад скота и других богатств (храброго войска, многочисленного потомства, большого урожая и т.д.) (...) элементарный космогонический акт (...) влечет за собой именно такого рода преобразования на уровне жизни ведийского человека»⁹⁷.

Архаические мифопоэтические представления о пространстве-времени определяли космос в оппозиции хаосу как конечный континуум, причем конечность его определяется его структурной природой. Преодоление временной конечности космоса связывалось с цикличностью, и осуществлялось через ритуал, воспроизводивший или моделировавший акт первоначального творения. Структурирование пространства осуществлялось посредством ритуалов и использования набора предметных символов, маркировавших центр и стороны света. Для структурирования использовались различные элементы, входившие в многократно дублирующие друг друга системы символических классификаций, проецирующиеся на социум и мироздание.

Котел в мифопоэтических представлениях, актуализировавшихся в ритуале, соотносился с центром и являл собой образ освоенного пространства. Котел/сосуд с ритуальным напитком в скифском/осетинском ритуале выступает как одно из средств моделирования мира и соотносится с понятием *арта/ард* 'космический порядок', 'гармония'⁹⁸.

Огромный котел, изготовленный по велению скифского царя из наконечников стрел и призванный воплощать космический порядок, стабильность и процветание, может быть представлен как воплощение или образ арты, символика которой подчеркнута материалом – наконечники стрел – послужившим для изготовления котла. А. К. Акишев, рассматривая ритуально-символическую роль стрелы в индоиранских, славянских и тюркских космогонических представлениях, считает котел Арианта, отлитый из наконечников стрел и установленный в священном центре Скифии, сакральной космограммой⁹⁹. В связи с космологической символикой котла привлекает внимание осетинская новогодняя обрядовая песня, в которой картина идеального благополучия дома изображается следующим образом:

Уомæ уæларвæй сæдсигон рæхисуагъд	Там с небес стозвенная цепь спущена
Уой уæле мин цуппаргъосуг агæ'вард	На ней котел о четырех ушках подвешен
Уой хурфи мин борæ нæлфус фусæвгарст,	В нем зарезанный баран "борæ нæлфыс"
Уой буни мин саги сиуаей цирен арт ¹⁰⁰	Под ним пылает костер из оленьих рогов

Привлекает внимание описание чаши Ацамонгæ как «четырёхушковой»: *Alægatae raxastoj æmbyrdmæ cypparqusyg nomdzyd Wacamongæ*¹⁰¹ «Алагаты вынесли к собранию славную четырёхушковую Уацамонгу, и в другом тексте — «большой четырёхушковый амонге»¹⁰². Есть также упоминание четырёхугольной Ацамонга¹⁰³. Эта характеристика могла быть мотивирована древними космологическими образами пространства с вы-

делением четырех сторон света и указывать на соотнесенность объекта с мирозданием: в Ригведе (10, 58, 3) круг земли зовется *čaturbhrsti* ‘четырёхугольный’ и *čatursrngo* ‘четырёхрогий’. Сходные характеристики земного и небесного миров представлены также в Авесте, где небо имеет эпитет *čatruḡoša* ‘четырёхухое’, оно и округлое и квадратное¹⁰⁴.

Особое значение могло придаваться тому, что материал для изготовления котла был собран со всего скифского народа, т. е. в складчину, что должно было увеличить магическое воздействие изготовленного таким образом ритуального символа. А. К. Байбурин, рассматривая ритуальную символику мотива *с о б и р а н и я*, считает, что она продиктована стремлением представить общество в критический момент в наиболее полном виде. При этом «область "своего" как бы сгущается, уплотняется, т.е. приобретает те качества, которые необходимо распространить на остальной мир»¹⁰⁵. В осетинской традиции для приготовления ритуального пива, предназначенного для особо важных праздников, практиковался сбор ячменя с каждой семьи селения способом *k'usbar* – ‘складчина’, чему придавалось, по видимому, особое значение: собранное со всех членов общины зерно должно было многократно умножить ритуальную ценность (значимость) жертвенного напитка и, соответственно, воздействие праздничных обрядов¹⁰⁶.

Уместно сопоставление котла Арианта, отлитого из наконечников стрел, с преданием об осетинском котле, изготовленном из монет¹⁰⁷, подобно тому как на смену стрелам в ритуале клятвы пришло использование серебряных монет. Укажем также на приводимую Плутархом притчу о скифском царе Скилуре, который перед кончиной собрал всех своих многочисленных сыновей и, раздав каждому по стреле, предложил переломить дровко, что они и сделали без труда. Тогда Скилур велел сложить все 80 стрел вместе. Переломить их оказалось невозможно. «Если вы будете держаться вместе, как эти стрелы, – сказал царь, – вы будете сильны и непобедимы, но если же не будет прочного союза между вами – вас легко победить»¹⁰⁸.

Отражением связанных со священным скифским котлом представлений в нартовском эпосе можно считать котел *Ardamongaë*. Связь образа неизбежного магического изобилия, являющегося «следствием» арты, и идеи взаимной соотнесенности клятвы с ‘мировым порядком’ отражена в осетинских преданиях о волшебных вечно полных котлах или других сосудах в святилищах, где приносились клятвы, залогом нерушимости которых были стрелы как символ ‘божественного арда’, оберегающего договор и карающего клятвопреступника.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Перевод текста Геродота приводится по изд.: ДОВАТУР А. И., КАЛЛИСТОВ Д. П., ШИШОВ И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М. 1982.

² KIESLING M. *Exampriaios* // RE, Bd. VI. Col.1 551.

³ ЖЕБЕЛЕВ С. А. Северное Причерноморье. М.Л. 1958. СС. 317, 339.

⁴ ГРАКОВ Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте (Геродот, кн. IV, гл. 81) // История, археология и этнография Средней Азии. М. 1968. С. 102, 112.

⁵ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976. С. 47.

⁶ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М. 1977. С. 114.

⁷ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 114.

⁸ МИЛЛЕР Вс. Осетинские этюды. М. 1887. Т. III. С. 132.

⁹ MÜLLENHOFF K. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten // MBWA. 1866. S. 554; Deutsche Altertumskunde. Berlin. 1893. Bd. III. S. 105.

¹⁰ VASMER M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde / Hrsg. von H. Bräuer. Berlin. 1971. Bd. I. S. 116.

¹¹ ТРУБАЧЕВ О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6. С. 19.

¹² ГРАНТОВСКИЙ Э. А., РАЕВСКИЙ Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М. 1984. С. 57.

¹³ ВИТЧАК К.Т. Скифский язык: Опыт описания // ВЯ № 5 1992. С. 58.

¹⁴ ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М. 1999. СС. 72, след.

¹⁵ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 114.

¹⁶ ГРАНТОВСКИЙ Э.А. Индо-иранские касты у скифов. М. 1960. С. 6.

¹⁷ АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л. 1949. С. 243.

¹⁸ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. С. 233-236.

¹⁹ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты. Сокр. пер. с фр. М. 1990. С. 98-116.

²⁰ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 92.

²¹ См. РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 91, 92.

²² АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. С. 436.

²³ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты. М. 1990. С.179-181.

²⁴ Там же. С. 180-181.

²⁵ ИНАЛ-ИПА Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Нарты, Ацаны (сборник статей и материалов). Сухуми. 1977. С. 48.

-
- ²⁶ Дебет, 92.
- ²⁷ Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик. 1983. С. 427.
- ²⁸ Кайтмазов СМОМПК
- ²⁹ Ирон адамон сфæлдыстад. Т. I. Ф. 97.
- ³⁰ Там же. Ф. 241-242.
- ³¹ УАРЗИАТИ В. С. Из истории скифо-сакского наследия // Дарьял. 1995. № 4. С.172.
- ³² Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск. 1988. С. 139.
- ³³ Там же. С. 140.
- ³⁴ Там же. С. 144.
- ³⁵ Там же. С. 141-142.
- ³⁶ ГАЛИЕВ А. А. Традиционное мировоззрение казахов. Алматы. 1987. С. 78.
- ³⁷ ГУНДОГДЫЕВ О. Великие полководцы средневековья в истории туркмен. Ашгабад. 1996. С. 29.
- ³⁸ См.: РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 76.
- ³⁹ БАРАХЪТЫ Е. Нæ фыдæлты бынтæ // Мах дуг. 1992. № 9. Ф. 115.
- ⁴⁰ Ирон адамон аргъæуттæ. Т. III. Цхинвал. 1962. Ф. 119-120.
- ⁴¹ ПЧЕЛИНА Е. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки ИЭНКНВ РАНИОН. Т. II. М. 1930. С. 10.
- ⁴² БАЙБУРИН А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. 1983.
- ⁴³ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М. 1977. С. 156, след.
- ⁴⁴ ТРУБАЧЕВ О. Н. «Старая Скифия» (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. № 4. С. 36, след.
- ⁴⁵ ГРАНТОВСКИЙ Э. А., РАЕВСКИЙ Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М. 1984. С. 56-57.
- ⁴⁶ ГАГЛОЙТИ Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе. 1989. С. 14.
- ⁴⁷ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты. М. 1986. С. 177. ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ. 1992. СС. 11.
- ⁴⁸ BAILEY H.W. Ossetic (Nartæ) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. L. 1980. P. 241.
- ⁴⁹ ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ. 1992. СС. 22. НАРМАТТА J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged. 1970. P. 77.
- ⁵⁰ БАРАХЪТЫ Е. Нæ фыдæлты бынтæ // Мах дуг. №5. 1992. Ф. 113.

⁵¹ В. И. Абаев пишет, что «распределение сокровищ между тремя братьями отвечает трем социальным функциям в понимании Дюмезиля (...): шар («держава») символизирует верховную власть, меч – военную активность, ткань – богатство». «Фамильное имя *K'usægon* в самом народе толкуется как производное от *k'us* 'чаша': согласно этногенетической легенде, родоначальнику этой фамилии отец оставил в наследство чашу, от чего он и получил имя *K'usæg*. На этот раз народная этимология оказалась, по видимому, на правильном пути. Согласно известной теории Ж. Дюмезиля, чаша в мифологии и фольклоре индоевропейских народов, в частности, в легенде о происхождении скифов, рассказанной Геродотом, имеет определенное символическое значение, а именно – она является символом первой социальной функции, культовой. Смысл данной легенды состоит, стало быть, в том, что фамилия Кусагоновых представляла культовую функцию, из ее среды вербовались в древности священнослужители, жрецы».

⁵² БЗАРОВ Р. С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX века // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе. 1987. СС. 20, 21, 24-26. ГАГЛОЙТИ Ю.С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе. 1989. С. 23-24, 28.

⁵³ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976. С. 46-47; КУЗНЕЦОВ В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ. 1993. С. 162, след.; УАРЗИАТИ В.С. Из истории скифо-сакского наследия // Дарьял. № 4. 1995. С.172.

⁵⁴ ПФАФ В. Б. Этнологические исследования об осетинах // ССК. Т. П. Тифлис. 1872. С. 131.

⁵⁵ КОКИЕВ Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа. // Архив СОНИИ. Ист. отд. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 110.

⁵⁶ Ирон адамы сфæлдыстад. Т. I. Орджоникидзе. 1961. Ф. 227.

⁵⁷ ГАГЛОЙТИ Ю. С. Осетино-абхазские нартовские параллели // Проблемы нартовского эпоса. Владикавказ. 2000. С. 15,16.

⁵⁸ РИС А. и Б. Наследие кельтов: древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. Пер. с англ. М. 1999. С. 355.

⁵⁹ АБАЕВ В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ. 1990. С. 188.

⁶⁰ МИЛЛЕР В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП. Август 1882. С. 162-163. См. также: ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты (пер. с фр.). М. 1990: 163.

⁶¹ СМОМПК, XXI, 2: 263

⁶² ДЗИЦЦОЙТИ Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ. 1992: 14-15.

⁶³ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты (пер. с фр.). М. 1990: 163.

⁶⁴ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л. 1958. С. 61-62.

⁶⁵ См. ПЕРИХАНЯН А.Г.. Сасанидский судебник. Ереван 1973. С. 545; АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л. 1989. С. 183.

-
- ⁶⁶ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л. 1979. С. 133.
- ⁶⁷ ШАНАЕВ Дж. Присяга по обычному праву осетин // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ. 1992. С. 119.
- ⁶⁸ ШАНАЕВ Дж. Присяга по обычному праву осетин. С. 126.
- ⁶⁹ См., напр.: ШАНАЕВ Дж. Присяга по обычному праву осетин; КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Современный обычай и древний закон. Т. II. М. 1886. СС.; ГАТИЕВ Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. Вып. IX. Тифлис. 1876. Отд. III.
- ⁷⁰ ПЧЕЛИНА Е. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // УЗ ИЭНКНВ. Т. II. М. 1930. С. 9, 47. Прим. 5.
- ⁷¹ РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 163.
- ⁷² Участие соприсяжников или поручителей в процедуре принесения присяги у осетин находит параллель в сообщении Геродота о принесении клятвы у скифов (IV, 70), где помимо клянувшихся в обряде принимают участие достойнейшие из сопровождающих (τῶν ἐλαττένων οἱ πλείστου ἄξιου). (Комментарий к сообщению Геродота о клятве см.: ГРАНТОВСКИЙ Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 150.)
- ⁷³ КОВАЛЕВСКИЙ М. М. Современный обычай и древний закон. Т. II М. 1886. С. 296.
- ⁷⁴ Елгыстытæ // Мах дуг. № 11-12. 2000. Ф. 207.
- ⁷⁵ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976. С.47.
- ⁷⁶ Там же. С.47-48.
- ⁷⁷ ТОЛСТОЙ В.С. Из служебных воспоминаний. Поездка в Осетию в 1847 г. // Русский архив. 1875. № 7. С. 267.
- ⁷⁸ БАРАХЪТЫ Е. Нæ фыдæлты бынтæ // Мах дуг. 1992. № 5. Ф. 113.
- ⁷⁹ Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Книга 2. С. 7-21.
- ⁸⁰ РАЕВСКИЙ Д. С. Модель мира скифской культуры. М. 1985. С. 66-67.
- ⁸¹ АКИШЕВ А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата. 1984. С.44.
- ⁸² Там же. С. 45.
- ⁸³ Там же. С. 45.
- ⁸⁴ Там же. С. 185.
- ⁸⁵ Там же. С. 84.
- ⁸⁶ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Осетинский эпос и мифология. С. 62. Прим. 12.
- ⁸⁷ РАЕВСКИЙ Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средние века. М. 1978; РАЕВСКИЙ Д. С. Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3.
- ⁸⁸ ПОМПОНИЙ МЕЛО. Землеописание. II, 9.
- ⁸⁹ Ср. санскр. *anrta* 'неупорядоченность как лишенность риты', см.: ТОПОРОВ В. Н. Рита // Мифы народов мира. Т. II. С. 384.
- ⁹⁰ АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 152.

⁹¹ ХУБЕЦОВА З. Р. Осетинские клятвенные формулы // Вопросы осетинского языкознания. Орджоникидзе. 1977. С. 70.

⁹² Æлгъыстытæ // Мах дуг. № 11-12. 2000. Ф. 214.

⁹³ АКИШЕВ А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата. 1984. С. 84.

⁹⁴ Там же. С. 102.

⁹⁵ РИС А. и Б. Наследие кельтов: древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. Пер. с англ. М. 1999. С. 355.

⁹⁶ МОНИЧ Ю. В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. 2000. № 6.

⁹⁷ ОГИБЕНИН Б. Л. Из области ведийской мифологии // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 129.

⁹⁸ Если допустить, что котел в Эксампее имел название, также связанное с термином *ard*, как и в случае с *Æрдамонгæ* осетинских нартовских сказаний, возникает вопрос, не объясняется ли геродотова легенда о сборе наконечников стрел Ариантом эллинской попыткой псевдоэтимологического объяснения названия котла через др.-греч. ἄρδις ‘наконечник стрелы’?

⁹⁹ АКИШЕВ А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата. 1984. С. 45.

¹⁰⁰ Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. II. Орджоникидзе, 1961. Ф. 346.

¹⁰¹ Нарты кадджытæ. Дзауджикау. 1949. Ф. 175.

¹⁰² ШАНАЕВ Дж. Нартовские сказания // ССКГ. V. 1871. С. 6. В примечаниях Дж. Шанаев поясняет «Это нартовская задравная чаша; хранится она у фамилии Алæгатæ, у которой обыкновенно бывают все общественные народные собрания, пиры, угощения и проч. (...) Это слово (Нартамонгæ) употребляется также без первого слова (амонгæ)» (*ibid.*, прим. 10).

¹⁰³ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Осетинский эпос и мифология. С. 171.

¹⁰⁴ АКИШЕВ А. К. Указ. соч. С. 19, 20.

¹⁰⁵ БАЙБУРИН А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб. 1993. С. 188.

¹⁰⁶ УАРЗИАТИ В. С. Праздничный мир осетин.

¹⁰⁷ БЛИЕВ М. М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг. Орджоникидзе. 1961. С. 83; УАРЗИАТИ В. С. Дзвгисы-дзуар // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе. 1984. С. 149. Прим. 41.; КОКИЕВ Г. А. Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе. 1989. С. 51.

¹⁰⁸ ЛАТЫШЕВ В. В., Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 268.

SELECTED NARTÆ TALES



THE LEGEND ABOUT NART URUZMAG AND BATRADZ THE SON OF HAMITS

Once old nart Uruzmag was dozing on a stone at nart's Nihas¹. Nart children played ball around nihas and one of them hit the ball, and it in God's will had landed in Uruzmag knee, and he threw the ball. Children were crying, and he had compassion on them. He brought them the ball back, comforted them, and began to play with them. Meanwhile, none of the adults did appear at nihas. Then Uruzmag asked children:

Do you know where our heroes are?

And some of the children said:

A week ago I went to graze our cattle, and saw them at the top of Uaskup, holding the Simd².

And have you heard anything from their conversations – asked him Uruzmag.

Nothing but truly they decided to avoid the old man.

So the boy told. As soon as Uruzmag heard these words, the blood boiled up in him like milk. Hastily he rushed home and sat on his big horse Arphan³. "Let's see how narts' heroes will not allow me to be among them" he said. And he appeared before the narts' youth at the top of Uaskup. He said to them: "Hello, our heroes!" But nobody even looked at him, and everyone danced: the beauty of the two seas looked in the mirror of the heaven, and they danced furiously hoping that she liked someone of them. When they even hardly looked at him, Uruzmag turned the face of Arphan and started to gallop to the girl. Meantime he vowed: "Oh, if only with the help of God, that girl came into my hands, then, although I am old, I would bring her to them, and surely then they would allow me into their midst".

So he rode faster and approached the dwelling of the girl. The girl was sitting on the porch and when she saw an old man riding on a horse, she said to him: "Where do you run, a nice old man?"

Where do I run? , – said Uruzmag, the troops of Avars (the people) are approaching, burning and destroying everything around. My sister is at the top of Uaskup, and I am in a hurry hoping to save her.

Oh, a nice old man, I beg you to take me with you. I'm afraid that those enemies will offend me when they come here, – the girl answered.

I would have gladly taken you, but they are close, and if we ride on one horse they will overtake us and sent back to our eternal life, – said Uruzmag with a kind of sorry.

Then the girl hitched two good shavlokhs⁴ in the chariot and jumped in there with the driver. They departed. Uruzmag was ahead as a counselor on his Arphan, the woman rushed behind, so they drove.

God knows how long they passed, but Uruzmag said to Arphan in a whisper:

Did the dogs eat you? Pretend that you're lame and cannot carry me anymore; maybe she will take me with her.

So strongly Uruzmag wanted to sit next to the girl.

Arphan pretended to be lame and stopped. And then the girl said to Uruzmag:

A nice old man, the savior of my soul, your horse is no longer in force, so sit with me in the chariot.

Uruzmag tied his horse next to other horses and sat down next to the girl. They were going off road, and when the chariot listed on its side, Uruzmag leaned against the girl. And with each touch a black hair appeared in the white beard of Uruzmag. Thus, while they reached the top of Uaskup, the white beard of Uruzmag became dark black.

Finally they stopped at the top of Uaskup. When the girl did not see a woman among the Narts, she realized that Uruzmag had deceived her. She tried to turn back, but that wild breed of people forced her to stay. Thus, she had no choice, and she stayed there. Then Soslan danced to her and said: Please, dance with me!

The girl didn't even look at him and said:

– I can't dance with you, because you're too stubborn man.

Then Hamits danced to her: Then dance with me!

I can't dance with you too, because you're too old and besides you do not wear the shoes made from pig skin.

Then Subali danced to her, but she also said to him:

I can't dance with you too: you have a woman's tongue⁵.

After all Batradz danced to her:

Shame of you! Why are you disgusted? Come, now, and dance with me!

The giant Kandzargas took your grandfather Alag to the Black Sea coast for a shepherd, and if you returned him, then I would have gladly danced with you.

Batradz urged his comrades to witness, and then went in search of his grandfather Alag to the Black Sea. God knows, how long he was looking for, but finally he reached the domain of Kandzargas and found Alag to be goatherd in one place.

Let your cattle multiply, the old man!

Long life to you!

Who are you? Who made you a shepherd of goats?

I'm a nart man. Kandzargas took me during the battle and now I am tormented here. What about you? What a sun and what a storm that brought you here?

Hey, Grandpa, Grandpa! Batradz said, I'm a nart kind man too and came to look for you!

What nart kind are you? Why are you deceiving me? Not a living soul survived of narts. Come here and if you are nart kind I'll find out. And Batradz approached him closely. Alag held his hand on him and of cast of his body became convinced that Batradz was nart kind man. Then Alag said: "I am glad that our kin still exists. But I beg you, go away from here. You won't be able to fight Kandzargas and he will kill you".

Do not tell me such words any more, Grandpa! I will not leave this place until I kill your enemy and take you home; – Batradz angrily said and went to the house of Kandzargas. He burst into the house and found Kandzargas lying. He sat down on him and grabbed his two ears. And Batradz said: "Say farewell to this world! I'll kill you because you offended my grandfather so long.

Oh, for the sake of your mother and your father, do not take my sin on your soul, I'll give you all my wealth.

Batradz did not listen to him. He drew his sword and cut off the giant's head. Then he opened the seven pantries of a giant and took all his wealth and his cattle. Then he bathed Alag in the milk lake and Alag became like a bridegroom.

Thus, two nart's men appeared on the top of Uaskup before the nart's heroes. How could they not be happy!

God knows how much they rejoiced. Then the beauty of two seas stepped forward, and Batradz danced with her. They liked each other and they reached out their hands among nart people.

As of today, we'll be the husband and the wife, – they said.

Then Batradz divided into three parts the cattle, which he had driven with Alag and said to Uruzmag:

Uruzmag, you're a senior man, but I dare to address you and thank you warmly. That's the cattle, which I divided into three parts; two parts of it let them be yours: one part especially for you, the other -my part, on account of dowry. Alag will have his own part of it.

Uruzmag said nothing and took the two parts of the cattle of Kandzargas. Thus, narts thanked each other on the top of Uaskup and went home.

¹ Nihās – the place where men usually gathered and talked

² Simd – the famous narts' mass dance

³ Arphan – the name of the famous horse of Uruzmag

⁴ Shavlokh – the horse of the famous Kabardinian breed

⁵ Literally "the woman's mouth"

Tamerlan A. GURIEV

WHAT'S BEHIND AN EPIC NAME

The heroic Ossetian epos Nartiad is, undoubtedly, one of the oldest folk epics in the world. It has come down to us from times immemorial in two forms – in the form of kadags (epic songs, sagas) and tales. The roots of epos go back to Scythian times, but some plots, names of heroes and gods of the epos are of Aryan and even Indo-European origin.

A number of Caucasian peoples have their national versions of the epos, but its core is, as it was proved by Vsevolod Miller, Georges Dumesil, Vasily Abaev and other renowned scholars, Ossetian (Alanian).

Makharbek Tuganov was the first who noticed that Narta had had three social groups. His observation had a far-reaching effect. Later, professor G. Dumezil proved that this tripartite structure of society was characteristic of Indo-Iranian (Aryan) community and, still later, he came to the conclusion that the tripartition was an Indo-European feature.

Nartiad retained these features of Indo-European ideology. The Narta society consisted of three groups: the caste of the wise or priests (Alagata), the caste of warriors (Akhsartaggata) and the caste of cattle-breeders and cultivators (Borata). These three groups incessantly fought with each other for supremacy and, at last, the Akhsartaggata came out victorious.

The exceptional antiquity of Nartiad is supported by solid facts. The term kadag itself is undoubtedly of Aryan origin; cf. Sanskrit **gatha** "story", "legend", **gathika** "an epic song", "verse", etc.

Among the theonyms there are "pure" Aryan names. Afsati – god of wild Animals – is widely known in Aryan world; cf. Indian **Pashupati** "Lord of Wild Animals". Undoubtedly, the patron of Wild Animals was known throughout the Scythian World. For instance, on a large gold pendants from one of Afghanistan burials they found the type of «Mistress of Animals» which attracted the attention of Swati Ray, an expert in Scythian archeology (India). The name of the Scythian main goddess **Tabiti** of Herodotus (5th BC) has also

an old Indian analogue – **Tapati** "Heat", "the Hot One". Tapati was one of the daughters of the Sun-god, Suriya. In modern Nartiad **Safa** < **Tapati** is a masculine protector of Hearth.

The name of Zarathushtra's family was **Spitama**. According to popular tradition, one of the forefathers of Ossetic people was **Spitama** > **Sidamon**. Professor V. Abaev thinks that Spitama was a Scythian.

* * *

One of the most conspicuous figures in Nartiad is Acamaz. He was a masterful player on the golden flute, which the Lord of Wild Animals Afsati had given his father. The historic prototype of this hero was Atamaz/Attamaz "Atei the Great". The latter was the most celebrated ruler of Scythia who reigned over his country for several decades. Gold coins with his name and portrait were in circulation for a long time. Ancient writers assert that Ateios captivated the famous Greek musician Ismenius, who used to play and sing at his court. In 339 BC the recalcitrant old warrior fell in a pitched battle. He was then ...90 years old. I maintain that Atamaz/Attamaz became a hero of popular songs and ballads and, later on, an epic hero, i.e. Acamaz.

One of the celebrated heroes of the Caucasus was Soslan. He was a well-known military leader and consort of Georgian ruler Tamar (12-13 cc). Later, Soslan became an epic hero, one of legendary Narta guppursars (axis lords, leading figures). Moreover, he was a protégé of the main god Safa (goddess?) and heavenly court. Accordingly, the celestials presented him with valuable gifts. (Another Scythian-Nartan common motif!)

One of the oldest kadags in Nartiad is "How Satana Became Uruzmag's Wife". It's about incest marriage of Uruzmag and his sister – sorceress Satana. The initiative of the marriage was with Satana. When Uruzmag found out that he had spent the night with his sister, he was deeply depressed. He thought that henceforth they would be a laughing-stock in Nartistan. So, Satana decided to bring relief to his brother-husband. She advised him to circumride the Narta village three times on an ass with his back to front, and bring an account of his observation. When people saw their leader in this wise they started roaring with laughter. His second ride they met rather indifferently. When Uruzmag appeared for the third time the people began to grumble at the foolery of their leader. Having returned home, Uruzmag gave Satana an account of what he had seen and heard. The sister told him that their marriage would be a subject of gossip only first days, that later it would be clean forgot.

Satana's words proved prophetic.

Sonya Fritz and Jost Gippert think that the story of Satana and Uruzmag go back to the period of Indo-European matriarchy. Cf. Indian Yama and his

twin-sister Yami. When Yama declined his sister's claim she forcefully asked: "Please embrace me, for we two are only human beings and if have no children, there will be no one left when we die". (The same motif is in old Iranian folklore: twins Yima and Yimak are also a married couple).

One more example. Satana went to the relatives of her mother to give birth to a boy. (Another feature of matriarchy!) Uruzmag had not the slightest idea of it. Later, father and son met and their meeting appeared fatal to the son. (Cf. the story of Persian Rustam and Suhrab in "Shah-Name" by Firdousi, the first genius among the seven masters of the Persian Parnassus, as R.W. Emerson states).

I have mentioned only several plots and themes of Aryan and Indo-European origin out of many. I am sure that the old Iron – Ossetic kadags are an invaluable source for students of comparative folkloric studies.

* * *

The stormy events of the 13th century in Mongolia produced a great effect on the Alans of different regions, the bulk being in North Caucasus. (The Alans of other regions, in forms of national pockets around the Black sea, the Aral sea, Lower Volga, North Caucasus etc).

At that time the situation in Alania was aggravated by internecine contradictions and endless quarrels of princes. Later, during the Mongolian expansion, many Alanian feudal nobles deserted to the invaders to preserve their class interests. Generations of those nobles and their subjects faithfully served the Mongolian khans. The other Alans, according to Plano Karpini and Rubrouck, continued their courageous fight for their independence. For instance, the Mongols besieged an Alanian fortress and couldn't capture it during twelve years.

As to the pro-Mongolian Alans, we can state that they took part in many military operations in East and West. It's worthy of note that during Monke's reign "la Garde du Khan fut formée de 1 000 cavaliers Alanes", professor Georges de Roerich says. – si l'on concidère la sévérité au recrutement de cette Garde; ce choix fut un honneur exceptionnel".

The Asuds of today's Mongolian nation are the descendants of the military forces of those far-off days,

I've given these brief data in order to show the complexity of relations between Mongols and Alans (Assi, Asud).

The Chinese chronicles give ample material on Alans in Mongolian empire. Some of them held high administrative and military posts. Later, they were incorporated into the right wing of the Mongol nation (baraghun ghar) that is among the West Mongol tribes.

The subsequent fate of Alans (Asuds) in Mongolia is most interesting but it must be considered separately.

The Mongolian influence on Alanic folklore, language and customs is rather perceptible. Generally known epos Nartiad is an evidence for this statement.

In Nartiad we have found a number of Mongolian names. Some of them are historical names, the others were assimilated with the borrowed Mongolian legend of Genghis-khan's origin.

The names of the first group deal with well-known Mongolian leaders. These are **Qandzargas** <Mong. **Khan Genghis**; **Sainag-aldar** <Mong. **Sainkhan** (Batu); **Balgha** <Mong. **Berka** (Batu's brother); **Tari furt Nokar** < Mong. **Tatar's son Nokay**. The origin of the first two epic names was explained by professor V.Abaev. The etymologies of other names were substantiated by the author of these lines,

It is understandable that epic songs do not expound the history as it was, and the historic names in epic songs do not picture their bearers' exploits realistically. Epos depicts historical heroes and their exploits in accordance with the ideological and aesthetic needs of the society at the given epoch.

The Sacred Legend of Mongols compiled in the 13th century is one of the most important historical memorials, and it expounds the history of Mongols and glorifies Genghis-khan and his family.

One of the most interesting characters in Nartiad is above-mentioned Qandzargas < Khan Ghengis, a winged giant with seven heads. As the ruler of Universe, he flies all over his domain, kidnaps beautiful maidens to keep them as prisoners. He is depicted as a heartless tormentor who sucks the blood of his beautiful captives.

Once young Narta hero Batradz went out in search of Qandzargas. He found him sleeping; two beauties were sitting around him with fans. They warned him that their tormentor was practically weapon-proof: the giant could be killed only with his own sword, which was kept in a chest with a secret lock. Batradz addressed the chest in Khatiag (Chinese) and it opened. The hero snatched the magic sword of Qandzargas and dealt him a mighty stroke. It severed the giant's six heads from his body, but the seventh head reproved Batradz for his ignoble action:

Oh, illustrious Batradz, – he said, –
You shouldn't strike a sleeping man!
The young hero made of attempt to clear himself.
– That is true, – answered Batradz,
But you offended Narta terribly,
And I couldn't bear it any longer.

Then Qandzargas entreated his opponent to do him a favour and cut his last head off. The latter said that his clan's custom was to strike only once.

As we've seen, Qandzargas is blamed for kidnapping and torturing maidens. This motif is widely-spread and we think it had existed in Alanic tales long before the Mongolian expansion. In this Narta kadag (epic song, saga) the illustrious hero's assault is qualified as an un-knightly action and Batradz admits it, but excuses himself by saying he could not restrain himself. (A lame excuse!) It is interesting to note that Batradz killed Sainag-aldar < Sayin-khan, i.e. Batu in the same wise. It's an ordinary way of dealing with enemies in folklore: if the adversary happens to be invincible, he has to be overcome by magic, sorcery, deceit etc.

* * *

As we have seen, in Alanic (Ossetic) kadags there are a lot of names of different origin. These names are meaningful in their own way. However, one shouldn't forget that the epic proper-names belong to art and aesthetics, not to History. But if a student of History ignores the names of olden days, he will lose the opportunity to comprehend ... the Truth of History.

РЕЦЕНЗИЯ

СКИФСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИСКУССТВЕ ИНДИИ

*(Заметки о книге Swati Ray «Scythian Elements in Early Indian Art».
New Delhi, 2009)*

Впервые Свати Рой дебютировала с темой «Scythian Elements in Early Indian Art» в 2001-2003 гг. в альманахе «Горный ветер», издаваемом Союзом профессиональных литераторов РСО-Алания (1). Эта работа привлекла внимание ученых разных направлений.

Автор рецензируемой книги известна своими разносторонними интересами. Она специалист истории Древней Индии, музеевед, пианистка и т.п. Свободно владеет рядом иностранных языков, в том числе русским. Живет и работает в Калькутте.

Хотя заглавие книги предполагает показ скифских элементов в раннеиндийском искусстве, мы убедились, что Свати Рой создала панорамную картину скифского влияния на многоцветную культуру Индии.

Работа состоит из вводной статьи и пяти глав: «Скифия и Шака»; »Шака и шака-пахлава на индийском субконтиненте»; «Сага о скифосакском искусстве»; «Шака-скифское и индийское искусство»; «Влияния в позднеиндийском искусстве».

Книга Свати Рой богато иллюстрирована.

Автор много внимания уделяет проблеме миграций арийских племен в страну, которая стала местом их постоянного обитания. Видимо, из среды первых мигрантов вышел и великий Будда, которого называли Шакьямуни «Скифский мудрец». Впрочем, мы должны учитывать, что индоиранские племена имели много общего. «В Древней Индии очень многие представления восходят к эпохе индоарийского единства, – писали Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин. Как для ведийской, так и для древнеиранской религии были характерны сходные культы огня, предков, использование при важнейших жертвоприношениях напитка сома (у иранцев хаума). Немало параллелей можно найти и в религиозной терминологии. Особенно интересны с о в п а д е н и я целых словосочетаний, главным образом жертвенных формул» (2).

Номады-скифы, пришедшие в начале нашей эры в Индию, разделили судьбу многих других кочевников. Они сравнительно быстро смешались с аборигенами и ассимилировались в их среде. Этому способствовали, очевидно, языковые и культурно-исторические традиции новых мигрантов, которые мало отличались от языка и культуры «старожилов»-ариев. Это, конечно, не означает, что новые индоскифы так же быстро забыли свои традиции. В частности, они принесли с собой знаменитый звериный стиль в искусстве, который ранним ариям был неведом.

Профессор Свати Рой рассматривает накопленный ею огромный материал артефактов в определенной последовательности: предметы быта, конское снаряжение, орнаменты и оружие.

С удовлетворением отмечаем, что профессор Свати Рой ввела в научный оборот новые и в высшей степени интересные материалы, добытые ею в разных регионах страны. Эти материалы существенно пополняют наши знания об индоскифской культуре. При этом автор пользуется принятым в науке простым, но вполне надежным методом сравнения, в данном случае – индоскифских образцов с соответствующими скифскими экземплярами их других регионов.

Приятно также отметить, что в фокусе внимания индийской коллеги оказались и труды нашего земляка Баграта Техова, стараниями которого археологическая культура Тли, демонстрирующая поразительную полиступенчатую стратиграфическую шкалу, стала достоянием мировой науки (3). Любопытно, что профессор Свати Рой окрестила эту культуру термином Тли-Баграт! (См. СС. 28, 29 и др.)

Нет, вероятно, надобности останавливаться на всех вопросах, поставленных и решаемых автором книги. Обратим внимание читателя на некоторые интересные темы в ней.

Автор книги останавливается на конском снаряжении. Известно, что у скифов было особое отношение к коню. Хотелось бы напомнить слова М.В.Алпатова о том, что «искусство греков служило для украшения храмов, а искусство скифов – для украшения боевого коня» (4). Автор книги наглядно показывает сходства в конском снаряжении скифов разных регионов Евразии. Позволим себе проиллюстрировать сказанное примерами:

«Some of the Taxilan bronze buckles and other horse trappings are similar to the trappings found from the Suglug-Khem burial»; «The iron horse-bits from Taxila reveal a remarkable similarity with the horses» bits found from Filippovka kurgan 6»; «...buckle-plates (from Taxila. T.G.) are comparable to those from the Otonkon hoard»...(PP. 87-88). Полагаем, что приведенные примеры красноречивы и в комментариях не нуждаются.

Значительный интерес представляет, на наш взгляд, яркий образ Владычицы животных у скифов разных регионов. В свое время С. С. Бессонова писала, что образ бога животных у скифов Восточной Европы встречается в двух ипостасях – женском и мужском (5). Тем самым, С. С. Бессонова показала, что в среднескифскую эпоху Владычица животных теряла свои позиции, переходила в разряд мужских божеств. А вот что пишет Свати Рой: «Represented on large golden pendants from burial 2 at Tillya-Tepe was the type «Mistress of Animals» (P. 80).

Создается впечатление, что восточные скифы были более консервативны, чем их собратья, потомки которых – аланы/осетины – сохранили это божество в мужской ипостаси. Это Аѳсати/Апсати «Хозяин скота»; ср. индийское Пашупати «Lord of wild Animals», быв. «Mistress of Animals»(6). Мимоходом заметим, что процесс превращения женских божеств в мужские (попутный эффект торжества идеологии патриархата!) сказался не только на судьбе Владычицы животных.

Терракотовые предметы, обильно представленные в индийском искусстве, привлекли повышенное внимание индийской коллеги. И это вполне оправдано. Они, как нам показалось, могли бы стать предметом специального исследования. На с.110-111 книги дается описание терракотового медальона из Шахабада, штат Уттар-прадеш. На нем изображена смертельной схватки мужчины со зверем. Эта сцена как бы повторяет известные скифские мотивы. Как пишет автор, головной убор выдает его скифско-сакскую природу.

Особое внимание уделяет Свати Рой скифскому одеянию. Она сравнивает образцы индоскифских костюмов из разных регионов и показывает их стилистические особенности.

Известно, что в скифском мире особо почитаемыми были рогатые животные – олени, бараны и т.п. В скифско-сибирском зверином стиле они занимают одно из доминирующих мест. Они стали своеобразными фирменными знаками и в индоскифском искусстве. Свати Рой замечает, что ювелиры Кашмира, Ладаха и близлежащих районов в своих произведениях следуют скифо-сибирско-сакским традициям (С. 106). Вот как автор характеризует ожерелья из Ладаха: «They consist of silver ornaments set with turquoises together with two rows of coral beads and silver pendants on two threads. They have a striking compositional similarity with the Saka/Scythian jewellery, like the necklace... from Tillya-tepe» (P. 106).

В сармато-аланской батальной традиции исключительное место занимало знамя в виде дракона. Об этом довольно подробно пишет английский автор Говард Рид (7). Образ дракона не чужд и искусству индоскифов. Автор рассматриваемой книги дает краткое описание местного ана-

лога как «a dragon (macara) with foliate tail and crest, and upraised trunk – like snout, – similarly, betray elements of nomadic art» (P.104).

Скифское воздействие на индийское искусство не потухло с ассимиляцией скифо-сакских племен, теперь уже индоскифов, в местных средах. Это хорошо показано в последней главе книги Свати Рой.

Завершая свое исследование, автор выражает надежду, что работа над данной темой будет продолжена. Она пишет: «The scope of further elaboration in this issue is amazing and requires refinement of assemblage, analysis and interpretation of the stylistic factors in search of a more coherent picture» (P. 119).

Надеемся, что так успешно начатая работа будет иметь свое столь же успешное продолжение.

Известный индийский автор Нирад Чаудхури в своей книге «The Continent of Circe. An Essay on the Peoples of India»(8) обратился к образу волшебницы и обольстительной красавицы греческих мифов Кирки (лат Цирцеи), которая очаровывала всех, кто оказывался на ее родном острове Эа. Даже находчивый и хитроумный Одиссей вынужден был согласиться с ее условиями, чтобы со своими спутниками вернуться домой.

Волею судьбы в Индию мигрировали многочисленные племена, и они навсегда оставались здесь. Их культуры переплелись и составили удивительную мозаику. Свои краски в это многоцветье внесли и скифо-сакские племена.

ЛИТЕРАТУРА

1. RAY, Swati. Scythian Elements in Early Indian Art.//“Mountain Wind”, N. 2-3. Vladikavkaz, 2001.
2. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ИЛЬИН Г. Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 177. (Разрядка моя. – Т. Г.)
3. ТЕХОВ Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
4. АЛПАТОВ М. В. Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987. С. 32.
5. БЕССОНОВА С. С.Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 88.
6. См.: ГУРИЕВ Т. А. Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991. С. 4.
7. REID, Howard. Arthur the Dragon King. The Barbaric Roots of Britain’s Greatest legend. London, 2001.
8. Nirad CHAUDHURI. The Continent of Circe. An Essay on the People of India. New Delhi, 1987.

Т. А. ГУРИЕВ

Издательство “Проект-Пресс”, 362003, г. Владикавказ, пл. Свободы, 5.

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными диапозитивами в ОАО
«Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева».
362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16. Тел.: 76-99-11, 76-81-97, 74-24-23.